

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ
СЛАВЯНСКИХ
И БАЛКАНСКИХ
НАРОДОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт славяноведения и балканистики

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ
СЛАВЯНСКИХ
И БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ.
ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

КИЕВСКАЯ РУСЬ
И ЕЕ СЛАВЯНСКИЕ СОСЕДИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1972

Редколлегия:

В. Д. КОРОЛЮК (отв. редактор),
Г. Г. ЛИТАВРИН, Е. П. НАУМОВ, А. И. РОГОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник — первый сборник статей и материалов, подготовленный сектором древней истории и средних веков Института славяноведения и балканистики АН СССР (сектор этот образован в сентябре 1970 г.). До того проблематика средневековой истории западных и южных славян разрабатывалась в секторах истории феодализма и капитализма и истории славяно-германских отношений¹. Оба сектора активно участвовали в издании серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы»².

Большая работа, проделанная в рамках Института славяноведения в области истории славянского средневековья в 1947—1970 гг., подготовила создание особого сектора, специально занимающегося проблематикой древней и особенно средневековой истории. Происшедшая в 1970 г. реорганизация Института славяноведения в Институт славяноведения и балканистики вместе с тем существенно расширила задачи соответствующих исследований. В новых условиях они должны охватывать целиком проблематику двух европейских регионов — Центральной Европы и Европы Юго-Восточной. Тем самым не только расширился территориальный масштаб исследований, но возникли и совершенно новые проблемы, связанные с исследованием средневековой истории Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании, Греции, европейской Турции. Важное место в них, наряду с разрабатывавшейся ранее проблематикой образования раннефеодальной государственности, классовой борьбы феодально зависимого крестья-

¹ Помимо многочисленных монографий работы по славянскому средневековью публиковались в следующих изданиях: «Ученые записки Института славяноведения» (в 1948—1966 гг.), «Краткие сообщения Института славяноведения» (в 1951—1964 гг., № 1—43), журнале «Советское славяноведение» (с 1965 г.), а также в сборниках по славянскому источниковедению и историографии («Славянский архив», вып. 1953—1963 гг.; «Славянское источниковедение», 1965, и др.); сборники по истории славяно-германских отношений («Славяно-германские исследования»).

² До сих пор в этой серии вышли: «Хроника и деяния князей или правителей польских» Галла Анонима (1961), «Гуситская хроника» Лаврентия из Бржезовой (1962), «Чешская хроника» Козьмы Пражского (1962), «Славянская хроника» Гельмольда (1963) и «Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности» (1970).

яинства и историей города, международных отношений, межславянских культурных связей и др., должны занять вопросы славяно-византийских отношений, экономических и культурных связей славян с неславянскими странами Центральной и Юго-Восточной Европы, проблемы славяно-турецких отношений и образования в Центральной и Восточной Европе многонациональных государств.

Расширение региона исследований позволяет поставить в достаточно представительной мере вопросы изучения тематики феодализма в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе, организовать на этой основе сравнительно-исторические разработки.

Решительно изменились и хронологические рамки ведущихся исследований. К исследованиям собственно средневековья прибавился огромный круг проблем, связанных с изучением вопросов славянского этногенеза, образования раннесредневековых народностей, этногенеза и этнической истории народов Балканского полуострова и Карпато-Дунайского региона, переселения славян на Балканы и в Среднее Подунавье.

Эти новые явления в нашей работе, естественно, нашли отражение в настоящем сборнике. Будучи посвящен главным образом проблематике исторических связей Киевской Руси с другими славянскими странами, он, естественно, захватил и проблематику предшествующего периода, важную как для изучения происхождения самой Киевской Руси, так и для некоторых вопросов происхождения восточного и южного славянства. Тем самым понятно и желательно участие в этом сборнике, как и других изданиях такого типа, широкого круга советских и зарубежных специалистов по истории, археологии, этнографии, истории литературы, искусства, культуры, языка.

В апреле 1972 г. исполнилось 90 лет со дня рождения выдающегося отечественного историка академика Бориса Дмитриевича Грекова, внесшего огромный вклад вместе с академиком В. И. Пичетой в дело возрождения в СССР историко-славистических исследований, их развитие. Принципиальное значение для нашей славистической науки имели основополагающие труды Б. Д. Грекова по истории Киевской Руси, истории крестьянства на Руси. Б. Д. Греков был автором больших работ по истории западных и южных славян в эпоху средневековья и посвященных памятникам феодального права южных и западных славян. Борис Дмитриевич был первым директором Института славяноведения. Светлой памяти академика Бориса Дмитриевича Грекова посвящает коллектив сектора древней истории и средних веков Института славяноведения и балканистики АН СССР свой первый коллективный труд, труд, посвященный главным образом столь близкой сердцу нашего общего учителя Киевской Руси.

В. Д. Королюк, Е. П. Наумов

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И НАРОДНОСТЕЙ СЛАВЯН ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Думается, что прежде чем перейти к характеристике формирования раннефеодальной государственности у славянских народов Восточной и Центральной Европы, следовало бы несколько слов посвятить объяснению причин, по которым в настоящий момент представляется более целесообразным ограничиться главным образом материалом восточных и западных славян, не прибегая к сопоставлению их развития с соответствующими процессами у славян южных. Это не значит, конечно, что сопоставление такого рода не представляется автору этих строк интересным и даже в высшей степени необходимым. Как раз наоборот. Особенности сохранившихся по истории раннефеодального периода источников южнославянского происхождения таковы, что привлечение их для анализа и даже реконструкции некоторых важнейших общественных и государственных институтов исследуемой эпохи кажется совершенно обязательным. Об этом хорошо свидетельствуют некоторые работы советских славистов-медиевистов, особенно по истории раннефеодальной Хорватии и Сербии¹.

И тем не менее для действительно полного и всестороннего сравнительно-исторического анализа процессов становления феодальных отношений и формирования раннефеодальной государственности у восточных и западных славян, с одной стороны, и у южных — с другой, по всей видимости, не пришло еще время (речь не идет, разумеется, о возможности привлечения южнославянского материала для анализа отдельных явлений общественной жизни восточных и западных славян). И дело здесь прежде всего в том, что исходные условия, в которых начинались эти процессы в Центральной и Восточной Европе и в Европе Юго-Восточной, были существенно различны. В отличие от восточных и основной массы западных славян у славян южных

¹ Ср.: Ю. В. Бромлей. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964; В. П. Грачев. Термины «жупа» и «жупан» в сербских источниках XII—XIV вв. и трактовка их в историографии. «Источники и историография славянского феодализма». М., 1967; он же. Из истории изучения славянских средневековых институтов. УЗИС, т. 29, М., 1965.

процессы генезиса феодализма, становления государственности и формирования средневековых народностей были связаны, пусть и не в одинаковой мере, с процессами социально-экономического и этнического синтеза античности и варварства. В настоящее время очевидно, что уже нельзя изучать южнославянское раннее средневековье в полном отрыве от проблемы античного наследства, исходя из того предположения, что славяне, заселявшие Балканский полуостров, столкнулись здесь фактически с полным культурным вакуумом. Такого вакуума, как полагали еще недавно некоторые наши болгаристы², не было. Не было его не только в этническом смысле, как это было очевидно ранее и как это хорошо показали последние исследования этнографов, констатиовавшие заметное влияние местного балканского этнического субстрата на развитие южнославянских народов³, не было его и в смысле культурном. В последнем случае особенно большой интерес представляют некоторые новые исследования болгарских историков и археологов. Правда, в центре их внимания находятся не столько проблемы античного наследия, сколько сравнительно-историческое изучение славянского и протоболгарского вклада в болгарскую культуру раннего средневековья⁴, однако и по интересующей нас проблеме античного наследия были сделаны некоторые существенные наблюдения, позволяющие говорить об элементах синтеза античности и варварства на территории Болгарии в области материальной, прежде всего строительной культуры. При этом нельзя не отметить, что соответствующие исследования имеют пока сравнительно локальный характер. Изучаются главным образом большие строительные комплексы в Плиске, Преславе, Мадаре, а также раскопанном недалеко от Плиски так называемом ауле «царя Крума». В меньшей степени вопрос этот изучен на примере средневековых поселений чисто земледельческого типа. Сложным представляется и вопрос о соотношении античного наследства с фактором византийского влияния на территории раннефеодальной Болгарии.

К сожалению, применительно к другим территориям южно-славянства вопрос о характере и значимости античного наследства изучен еще более слабо.

И тем не менее нельзя не констатировать того очевидного факта, что для юго-востока Европы, для южных славян реше-

² См.: «История Болгарии», т. I. М., 1954, стр. 60—63.

³ В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей. К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей. СЭ, 1968, № 2, стр. 36—38.

⁴ Ср.: С. Михайлов. Строителните периоди и произходът на старобългарската монументална архитектура. «Археология» (София), 1964, № 2; А. Милчев. По въпроса за културата на славяните и прабългарите в нашите земи през раното средновековие. Там же; С. Станчев. Славяни и прабългари в старобългарската култура. Там же, 1964, № 4.

ние проблемы социально-экономического и культурного синтеза античности и варварства в процессе становления феодального способа производства является одним из ключевых вопросов исследования. А то обстоятельство, что вопрос этот сравнительно детальнее исследован применительно к Византии⁵, в то время как применительно к ее славянским соседям все еще существует только в плане постановки проблемы, ни в коей мере не может вызвать удивления, тем более если учесть, что и по отношению к Западной Европе, прежде всего к франкам, где состояние источников гораздо более удовлетворительное, вопрос этот решается преимущественно только в плане констатации синтеза. Исторический механизм синтеза античных и варварских социально-экономических и этнических элементов и здесь практически очень слабо изучен. Возвращаясь к южным славянам, следует заметить также, что на особенностях их развития в раннефеодальный период не могло не сказаться близкое соседство с Византией. Если признание Юго-Восточной Европы одним из очагов социально-экономического и этнического синтеза античности и варварства можно в известной мере считать общим местом нашей историографии, то попытка типологически расчленить этот обширный регион была предпринята лишь в самое последнее время. К так называемому уравновешенному типу синтеза, где позднеримские и варварские начала участвовали в становлении феодализма «примерно в одинаковой пропорции», был отнесен подрегион, включающий территорию Сербии и Хорватии. Европейское владение Византии и частично территория Первого Болгарского царства были соответственно отнесены ко второму подрегиону синтеза, для которого характерно преобладание элементов позднеримского развития⁶. Нужно сказать, однако, что если отнесение европейских владений Византии к региону синтеза с преобладанием элементов позднеримского развития не вызывает сомнений, то характеристика первого региона как очага «умеренного» синтеза представляется слишком поспешной. Дело в том, что для региона этого отнюдь не показательна непрерывность античного континуитета, а этнический синтез развивался здесь совсем иным путем, чем в других европейских регионах «умеренного» синтеза. В ходе этнического синтеза победили пришлые (в основном славянские) элементы.

Обстоятельства эти и побудили выделить Балканы (исключая европейские владения Византии и Далмации), а земли паннонских славян и словаков в особую контактную зону, которая

⁵ З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, стр. 44—61, 70—79, 165—194.

⁶ З. В. Удальцова, Е. В. Гутнова. Генезис феодализма в странах Европы. М., 1970 (XIII Международный конгресс исторических наук), стр. 3, 11—14.

на севере и востоке была ограничена территориями Моравии и Южной Польши, современной Молдавии и юго-западными украинскими землями⁷.

Для контактной зоны были характерны особые пути этнического и социально-экономического синтеза, в котором участвовало как местное, так и пришлое земледельческое население, пришельцы-кочевники и автохтонное пастушеское население. Длительный процесс взаимодействия кочевого, земледельческого и пастушеского хозяйства и культуры наложили глубокий отпечаток на весь процесс формирования здесь государственности и народностей. Элементы культурного синтеза варварства и античности, несомненно, были в контактной зоне, но они нарастали в направлении с востока на запад и с севера на юг. Соответственно в самых общих чертах нарастали и отличия в процессах формирования государственности между восточно- и центрально-европейским бессинтезным регионом и контактной зоной. Активная политическая роль кочевого элемента оказывала огромное воздействие на развитие этих процессов, как и процессов формирования народностей⁸.

Таковы в самых общих чертах обстоятельства, обусловившие особый по сравнению с западным и восточным славянством путь раннефеодального развития южных славян.

Переходя теперь непосредственно к теме исследования, думается, логичнее всего начать с того, чтобы обрисовать положение, сложившееся в историографии в связи с определением начальной грани раннефеодального периода в истории Центральной и Восточной Европы, попытаться на основе существующего объема источников охарактеризовать возможное решение этого вопроса.

Хотя в определении начальной грани раннефеодального периода в истории славянских народов и не существует особенно крупных разногласий между исследователями, остается фактом весьма условный и, разумеется, только приблизительный характер предлагаемой в литературе датировки перехода западных и восточных славян на пути феодального развития. Дело не только в том, что речь идет о сложном и длительном процессе формирования классового общества и соответствующих ему форм общественной организации, таком процессе, в котором только медленное количественное накопление элементов новых отноше-

⁷ В. Д. Корольюк. Особенности становления феодализма и формирования раннефеодальных государств в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе. ССЛ, 1970, № 5.

⁸ Более подробно на особенностях исторического развития этой контактной зоны в VI/VII—XI вв. автор останавливается в работе: «О так называемой контактной зоне в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья». Сб. «Юго-Восточная Европа в средние века». Кишинев, 1972. Нам представляется, что выделение особых контактных зон могло бы оказаться перспективным и при изучении аналогичных процессов на Кавказе, в Передней и Средней Азии.

ний подготавливало действительно решительный качественный скачок. Дело еще и в том, что имеющиеся в распоряжении исследователей источники именно для достаточно отчетливого установления периода такого качественного скачка оказываются совершенно недостаточными. Археологические памятники, характеризующие материальную культуру славян V—VII вв., обследованы пока еще только весьма фрагментарно⁹, не говоря уже о том, что само по себе изучение материальной сферы жизни общества не всегда дает право для окончательных суждений о формах организации общественного производства и общественных отношений рассматриваемого социального организма. Что касается духовной культуры славян V—VII вв., включая их религиозные представления, то по археологическим источникам соответствующего периода она практически вообще не может быть реконструирована. Но главным все же является фактическое отсутствие письменных источников, способных осветить качественные, эпохальные социальные сдвиги в развитии восточнославянского и западнославянского общества V—VII вв.

Таковыми источниками могли бы быть прежде всего юридические памятники, записи древних славянских правд, либо пространные описания обычаев, быта и культуры славян писателями-иностранцами, побывавшими в славянской среде или собравшими сведения о восточных и западных славянах из первых рук, со слов очевидцев. К сожалению, именно такого рода источников, на основании которых историки судят о социальном строе германских народов или отчасти переселяющихся на Балканы южных славян, в распоряжении исследователя, занимающегося начальными этапами становления раннефеодального общества в славянской Восточной и Центральной Европе, нет. Нужно учитывать при этом, что такого рода источников не могут заменить ни появляющиеся с VII в. упоминания о славянах в произведениях западного летописания, ни отрывочные до X в. сообщения восточных авторов^{9а}. И дело здесь не только в том, что анализ применяемой в этих источниках для характеристики общественных отношений терминологии не может дать достаточно точных результатов, так как всегда остается возможность, что, прибегая к определениям «король», «знать», «старейшие» и т. д., источники эти механически присваивают восточным

⁹ На территории СССР исследование такого рода памятников только начинается. См.: В. В. Аулих. Матеріали з верхнього горизонту городища біля с. Зімне, Волинської області. «Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині», вип. 3. Київ, 1961; В. Д. Баран. Ранньослов'янські пам'ятки Верхнього Подністров'я і Південно-Західної Русі. Там же, вип. 5. Київ, 1964; В. В. Аулих. Соціальний зміст городища Зімне. «Слов'яно-Руські старожитності». Київ, 1969.

^{9а} Последние к тому же этноним «славяне» применяли отнюдь не только к славянскому этносу. О многозначности понятия «славяне» у арабских географов подробнее см. в исследованиях А. П. Ковалевского.

и западным славянам общественную структуру, показательную для тех стран, где возникали эти исторические сочинения. Плохо разбиравшемся в особенностях славянского быта средневековому летописцу вообще было вполне естественно воспользоваться для характеристики соседей привычной ему терминологией, ибо он мыслил в рамках сложившихся у него представлений об основах социальной организации общества или пользовался литературными стереотипами. Тем более рискованно судить о развитии у славян института государственности на основании самих по себе первых упоминаний о князьях и княжеской власти, дружине и знати, равно как и на базе отсутствия таковых.

При таких условиях естественно, казалось бы, обратиться к источникам более поздним, этнографическим и письменным, чтобы воспользоваться методом исторической ретроспекции. Такие источники действительно есть, причем, если речь идет об источниках письменных, не только иностранного, но и местного, восточно- и западославянского происхождения. Они относятся главным образом к X— началу XII в. и рисуют общество западных и восточных славян этого времени как типично раннефеодальное общество, причем достаточно зрелое, с XI в. переходящее уже на ступень развитого феодализма, о чем свидетельствует быстрое нарастание тенденций к феодальной раздробленности. Следовательно, процессы феодализации у славян Восточной и Центральной Европы развивались и до X в. Как процессы средневековые они должны были, само собой разумеется, развиваться средневековыми темпами, т. е. достаточно медленно. Но не является ли в таком случае это основанием для того, чтобы, сопоставив данные X—XII вв. с первыми упоминаниями в западных источниках о славянских политических образованиях, определить начальную грань раннефеодального периода. К сожалению, именно в этом вопросе, в вопросе о начальной грани раннефеодального периода, очень перспективный вообще метод ретроспекции оказывается совершенно недостаточным.

Главная причина этого, как кажется, кроется в том коренном, окончательно установленном еще первыми исследованиями Б. Д. Грекова в области истории Киевской Руси факте¹⁰, что славяне восточные, а следовательно, и развивавшиеся по одному с ними пути славяне Центральной Европы миновали в своем развитии рабовладение как социально-экономическую формацию. Именно это совершенно бесспорное сейчас для советских и зарубежных славянских исследователей положение и ограничивает в данном случае возможности ретроспективных поисков, тем более что применительно к рассматриваемому региону оно

¹⁰ Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.—Л., 1935; см. также его статью «Была ли Древняя Русь рабовладельческим обществом?» «Борьба классов», 1935, № 3.

дополняется еще столь же бесспорным фактом, что в областях расселения восточных и западных славян не наблюдалось того социально-экономического синтеза, который столь показателен для стран Западной Европы и в определенной мере имел место на территории Балкан. Указания отдельных исследователей на раннерабовладельческий характер кельтской цивилизации в Чехии¹¹ или на зарождение рабовладельческого уклада в античный период в Польше¹² не меняет дела, как не меняет его и влияние провинциальной римской культуры на отдельные регионы будущего расселения восточных и западных славян в период поздней Римской империи. Последующие бурные события эпохи переселения народов решительно изменили здесь весь предшествующий ход не только социального, но и этнического развития. Поэтому хотя в дальнейшем какие-то элементы античного наследия, как и близость к очагам средиземноморской феодальной цивилизации, и выдвинули соответствующие регионы в ряд особенно быстро феодализирующихся (территория паннонских славян, Словакия, Моравия, Чехия, Киевская Русь)¹³, все же социально-экономического и этнического синтеза варварства и рабовладения в том виде, в каком он произошел на Западе и даже в Византии, отчасти на Балканах, здесь не наблюдалось. Не было даже слабых признаков античного континуитета ни в развитии городов и городской жизни, ни тем более в развитии церкви и ее организации. В данном случае общей оценки положения в Центральной и Восточной Европе не может изменить и расширительное толкование синтеза, данное Б. Ф. Поршневым¹⁴. Если даже в понятие синтеза включить любое усвоение античного наследия, пусть и опосредствованное (путем товарообмена, развития денежной системы, рецепции права, религиозных представлений, распространения письменности и т. д.), то и тогда придется скорее говорить о нарастании элементов синтеза по мере развития у восточных и западных славян феодальных отношений, чем о синтезе, лежащем в самой основе зарождения у них феодализма. Иначе говоря, понятие синтеза будет совпадать в этом случае с понятиями филиации античного континуи-

¹¹ П. Н. Третьяков. Возникновение рабовладельческих отношений у кельтских племен. Римская экспансия в странах Дунайского бассейна. «История Чехословакии», т. 1. М., 1956, стр. 25—38.

¹² В. Д. Королюк. Древнепольское государство. М., 1957, стр. 59—61; W. Hensel. O niektórych najdawniejszych organizacjach państwowych na ziemiach Polski. «Sprawozdania». Wyd. 1, PAN, 1958, N 1.

¹³ В. Д. Королюк. Некоторые общие закономерности раннефеодальной истории восточных и западных славян. «Краткие сообщения Института славяноведения», 1963, № 39. Частично, как указывалось выше, западославянские земли эти входили в состав так называемой контактной зоны, что обуславливало некоторые специфические черты их развития.

¹⁴ Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М., 1964, стр. 507—518.

тета и воздействия передовых феодальных стран Средиземноморья, Западной Европы и Востока на славян^{14а}.

Кстати говоря, не этими ли коренными причинами, т. е. отсутствием у западных и восточных славян рабовладения как производственной системы и характерного для Западной Европы и отчасти Балкан социально-экономического синтеза, объясняются в какой-то мере особенности их феодальной структуры? В отличие от Запада в славянской Центральной и Восточной Европе не складывалась развитая ленная система. Зарождение купеческих и ремесленных корпораций не вело непосредственно к резкому правовому обособлению города от его сельскохозяйственной округи, феодальное общество не приобрело столь замкнутой и четкой корпоративной структуры. В то же время в отличие от Византии здесь не было обожествления верховной власти, церковь, несмотря на первоначальную почти полную зависимость от князя, в конечном счете не находилась в столь сильном подчинении от светской власти, наконец, в самом обществе феодалов не наблюдалось чрезвычайно показательного для Византии отсутствия социальной стабильности¹⁵. Это было достаточно стабильное, хотя и динамическое по своей структуре общество, о чем свидетельствует, кстати сказать, быстрый прогресс его материальной культуры, и не только в области земледелия, достигшего к X в. общеевропейского уровня¹⁶, но и в области ремесла и торговли, обусловивших появление города и сложной и бурной городской политической жизни, столь ярко охарактеризованной нашей летописью уже применительно к Киевской Руси XI в.

Впрочем, все эти вопросы требуют еще больших дополнительных исследований. В данной связи важно только еще раз подчеркнуть отсутствие в Центральной и Восточной Европе в истории славян того особого промежуточного этапа социально-экономического синтеза, который сыграл столь важную роль в развитии Западной Европы и Византии и который в области материальной культуры может быть отмечен для территории контактной зоны.

Но это ведь как раз и затрудняет до крайности использова-

^{14а} Нужно оговориться, однако, что и понятия филиация античного континитета и влияние передовых стран не следует трактовать как простые и однозначные явления. Анализ церковных уставов Владимира и Ярослава показывает, что принятие христианства не означало механического переноса на Русь византийских церковных институтов и церковного права. Христианская церковь на Руси и церковное право не были сколком с византийского образца. Образец радикально изменялся, чтобы соответствовать условиям местного социально-экономического, политического и культурного развития. См. Я. Н. Шапов. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972, стр. 301—310 и др.

¹⁵ Ср.: А. П. Каждан. Византийская культура (X—XII вв.). М., 1968, стр. 40—94.

¹⁶ W. Hensel. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna. «Zarys Kultury materialnej». Wyd. 2. Warszawa, 1956, s. 81; on же. Archeologia o początkach miast słowiańskich. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1963.

ние метода ретроспекции для установления точной начальной грани раннефеодального периода. Многие государственные институты раннефеодального общества при всем их качественном отличии генетически связаны с институтами эпохи военной демократии. Это — и становящаяся наследственной княжеская власть, и дружина как политическая сила, ее поддерживавшая, это — и наличие народного ополчения свободных мужей-общинников, это, наконец, и общинные повинности как средство укрепления экономического и политического положения знати, и дань как форма экономической эксплуатации общества князем и знатью, и патриархальное рабство и т. д.¹⁷ Все эти институты — что крайне существенно подчеркнуть — переходили, унаследовались раннефеодальным обществом без какого-либо воздействия сохранившихся рядом, как на Западе, античных условий, сразу не испытывали прямого воздействия со стороны соседних стран, являвшихся преемниками античной цивилизации. При таких условиях при определении начального рубежа раннефеодального периода в истории восточных и западных славян приходится пользоваться прежде всего соображениями общесоциально-исторического характера. В свою очередь, только обосновав общесоциально-историческими соображениями переход от их первобытнообщинной к феодальной фазе развития, мы приобретаем право на соответствующую интерпретацию даже самых ранних, крайне невыразительных данных письменных источников об общественном строе западных и восточных славян.

Крушение очагов рабовладельческого способа производства в Западной и Юго-Восточной Европе, социально-экономический синтез в Византии и на западе, образование на юго-востоке Европы обширной контактной зоны открыли пути для общеевропейского феодального развития. Существенную роль в установлении феодализма в Европе сыграли и славянские племена. С их могучим натиском тесно связано формирование Византии как крупнейшей в Европе феодальной державы¹⁸. Косвенно, оказывая давление на германцев, славяне приняли участие и в ликвидации очага рабовладельческого строя в Западной Европе¹⁹.

Принимая в качестве начальной грани раннефеодального периода рубеж VI—VII вв., приходится исходить из следующей совокупности фактов. Балканские войны славян VI—VII вв.

¹⁷ Г. Ловмянський. Основні риси пізньоплеменного та ранньодержавного устрою слов'ян. УІЖ, 1969, № 11.

¹⁸ А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи. ВДИ, 1939, № 1; Б. Д. Греков. Киевская Русь. Избр. тр., т. II. М., 1959; Е. Э. Липшиц. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма. «Византийский временник», т. I. М., 1947, и др.

¹⁹ J. Poulik. Staroslovanská Morava. Praha, 1948, s. 107; В. Д. Королюк. Древнепольское государство, стр. 65; G. Labuda. Z badań nad osadnictwem i ustrojem słowian połabskich. «Slavia Occidentalis», t. 22. Poznań, 1962, s. 315.

были завершающим этапом великого переселения народов²⁰. Славянские переселения в этот период в основном заканчивались. Передвижения ободритов VIII в. едва ли могут изменить общую картину, точно так же как и переселение уличей с Днепра в междуречье Днестра и Буга^{20а}. Одновременно происходит постепенное преодоление хозяйственного упадка V—VI вв. Об этом свидетельствует как будто западнославянский археологический материал²¹. Наконец, в VII в., причем у всех трех ветвей славянства, источники отмечают первые попытки создания относительно крупных политических образований. Речь идет о протоболгарской державе на Балканах, об аварском каганате в Паннонии, экономической основой которого, как и царства Аспаруха, являлось земледельческое славянское население²², о так называемой державе Само, в которой ряд исследователей усматривает государственное образование — предшественника Великой Моравии²³. Что касается политического образования волынян, которое обычно локализуется на юго-западе восточнославянской территории, то следует подчеркнуть, что сохранившиеся не вполне ясные сведения в источниках арабского происхождения не дают основания для окончательного решения вопроса²⁴. Но следует ли из этого тезис о равномерности и синхронности процессов социально-экономического развития славян, об их относительно одинаковом культурном уровне уже на первом этапе формирования феодального строя? Кажущийся совершенно очевидным на первый взгляд тезис этот при ближайшем рассмотрении оказывается, однако, требующим поправок. Не говоря уже об особенностях исторического пути южного славянства, существенные различия в области культуры обнаруживаются и внутри самих отдельных славянских ветвей. Для этого достаточно сравнить энергические темпы исторического развития полян с периферийным характером культуры вятичей на Руси, Моравии и Словакии, связанных с контактной зоной, и даже Чехии, с одной стороны, Польши — с другой, даже Малой или Великой Польши с Мазовией в пределах расселения самих польских славян. Выравнивание темпов их исторического развития, достижение близких уровней в области материальной культуры и общественного устройства оказывается делом сравнительно отдаленного будущего. Вполне четкий характер все эти процессы приобретают только в X и даже в XI в., на что,

²⁰ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. Изд. II. М., 1953, стр. 185—204.

^{20а} Д. Т. Березовец. Поселения уличей на р. Тясминь. МИА, т. 103, 1963.

²¹ Z. Trudzik. Z węzłowych zagadnień dziejów Polski na przełomie starożytności i wieków średnich. «Dawna kultura», 1956, N 2.

²² Н. Н. Третьяков. Указ. соч.,

²³ G. Labuda. Pierwsze państwo słowiańskie-państwo Samona. Poznań, 1948; J. Eisner. Devinská Nová ves. Bratislava, 1952.

²⁴ Б. Д. Греков. Избранные труды, т. II, стр. 481 и др.

впрочем, уже неоднократно обращалось внимание в литературе вопроса²⁵.

Поэтому, принимая для восточных и западных славян единый начальный рубеж для раннефеодального периода, следует сразу же оговориться не только об условности этого рубежа, но и о том, что в дальнейшем процессы феодализации общества в отдельных частях славянской Восточной и Центральной Европы развивались с разной степенью интенсивности. В сущности говоря, предлагаемую грань — рубеж VI—VII вв. — следует понимать как *terminus post quem*.

При такой постановке вопроса все другие, на первый взгляд, более точные попытки определения рассматриваемого рубежа — VIII или IX в.²⁶, не будучи сколько-нибудь достаточно обоснованными современными событиями источниками, по существу оказываются излишними и даже таящими в себе большую возможность ошибок, чем принятый выше рубеж^{26а}.

По сравнению с начальной гранью значительно более четко по состоянию имеющихся источников рисуются другие этапы формирования у западных и восточных славян феодального общества и развития раннефеодальной государственности. Это тем более понятно, что социально-экономические основы соответствующих процессов VIII—XI вв. достаточно детально исследованы в историографии²⁷.

Наиболее ранней и примитивной формой образующейся у славян государственности следует считать, по-видимому, политическое образование типа племенных княжений. Генетически эти образования восходят к политическим организациям эпохи военной демократии, большим территориальным племенам, в свою очередь состоящим из нескольких так называемых малых племен. В военно-административном смысле племенные княжения опирались на систему укрепленных поселений — городов, бывших не только культовыми центрами, местами убежища для окрестного населения в период военных действий, но и цент-

²⁵ Подробнее об этом см.: В. Д. Королюк. Древнепольское государство, стр. 67—117.

²⁶ Ср.: J. Bardach. Historia państwa i prawa Polski do połowy XV wieku. Warszawa, 1957, s. 25; Fr. Graus. Počátky českého státu a vývoj «státní» ideologie. «Slavia Occidentalis», t. 22, 1962; Б. А. Рыбаков. Спорные вопросы образования Киевской Руси. ВИ, 1960, № 9; З. М. Черниловский. Возникновение раннефеодального государства у прибалтийских славян. М., 1959.

^{26а} Заслуживающая внимания попытка Л. В. Черепнина выделить в широко трактованном нами хронологически раннефеодальном периоде этап генезиса феодализма до образования относительно единых раннефеодальных государств в сущности не расходится с той внутренней периодизацией, которая дается нами ниже для раннефеодального периода. См. А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма. М., 1972, стр. 145—146.

²⁷ Помимо работ Б. Д. Грекова, П. Н. Третьякова, Б. А. Рыбакова и С. В. Юшкова здесь следует отметить синтетическое исследование: Н. Łowmiański. Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. Warszawa, 1953; он же. Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n. e., t. I, II, III. Warszawa, 1963.

рами местопребывания князя с дружиной, а в дальнейшем, по-видимому, и укрепленными усадьбами знати²⁸.

На этой стадии развития основную массу населения составляли свободные мужи-общинники. Но уже существовала социально обособившаяся потомственная знать с князем и его дружиной. В хозяйстве знати использовался труд рабов, рекрутировавшихся из числа военнопленных. Укрепляя свое положение, знать и князь присваивали себе общинные взносы и использовали в свою пользу общинные повинности. Военная добыча, собираемая с соседей, дань были существенным фактором материальной силы господствующего слоя.

Племенные княжения, названия которых сохранили нам главным образом источники IX и последующих веков, существовали в течение очень длительного времени — с VII по X и даже XI в. Вятический князь Ходота со своим сыном упоминается еще в получении Владимира Мономаха²⁹. Столь длительное в отдельных частях славянского мира сохранение племенных княжений даже в тот период, когда в рамках развивающихся новых процессов формирования славянской раннефеодальной государственности они представляли собой очевидный анахронизм, является не только показателем неравномерности развития процесса феодализации восточных и западных славян в целом. В определенной мере оно связано и с прочностью сложившихся племенных границ, отчетливо сказавшейся впоследствии в период феодальной раздробленности. Дело в том, что племенные княжения были не только территориальными политическими образованиями, но и определенными этническими единицами. Территория племенного княжения была одновременно и областью распространения, если так можно выразиться, небольшого народца³⁰, отличавшегося особенностями своего быта, обычаев, элементами материальной культуры. Последующее политическое развитие племенного княжения нарушало эти этнические границы, но не могло, очевидно, их разрушить. Именно эту особенность племенных княжений отмечает «Повесть временных лет», когда подчеркивает, что древнерусские племена «имяху бо обычаи свои и закон отец своих и преданья, каждо свой нрав»³¹. По-видимому, к такого рода этнографическим и политическим категориям относится первоначально главным образом и западный термин VIII—IX вв. *patio-nes*, о которых говорится, что они (т. е. славянские народы) отличаются между собой обычаями и образом жизни³².

²⁸ Ср.: П. Н. Третьяков. Древлянские «грады». Сб. статей «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню 70-летия». М., 1952, стр. 64—68.

²⁹ ПСРЛ, т. 1. Л., 1926, стб. 248.

³⁰ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 228.

³¹ ПСРЛ, т. 1, стб. 13.

³² «Einhardi Vita Caroli Magni», с. 15, Monumenta Germaniae Historica Scriptores, t. II.

Дальнейший процесс формирования раннефеодального государства шел по линии подчинения одними племенными княжествами других. В результате такой политической интеграции образовывались более крупные политические организмы, охватывающие группы близко родственных по населению племенных территорий. Особенностью процесса политической интеграции было то обстоятельство, что, как правило, выделялось не одно, а два или несколько племенных княжеств, становившихся центрами политического объединения. В Чехии такими центрами стали княжество чехов и княжество зличан с центром в Либице, где правила самостоятельная династия Славниковцев. В Польше вслед за вислянами образуется еще один центр объединения — княжество полян с правящей династией Пястов. Несколько центров политического стяжения племенных княжеств нужно отметить на Руси — в Среднем Приднепровье и на севере³³. В качестве одного из таких центров следует, по-видимому, назвать и Полоцк³⁴. Образование таких относительно крупных и объединяющих полностью или частично несколько первоначальных племенных княжений политических организмов знаменовало собой наступление нового этапа в процессе формирования раннефеодальной государственности, а также дальнейший шаг на пути образования средневековых славянских народностей.

Основной массой населения и на этой стадии развития остаются свободные общинники, которые продолжают участвовать в народном ополчении, игравшем важную роль в условиях оборонительной войны. Но наряду со свободными появляются и зависимые крестьяне. Не только отдельные разорившиеся общинники, но и целые общины попадают в зависимость от знати. Именно этот процесс подчинения целых общин, «окняжения» или «обояривания» их путем захвата даней, приношений и кормлений сыграет в дальнейшем огромную, решающую роль в становлении и развитии феодального землевладения.

Увеличивается и число рабов, используемых в хозяйстве князя и знати. Появляются новые источники рабства. В рабов могут обращаться приговоренные к казни преступники³⁵. С течением времени зарождается, по-видимому, и долговое холопство. В литературе, особенно в работах С. В. Юшкова³⁶, правильно подчеркивается обычно многоукладный характер социальной организа-

³³ В литературе центрам этим соответствуют понятия Верхней и Нижней Руси. См.: В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, стр. 5, 21 и др. Прилагаемый к такого рода политическим образованиям термин «конфедерация» не кажется нам, однако, удачным.

³⁴ Ср.: Н. Łowmiański. Geneza ziemi Połockiej. «Z. polskich studiów slawistycznych». Warszawa, 1968.

³⁵ «Monumenta Poloniae Historica», t. VI, стр. 411.

³⁶ С. В. Юшков. К вопросу о дофеодальном (варварском) государстве. «Ученые труды Всесоюзного института юридических наук», т. 10. М., 1947.

ции общества. Многоукладность — наличие патриархального, рабовладельческого и развивающегося феодального уклада — сама по себе не является, впрочем, отличительной чертой только этой эпохи. Гораздо существеннее, пожалуй, подчеркнуть, что в конкретных условиях формирующегося раннефеодального общества численно увеличивавшийся рабовладельческий уклад способствовал вызреванию и утверждению феодальной системы производственных отношений³⁷. В феодальную ренту постепенно эволюционируют присвоенные князем и знатью общинные взносы и повинности. Развитие всех этих явлений тесно связано с формированием понятия о верховной власти князя на землю. Таким образом, наряду с примитивной отработочной очень быстро развивается процесс формирования и натуральной ренты, все более становящейся основной формой эксплуатации крестьянства. Именно к этому этапу относится и окончательное превращение части градов в укрепленные усадьбы землевладельческой знати и князя, в то время как другие постепенно становятся поселениями городского типа — центрами ремесла и торговли. Идет процесс складывания основных органов администрации и суда раннефеодального типа. В укреплении центральной княжеской власти, выступающей, как уже говорилось, все более в роли верховного собственника на землю, огромную роль играет дружина. Наряду с рядовыми дружинниками — «молодшей» дружиной — существует и «старейшая дружина» — советники князя, прообраз будущей феодальной курии. С этой дружиной советуется и пирует князь Владимир Святославич. Об этой дружине упоминает, по-видимому, Аноним Галл, говоря о двенадцати мужах, с которыми держал совет и пировал Болеслав Храбрый³⁸. Получавшие первоначально в пожизненное владение княжеские земли дружинники образовывали новый слой в составе господствующего класса³⁹, в то время как представители знатных родов, оказавшись в рядах дружины, привыкали к авторитету центральной княжеской власти, воспитывались в условиях строгой дружинной дисциплины. Свои относительно менее многочисленные дружины имели и представители знатных родов⁴⁰. Сила их состояла еще и в том, что они могли опираться на родственную солидарность окружающих их родственников, ибо очень часто выдвижение знати происходило путем социального выделения целых знатных фамилий, объединяющих несколько связанных родством семей и поколений. Внутри этих фамилий не было имущественного равенства.

³⁷ В. Д. Корольюк. Некоторые спорные и нерешенные вопросы истории славянских народов в раннефеодальный период (VII—XI вв.). КСИС, № 33-34. М., 1961.

³⁸ «Monumenta Poloniae Historica». Nova series, t. II. Kraków, 1953, стр. 32.

³⁹ В. Д. Греков. Избранные труды, т. II, стр. 272 и сл.

⁴⁰ Там же, стр. 277; С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. Л., 1939, стр. 31 и сл., 144—150.

Глава фамилии или рода был одновременно и самым богатым и могущественным его представителем. Бедные семьи в такой фамилии образовывали нечто вроде клиентелы при сеньоре⁴¹.

Политическая организация раннефеодальных государств на этом этапе характеризуется определенной неоднородностью. Как правило, это монархии с выделившейся центральной княжеской властью. Сильные элементы племенной в условном смысле этого слова федеративности при развитых теократических началах (ведущая роль языческого жречества), показательные для политического развития лютичей, являются исключением. В состав раннефеодальных монархий на положении данников входят отдельные племенные княжения, в которых сохраняются свои княжеские династии, в основном пользующиеся внутри княжества полной самостоятельностью. Помимо дани такие племенные княжения могут быть связаны с центральной властью еще и обязанностью оказывать военную помощь в походах. Возможно, что именно эту форму зависимости подчеркивал летописец, говоря об участии в походе Олега на Константинополь (907 г.) вятичей, хорватов, дулебов и тиверцев⁴², о более позднем непосредственном включении территории которых в состав Киевской Руси он определенно знал. Все же главной тенденцией было прямое включение племенных княжеств в состав раннефеодальных монархий, преодоление сепаратизма местных династий и местной знати, подчинение присоединенной территории непосредственно великокняжеской администрации путем размещения по градам отрядов дружинников и передачи власти княжеским наместникам обычно из состава княжеской семьи. Следует отметить, наконец, что на заключительных стадиях второго этапа происходит, как правило, и проникновение, хотя и не обязательно утверждение, к славянам новой формы феодальной надстройки — христианства.

В соответствии с неравномерностью общего социально-экономического развития восточного славянства и западнославянских стран, которая наиболее яркое отражение нашла в процессе формирования города как экономической категории (позднее, чем в других странах, и не ранее X в. города появляются в Польше, исключение здесь, быть может, составляет только западнопоморский Волин)⁴³, переход к этапу формирования относительно крупных раннефеодальных монархий в славянской Центральной и Восточной Европе в разных странах начался в разное время. Ранее других в очень энергичной форме он может быть отмечен в северной части контактной зоны — у паннонских славян, в Сло-

⁴¹ K. Tymieniecki. Społeczeństwo Słowian lechickich. Lwów, 1923, s. 88—93.

⁴² ПСРЛ, т. 1, стлб. 29.

⁴³ Подробнее об этом см.: W. Hensel. Archeologia o początkach..., s. 10—50.

вакии и Моравии. Здесь о нем можно говорить не позже VIII в. Позже других на этот путь вступили польские земли, по-видимому, только в IX в. В последнем случае показательно, пожалуй, не столько опоздание с вступлением в эту стадию развития, сколько относительно замедленный процесс формирования крупной раннефеодальной государственности в целом.

С самого начала, однако, процесс формирования крупных раннефеодальных государств находился не только в зависимости от внутренних факторов, но и испытывал на себе могучее воздействие факторов внешних — угрозы иноземной агрессии или борьбы с нею. Для значительной части западного славянства, жившего в непосредственной близости к аварскому каганату или находящейся в зависимости от него, фактор этот сыграл огромную роль уже в VII в., ускорив ее объединение в рамках так называемой державы Само. В VIII в. фактор этот продолжал оказывать существенное воздействие на политическое развитие Великой Моравии. До второй половины IX в. в том же направлении действовало соседство империи Карла Великого, а затем Восточно-франкской империи на общественное развитие полабо-прибалтийского славянства, способствуя не только процессам его политической, но и, так сказать, национальной консолидации⁴⁴. О далеко-зашедшем здесь процессе формирования народностей свидетельствует как будто употребление для их наименования со времен Карла Великого⁴⁵ одних и тех же собирательных терминов: лютичи, сербы, бодричи⁴⁶. В особой форме наплыва, включения в состав господствующего класса многочисленного иноземного элемента (норманнов) фактор этот имел место и на Руси. В относительно меньшей степени испытывали его до середины X в. польские земли, хотя и здесь великоморавское завоевание Малой Польши в последней четверти IX в. сыграло, по-видимому, роль важного стимула в развитии великопольской государственности⁴⁷. С другой стороны, со второй половины IX в. можно констатировать и отрицательное воздействие на общественное и государственное развитие полабо-прибалтийских славян гипертрофии внешнего фактора⁴⁸. В пайнонской котловине, где действовали особые условия контактной зоны, иноземное завоевание привело к ликвидации славянской государственности в начале X в.

⁴⁴ В. Д. Королюк. Государство бодричей в правление князя Готшалка. «Slavia Occidentalis», t. 22, стр. 176—177; он же. К вопросу о раннефеодальной государственности у полабо-прибалтийских славян. Сб. «Славяно-германские отношения». М., 1964, стр. 9.

⁴⁵ «Einhardi Vita...», s. 15.

⁴⁶ L. Hrabová. K otázce vzniku a vyvoje státu u Polabských slovanů. «Československý časopis historický», 1955, N 4, s. 166—167.

⁴⁷ K. Poikański. Kraków przed Piastami. Rozpr. Ak. Um. Wydz. Hist.-filoz. 1898, t. 35, s. 160—164; J. Widałewicz. Państwo wiślan. Kraków, 1947, s. 71—75.

⁴⁸ В. Д. Королюк. К вопросу о раннефеодальной государственности..., стр. 9—10.

Исторически в тесной связи с внешним фактором стоит третий этап развития восточной и западнославянской государственности, характеризующийся образованием очень крупных, так сказать, межнациональных политических организмов — держав. Но следует ли связывать его только с внешним фактором, — это уже особая, фактически пока еще не изученная проблема. Тот факт, что, хотя и в разное время, отдельные славянские народы практически обязательно проходили через этот этап, заставляет все же предполагать наличие и неких внутренних стимулов к его появлению. Связь политической экспансии раннефеодальных монархий с основными артериями международной торговли в Центральной и Восточной Европе дает известные исходные пункты для решения поставленной проблемы. Очевидно, наибольшую заинтересованность в создании таких обширных образований проявляла центральная княжеская власть, опирающаяся на сильную и хорошо организованную дружину. Именно эти элементы раннефеодального общества были особенно тесно связаны с международной торговлей, именно им доставалась львиная доля военной добычи, они обогащались за счет дани с покоренного населения.

Очень яркими образованиями такого типа, пестрыми по своему политическому и этническому составу, являлись Великая Моравия в IX в.^{48а} и держава Святослава Игоревича во второй половине X в. Менее пестрыми, но структурно аналогичными следует, очевидно, считать державу Болеслава II Чешского во второй половине X в. и Болеслава Храброго Польского в начале XI в. Наконец, близкие к отмеченным тенденции можно отметить и в политическом развитии полабских славян XI в. (держава Крутого, государство Готшалка).

Не будучи сколько-нибудь самостоятельным этапом в социально-экономическом развитии западных и восточных славян, период существования у них крупных межнациональных держав был все же очень заметным этапом в их политическом развитии, в процессе формирования у них раннефеодальных государств и народностей. Последнее не значит, конечно, что, допустим в условиях Великой Моравии, прервался процесс формирования особой моравской народности. Не прекратился и процесс складывания древнерусской и древнепольской народностей на Руси в половине X в. и в Польше в начале XI в. Иное дело, что особые условия формирования народностей в этот период наложили известный отпечаток на их национальное самосознание, способ-

^{48а} О продвинувшемся далеко процессе феодализации великоморавского общества и его развитой государственности, помимо данных археологии, свидетельствует разработанная социально-политическая терминология старославянских памятников, связанных с Великой Моравией (см. в статье Л. Гавлика о роли и положении Великой Моравии в Европе IX в., 1971, стр. 1—8).

ствуя противопоставлению одной народности другой, осмыслению их национальной дифференциации. Вместе с тем энергично развивался процесс культурного обогащения относительно отставших в своем развитии народностей за счет контактов с более развитыми. Не этим ли объясняется в известной мере то обстоятельство, что созданный Кириллом и Мефодием для Великой Моравии литературный язык стал в дальнейшем и общеславянским литературным языком. Ведь он возник в самой ранней межнациональной славянской державе, в условиях сильной еще славянской общности, которую отмечают все источники. Вместе с тем именно он стал могучим фактором культурного воздействия наиболее передовых славянских народностей на другие, задержавшиеся в своем культурном развитии.

Завершение формирования славянских народностей происходит, однако, на последнем, четвертом этапе развития раннефеодальной государственности, на стадии существования относительно единых государств. Такими были Киевская Русь, Древнечешское государство с конца X в. и Древнепольское государство со второй четверти XI в. Это уже были вполне сложившиеся раннефеодальные монархии с типичным для них социально-экономическим базисом, аппаратом власти, административным и военным устройством и правом. Во всех славянских странах Центральной и Восточной Европы этого времени христианство является государственной религией, важнейшим элементом общественной надстройки. Оно формирует государственную идеологию раннефеодальной монархии. Исключение представляет только историческое развитие полабского славянства, где христианство именно в силу того, что оно оказывается символом немецкого феодального Дранг нах Остен, встречает решительное народное противодействие. Но христианская церковь (отсюда заинтересованность княжеской власти в независимости церковной организации от внешних и тем более враждебных центров) используется не только как элемент государственной надстройки. Вместе с тем она активно участвует в формировании феодального базиса независимо от того, сколь быстрыми темпами развивается собственное церковное землевладение. В странах латинского обряда оно, видимо, развивается несколько энергичнее, в странах со славянским языком богослужения медленнее, что, возможно, связано с особенностями развития церковного землевладения в Византии⁴⁹. Последнее наблюдение актуально не только для Киевской Руси, но и, по-видимому, для Великой Моравии.

В данной связи нет необходимости подробно характеризовать

⁴⁹ О нем см.: А. П. Каждан. Указ. соч., стр. 45—46; ср.: А. Poppe. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968.

вать общественные отношения и социальную структуру относительно единых раннефеодальных государств восточных и западных славян X—XI вв. Вопросам этим посвящена огромная литература. Здесь существенным представляется отметить только два важных обстоятельства, необходимых для уяснения общих закономерностей развития этого региона Европы в рассматриваемое время. Во-первых, образование относительно единых раннефеодальных государств у западных и восточных славян произошло в условиях общего выравнивания уровней их социально-экономического развития⁵⁰. Обстоятельство это впоследствии должно было определить более или менее одновременный переход их на стадию феодальной раздробленности^{50а}. Во-вторых, характерной чертой относительно единых раннефеодальных государств оказывается их национальная однородность. Это наблюдение в полной мере относится не только к Древнепольскому и Древнечешскому государствам, но и к Киевской Руси. Попытки отдельных исследователей рассматривать последнюю как государство многонациональное (или межнациональное)⁵¹ совершенно не соответствуют не только решающей, но и абсолютно доминирующей роли славянского элемента во всех областях жизни древнерусского общества⁵².

Национальная однородность рассматриваемых государств была исторически обусловлена всем предыдущим ходом их развития в раннефеодальный период. Она была следствием того, что именно в их рамках завершился длительный период племенной консолидации, начавшийся несколько веков назад. В конечном итоге именно границы расселения народностей определили политические границы окончательно оформившейся раннефеодальной государственности.

Говоря о племенной интеграции и консолидации, следует, конечно, учитывать несовпадение глоттогонических и этногене-

⁵⁰ Подробнее об этом см.: В. Д. Корольюк. Западные славяне и Киевская Русь, стр. 17—18, тут же указана литература вопроса.

^{50а} На Руси большинство исследователей датирует этот переход серединой XII в. (см. А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 188), однако более обоснованным нам все же представляется датировать его, как и в Чехии и в Польше, серединой XI в. После смерти Ярослава на Руси фактически никогда не восстанавливалось государственное единство (Полоцк обособился еще раньше). Усиление великокняжеской власти при Владимире Мономахе, как и в Польше при Болеславе Кривоустом, определялось внешним фактором — натиском половецкой степи.

⁵¹ Последним на этом тезисе останавливался А. Поппе (Указ. соч., стр. 16 и др.).

⁵² Недавно выдвинутая гипотеза об активном участии угро-финской мери в формировании Новгорода (см.: В. Л. Янин, М. Х. Алешковский. Происхождение Новгорода. «История СССР», 1970, № 2) не меняет дела. Если гипотеза эта окажется обоснованной, перед нами, в сущности говоря, будет всего лишь частный, а не типичный случай.

Нельзя не отметить также, что лежащее в основе этой гипотезы сближение «меря» (прилагательное — «мерский») — «перевский» собственно лингвистически еще не доказано достаточно конкретно.

тических процессов. Средневековые славянские народности в Центральной и Восточной Европе формировались на основе языковой общности интегрирующихся этнических элементов, которые по этноантропологическим признакам могли даже существенно отличаться друг от друга в зависимости от этнических особенностей субстрата⁵³. На язык, а не на другие факторы (обычай, образ жизни) как основу национальной консолидации восточного славянства определенно указывает русская летопись: «Се бо токмо словенск язык в Руси: поляне, деревляне, новгородци, полочане, дреговичи, север, бужане, зане сядоша по Бугу, после же вельняне. А се суть инии языци, иже дань дают Руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемис, мордва, пермь, печора, ямь, литва, зимигола, корсь, норова, либь»⁵⁴.

Весь предшествующий ход рассуждений, думается, достаточно показал неразрывную связь, существующую в раннефеодальный период между процессами образования государственности, с одной стороны, и формированием народностей у восточных и западных славян — с другой. Постепенное выравнивание темпов этих процессов, как и процесса феодализации восточно- и западнотславянского общества VII—XI вв., несомненно свидетельствует о единстве закономерностей развития западных и восточных славян в рассматриваемую эпоху, а также о том, что в основе их общественного процесса лежала одна и та же социальная, политическая и даже историко-культурная модель.

Глубокие изменения, приведшие к существенному нарушению этого стадийно-структурного единства процесса развития феодализма в центральном и восточном регионе Европы, наступили только в период развитого феодализма. Только в XII в., но главным образом в XIII—XIV вв. в славянских странах Центральной Европы можно отметить ряд важных экономических, социальных и даже культурных явлений, свидетельствующих о расхождении путей феодального развития Центральной и Восточной Европы. Расхождению центрального и восточноевропейского путей развития предшествовало разложение так называемой контактной зоны. Выделившиеся из этого обширного региона центрально-европейские земли сблизились с общим для Центральной Европы типом феодального развития. Речь идет в первую очередь о Венгрии и подчиненных ей славянских землях. Оставшаяся часть контактной зоны образовала особый юго-восточноевропейский регион. Без всякого сомнения, очень крупную роль в том, что такое расхождение между Восточной и Центральной Европой наступило, сыграло имевшее всевропейское значение событие — татаро-

⁵³ Об антропологических различиях восточнославянских племен см.: Т. И. Алексеева. Антропологические материалы по этногенезу восточных славян. СА, 1964, № 3.

⁵⁴ ПСРЛ, т. 1, стр. 11.

монгольское нашествие. В то время как татарское иго на длительный период затормозило нормальное социально-экономическое, политическое и культурное развитие русских земель, у западных славян, прикрытых русским щитом, такого торможения не произошло⁵⁵. Условия феодальной раздробленности благоприятствовали, правда, натиску немецких феодалов на восток. На самом западе славянского мира под иноземное иго попало полабо-прибалтийское славянство. Крупных политических успехов достигли немецкие феодалы и в Прибалтике. В результате немецкого военно-политического натиска и насильственной колонизации было резко нарушено этническое единство славянской полабо-прибалтийской территории. Аналогичные явления получили развитие в Прибалтике. Нарушение этнической однородности произошло в XIII—XIV вв. и в Польше и в Чехии, причем в особенно большой степени в крупных торговых городах, связанных с международным торговым транзитом. Здесь политически и экономически укрепился немецкий, не связанный с национальными государственными традициями патрициат. Нарушение этнической однородности происходило и в рамках самого господствующего класса феодалов, как светских, так и духовных, в очень большой мере в землях, политически подчиненных немецким феодалам, в меньшей — в сумевших сохранить свою независимость.

Все это, естественно, отрицательно сказалось на политическом и даже культурном развитии западнославянских стран, осложняя в Чехии и в Польше процессы преодоления феодальной раздробленности и национальной консолидации в рамках единого государства. Процессы эти развивались поэтому в условиях острой национальной конфронтации и сталкивались с тенденциями к образованию на основе династических комбинаций межнациональных государств в Центральной Европе. Вместе с тем, однако, остается фактом, что и в XIII—XIV вв. процессы национальной консолидации в Польше и Чехии не прекращались, а постепенно, все нарастая, развивались. Они имели своей основой заметный прогресс в области производства как в деревне, так и в городе. В деревне происходил переход к регулярному чиншу, выростала роль денежной ренты, шел быстрый процесс сельскохозяйственного освоения лесов и пустошей, чему благоприятствовал переход крестьян на новое, основанное на нормах западного городского сельское право. Развитие городского производства тоже стимулировалось новым городским правом, предоставлявшим городскому населению важные элементы самоуправления. Становление нового городского права происходило в

⁵⁵ В. Д. Королук. Проблематика истории Польши до середины XIV в. в советской литературе. «Материалы научной конференции польских и советских историков по проблемам историографии». М., 1969, стр. 41—43.

форме приспособления к местным условиям так называемого немецкого, по существу же развитого европейского городского права.

Одновременно бурно развивалось (особенно в Чехии) горно-рудное производство, укреплялись экономические связи между центральноевропейскими странами, чему в определенной мере способствовало частичное перемещение торговых магистралей между Востоком и Западом со Средиземного на Черное море. Все это происходило тогда, когда татаро-монгольское нашествие резко затормозило развитие торговли Восток — Запад в широтном направлении. Определенным показателем укрепления экономических связей между центральноевропейскими странами явилось образование обширной монетной сферы обращения пражского гроша.

Разумеется, было бы серьезной ошибкой связывать происходившие в тот период в Центральной Европе социально-экономические сдвиги прежде всего с немецкой городской и сельской колонизацией, как это делалось раньше и делается еще и теперь в буржуазной, в первую голову немецкой, историографии, хотя и нет нужды полностью игнорировать участие в описываемых процессах переселявшегося на восток немецкого ремесленного, сельского и отчасти торгового элемента. Главными были, однако, конечно, импульсы, получаемые славянскими странами от их собственного внутреннего развития. Что касается внешнего фактора, то влияние его было крайне сложным и противоречивым. Наряду с фактами прогрессивных экономических и культурных связей существовали явления прямого грабежа немецкими феодалами стран Центральной Европы, культурного гнета и физического уничтожения местного населения. Наиболее политически и экономически влиятельная часть немецких переселенцев, городской патрициат и феодалы в славянских странах сознательно тормозили процессы национальной и государственной консолидации. И этого нельзя забывать, характеризуя судьбы западного славянства в период развитого феодализма.

НЕКОТОРЫЕ ТРАДИЦИИ
ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ПАМЯТНИКАХ VI—X ВВ.
В НИЗОВЬЯХ ДНЕСТРА И ДУНАЯ

Памятники черняховской культуры в Днестровско-Прутском междуречье прекращают существование в конце IV в. Этот факт в исторической литературе неоднократно и вполне убедительно сопоставлялся с гуннским нашествием, несомненно прервавшим историческое развитие племен черняховской культуры.

Удар гуннских орд по земледельческим племенам не был единовременным событием 376 г. Очевидно, стычки продолжались несколько десятилетий. Сперва «судья тервингов» Атанарих пытался организовать сопротивление гуннам, «устроив на удобном месте просторный лагерь близ берегов Данастия и вала гревтунгов...» и выслав войско навстречу гуннам¹. Однако гунны сокрушили в 376 г. вестготов (тервингов)². О стычках местного населения с гуннами на рубеже IV и V вв. н. э. свидетельствует характер клада из с. Кирилены: наиболее поздняя монета была чеканена в 395 г., а сам клад был, по-видимому, зарыт из-за гуннской угрозы³.

При Аттиле (445—454) в состав гуннского племенного союза входили аланы, роксоланы, славяне, германцы (герулы, остготы, гепиды). Некоторые из этих племен обитали в Днестровско-Прутском междуречье. Известно, что гунны обосновались в южной части Днестровско-Прутского междуречья после поражения, которое они потерпели в Паннонии после смерти Аттилы⁴.

Следом обитания гуннского союза в Днестровско-Прутском междуречье является литой бронзовый котел⁵, найденный близ поселка Шестачи Резинского района МССР.

На пространствах Евразии, где кочевали гуннские племена, найдено около двадцати гуннских котлов. Наиболее схож, почти

¹ Аммиан Марцеллин. Сохранившиеся книги «Историй», XXI, 3, 5. ВДИ, № 3, 1949, стр. 306.

² А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951, стр. 150.

³ А. А. Нудельман и Э. А. Рикман. Два клада и находки отдельных монет (римских и ранневизантийских) из Молдавии. «Известия Молдавского филиала АН СССР», № 4 (31). Кишинев, 1956, стр. 149.

⁴ Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 132.

⁵ Хранится в ГИКМ. Г. А. Нудельман. Гуннский котел из Молдавии. СА, № 4, 1967, стр. 306—308.

идентичен с молдавским, котел, найденный в Десса-Чуперчены на территории СРР⁶. Особенность грибовидных украшений котлов позволяет датировать их IV—V вв. Котлы, подобные найденному у с. Шестачи, служили для ритуальных надобностей. В повседневном быту они неудобны. Их грибообразный декор имел ритуальный смысл, который пока непонятен⁷. В котле находился усеченноконический котелок, кованный из листа красной меди.

Памятники гуннской эпохи представлены также предметами конца IV—V в. н. э., найденными в начале прошлого века на правом берегу р. Прут у с. Концешты⁸. Обнаружено погребение воина с конем. Покойного сопровождал богатый инвентарь — собрание выдающихся произведений позднеантичного и варварского искусства, принадлежавшее племенному вождю или военачальнику. Наибольшее внимание привлекают большие декоративные серебряные амфоры и ведро — образцы искусства переходного периода от собственно античного к византийскому. Особенно хорошо это видно по рельефным изображениям на амфоре, где пластический элемент, чистота античных форм пропадают. Лица зачастую показаны линиями, глаза — углублениями. Членения тела выражены неясно, а пропорции нарушены. Ряд деталей обозначен контурной линией. Мастер прибегает к графическому и даже пунктирному решению. Мастер, выполнивший ведро, редко отступал от рельефности изображения, но и здесь отдельные элементы орнамента выполнены линиями и точками. В этих особенностях проявлялось преобразующее влияние на античное искусство⁹ «варварского» художественного мировоззрения и понимания художественной формы.

Один из наиболее интересных предметов, найденных в Концештах, — фибула местной причерноморской работы в виде птицы. Рыбье тело сплошь покрыто чешуей из пластинок граната, инкрустированных в напаянные золотые перегородки. Особой штриховкой на подложной под гранатовые пластинки золотой фольге выделен большой плавник. Рыбий хвост инкрустирован пластинками перламутра. Голова — птичья с круглым глазом и изогнутым клювом хищника, выполненным из инкрустированных пластинок перламутра. В фантастическом существе из Концешт слились идеи почитания водных и небесных стихий. Фибулы такого облика распространены и в Западной Европе¹⁰.

⁶ Опубликовано в: J. Nestor, C. S. Nicolăescu-Plopșor. Hunnische Kessel aus der Kleinen Walachei. «Germania», XXI, 1937, S. 178—182.

⁷ Nándor Fettich. La trouvaille de tombe princière hunnique à Szeged Nagyszeksos, XXXII. Budapest, 1953, s. 139—144, табл. XXVI, XXXVI.

⁸ A. T. Odobescu. Istoria arheologiei, I. Bucuresti, 1961, Editura Stiintifica, p. 319, 320.

⁹ L. Matzullewitsch. Byzantinische Antike. Berlin und Leipzig, 1929, S. 123, 133—135.

¹⁰ Nándor Fettich. Archäologische Studien, zur Geschichte der Späthunnischen Metallkunst. «Archaeologia Hungarica», XXXI. Budapest, 1951, s. 144, 197, Tabel XXV, 9.

По смысловому значению и стилю птицерыба из Концешт имеет продолжение в стилизованных гравированных птицах и рыбах на роге из поселения VI—VII вв. у с. Ханска¹¹. Сетчатая, крест-накрест штриховка, сплошь покрывающая изображения птиц и рыб на роге, видимо, подражает сетке напаянных пластинок на птицерыбе. Можно, следовательно, предполагать стилистическую связь отдельных произведений искусства гуннской и последующих эпох.

Для мелких ювелирных изделий, найденных в Концештах, основным материалом служит бронза, которая с лицевой стороны обложена тонким золотым листом, закрепленным на бронзе посредством загиба листов. Подобный прием ювелирного мастерства довольно широко применялся в гуннскую эпоху¹².

Часть вещей, наиболее совершенных, сделана в мастерских Константинополя. Вероятно, другие концештские украшения были сделаны в одной из нижнедунайских мастерских. Большинство произведений представляет собой типичные образцы причерноморского искусства конца VI—VII в., изделия которого были распространены от Северного Казахстана на востоке до Венгрии на западе и характеризуются чертами местного варварского, алано-гунно-готского искусства. Украшение ювелирных изделий, наблюдаемое в Концештах, с помощью напаянных филигранных нитей и пластинок, образующих отдельные гнезда, куда вставлялись цветные камни, а также плоскостная перегородчатая инкрустация из выпиленных цветных пластинок, сплошь покрывающая лицевую поверхность предмета, характерны для варварского искусства гуннской эпохи. Возникло это искусство в местной северопричерноморской, главным образом сарматской среде еще в первых столетиях нашей эры, в догуннское время¹³.

Концештские находки — последний по времени памятник позднеантичного искусства на заселенной варварами территории Днестровско-Прутского междуречья. Вместе с гибелью позднеантичного общества прекращаются те явления в искусстве варварского населения Днестровско-Прутского междуречья первой половины I тыс. н. э., которые связаны с позднеантичным влиянием, произведения позднеантичного искусства в послегуннское время больше к варварам не поступают.

На поселениях черняховской культуры запечатлелась картина не столько их разгрома и гибели обитателей, сколько ухода

¹¹ И. А. Рафалович. Поселение VI—VII вв. у с. Ханска. КСИА, вып. 113, М., 1968, стр. 97.

¹² Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя в Восточной Европе. М.—Л., 1934, стр. 85, 101—103.

¹³ А. П. Иванова. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953, стр. 118, 177, рис. 75.

последних с наиболее ценным имуществом¹⁴. Это как будто подтверждают древние авторы. Вот как описывает перемещение племен в период гуннского нашествия Аммиан Марцеллин: «...шла молва, что на всем пространстве от Маркоманнов и Кведов до самого Понта множество неведомых варварских народов, будучи прогнано из своих обиталищ внезапным натиском, надвинулось к Истру с женами и детьми»¹⁵. Имело место массовое переселение гуннов, готов и алан на запад, в Карпато-Дунайские земли и далее¹⁶, причем одна часть готского племенного союза во главе с Атанарихом была отброшена к Карпатам, другая — под начальством Фритигерна искала защиты у Рима в Подунавье, а третья — под начальством Гунимунда, сына Германариха, вошла в состав гуннского племенного союза.

Поселения конца IV—V в. на интересующей нас территории не найдены. После нашествия гуннов древние историки почти не упоминают поднестровских жителей, численность которых была невелика. Очевидно, территория, освобожденная от части населения, отхлынувшей на запад, была занята кочевыми племенами.

Однако и в гуннскую эпоху жизнь в рассматриваемом районе продолжалась. В этой связи остановимся на некоторых находках сооружений селищ Делакэу и Собарь.

На селище Делакэу стратиграфия в районе жилища 2 в раскопе X интересна тем, что найден очаг 3, относящийся к периоду, последовавшему за гибелью жилища 2, но принадлежащий к черняховской культуре.

Очаг обнаружен на глубине 65 см на расстоянии 1,9 м к востоку от жилища. Он сильно разрушен, форма в плане близка к овалу. Размеры его 1,3 и 0,8 м. Толщина около 0,2 м. Очаг состоял из слоя речных галек и камней, залежавших неровным слоем. Выше вымостки — остатки глиняного сильно обожженного пода. Под вымосткой — слой обожженной глины, еще ниже — песок, перемешанный с обожженной глиной. В центре очага среди галек найден кусок твердообожженной глины красного цвета, характерной для развала жилища. Следовательно, очаг этот сооружен после гибели жилища в конце IV в. н. э. При разборке этого сооружения найдена керамика, относящаяся к черняховской культуре¹⁷.

На селище Собарь в раскопе XI обнаружен очаг 1 из плитчатых необработанных известняковых и песчаниковых камней, за-

¹⁴ Э. А. Рикман. Жилища Будештского селища. Сб. «Черняховская культура». МИА, № 82. М., 1960, стр. 322; он же. Черняховское селище Делакэу (Молдавия). «История и археология юго-западных областей СССР начала н. э.». МИА, № 139. М., 1967, стр. 196.

¹⁵ «История», XXXI, 4, 2. Проф. Ю. А. Кулаковский. Аммиан Марцеллин. История, вып. III. Киев, 1908, стр. 246.

¹⁶ Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899, стр. 24, 29 и т. д.

¹⁷ Э. А. Рикман. Черняховское селище Делакэу, стр. 167.

дегавших, не составляя кладки, одним слоем. Очаг имел в плане овальную форму. Длина до 2 м, ширина до 1,5 м. Горизонтальная площадка из плоских камней очага 3 залегала непосредственно над плотным слоем глиняной обмазки рухнувших стен наземного жилища, погибшего, судя по находке в нем амфоры, в конце IV в. н. э.¹⁸

Обитатели селищ Делакэу и Собарь, как и многих других поселений Днестровско-Прутского междуречья, в период гуннского нашествия покинули свои жилища. Видимо, часть населения вернулась на насиженные места, соорудив на месте развалин домов и рядом с ними очаги. Эти события напоминают то, что произошло в городах римской Дакии, где на местах прежних сооружений, разрушенных варварами, возникли примитивные недолговременные позднейшие постройки¹⁹.

Немногочисленность сохранившихся памятников конца IV—V вв. н. э. служит свидетельством, что племена, которые в VI—VII вв. начали массово заселять Днестровско-Прутское междуречье, встретили в этих местах небольшое число жителей, что позволило им освоить край.

Однако — ниже будет сделана попытка это показать — черняховская культура, с которой связаны завоевания древних местных племен в технике, производстве и культуре, не исчезла бесследно.

Ниже будут рассмотрены те традиции черняховской культуры, которые сохранились в памятниках VI—X вв. в низовьях Днестра и Дуная. Вопрос о соотношении черняховской и последующих культур в упомянутом районе был ранее рассмотрен И. А. Рафаловичем и мною с целью выяснения этнической принадлежности черняховской культуры. Были установлены принципиальные различия обеих групп памятников, отсутствие генетических связей, причем стало ясно, что позднейшая группа появилась вместе с иным, чем в черняховскую эпоху, чуждым сперва для рассматриваемой территории населением, переселившимся в междуречье²⁰.

Действительно, отсутствие генетической преемственности в основных категориях материальной культуры черняховцев и племен VI—VII вв. в землях между Нижним Днестром и Дунаем не позволяет считать последние прямым генетическим продолжением черняховской. Обычно исследователи, оспаривающие это положение, ссылаются на действительно имевший место резкий упадок культуры, связанный с гибелью позднеантичной цивилизации, вызвавшей резкое огрубение культуры в последующее вре-

¹⁸ Э. А. Рикман. Поселение первых столетий н. э. Собарь в Молдавии (о связях черняховцев с античным миром). СА, № 2, 1970.

¹⁹ «Istoria României». București, 1960, p. 616—621.

²⁰ Э. А. Рикман, И. А. Рафалович. К вопросу о соотношении черняховской и раннеславянской культур в Днестровско-Дунайском междуречье. КСИЯ, 1965, вып. 105, стр. 42—59.

мя и отличия, связанные с дальнейшим развитием черняховской культуры. Однако контраст между обеими культурами настолько разителен, что о прямой генетической преемственности не может быть и речи.

Это не снимает вопроса о связях культур, которые, не будучи генетическими, тем не менее могут существовать в том случае, если остается хоть в небольшой степени население — носитель этих связей. Рассмотрим черты сходства между культурами черняховской и VI—VII вв. н. э.

У черняховцев и племен VI—VII вв. наблюдаются группы поселений («гнезда»), расположенных в непосредственной близости одно от другого. Гнездовое расположение поселений свидетельствует о сходных пережитках первобытнообщинного строя, которые у черняховцев почти ликвидированы, а у племен VI—VII вв. н. э. представлены несравненно ярче.

В топографии поселений черняховцев и племен VI—VII вв. есть сходные черты: они не укреплены, расположены обычно на пологих склонах долин, окружены пригодными для земледелия землями, рядом с источниками питьевой воды. Сходные требования к расположению поселений приводили иногда к перекрываниям черняховских слоев остатками поселений VI—VII вв., что отмечено на селищах Лопатна²¹, Хуча, Ханска и других.

Примечательно, что на некоторых селищах VI—VII вв. н. э. наряду с землянками обнаружены остатки наземных построек, конструкция которых, судя по сохранившимся строительным материалам, такая же, как и у наземных жилищ черняховцев. Сочетание наземных и углубленных жилищ характерно как для черняховцев, так и для племен VI—VII вв. н. э., что отмечено на селище Стрэулеşt-Лунка²², а вне рассматриваемого района на Пастырском поселении²³.

Жилища VI—VII вв., известные на селищах Реча, Ханска, Хуча, Малаешты, Бранешты XIII, Сучава²⁴, Бухарест²⁵, Тырг-шор²⁶, Сэлэшур, — землянки почти квадратной формы площадью около 16 кв. м с печью-каменкой или очагом. Черняховские землянки при ряде сходных черт (площадь, форма, глубина) имеют

²¹ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. МИА, № 89, 1960, стр. 285—290.

²² M. Comşa. Contribuţii la cunoaşterea culturii străromine în lumina săpăturilor de la Bucov (rşi reg Ploesht). SCIV, I, anul X, 1959, p. 93; M. Constantiniu. Elemente romano-bizantine în cultura materială a populaţiei autohtone din partea centrală a Munteniei în secolele VI—VII e. SCIV, t. 17, N 4, 1966, p. 668.

²³ М. Ю. Брайчевский. Работы на Пастырском городище в 1949 г. КСИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 162.

²⁴ Mircea D. Matei. Contribuţii arheologice la istoria oraşului Suceava, 1963, p. 28—30.

²⁵ S. Morintz, P. Roman, D. V. Rosetti şi Gh. Cantacuzino. Săpăturile arheologice aflu Bucureşti. MCA, t. VIII, стр. 763.

²⁶ D. Popescu, N. Constantinescu, Ch. Diaconu şi V. T. Teodorescu. Şan tierul arheologic Tîrgşor. MCA, t. VII, стр. 640, 642, рис. 5.

небольшие отличия от позднейших: пол и стены обмазаны глиной; печь-каменку всегда заменяет очаг.

Для могильников черняховской культуры характерно сочетание трупоположений и трупосожжений, причем процент трупоположений со временем возрастает. На территории карпато-дунайских земель черняховские могильники, которые румынские археологи датируют серединой III—IV в. или IV в. (Извоаре, Сынтана де Муреш, Тыргу Муреш, Какалець, Спанцов и др.), характеризуются преобладанием обряда трупоположений, перерастающего в моноритуализм²⁷.

Обряд трупоположений характерен для могильников пастырской культуры²⁸, чем, видимо, закрепляется тенденция развития погребального обряда у черняховцев.

В других могильниках VI—VII вв. н. э. Карпато-Днестровья наблюдаются исключительно трупосожжения (Сэрата Монтеору²⁹, Балта Верде³⁰). Между ними и могильниками черняховской культуры существует коренное различие, и для сравнительного анализа пригодны только трупосожжения. Обе группы памятников сближает отсутствие внешних признаков могил, наличие двух основных типов трупосожжений, которые совершались на стороне: в урнах и ямах. Но в черняховских могильниках господствуют трупосожжения в урнах, а в VI—VII вв. — в ямах. Урны в черняховских могильниках обычно накрыты сосудами, а в VI—VII вв. крышки отсутствуют³¹. Таким образом, в трупосожжениях черняховцев и VI—VII вв. при сходстве обрядности наблюдаются отличия в процентном соотношении разновидностей и деталях ритуала.

Пальчатые и двухщитковые фибулы, обычные для памятников VI—VII вв. н. э., были распространены у древних славян, германцев, аваров (Ханска, Сучава Сэрата Монтеору) и развились из двупластинчатых фибул, известных на черняховских памятниках (Николаевка, Тыргшор³², Малаешты³³). Овальные пряжки, широко представленные на черняховских памятниках, находят полную аналогию в одном из типов пряжек VI—VII вв.³⁴

²⁷ Gh. Diaconu. Problem ale culturii Sintana Cerneahov pe teritoriul R.P.R. în lumina cercetărilor din necropola de la Tirgșor, SCIV, 2, anul XII, 1961, стр. 280.

²⁸ М. И. Артамонов. Этническая принадлежность и историческое значение на пастырската культура. «Археология». Год XI, 3, 1969, стр. 5.

²⁹ J. Nestor. Slavi pe teritoriul R.P.R. în lumina documentelor arheologice. SCIV, 1, anul X, 1959, p. 62.

³⁰ D. Berciu și Eug. Comșa. Săpăturile de la Balta Verde și Gogoși (1948 și 1960). MCA, t. II, p. 403—405.

³¹ J. Nestor și E. Zaharia. Săpăturile de la Sărata-Monteoru din 1955, MCA, t. IV, p. 187—193.

³² Г. Диакону. К вопросу о культуре Сынтана — Черняхов на территории РНР в свете исследования могильника в Тыргшоре, «Nouvelle série», V, 1961, стр. 418.

³³ Г. Б. Федоров. Малаештский могильник. МИА, № 82. М., 1960, рис. 18.

³⁴ J. Nestor și E. Zaharia. Săpăturile de la Sărata — Monteoru. MCA, t. VI. București, 1959, рис. 1, 4.

На черняховских памятниках Будешты и Балцаты найдены треугольные железные и бронзовые подвески, причём последняя из Балцат орнаментирована вдавленными треугольниками. Аналогичные подвески распространены на памятниках VI—VII вв. Украины³⁵.

Перечисленные выше черты, разрозненные и немногочисленные, общие для культур черняховской и VI—VII вв., можно взять в расчёт при рассмотрении связей этих культур только при одновременном изучении преемственности в керамике.

Лепная керамика для поставленной нами цели представляет особый интерес. Сравниваемые группы керамики характеризуются почти идентичной технологией: ленточная техника формовки, шамот, реже песок или толчёный известняк в качестве примеси к тесту, неполный обжиг.

У черняховцев и в VI—VII вв. основной формой является горшок. Среди черняховских горшков есть сосуды, сходные с лепными горшками VI—VII вв. Пожалуй, особенно убедительна близость горшков баночной формы, причём наибольший диаметр приходится на середину высоты или немного выше. Пропорции стройные, венчики высокие, плавно отогнутые наружу. Плечики пологие. Диаметры дна и венчика равны либо дно чуть меньше, причём на границе дна и туловища характерный перегиб.

Такие сосуды встречены, с одной стороны, в могильниках Будешты и Малаешты (тип 8)³⁶, а с другой — на поселениях VI—VII вв. Ханска II, Костешты, Кайнары, т. е. на границе степи и лесостепи. В меньшем количестве эта посуда представлена в глубине лесостепи на поселениях VI—VII вв. Хуча, Стынкауцы, Непонысы. В Днестровско-Прутском междуречье эта керамика сочетается с раннесредневековыми амфорами и серой гончарной посудой, на которой мы ещё остановимся особо.

И. А. Рафалович относит эту керамику к типу II посуды VI—VII вв., распространённой между нижними Поднестровьем и Подунавьем на памятниках культуры Чурел³⁷.

Среди керамики могильников Будешты и Малаешты, поселения Балабанеты встречен тип сосудов, отличающихся вытянутыми пропорциями, наибольший диаметр которых приходится на верхнюю треть тулова. Этот тип сосудов широко представлен и в памятниках VI—VII вв. В изучаемом районе он наблюдается в могильнике Сэрата Монтеору, на поселениях Сэлашурь, Старые Малаешты, Хуча, Бранешты XIII³⁸.

³⁵ В. В. Аудіх. Матеріали з верхнього горизонту городища Біля с. Зімне, Волинської області. МДАПВ, в. 3. Київ, 1961, рис. 5, 8.

³⁶ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья, табл. 22, 3—5.

³⁷ И. А. Рафалович. Поселение VI—VII вв. у с. Ханска. КСИИ, вып. 113, 1968, стр. 99.

³⁸ И. А. Рафалович. Славяне VI—IX веков в Молдавии. Кандидатская диссертация. М., 1968, стр. 181—183.

Высокой горловиной и прямым венчиком отличаются от горшков предыдущего типа сосуда из могильника Будешты. Близкие формы есть в могильнике VI—VII вв. Сэрата Монтеору. На поселениях VIII—XI вв. этот тип горшков представлен широко (Скок, Бранешты I, Одая).

Миски, редко встреченные на памятниках черняховских (Будешты) и последующего периода (Хуча, Незвиско)³⁹, имеют черты близкого сходства: они невысоки, края их обычно загнуты внутрь.

Сходной чертой лепной керамики памятников черняховских и VI—VII вв. является ее неорнаментированность, хотя на незначительном числе сосудов второй группы появляется орнамент в виде насечек палочкой по краю венчиков.

Особо надо остановиться на рельефной орнаментации черняховских и раннеславянских сосудов. На трех сосудах из могильника Будешты под венчиками имеется по четыре орнаментальных выступа. Такие же сосуды отмечены неоднократно на памятниках первых веков н. э. в карпато-днестровских и карпато-дунайских землях и рассматриваются румынскими археологами, как поздняя гето-дакийская форма⁴⁰. Орнаментальные выступы изредка встречаются и на памятниках VI—VII вв. (Семенки⁴¹, Хуча).

Подводя итоги рассмотрению лепной посуды памятников черняховских и VI—VII вв., отметим, что в этих ассортиментах есть сходные формы. В одном типе посуды наблюдается несомненная преемственность.

Особого внимания заслуживает рассмотрение вклада, который высокоразвитое ремесленное гончарство черняховцев не могло не внести в керамическое производство последующих поколений (VI—VII вв. н. э.). Этой теме мимоходом касались многие авторы. Так, М. И. Артамонов указал на возможность происхождения пастырской круговой керамики от черняховской, к сожалению, не разобрав этот вопрос на конкретном материале⁴².

В Днестровско-Прутском междуречье наиболее отчетливо черты, берущие начало от керамики черняховской культуры, видны в гончарной посуде памятников типа Ханска II. На поселениях Ханска I и II имелось около 1% гончарной посуды (без амфор). В ассортименте керамики для решения рассматриваемого вопроса наибольший интерес представляют круговые горшки

³⁹ Г. И. Смирнова. Раннеславянское поселение у с. Незвиско на Днестре. «Рапăткă археологичек», 1960, I, стр. 227, 228.

⁴⁰ Б. Митря. Могильники в селе Индепенденца и погребение в селе Коконь (к вопросу о культуре Синтийна-де-Муреш — Черхняхово). «Dacia», III, 1959.

⁴¹ П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. МИА, № 108. М., 1963, стр. 325, рис. 6, 1—7.

⁴² М. И. Артамонов. Этническая принадлежность и историческое значение на пастырская та культура. «Археология». Год XI, 3, 1969, стр. 3.

почти шаровидной формы с отогнутыми венчиками, округлыми в сечении. Горшки эти серого цвета, т. е. прошли восстановительный обжиг в гончарных горнах. Они обожжены равномерно насквозь. В тесте примесь песка. Орнамент состоит из проложенных вертикальных или перекрещивающихся линий, образующих сетку из ромбов. Между вертикальными линиями иногда встречаются проложенные вертикальные волны.

Орнамент из вертикальных проложенных линий типичен для серой гладкой круговой посуды сарматов, изредка черняховцев (Делакэу), племен VI—VII и VIII—X вв. С этим орнаментом иногда сочетаются ряды из одного или нескольких горизонтальных желобков (параллельных), а между рядами проложенные зигзаги или параллельные волнистые желобки. Для некоторых сосудов характерен орнамент в виде нескольких горизонтальных размашистых желобков-волн. Описываемые сосуды являются неотъемлемой частью керамического комплекса поселения Ханска II, так как найдены не только в культурном слое, но и в заполнении ряда полуземлянок, где наряду с подавляющим числом фрагментов лепной посуды VI—VII вв. (горшки, сковороды, лепешницы) найдено незначительное количество обломков гончарной посуды, относящихся к тому же комплексу⁴³.

Охарактеризованные выше горшки по форме, технике производства (тесто, обжиг, цвет) и сходным элементам орнамента представляют собой дальнейшее развитие горшков черняховской культуры вида А, который на памятнике Будешты охватывает около 75% общего числа целых горшков.

Сферические горшки характерны для керамики всех памятников черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья и остальных районов распространения этой культуры. Среди этих сосудов серые лощеные (гладкие) горшки наиболее ясно обнаруживают черты прототипа по отношению к описанным выше сосудам VI—VII вв.⁴⁴ Сосуды обеих хронологических групп отличаются тем, что в первой орнамента почти не бывает, а горшки позднейшие богато украшены проложенным или желобчатым орнаментом, элементы которого типичны и для более ранней черняховской керамики.

Керамика (гончарная) из Ханска I и II рядом своих черт находит аналогии в круговой посуде памятников VI—VII вв. н. э. лесостепной и отчасти степной зон Днестровско-Прутского междуречья, где круговая посуда составляет невысокий процент в общем числе керамики.

⁴³ И. А. Рафалович. Славяне VI—IX веков в Молдавии. Кандидатская диссертация. М., 1968, стр. 186—190; он же. Поселение VI—VII вв. у с. Ханска. КСИИ, вып. 113, стр. 100, рис. 30, 5, 7 и 11.

⁴⁴ Э. А. Рикман. Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967, стр. 22. В Будештах их было 5, в Делакэу — 1, в Бачое — 1, в Малаештах — 3.

Керамический гончарный комплекс из поселений Ханска I и II идентичен посуде памятников культуры Чуреп VI—VII вв. Это, в частности, засвидетельствовано М. Комша. Несколько десятков поселений этой культуры известно в Нижнем Подунавье⁴⁵. Поэтому традиции гончарного производства черняховцев, сохранившиеся в памятниках типа Ханска, могут быть подтверждены рассмотрением аналогичных явлений в культуре Чурел в целом.

Действительно, следы, оставленные керамическим производством племен черняховской культуры в посуде памятников типа Чурел (Ипотешть — Кындешть)⁴⁶ VI—VII вв. н. э., весьма выразительны. Выше было сказано об индивидуальном сходстве одного из типов лепных горшков. В еще большей степени сходство наблюдается в гончарной керамике. Прежде всего отметим, что, как у черняховцев, в упомянутой культуре зачастую преобладает гончарная посуда, в особенности на поселениях на берегу Дуная у границы с Византией⁴⁷. Среди круговой керамики, как у черняховцев, имеются группы: 1) серые или красноватые гладкие сосуды с едва заметными примесями в тесте и 2) с грубыми примесями и шероховатой поверхностью.

Все типы горшков, отмеченные на памятниках культуры Чурел, находят аналогию в керамике III—VI вв. н. э. Это относится к форме, технике производства сосудов и их орнаментации⁴⁸.

На памятниках типа Чурел, как на селищах типа Ханска, имеется группа горшков сферической формы, происхождение которой особенно ощутимо связано со сферическими сосудами черняховцев. Орнамент состоит из тех же элементов, которые наблюдаются на керамике черняховцев.

Таким образом, на памятниках культуры Чурел традиции черняховского гончарства представлены весьма ощутимо. В Днестровско-Прутском междуречье они менее заметны, а чем дальше к востоку, тем более они убывают.

Восточная граница распространения памятников VI—VII вв. с керамикой, где наиболее ощутимо прослеживаются традиции черняховского гончарства, вероятно, проходит где-то по Южному Бугу, где на поселении Семенки найдены 17 фрагментов круговой керамики⁴⁹, аналогичной той, которая обнаружена в Ханске

⁴⁵ М. Комша. Новые сведения о расселении славян на территории РНР. «Romanoslavica», IX. București, 1963, s. 507.

⁴⁶ V. Teodorescu. Despre cultura Jpotești—Cindești în lumina cercetărilor arheologice din nord estul Munteniei (regiunea Ploiești). SCIV, 1964, 3, tomul 15, p. 485—499.

⁴⁷ Г. Б. Федоров, Л. Л. Полевой. Материальная культура ранних славян в Карпато-Дунайских землях. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 209.

⁴⁸ M. Constantiniu. Указ. соч., стр. 669—671.

⁴⁹ И. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. Сб. «Славяне накануне образования Киевской Руси». МИА, № 108. М., 1963, стр. 340, 342, рис. 19.

и на памятниках культуры Чурел, и вместе с последней напоминающей керамику черняховской культуры.

Вышеупомянутая керамика культуры Чурел и поселений Поднестровья — Побужья родственна одной из групп посуды пастырского типа⁵⁰. Сходство имеется в технике производства, орнаменте и частично в формах сосудов рассматриваемых культур. Некоторыми свойствами керамика пастырского типа является продолжением посуды черняховской культуры. Отдельными элементами орнамента и техникой производства круговая керамика типа Чурел — Ханска напоминает посуду из Канцерки⁵¹. Однако следует здесь же отметить, что в остальных особенностях сравниваемых культур черняховской и VI—VII вв. больше черт отличий, чем сходства. То же в еще большей степени относится к культурам VIII—XI вв.

Некоторые элементы черняховской культуры, очевидно, через носителей культур Ханска II — Чурел были усвоены племенами IX—X вв. западного варианта салтово-маяцкой культуры⁵² в низовьях Дуная и Днестра: Дриду, балкано-дунайская и т. д.

Этим, вероятно, объясняется наличие некоторых общих черт в домостроительстве поселений культур черняховской, Чурел и Дриду: сосуществование землянок и наземных жилищ с очагами⁵³.

Продолжение существования некоторых отличительных особенностей погребального обряда могильников черняховской культуры, пожалуй, наблюдается в могильниках типа Лимбарь и Кэпрэрия у с. Ханска, исследованных в лесостепной Молдавии и датированных И. Г. Хынку X—XIV вв. Представляется, что памятник содержит разновременный материал и в основной части относится к X в., к культуре Дриду.

Кладбища черняховской культуры (поздние) и типа Лимбарь — Кэпрэрия роднит наличие грунтовых трупоположений с вытянутыми костяками, ориентированными головой на запад. Индивидуальные отклонения обряда такие же, как в могильниках черняховской культуры, в частности вторичные вскрытия погребений и ритуальные захоронения животных, отклонения в позах и ориентировке костяков и т. д.⁵⁴

⁵⁰ М. Ю. Брайчевский. Работы на Пастерском городище в 1949 г. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 162; А. Т. Сміленко. Осіле населення степового Подніпров'я в раннь середньовіччя. «Археологія», т. XXII, 1969, стр. 163.

⁵¹ Т. М. Мінаева. Кераміка балки Канцирка в світлі археологічних досліджень на Північному Кавказі. «Археологія», т. XIII, 1961, стр. 119—128.

⁵² С. А. Плетнева («От кочевий к городам». МИА, № 142. М., 1967, стр. 8) полагает, что в нижнем Подунавье распространен западный вариант салтово-маяцкой культуры.

⁵³ М. Сомъа. Săpăturile de la Bucov. MCA, t. VII. București, 1961, p. 549.

⁵⁴ И. Г. Хынку. Памятники балкано-дунайской культуры X—XIV вв. лесостепной полосы Молдавии. Сб. «Археология, этнография и искусствоведение Молдавии». Кишинев, 1968, стр. 111, 112.

По антропологическим данным, население из Ханска было механически перемешанным и состояло из долихокранов и брахикранов. Последние близки к составному компоненту населения, создавшего салтово-маяцкую культуру (болгарам) и представленному в могильниках Саркельском и т. д.⁵⁵

Особенно отчетливо традиции черняховской культуры, переданные опять-таки носителями культуры Чурел — Ханска II, ощущаются в керамическом производстве племен культур балкано-дунайской, Дриду. О традициях керамического производства племен римской эпохи в керамике культуры Дриду писал И. Нестор⁵⁶.

В этой же связи показательно, что в керамике культуры Дриду⁵⁷, как и в керамике культур Чурел и черняховской, наблюдаются две группы сферических сосудов: 1) серая с гладкой поверхностью и почти неразличимыми примесями в тесте, 2) посуда аналогичного характера с шероховатой черного цвета поверхностью, с песком в тесте; орнамент состоит из пролощенных линий и каннелюр⁵⁸.

В комплексе гончарной керамики поселений культуры Дриду наблюдаются шарообразные горшки из хорошо отмученной глины, сформованные на гончарном круге, прошедшие сквозной восстановительный обжиг и приобретшие серый цвет. Эти сосуды характеризуются хорошо выраженными венчиками, округленно реберчатыми в сечении, довольно высокими шейками, гладкой или лощеной поверхностью.

На селище Лимбарь-Кэпрэрия в вышеописанной технике выполнено 5—8% гончарных горшков и кувшинов, формы которых из-за фрагментарности материала определить не удалось.

Показателен орнамент из пролощенных линий: вертикальных (Лимбарь — Кэпрэрия, Дриду, Сату Ноу)⁵⁹, горизонтальных и волнистых (Калфа)⁶⁰, перекрещивающихся под углами и образующих сетку из ромбов на всей поверхности (Дриду, Калфа, Лимбарь — Кэпрэрия), волна между двумя линиями (Калфа)⁶¹, узкая полоса из перекрещивающихся линий, образующих сетку из ромбов (Александрен)⁶². Кроме того, отмечен орнамент,

⁵⁵ М. С. Великанова. Об одной группе средневекового населения Молдавии по антропологическим данным. СЭ, № 6, 1965, стр. 61—75.

⁵⁶ J. Neștor. Contributions archéologiques au problème des protoroumains. La civilisation de Dridu. «Dacia». Nouvelle série, II, 1958, p. 376.

⁵⁷ I. Neștor și E. Zaharia. Săpăturile de la Dridu. MCA, t. VII. București, 1959, p. 599, fig. 3, 1, 10, 11.

⁵⁸ И. Г. Хынку. Памятники балкано-дунайской культуры X—XIV вв., стр. 122.

⁵⁹ I. Neștor și E. Zaharia. Săpăturile de la Dridu. MCA, t. VII, fig. 1, 7; B. Mitrea. Șantierul arheologic Satu Nou. MCA, t. VII, fig. 5, 2.

⁶⁰ Из раскопок Г. Ф. Чеботаренко 1961 г.

⁶¹ Из раскопок Г. Ф. Чеботаренко 1959 г.

⁶² B. Mitrea și C. Preda. Săpăturile de salvare de la Alexandru. MCA, t. V, p. 180, 181 и fig. 5.

выполненный углубленными линиями (Дриду, Калфа, Сату Ноу)⁶³.

Из этого описания видно, что охарактеризованные выше горшки имеют несомненные черты сходства по форме, технике производства и орнаментации с шарообразными горшками с памятников типа Ханска II и черняховской культуры.

На территории Трансильвании, как и в карпато-дунайских землях, также прослеживается развитие серой керамики из хорошо отмученного теста. Форма ее сфероидальная, а орнамент — пролощенные линии в виде зигзага или полосы ромбов из перекрещивающихся линий. Как пишет К. Хоредт, эта посуда развивалась в керамике даков, просуществовав до послеримского времени. Затем она отмечена в памятниках VII и IX—X вв.

Проблема связей между черняховской и салтово-маяцкой культурами заслуживает того, чтобы быть рассмотренной не только в низовьях междуречья Дуная и Днестра, но и на всей территории распространения салтово-маяцкой культуры.

Для восточных районов Северного Причерноморья генетические связи между сармато-аланской, черняховской и последующей салтово-маяцкой культурами отмечены Н. Я. Мерпертом⁶⁴.

«В основу салтово-маяцкой культуры, — пишет С. А. Плетнева, — несомненно, легла сармато-аланская культура»⁶⁵. В западных районах Северного Причерноморья она в III—IV вв. н. э. видоизменяется в черняховскую культуру. Сармато-аланские племена были там в числе носителей последней.

Некоторые сосуды, широко распространенные на памятниках черняховской культуры, послужили прототипами сосудам, распространенным на памятниках салтово-маяцкой культуры.

Таковы круговые округлобокие кувшины с двумя ручками, широко распространенные на памятниках черняховской культуры. На памятниках типа Ханска и Чурел такие сосуды пока не найдены. Близкие по форме (несколько более вытянутые) и аналогичные по технике производства кувшины найдены на памятниках салтово-маяцкого типа и родственного характера. Показательно, что орнамент на этих последних сосудах хранит черты преемственности от посуды с памятников типа Ханска II и черняховской культуры: вертикальные пролощенные линии⁶⁶, иногда сочетающиеся с узким пояском, образуемым перекрещивающимися пролощенными линиями в виде сетки ромбов⁶⁷.

⁶³ Из раскопок Г. Ф. Чеботаренко 1959 г.

⁶⁴ Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 16, 26, 27.

⁶⁵ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 185.

⁶⁶ М. Chișaghi-Comșa. Săpăturile de la Bucov. MCA, t. V, fig. 1, p. 496.

⁶⁷ С. А. Плетнева. Керамика Саркала — Белой Вежи. МИА, № 73. М.—Л., 1959, рис. 1, II.

Такого же рода орнамент распространен на аланских кувшинах X—XII вв. из Северного Кавказа⁶⁸.

Таким образом, памятники салтово-маяцкой и родственных культур с кувшинами, в которых воспроизводится форма такой же посуды черняховцев, распространены в Подонье, на Северном Кавказе, в Румынии и Болгарии (Новый Пазар)⁶⁹.

К сказанному выше остается добавить, что некоторые круговые лощеные реберчатобокые миски второй половины I тыс. н. э. из памятников салтово-маяцкого типа напоминают миски, распространенные на памятниках черняховской культуры⁷⁰.

Таким образом, керамика поднепровских⁷¹ и волго-донских областей⁷² распространения салтово-маяцкой культуры имеет некоторые черты сходства с посудой черняховской культуры в технике производства и орнаментации, существенно отличаясь от культуры Дриду несравненно меньшими традициями, идущими от черняховцев; в особенности это относится к формам посуды.

В итоге отметим, что наблюдаются отдельные черты сходства между культурами черняховцев и племен VI—X вв. низовьев Днестровско-Дунайского междуречья. Необходимо вновь подчеркнуть то, что мы имеем дело с различными культурами. Ни на одном памятнике черняховцев и VI—X вв. сходные элементы не встречены совокупно и тонут в массе различных черт черняховской и последующих культур. Традиции черняховской культуры представлены минимально в памятниках VI—VII вв. типа Реча⁷³, Хуча⁷⁴, которые с наибольшей вероятностью именуются раннеславянскими. И по антропологическим данным генетическая связь между племенами черняховской культуры и славянами в Днестровско-Прутском междуречье отсутствует⁷⁵.

Тем не менее есть основания ставить вопрос, что черняховская культура повлияла на формирование племен, представленных памятниками типа Ханска II. То же еще в большей степени можно сказать о культуре Чурел. Наиболее отчетлива связь отдельных форм лепной (тип II по И. А. Рафаловичу) и круговой керамики, встреченных в совокупности на памятниках культуры Чурел. Такое индивидуальное сходство возможно лишь в том случае, если традиции производства керамики сберегли потомки

⁶⁸ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА. № 108. М., 1962, рис. 17, 24.

⁶⁹ Ст. Станчев, Ст. Иванов. Некропольт до Нови Пазар. София, 1958, табл. XV.

⁷⁰ С. А. Плетнева. Керамика Саркала — Белой Вежи, рис. 7, 2.

⁷¹ А. Т. Смѣленко. Указ. соч., стр. 173.

⁷² С. А. Плетнева. От кочевий к городам, стр. 103—134.

⁷³ И. А. Рафалович. Раннеславянское поселение VI—VII вв. у с. Реча в Молдавии. «Археология, этнография и искусствоведение Молдавии». Кишинев, 1963, стр. 181—185.

⁷⁴ И. А. Рафалович. Раннеславянское селище Хуча VI—VII вв. КСИА, вып. 105. М., 1965, стр. 123—128.

⁷⁵ М. С. Великанова. К антропологии средневековых славян Прутско-Днестровского междуречья. СЭ, № 6, 1964, стр. 53.

черняховцев — племена, входившие в готский племенной союз, отступившие под ударом гуннов в Карпато-Дунайские земли и продолжавшие там развиваться в рамках культуры Чурел.

Перемещение племен черняховской культуры под напором гуннов имели место не только к западу, но и к юго-востоку от основной зоны распространения культуры. Так, после гуннского разгрома возрождается Танаис силами населения, культура которого имеет ярко выраженную черняховскую окраску (аналогичные керамика, гребни и т. д.)⁷⁶. Очевидно, это население заняло город, оттесненное туда гуннским племенным союзом.

Отдельные черты преемственности между культурами первых столетий н. э. и VI—VII вв. еще отчетливее проявляются на севере лесостепной зоны в Северном Прикарпатье и юго-западной Волыни⁷⁷, где, видимо, племена были мало сдвинуты гуннским нашествием.

Как было выше показано, некоторые черты преемственности существуют между культурами Чурел и западных вариантов салтово-маяцкой (Дриду, Буков, Калфа, Новый Пазар) в жилищах, погребальном обряде и в особенности в керамическом производстве. Упомянутые черты преемственности соединяют культуру Дриду и Чурел с черняховской.

Какие же племена обеспечили почти полную непрерывность в передаче некоторых черт культурных традиций? Их надо искать среди тех племен, которые, по данным древних авторов, обитали в рассматриваемом районе.

В первую очередь непрерывную передачу культурных традиций следует предположить со стороны аланов, входивших в состав носителей черняховской культуры и продолжавших после ее гибели обитать в отличие от германских и фракийских племен в Днестровско-Прутском междуречье и в Карпато-Нижнедунайском районе вплоть до средневековья⁷⁸.

В пределах распространения культуры Чурел от Нижнего Подунавья до Днестра расселялись и другие племена, исторически в разной степени связанные с племенами черняховской культуры. По данным письменных источников в VI—VII вв. н. э., западная часть Северного Причерноморья была заселена болгарским племенем кутригуров, вобравшим в себя древнее сармато-аланское население края и унаследовавшим элементы его культуры⁷⁹, которая во II—IV вв. н. э. была именно черняховской. Полагают,

⁷⁶ Д. Б. Шелов, Указ. соч. Глава VII. Танаис IV—V вв. н. э., стр. 21, 25, 33, 34. В печати.

⁷⁷ В. Д. Баран: О соотношении культур римского и раннесредневекового времени на территории Северного Прикарпатья и юго-западной Волыни. «I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej», Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969, s. 238—248.

⁷⁸ Упомянуты в конце IV, начале V, VIII, X, XIII—XIV вв. Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899, стр. 19, 23, 24, 54.

⁷⁹ М. И. Артамонов, Указ. соч., стр. 8.

что наличие в Поднестровье алано-болгарского населения нашло отклик в археологическом материале⁸⁰.

В очерченном районе, в частности в Поднестровье⁸¹, в VI—VII вв. обитали склавины, а в Карпато-Дунайских землях также авары и гепиды и, как предполагают, дако-романские племена⁸², говорившие на латинском языке, в областях к северу от Дуная⁸³.

Таким образом, область распространения культуры Чурел была занята различными оседлыми и полукочевыми племенами, которые, очевидно, и были носителями этой культуры. То же можно сказать и об области распространения западных вариантов салтово-маяцкой культуры Дриду. В X в. область между Дунаем и Днестром была заселена славянами, как полагают, проторумынами⁸⁴, черными или внутренними болгарами⁸⁵.

Так выглядит цепь народов, среди которых основное место занимают аланы, осуществившие передачу некоторых традиций черняховской культуры племенам VI—X вв.

⁸⁰ И. А. Рафалович. Славяне VI—XI веков в Молдавии. Кандидатская диссертация; М., 1968, стр. 177—181.

⁸¹ В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1966, стр. 17; М. Comşa. Slavii pe teritoriul R.P.R. în lumina documentelor arheologice. SCIV, 1, anul X, 1959, p. 52, 53, 62.

⁸² J. Nestor. Slavii pe teritoriul R.P.R. în lumina documentelor arheologice. SCIV, 1, 1959, p. 52, 53, 62.

⁸³ Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899, стр. 44; М. Комша. Новые сведения..., стр. 514.

⁸⁴ М. Comşa. Slavii, p. 74. Полагают, впрочем без достаточных оснований, что культура Дриду является целиком проторумынской (J. Nestor. Ibid., s. 59, 60).

⁸⁵ М. И. Артамонов. Указ. соч.; А. В. Гадло. О черных и внутренних болгарах. «Доклады по этнографии», 6, 1968.

ЗИМНОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ И ЕГО МЕСТО СРЕДИ РАННЕСЛАВЯНСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Третья четверть I тыс. н. э. — чрезвычайно интересный период истории восточных славян. Именно в это время происходят важнейшие процессы, приведшие в конечном итоге к глубоким экономическим, а затем и социальным переменам в структуре восточнославянского общества. В результате этих перемен в конце тысячелетия возникает более совершенный феодальный строй общества, формируется древнерусская народность и появляется первая в истории восточных славян государственность.

Письменные источники, освещающие этот период истории, очень неполны, фрагментарны и говорят в основном о племенах, обитавших на восточнославянском юге, с которыми вступала в непосредственные контакты Византийская империя. Основной категорией источников для изучения истории населения преобладающей части восточнославянской территории являются археологические источники, систематическое исследование которых началось только в 50-х годах нашего века.

В Западной Волыни и Северном Прикарпатье известно сейчас свыше тридцати археологических памятников VI—VII вв. Это преимущественно открытые поселения. На восьми памятниках проведены систематические исследования, остальные исследования попутно, во время изучения многослойных памятников.

На общем фоне памятников этой территории выделяется городище у с. Зимно Владимир-Волинского района Волинской области. Результаты исследования этого памятника легли в основу настоящей статьи.

Памятник расположен в урочище «Городище», находящемся на центральной части узкого останца высокого коренного берега р. Луг (притока З. Буга), выступающего в форме дугообразного мыса на заболоченный надпойменный луг. У основания мыс отделен от коренного берега глубоким перекопом, в который направлено новое, искусственное русло безымянного потока, омывавшего мыс с запада и севера. Самая высокая, центральная часть мыса, на которой находится городище, была уже во время его существования обособлена глубокими перекопами, усиливающими ее обороноспособность. Относительная высота мыса в этом

месте достигает 15—16 м, западная и восточная его части на 5—6 м ниже. Городище имеет неправильную треугольную форму; его длина составляет около 135 м, максимальная ширина в юго-восточной части 65 м, а с северо-западной 14 м. Мыс с запада, севера и востока окружен заболоченными лугами, до недавнего времени непроходимыми (рис. 1).

Зимновский памятник многослоен, в его культурном слое встречаются находки, относящиеся к разным археологическим культурам, начиная с энеолитического времени и кончая Древней Русью, но самыми многочисленными являются раннеславянские материалы третьей четверти I тыс. н. э. и культуры воронковидных кубков, которые образуют четкие горизонты в пределах общего культурного слоя. Интересующий нас верхний горизонт четко отличается от нижнего сероватым оттенком земли, вклю-

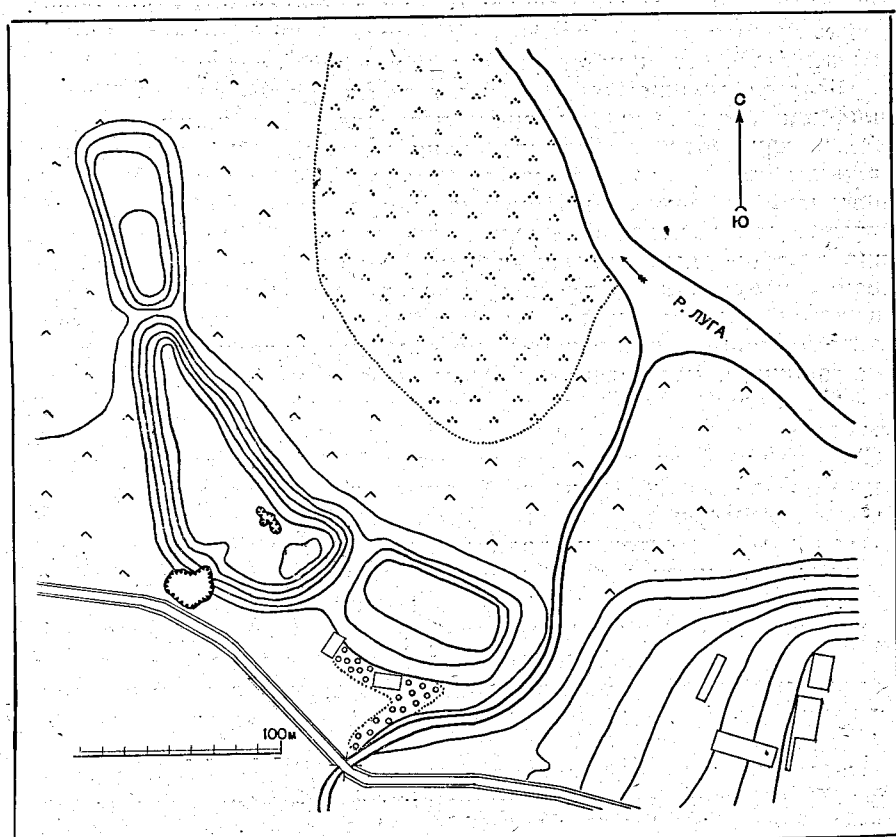

Рис. 1. Зимновское городище, ситуационный план

чающей большое количество пепла и древесных углей. Средняя его толщина колеблется в пределах от 0,6 до 1,4 м и только в северо-западной и юго-восточной частях городища, где были в древности произведены крупные земляные работы, достигает 3,8 м. Насыщенность культурными остатками в центральной и северо-восточной части платформы значительно ниже, чем на остальной площади памятника.

Вдоль юго-западного края площадки городища обнаружены остатки сгоревших деревянных оборонительных конструкций в виде завала обгоревших бревен. Части бревен, достигавшие 2,5—3 м длины, лежали параллельно к краю платформы. При разборке скопления обнаружено, что это остатки забора, построенного из бревен, уложенных между парами вертикальных столбов. В нескольких местах забор прерывали конструкции, состоящие из двух рядов вертикальных столбов. Расстояние между рядами 1,3—1,5 м друг от друга, они расположены перпендикулярно к краю площадки. Немного ниже, по склону, сохранились следы частокола, наклоненного в наполную сторону.

Более сложная картина прослежена в юго-восточной части площадки, над искусственным перекопом, где констатированы следы двух этапов существования укреплений. Остатки более раннего этапа, к сожалению очень плохой сохранности, залегали над насыпью земли, выброшенной при сооружении перекопа. На втором этапе, когда был уже вырыт перекоп, а над ним сооружена валообразная насыпь, внутренняя часть ее была предохранена от расползания стенкой из вертикальных столбов. На гребне насыпи обнаружены остатки забора, а на склоне — наклонного частокола. Аналогичные конструкции находились на стрелке городища, над северо-западным перекопом (рис. 2).

Параллельно к оборонительным конструкциям с внутренней стороны раскрыто два ряда глубоких ям от крупных столбов. Один из них проходил на расстоянии 0,5—0,8 м от забора, второй на 4—5 м дальше. Ямы внутреннего ряда расположены гуще, чем внешнего, и нередко взаимно пересекаются. Во многих ямах четко заметны остатки столбов в виде пятен. На пространстве между рядами столбов обнаружены мазанные из глины кострища, расположенные симметрично между ямами. Именно здесь насыщенность культурного слоя была самой высокой. Оба ряда ям и расположенные между ними кострища следует считать остатками жилых построек городища, сгруппированных вдоль северной, юго-западной и юго-восточной грани его площадки (рис. 2).

Попытаемся реконструировать в общих чертах вид городища. Несомненно, такая реконструкция отчасти будет гипотетической.

Как уже отмечено выше, в ходе раскопок было установлено существование двух этапов сооружения оборонительных кон-

струкций. Первоначальные укрепления сгорели, и на их месте были построены новые. Следы этих укреплений сохранились только под насыпью в северо-западной и юго-восточной частях городища. На остальных участках они были устранены, и поэтому их полная реконструкция невозможна.

Значительно больше данных для воссоздания облика городища на втором этапе его застройки. После пожара, уничтожившего первоначальные укрепления, был произведен большой объем земляных работ, перекопан мыс с обеих сторон городища и подсыпана площадка землей из перекопов. В юго-восточной части городища, с внутренней стороны, насыпь удерживала от расползания вертикальная деревянная стена. На гребне вала был сооружен деревянный забор, состоявший из бревен, уложенных между парами вертикальных столбов. Таким же забором были защищены юго-западный, западный и северный края площадки. Вертикальные столбы были предохранены от расползания специальными деревянными замками, надетыми на их вершины. Стрелка городища не имела вала. Здесь просто на насыпи стоял забор, который огибал площадку параллельно к ее контурам. В нескольких местах забор дополняли выступающие помосты — башни, позволявшие эффективнее обстреливать с флангов наступающего противника. Вдоль северного, западного, южного и юго-восточного краев платформы по склону на 3—5 м

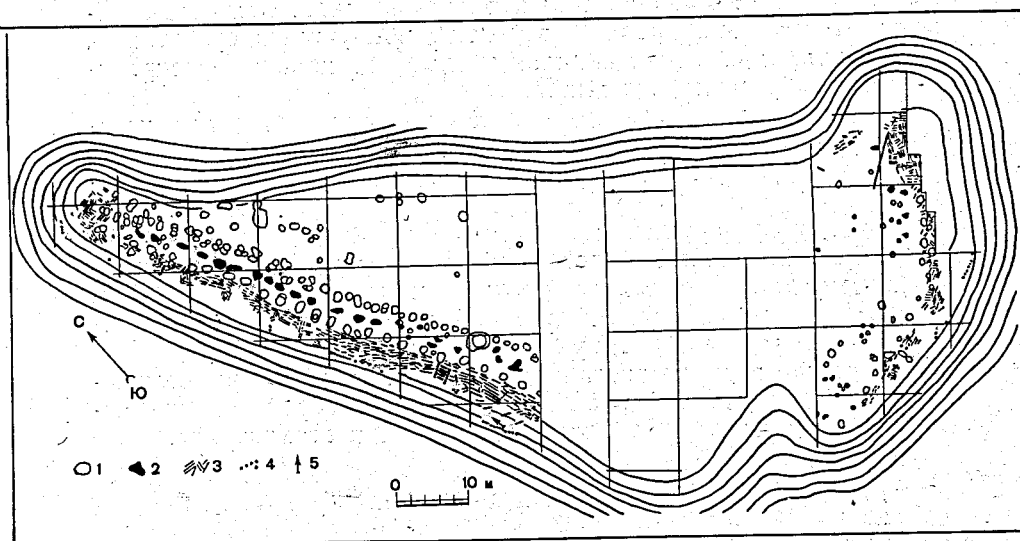

Рис. 2. Зимновское городище, общий план остатков оборонительных и жилых сооружений

1 — ямы; 2 — очаги; 3 — обугленные бревна; 4 — вертикальные столбы; 5 — человеческий скелет

ниже стены стоял частокол, наклоненный в напольную сторону. Неукрепленным оставался только северо-восточный склон городища, повернутый в сторону заболоченной поймы реки, крутой и от природы труднодоступный, в связи с чем не требовавший дополнительного укрепления. Не исключена, однако, возможность, что и этот край был защищен частоколом, который мог проходить немного ниже по склону.

Параллельно к деревянному забору, с его внутренней стороны, была расположена жилищная постройка, имевшая вид длинного здания столбовой конструкции, вероятнее всего, с двухскатной крышей. Следы этого сооружения наиболее четки вдоль западного края платформы и немного хуже в юго-восточной ее части, возле вала. Жилищная постройка примыкала непосредственно к деревянному забору, была с ним конструктивно связана. В ходе раскопок обращал внимание факт, что во многих местах остатки обгоревших оборонительных конструкций были перекрыты слоем рассыпчатой обожженной глины. Можно догадываться, что пространство между деревянным забором и стеной жилища было заполнено насыпной глиной. Во время пожара, когда забор упал, его прикрыла глина из засыпки. Отдаленной аналогией этому сооружению может служить реконструкция вала городища у д. Шапырево на Березинке, описанная П. Н. Третьяковым¹.

Въезд на городище не был укреплен специальными сооружениями. Он находился в юго-восточной части городища, где прослежен перерыв в оборонительных конструкциях. В случае опасности его баррикадировали, вероятно, подручными средствами, а въездная дорога, проходившая вдоль вала, хорошо простреливалась защитниками городища.

Таким образом, Зимненское городище можно отнести к категории укрепленных поселений с «жилистыми стенами», по меткому определению П. Н. Третьякова². Отличие нашего памятника состоит в том, что на большинстве городищ такого типа жилые постройки или окружают площадку городища сплошным кольцом (Тушемля)³, или, в частности на мысовых поселениях, выступают в двух комплексах, вдоль длинных сторон платформы мыса (Шелиги, Барсучья Горка)⁴. В Зимном жилищная постройка занимала только одну сторону мыса.

Городище погибло внезапно, вследствие пожара, уничтожившего его полностью. О масштабах пожара говорит большое количество пепла и мелких древесных углей в верхнем горизонте

¹ П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 39, рис. 10.

² Там же, стр. 60.

³ Там же, стр. 61, рис. 23.

⁴ W. Szymański. Początki wczesnego średniowiecza na Mazowszu Płockim w świetle ostatnich badań. «Z otchłani wieków», т. XXXI, 1965, стр. 197; В. Р. Тарасенко. Раскопки на городище «Барсучья Горка». КСИИМК, вып. XV, 1947, стр. 102—105.

культурного слоя. Вероятнее всего, пожар возник во время нападения. Об этом свидетельствуют многочисленные находки оружия на склонах городища, а также находка обезглавленного человеческого скелета, брошенного между забором и частоколом. Наверное, об аналогичной находке упоминает А. Цинкаловский, когда приводит рассказы местных жителей, обнаруживших на склоне городища человеческий скелет, «погребенный в стоячем положении»⁵. Разрозненные человеческие кости, нередко со следами пребывания в огне, очень часто встречались в верхнем горизонте культурного слоя городища. Вполне возможно, что это останки жителей городища, погибших во время нападения и пожара.

Кроме остатков оборонительных и жилых сооружений верхний горизонт памятника содержал большое количество различного вещественного инвентаря. Как обычно, самую многочисленную группу находок составляет керамика. Найдены целые и фрагментированные сосуды, изготовленные лепным способом из глины с примесью грубой и средней дресвы и песка. Сосуды часто имеют следы выглаживания поверхности, серовато-коричневый или коричнево-оранжевый цвет. Днища, как правило, плоские, часто слегка обозначенные в профиле. Преобладающую часть керамики составляли разной величины горшки, среди которых можно выделить три основных типа.

1. Первый, типологически самый простой тип, представлен горшками овальной формы, почти без венчика. Край сосуда округленный или косо срезанный с внутренней стороны (табл. I, 3).

2. Второй тип, самый многочисленный, составляют горшки яйцевидной формы с четко выраженным невысоким венчиком, край которого округлен или реже горизонтально срезан. Венчик слегка отогнут наружу или вертикален (табл. I, 1, 2, 5—9, 11—14).

3. Третий тип представлен обломками всего нескольких сосудов: это горшки с четким ребристым переломом на плечиках и невысоким, вертикальным или слегка наклоненным венчиком (табл. I, 10).

Кроме горшков на городище найдены еще две фрагментированные мисочки (табл. I, 4).

Следующую по количеству группу находок составляют изделия из железа: вооружение, орудия труда и бытовые предметы (табл. II).

Вооружение представляют три целых и четырнадцать фрагментированных наконечников копий, два наконечника дротиков и тридцать шесть наконечников стрел. Среди последних особого

⁵ См.: О. Цинкаловский. Материалы до археології Володимирського повіту. «Записки Наукового Товариства ім. Т. Шевченки», т. 154, 1937, стр. 227.

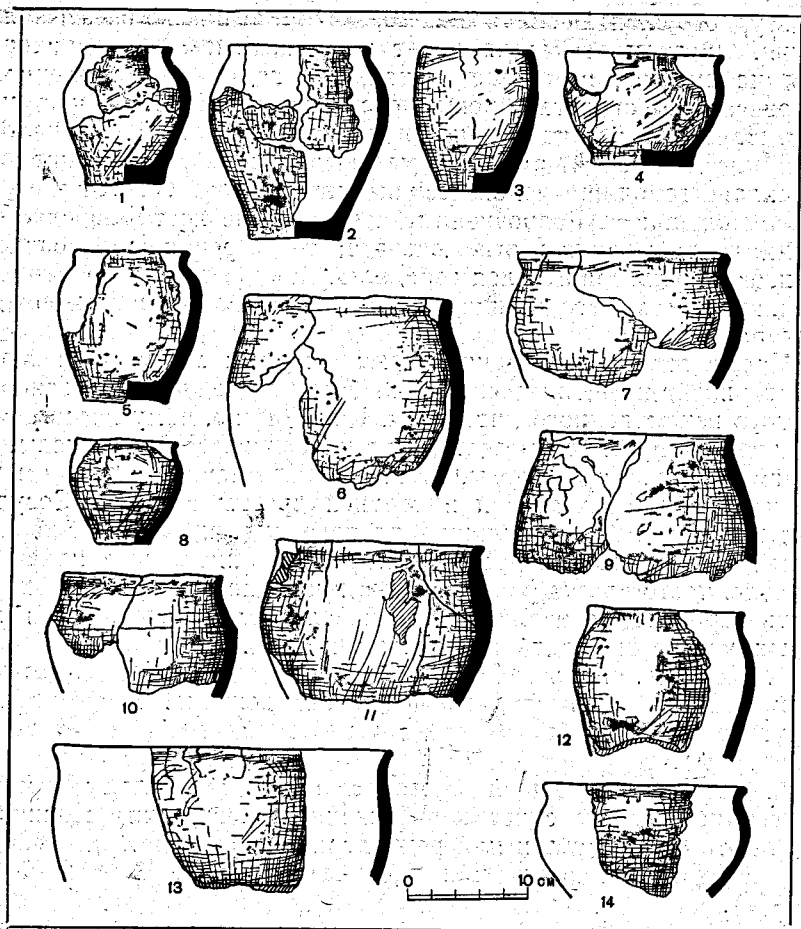

Табл. I. Зимновское городище. Керамический материал

3 — горшок первого типа; 1, 2, 5—9, 11—14 — горшки второго типа; 10 — горшок третьего типа; 4 — мисочки

внимания заслуживает наличие восьми наконечников так называемого аварского типа с тремя лопастями. Найден также миниатюрный чекан. К снаряжению воина-всадника относятся части конской сбруи — удила и пряжки.

Из орудий труда назовем косу-горбушу, молоток, резец-ложкарь и маленькую, вероятно ювелирную, наковальню. Бытовые предметы — это ножи, кресала, пряжки и обломки всяких оковок.

Большинство железных изделий относится к типам, просуще-

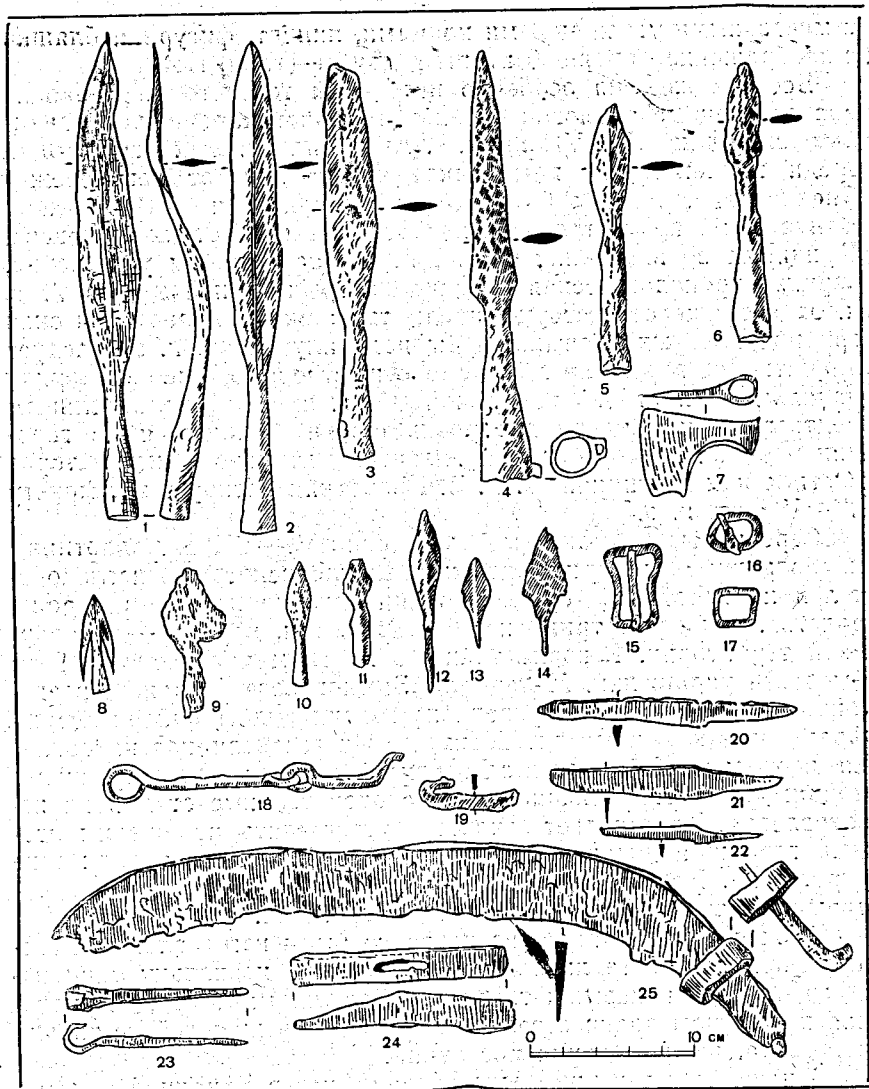

Табл. II. Зимовское городище. Изделия из железа

ствовавшим в Центральной и Восточной Европе продолжительное время, преимущественно от первых веков н. э. до начала второго тысячелетия.

Особенно интересную группу находок составляют изделия из бронзы и серебра. Это разного типа пряжки, шарнирной и бесшарнирной конструкции, подвески, нашивные бляшки, браслеты

с массивными утолщенными концами, пинцет, фигурная бляшка с изображением сидящей птицы и другие (табл. III).

Все эти изделия особенно интересны тем, что они находят многочисленные аналогии среди материалов хорошо датированных памятников V—VII вв. н. э. Аналогии для них мы находим среди коллекций из памятников территории от левобережья Днепра на востоке до Вюртемберга на западе и от Византии и Балканского полуострова на юге до Литвы и Латвии на севере. Принимая во внимание, что на городище найдены украшения, верхняя хронологическая граница которых не превышает VI в. н. э., а также отсутствуют предметы, нижняя хронологическая граница которых превышала бы половину VII в. н. э., следует принять, что городище в Зимном существовало в период между началом VI и второй половиной VII в. н. э.⁶ Дополнительным подтверждением такой датировки служит найденная на городище медная, посеребренная византийская монета императоров Юстина или Юстиниана I. В. В. Кропоткин датирует эту монету VI—VII вв. н. э.⁷

Серебряные и бронзовые украшения VI—VII вв. однотипны на больших территориях, что натолкнуло некоторых исследователей на гипотезу о существовании единого центра их производства. Одни усматривали его в Византии, другие — на аварской территории. Говорят также о местном производстве хотя бы части украшений. Материалы Зимновского городища позволяют присоединиться к последнему взгляду: здесь найдены серия фрагментов каменных литейных формочек, ювелирная наковальня, несколько тигельков и заготовки браслетов с расширенными концами, представляющие две последовательные стадии их изготовления. Все это дает основание утверждать, что среди жителей городища были ювелиры, изготовлявшие металлические украшения. Нельзя, однако, исключить возможность, что некоторые ювелирные изделия были импортными.

Прочность материала, из которого были изготовлены литейные формочки, а также наличие на них по нескольку одинаковых негативов показывают, что ремесленники производили изделия в большом количестве, обеспечивая ими жителей не только городища, но и соседних поселений.

В начале статьи уже было сказано, что в Западной Волыни и в Северном Прикарпатье известно сейчас свыше тридцати памятников VI—VII вв. Наиболее полно из них исследованы три поселения в окрестностях с. Рипнева Львовской области, три поселения между селами Бовшев и Демьянов в Ивано-Франков-

⁶ Подробная аргументация датировки дается в работе: В. В. Аулік. Металеві пряжки і прикраси з верхнього горизонту городища в с. Зимне. «Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині», вип. 4. Київ, 1962, стр. 92—105.

⁷ В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962, стр. 31.

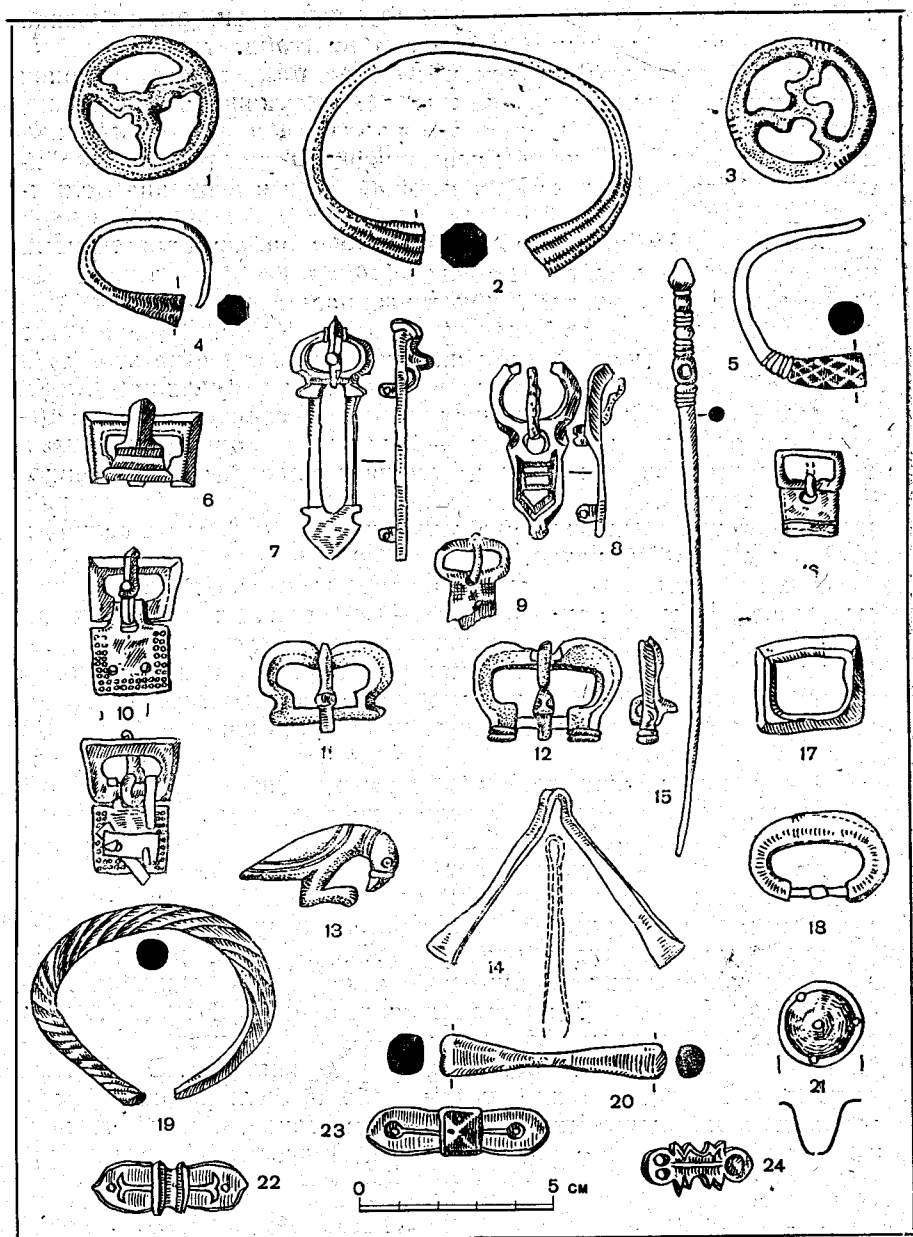

Табл. III. Зимновское городище. Изделия из бронзы и низкопробного серебра (1, 5, 12, 19)

ской области и поселение у с. Зеленый Гай в Тернопольской области. Более или менее полно опубликованы только результаты исследования Рипневских поселений⁸, итогам раскопок остальных памятников посвящены лишь краткие публикации⁹. Отдельные объекты и вещи этого времени открыты также при исследованиях многослойных поселений в Незвиске Ивано-Франковской области, Городке Ровенской области и Лежнице Волынской области¹⁰.

Сравнение Зимновского городища с другими синхронными памятниками Волыни и Северного Прикарпатья показывает наличие как общих черт, так и некоторых различий.

Последних, на первый взгляд, довольно много. Прежде всего Зимновское городище единственное пока известное на этой территории. Все остальные памятники — открытые селища. Жилища представлены на городище наземными сооружениями с открытыми очагами, на селищах — полуземлянками с глиняными или каменными печами. Есть различия и в составе вещественного инвентаря: в Зимном найдено сравнительно много изделий из металла, в том числе оружия и украшений, которые в селищах встречаются крайне редко.

Общие черты лучше всего прослеживаются в керамическом материале. Посуда памятников VI—VII вв. Западной Волыни и Северного Прикарпатья показывает разительную схожесть. Большинство исследователей, которые публиковали материалы селищ, ссылаются на аналогии из Зимновского городища, используя его хорошо датированную коллекцию как своеобразный эталон.

При желании можно найти общие черты даже и в жилищном строительстве. Полуземлянки селищ по существу лишь немного углублены в почву — их глубина от древнего горизонта в большинстве случаев не превышает 0,4—0,6 м, следовательно, их наземная часть должна быть довольно высокой. Во многих полуземлянках обнаружена столбовая конструкция, которая в Зимном была применена для строительства наземных жилищ. Характер зимновских сооружений, в частности длинной, возможно многокамерной постройки под общей крышей, можно объяснить их двойным назначением — они служили не только жилищем, но также и составной частью укрепления. Они создавали единое конструктивное целое с оборонительной стеной, которая должна была быть достаточно высокой. Следовательно, и жилища строили высокие, наземные. Полуземляночные жили-

⁸ В. Д. Баран. Раннеславянские памятники на Западном Буге. «Slovenská Archeológia», R. XIII-2, 1965, стр. 319—370.

⁹ В. Д. Баран. Некоторые итоги изучения раннеславянских древностей Верхнего Поднепровья и Западной Волыни. «Archeologické Rozhledy», т. XX, № 5, 1968, стр. 583—593.

¹⁰ Раскопки П. И. Смирновой, И. К. Свешникова, Н. А. Пелещнина.

ща, углубленные в почву, уменьшили бы высоту стены с ущербом для ее фортификационных качеств.

Гораздо сложнее объяснить характер зимновского памятника как единственного в Западной Волыни и Северном Прикарпатье городища этого времени. Оно расположено на территории, которую, согласно письменным источникам, заселяли племена дулебского территориального союза. Если принять во внимание, как кажется, удачную попытку Г. Ловмянского определить дулебскую территорию на основании картографирования топонимических данных¹¹, Зимновское городище лежит в непосредственной близости от ее северо-западной границы. Расположение на пограничной территории само по себе могло уже определить оборонительный характер поселения. Несомненно, повлияла также близость Западного Буга как крупной водной артерии, вдоль которой могли осуществляться вражеские набеги.

Различия в вещественных комплексах городища и селищ тоже не очень велики. Как уже отмечено, основная группа находок — керамика — тождественна в обеих группах памятников. Инвентарь городища отличается присутствием оружия, предметов снаряжения всадника, украшений дружинного типа, а также группы находок, связанных с ремесленной деятельностью его жителей. Земледельческие орудия труда здесь отсутствуют. Эти наблюдения дают основание, на наш взгляд, предполагать, что различия между Зимновским городищем и синхронными ему селищами следует объяснять не разной этнической или культурной принадлежностью их жителей, а социальными факторами и в первую очередь наличием имущественного и социального расслоения общества.

Высказанные предположения подтверждаются при сопоставлении наших наблюдений с результатами исследований синхронных городищ на более широкой территории. Разница между наземными жилищами городища и углубленными жилищами соседних селищ обнаружена В. Шиманским в Шелигах (Польша)¹². Полуземляночные жилища открыты также на поселениях, связанных с городищами в Хотомеле, Бабке и Колочине¹³ в Белоруссии, на которых обнаружены и следы наземных жилых сооружений. Другая картина прослеживается на балтийской территории, где наземным жилищам городищ соответствуют наземные жилища открытых селищ, иногда с немного углубленной центральной частью пола, как было, например, на селище близ городища Жабино¹⁴.

¹¹ H. Łowmiański. Początki Polski, t. II. Warszawa, 1963, s. 107—109.

¹² W. Szymański. Początki wczesnego średniowiecza na Mazowszu Półkimi w świetle ostatnich badań. s. 195.

¹³ Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья, М., 1951, стр. 8, 35—37; Э. А. Симонович. Городище Колочин I на Гомельщине, МИА, № 108, М., 1963, стр. 117.

¹⁴ Я. В. Станкевич. К истории Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. МИА, № 76. М., 1960, стр. 112.

Разница в составе вещественного инвентаря городищ и селищ также характерна для многих памятников. Так, на городище в Хотомеле найдены предметы вооружения, но там не было земледельческих орудий, в то же время на прилегающем к нему селище не было обнаружено оружия, но были найдены орудия труда, в том числе сошники и чресло¹⁵. Некоторое количество оружия, бронзовых и серебряных украшений найдено на городище в Шелигах; на близлежащих поселениях такие находки отсутствуют¹⁶. В. Шиманский считает, что на городище проживали ювелиры и кузнецы. На ранних городищах Польши богатый ассортимент металлических изделий, а также следы железообрабатывающего и ювелирного ремесла обнаружены в Уйсцю, Боникове, Бискупине и на силезских городищах в Гостыни, Любоми и Кленицах¹⁷. На городищах восточных балтов следы железообрабатывающего ремесла обнаружены в Жабино.

Какие причины вызвали эти различия в характере вещественного инвентаря городищ и селищ VI—VII вв.?

Период третьей и начала четвертой четверти I тыс. в истории восточных славян предшествовал возникновению древнерусского государства — Киевской Руси. Б. Д. Греков считал, что это был период, который характеризуется зарождением классов¹⁸. Можно предполагать, что процесс социального расслоения восточнославянского общества продвинулся в это время уже довольно далеко. Даже исследователи относительно более раннего периода отмечают зарождение социальной дифференциации, ссылаясь, в частности, на существование различных имущественных категорий среди захоронений в могильниках III—IV вв., в том числе упоминаются богатые погребения всадников¹⁹. Существование аристократической верхушки у восточных славян в IV в. подтверждает рассказ Иордана о расправе остготского короля Винитаря над антским вождем Божем и 70 представителями антской знати около 375 г.²⁰

Главной военной силой общества в это время оставалось ополчение всех или почти всех боеспособных мужчин, но из членов родовой знати уже сложилась более или менее постоянная дружина, которая группировалась вокруг вождя племени. Сравнительно легко можно представить себе и способ содержания

¹⁵ Ю. В. Кухаренко. Указ. соч., стр. 8.

¹⁶ W. Szymański. Wyniki badań grodziska z VI—VII w. w miejscowości Szeliği pow. Płock na Mazowszu. «Światowit», t. XXVI. Warszawa, 1962, s. 561.

¹⁷ L. Leciejewicz. Ujęcie we wczesnym średniowieczu. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961, s. 107.

¹⁸ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 310, 319.

¹⁹ K. Godłowski. Studia nad stosunkami społecznymi w okresach późnolatańskim i rzymskim. Warszawa — Wrocław, 1960, s. 82—84; М. Ю. Брайчевский. Біля джерел слов'янської державності. Київ, 1964, стр. 295—296.

²⁰ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, стр. 115.

вождя и дружины. По мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, обеспечение общеообщинных и тем более общеплеменных потребностей происходило за счет точно определенных взносов всех членов общины и племени²¹. Каждая семья, получавшая от общины надел земли, должна была сдавать определенную часть продуктов в общий фонд. За счет этого фонда, вероятно, вождь в мирное время содержал свою дружину. Во время войны дружинники выполняли функции командного состава ополчения, а в мирное время стояли на страже власти вождей и, живя за счет общества, сами превращались постепенно в привилегированную прослойку, из которой возник класс феодалов. Свои дружины имели не только вожди больших племенных союзов, но и отдельных племен, которые входили в состав больших объединений.

Наблюдения, сделанные над материалами Зимновского городища, дают основание предполагать, что здесь находился административный, а быть может, и культовый центр племени, которое входило, вероятно, в состав дулебского племенного союза. Здесь могло находиться постоянное место пребывания вождя племени и его дружины. На такой состав обитателей городища указывает большое количество находок предметов вооружения, в том числе снаряжения всадников, а также наличие значительного количества украшений, характерных для европейской дружинной культуры. Кроме воинов на городище проживали также ремесленники, обслуживающие дружину,— ювелиры и кузнецы. Следует помнить, что даже в более поздние времена ремесленники этих двух специальностей были привилегированными. К такому выводу пришел Д. И. Блифельд, анализируя погребения кузнецов, оружейников и ювелиров из курганных могильников IX—X ст.²² Он указывает, что погребения ремесленников вообще отличаются богатством, а подкурганное погребение кузнеца из Шестовицкого могильника²³, погребение оружейника-кольчужника из Гнездова²⁴, могилы ювелиров из Пересопницы²⁵, Табаевки²⁶ и Николаевского могильника²⁷ имели довольно четкие черты дружинных погребений. Если представители этих отраслей ремесла входили в состав хотя бы младшей дружины в IX—X вв., тем более могли быть дружинниками зимновские кузнецы и ювелиры в VI—VII вв. Такое предположение требует, однако, дополнительной аргументации и обоснования.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 231.

²² Д. И. Блифельд. До питання про ремесло та ремісників у Київській Русі. «Археологія», т. IX. Київ, 1954, стр. 35—40.

²³ Там же, стр. 37—38.

²⁴ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 229—231.

²⁵ Е. Н. Мельник. Раскопки в стране Лучан. «Труды XI археологического съезда», т. I. М., 1901, стр. 506—507, 540—542.

²⁶ Д. И. Блифельд. Указ. соч., стр. 36.

²⁷ Там же, стр. 38.

Другое мнение относительно практического назначения памятников типа Зимного высказал В. Шиманский. Он считает, что близкое Зимному городище в Шелигах было построено общими усилиями жителей нескольких поселений микрорайона и не было постоянно заселено. Здесь могли обитать только кузнец и ювелир, которые имели на городище свои небольшие мастерские. В. Шиманский полагает, что на городище собиралось вече и совершались культовые обряды. На этом основании он приходит к выводу об архаической структуре общества, оставившего этот памятник²⁸.

Такое определение характера городища нельзя принять без серьезных оговорок для зимновского памятника. Ему противоречит прежде всего насыщенный и мощный культурный слой, который является доказательством долговременного заселения городища. Жилища в Зимном имели гораздо большие размеры и были лучше приспособлены для постоянного проживания, чем узкие, иногда двухметровой ширины жилищные сооружения городища в Шелигах.

Остается несомненным, что на территории Зимновского городища, так же как и на других синхронных и однотипных памятниках, проживало определенное количество ремесленников. Н. Н. Воронин и В. Генсель подчеркивают, что на славянских землях в период формирования классов и классового общества прослеживается концентрация ремесленного населения вблизи городищ-убежищ, в административно-культовых центрах, а также при укреплениях сугубо оборонительного характера. В особенно благоприятных условиях такие поселения становились зародышами будущих городов, но в большинстве случаев они прекращали свое существование, а их функции принимали на себя другие, новые центры²⁹. Именно такую картину дает нам Зимновское городище. Уничтоженное около середины VII в., оно не возобновило своего существования, а через некоторое время на небольшом расстоянии от него возникло новое поселение, превратившееся со временем в город Владимир, центр Волынского княжества.

Памятники с вещественным материалом и, в частности, керамикой, близкие к инвентарю Зимновского городища и других памятников VI—VII вв. Западной Волыни и Северного Прикарпатья, охватывают значительную часть Восточной и Центральной Европы. Основная их масса состоит из открытых поселений и могильников, известны также единичные городища. Очень близ-

²⁸ W. Szymański. Szeligi pod Płockiem na początku wczesnego średniowiecza. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967, s. 287—291.

²⁹ Н. Н. Воронин. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. КСИИМК, вып. 41, 1951, стр. 13; W. Hensel. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna. Warszawa, 1965, стр. 372—373, 377.

ка к ним как территориально, так и по характеру керамического материала группа памятников на территории Житомирщины. Первые памятники этой группы обнаружены в конце минувшего и в начале нашего столетия С. С. Гамченко³⁰, который, исходя из названия места нахождения первого исследованного им пункта — могильника у с. Корчак, — назвал их памятниками корчаковского типа, а обнаруженную лепную керамику — керамикой корчаковского типа. В настоящее время этих памятников известно очень много, они представлены большим количеством открытых поселений и курганных могильников с трупосожжением³¹. Ю. В. Кухаренко и И. П. Русанова объединяют памятники этой территории с исключительно лепной керамикой и памятники с примитивной кружалой керамикой типа Луки Райковецкой под общим названием памятников «житомирского типа» и датируют их V—IX вв. н. э.³² Первоначальное название «корчакский тип», предложенное еще С. С. Гамченко, охватывает более узкий хронологический отрезок и поэтому, на наш взгляд, более целесообразно. Керамика памятников корчаковского типа отличается от керамического материала Зимновского городища и синхронных памятников Западной Волыни и Верхнего Поднестровья заметной стройностью форм и тонкостенностью сосудов. К этой группе памятников относятся ранние комплексы упомянутых выше городищ и селищ в Хотомеле и Бабке и некоторые другие памятники Припятского Полесья.

Славянские поселения с исключительно лепной керамикой, очень близкой к раннеславянской керамике Западной Волыни и Верхнего Поднестровья, известны также на Южном Буге. П. И. Хавлюк обнаружил здесь целый ряд поселений, которые относятся ко второй половине I тыс. н. э. К ранней группе этих памятников он относит поселения у сел Кисляк, Семенки и Скибинцы (поселение на о. Мытковском) и датирует их V—VI ст. н. э.³³ Особенно хорошо датировано поселение на о. Мытковском, где найдены бронзовая пластина с изображением льва мартиновского типа и бронзовый браслет с пирамидально утолщенными концами. На этом поселении обнаружены также обломки литейных формочек. Керамика этого района отличается присутствием горшков биконической и баночной форм, а также налепными украшениями в виде валиков, месяцевид-

³⁰ В. П. Петров. Памятники корчаковского типа. МИА, № 108. М., 1963, стр. 16—38.

³¹ И. П. Русанова. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян. СА, 1958, № 4, стр. 33—46; И. С. Винокур. Старожитності Східної Волині першої половини I тисячоліття н. е. Чернівці, 1960, стр. 61—72.

³² Ю. В. Кухаренко. Славянские древности V—IX веков на территории Припятского Полесья. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 37 и сл.; И. П. Русанова. Археологические памятники..., стр. 38.

³³ П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения в средней части Южного Побужья. СА, 1961, № 3, стр. 187—201.

ных и шишкообразных ручек, которые на Волыни и в Поднепровье встречаются крайне редко³⁴.

Памятники с исключительно лепным, раннеславянским керамическим материалом обнаружены и в нижнем течении р. Рось. В окрестностях с. Сахновки Черкасской области В. И. Довженок и Н. В. Линка обследовали три поселения, которые на основании анализа керамического материала датируются VI—VII вв., можно отметить близость керамики из исследованных ими жилищ керамике «житомирского» типа³⁵. Впоследствии Ю. В. Кухаренко исследовал на одном из этих поселений в урочище «Гончариха» еще одно славянское жилище. Опубликованный керамический материал по формам очень близок к раннеславянской керамике Западной Волыни. Ю. В. Кухаренко ориентировочно датирует это жилище VII—VIII вв. н. э.³⁶

В Среднем Поднепровье раннеславянское поселение с лепной керамикой исследовал Д. Т. Березовец в нижнем течении р. Тясмина в урочище «Молочарня» у с. Пеньковки Кировоградской области³⁷. Керамический материал этого памятника своеобразен, хотя имеет много черт, близких к южнобужской керамике. Характерной чертой большинства сосудов является их биконичность, часто встречается украшение в виде налепного валика. Наряду с биконическими горшками очень много обломков сосудов баночной формы с ровным или немного наклоненным внутрь краем. Д. Т. Березовец подчеркивает близость сосудов второй группы к сосудам Корчаковского могильника³⁸. Поселение в урочище «Молочарня» он датировал VII в. н. э., ссылаясь на находку серебряной зооморфной фибулы VI—VII вв. н. э., а также путем типологического сравнения с более поздними памятниками этого района³⁹.

И. И. Ляпушкин считал, что на днепровском левобережье раннеславянские памятники V—VII вв. пока неизвестны⁴⁰. Исходя из этого он пришел к выводу о сравнительно позднем заселении этой территории славянами. Он скептически отнесся к взглядам Г. Ф. Корзухиной, обратившей внимание на присутствие значительного количества кладов и находок отдельных металлических предметов VI—VII вв. на территории левобережья. На их основании она выдвинула гипотезу, что топография кладов VI—VII вв. является одновременно топографией по-

³⁴ П. И. Хавлюк. Указ. соч., стр. 189, рис. 2, стр. 190, рис. 3, 4, стр. 196, рис. 7.

³⁵ В. И. Довженок и Н. В. Линка. Раскопки раннеславянских поселений в нижнем течении р. Рось. МИА, № 70. М., 1959, стр. 102—110.

³⁶ Ю. В. Кухаренко. Раскопки у с. Сахновки. МИА, № 108. М., 1963, стр. 243—250.

³⁷ Д. Т. Березовец. Поселения уличей на Тясмине. МИА, № 108. М., 1963, стр. 148—154.

³⁸ Д. Т. Березовец. Указ. соч., стр. 154.

³⁹ Там же, стр. 190—192.

⁴⁰ И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, № 104. М.—Л., 1960, стр. 352—353, 366.

селений VI—VII вв.⁴¹ Материалы Зимновского городища и поселения на острове Мытковском, где вместе с характерной раннеславянской керамикой найдены коллекции металлических изделий, очень близких упомянутымкладам, подтверждают правильность концепции Г. Ф. Корзухиной. Следует считать, что многочисленные находки и клады металлических украшений, обнаруженные на левобережье Днепра, оставлены раннеславянским населением этой территории. Наличие на левобережье раннеславянского населения, пользовавшегося лепной керамикой, принимает также А. Л. Монгайт, хотя его утверждение, что «вятичи ушли с Дона с лепной керамикой», лишено, к сожалению, надлежащей аргументации⁴².

Несмотря на значительный объем проведенных работ и большое количество обнаруженных раннеславянских поселений, не совсем четкую картину дает для территории междуречья Днестра и Прута Г. Б. Федоров, рассматривая славянскую керамику VI—IX ст. н. э. Он выделяет в отдельную группу лепные, почти неорнаментированные горшки, которые сравнивает с керамикой «пражского» типа и подчеркивает, что эта группа преобладала, наверное, в начале данного периода, продолжая свое существование вплоть до IX ст., наряду с примитивной кружальной керамикой⁴³. По-видимому, в Днепровско-Прутском бассейне не удалось до сих пор четко выделить славянские памятники с исключительно лепным керамическим материалом, поэтому Г. Б. Федоров делает вывод о непрерывном бытовании на этой территории гончарного круга на протяжении всего I тыс. н. э., хотя в VI—VII вв. и в очень небольших масштабах⁴⁴.

Подводя итоги сказанному выше, мы должны признать, что почти на всей восточнославянской территории в VI—VII вв. н. э. выступают памятники с различными, но родственными вариантами лепных керамических комплексов. Они представлены в большинстве поселениями, застроенными четырехугольными полуземлянками, а также могильниками и отдельными погребениями с трупосожжениями. Эти памятники встречаются от бассейна Западного Буга на западе по Среднее Поднепровье на востоке и от Припятского Полесья на севере до среднего течения Южного Буга на юге. Следовательно, их можно считать отражением определенного закономерного этапа развития восточнославянской материальной культуры.

Сравнение с материалами более широкой территории показывает, что аналогичное явление характерно также и для за-

⁴¹ Г. Ф. Корзухина. К истории среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. СА. т. XII, 1955, стр. 64—69.

⁴² А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 271.

⁴³ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днепровского междуречья. МИА, № 89. М., 1960, стр. 208—210, 232—235.

⁴⁴ Там же, стр. 208—210.

паднославянской материальной культуры. Впервые это констатировал И. Борковский в окрестностях Праги⁴⁵, откуда и пошло название керамики пражского типа, которое сейчас, на наш взгляд, не очень удачно применяют для обозначения лепной славянской керамики VI—VII вв. всей западнославянской территории.

На территории современной Польши керамика «пражского» типа кроме упомянутого выше городища в Шелигах известна в Повисленье, из погребений с трупосожжением в Мендзыбурове⁴⁶ и Непоренте⁴⁷. В Великопольше она выступает на поселении в Крушвице⁴⁸, а немного отличный по форме лепной сосудик — в синхронном погребении на городище у с. Замчиско⁴⁹.

Часть исследователей исключает из ареала распространения памятников «пражского» типа Малопольшу и Силезию как «южнопольский гончарный центр», где уже в первой половине I тыс. н. э. параллельно с заимствованным совершенным гончарным производством провинциально-римского типа можно проследить нормальное развитие местного производства с примитивной техникой обтачивания на ручном гончарном круге сосудов, изготовленных по существу лепным способом. Именно в этом районе ищут они корни широко известной обточенной керамики VII—IX вв. и на этом основании делают вывод о непрерывном развитии кружальной гончарной техники на упомянутой территории на протяжении всего I тыс. н. э.⁵⁰ Детальное рассмотрение этого вопроса выходит за рамки нашей статьи. Напомним только, что даже и на территории Малопольши известны памятники с керамикой «пражского» типа: целый комплекс сосудов найден в костре № 657 многослойного поселения в Злотей, пов. Сандомеж⁵¹ и в культурном слое памятника у с. Могила возле Кракова⁵². Приведенные факты заставляют

⁴⁵ I. Borkowsky, *Staroslovanská keramika ve Střední Evropě*, Praha, 1940.

⁴⁶ W. Bernat, *Wczesnośredniowieczne cmentarzysko ciałopalne w miejscowości Międzybórz, pow. Grodzisk Mazowiecki*, *Wiadomości Archeologiczne*, t. XXII, 1955, s. 81—82.

⁴⁷ L. Rauhut, *Wczesnośredniowieczny grób ciałopalny ze wsi Nieporęt pow. Wołomin*, WA, t. XXIV, 1957, s. 382.

⁴⁸ W. Hensel i J. Broniewska, *Starodawna Kruszwica*, Wrocław, 1961, s. 47, рис. 29.

⁴⁹ B. Zielonka, *Naczynie i ostroga z ciałopalnego grobu wczesnośredniowiecznego w miejscowości Zamczysko, pow. Bydgoszcz*, WA, t. XXVI, 1959—1960, s. 400.

⁵⁰ J. Eisner, *Devínska Nova Ves*, Bratislava, 1952, стр. 271—274; Z. Rajewski, *Zur Frage der Chronologie der frühmittelalterlichen Keramik in Polen*, «Prehistorische Zeitschrift», t. XXXVII, 1959, S. 197; W. Hensel, *Forschungsprobleme der polnischen Keramik des frühen Mittelalters*, «Prehistorische Zeitschrift», t. XXXVII, 1959, S. 199—210; I. Machnik, *Zagadnienie chronologii majstarszej wczesnośredniowiecznej ceramiki w Igołomii*, «Sprawozdania archeologiczne», t. III, 1957, s. 322—323; Z. Szafránska, *Dějiny hrnečského řemesla na území Polska*, «Archeologické Rozhlady», t. VIII, 1956, s. 563—567.

⁵¹ J. Marciniak, *Przyczynki do zagadnienia ciągłości osadnictwa na ziemiach polskich w świetle badań wykopaliskowych w Złotej, pow. Sandomierski*, WA, t. XVI, 1939—1948, s. 237, табл. XXXVII, фиг. 22—23; табл. XXXVIII, фиг. 1—6.

⁵² Z. Woźniak, *Wyniki Badań w 1958 r. w Mogile, rej. szpitalwschód*, WA, t. XXVI, 1959—1960, s. 340—342.

с осторожностью отнести к распространению ареала этого явления на всю Малопольшу.

Еще дальше на запад керамика «пражского» типа известна в междуречье Лабы и Салы (ГДР). Здесь изучена целая группа могильников с трупосожжениями, разрозненные погребения⁵³ и отдельные поселения⁵⁴. Немецкие археологи датируют их в целом VI—VII и даже VI—VIII вв.⁵⁵ Произведенное в лаборатории Германской академии наук определение даты одного из жилищ с помощью радиоуглеродного метода дало результат 590 ± 80 г. н. э.⁵⁶

Раньше, чем в других районах, началось исследование западнославянских памятников VI—VII вв. на территории нынешней Чехословацкой Социалистической Республики, и поэтому здесь известно их очень много. Все памятники, открытые на территории Чехии, собрал в свое время И. Борковский⁵⁷. Целый ряд могильников и поселений известен на территории Моравии⁵⁸. Лучше всех, однако, исследованы памятники Словакии. Д. Бялекова подытожила результаты исследований многочисленных поселений и могильных памятников и дала общую характеристику памятников с керамикой «пражского» типа этого региона. Она подчеркивает, что раннеславянская культура VI—VII вв. представлена здесь открытыми селищами, застроенными четырехугольными полужемлянками столбовой конструкции с печами-каменками. Погребальный обряд состоял в трупосожжении с последующим захоронением остатков в бескурганных могилах в урне или кожаном мешке⁵⁹.

Не так полно исследованы синхронные славянские памятники на территории нынешней Социалистической Республики Румынии. Самым известным из них является могильник у с. Сэрата Монтеору, исследованный под руководством И. Нестора⁶⁰. Погребальный обряд этого могильника — трупосожжение с погребением остатков в грунтовых ямах или урнах. Посуда представлена грубой лепной керамикой, близкой к сосудам «пражского» типа, и небольшим количеством кружальной керамики. И. Нестор датирует могильник в целом VII ст. н. э.⁶¹

⁵³ Th. Voigt. Zur Herkunftsfrage der Brandgräbengruppe mit slavischen Kulturgut von 6—7. Jahrhundert im Elbe — Saale — Gebiet. «Prehistorische Zeitschrift», t. XXXVII, S. 157—168.

⁵⁴ B. Krüger. Ein altslavische Siedlung in Dessau-Mosigkau. «Ausgrabungen und Funde», T. 9, 1964, S. 42—50.

⁵⁵ Th. Voigt. Указ. соч., стр. 157—168.

⁵⁶ B. Krüger. Указ. соч., стр. 50.

⁵⁷ J. Borkowský. Указ. соч., стр. 9—19.

⁵⁸ J. Poulik. Staroslovanská Morava. Praha, 1948, s. 15—16, 89—94.

⁵⁹ D. Blálekova. Nové včasnoslávanské nálezy z Juhozapadného Slovenska. «Slovenská Archeológia», t. X, 1962, s. 120—130.

⁶⁰ I. Nestor. Santierul Sărăta Monteoru. SCIV. București, III-2, 1953, стр. 83—86.

⁶¹ I. Nestor și E. Zaharia. Santierul arheologie Sărăta Monteoru. SCIV, 1955, стр. 510—511.

Остатки аналогичного по характеру могильника, к сожалению уничтоженного, исследованы также в Балта-Верде⁶².

Из синхронных поселений той же территории самое известное поселение в урочище «Шипот» возле Сучавы. Здесь обнаружены полуземляночные жилища с печами-каменками. В заполнении находилась исключительно лепная керамика, очень близкая, по мнению исследователя М. Матеи, к лепной керамике из Незвиск и к керамике «житомирского» типа. Он датирует это поселение второй половиной VI — началом VII в. и считает его синхронным начальной фазе существования могильника в Сэрата Монтеору⁶³.

Румынские исследователи считают, что славянская керамика VI—VII вв. на территории Трансильвании, Подунавья и Молдовы является пришлой, но расходятся в мнениях, откуда именно. Одни, как М. Кишваси-Комша, приписывают ей западнославянское происхождение⁶⁴, другие, как М. Матеи, сопоставляют ее с восточнославянскими памятниками⁶⁵. Все они, однако, согласны, что кружалная славянская керамика появляется на территории нынешней Румынии только в VII—VIII вв. н. э.

Еще дальше к югу славянские памятники VI—VII вв. с лепной керамикой, близкой сосудам корчакского или пражского типов, известны из поселений у г. Видин и сел Деренчето и Джеджови Лоза в Болгарии⁶⁶. Отдельные сосуды из восьми разных пунктов с территории Хорватии опубликовал З. Винский, который на этом основании делает заключение, что славянская колонизация достигла Балканского полуострова в последних десятилетиях VI — начале VII в.⁶⁷

Присутствие на территории Болгарии и Румынии памятников с раннеславянскими лепными керамическими комплексами ставит под сомнение гипотезу Г. Б. Федорова о том, что на соседней территории Днестровско-Прутского междуречья славяне пользовались гончарным кругом без перерыва на протяжении всего I тыс. н. э.

Славянская керамика VI—VII вв. в разных районах имеет свои локальные различия. Можно упомянуть хотя бы некоторые особенности форм и украшений сосудов в Южном Побужье и

⁶² D. Berciu și E. Camșa. Sărăturile arheologice de la Balta-Verde și Godoșu. MCA, t. I. București, стр. 402.

⁶³ M. Matei. Die Slavische Siedlungen von Suceava. Slovenska arheologia (SA). Bratislava, t. X, стр. 165—168.

⁶⁴ М. Кишваси-Комша. Некоторые исторические выводы в связи с несколькими археологическими памятниками VI—XII вв. н. э. на территории РНР. «Dacia», NS, т. I, 1957, стр. 312—327.

⁶⁵ М. Матеи. Указ. соч., стр. 167.

⁶⁶ Kr. Mijatev. L'étude de la céramique slave en Bulgarie. SA, t. II, 1948—1950, s. 436.

⁶⁷ Z. Vinski. Gibt es frühslavische Keramik aus der Zeit der Südslavische Landnahme? «Archeologia Jugoslavica», t. I. Beograd, 1954, s. 71—82.

на среднем Днепре или стройность и вытянутые формы горшков корчакского типа. Несмотря, однако, на все это, керамика VI—VII вв. на всей восточной и западной славянской территории имеет ряд общих черт. Некоторые исследователи не могут даже провести четкой грани между керамикой восточнославянских памятников Поднестровья и Волини и западнославянской керамикой «пражского» типа». Так, например, Ю. В. Кухаренко писал в свое время о памятниках «пражского» типа на днепровском правобережье⁶⁸, а румынские археологи, как было показано выше, не могут достигнуть общего мнения в вопросе о восточно- или западнославянском происхождении славянской керамики VI—VII вв. на территории Социалистической Республики Румынии. Довольно четко показывает эту близость карта распространения форм славянской керамики VI—VII вв., составленная П. Н. Третьяковым⁶⁹. В. Хенсель прямо говорит о том, что керамика, аналогичная или близкая к керамике «пражского» типа, известна на обширной территории, в том числе в Польше, на Руси и в Румынии, и считает даже, что центр этого ареала падает на территорию Польши⁷⁰.

Единство характера материальной культуры славян в VI—VII вв. н. э. указывает, на наш взгляд, что процесс их расселения произошел сравнительно недавно и еще очень сильными были традиции общеславянской общности. Очень интересные наблюдения в этом отношении дают лингвистические исследования. Ф. П. Филин на основании тщательного анализа языковедческого материала пришел к выводу, что распад общеславянского языка и возникновение различных диалектных зон начались только в VI—VII вв., что в это время не было еще отдельных славянских языков и не существовало еще сформировавшихся народностей⁷¹. Он предупреждает, что для данного периода термины «восточные славяне» и «западные славяне» могут быть применены лишь условно, как географическое, а не лингвистическое определение. Это положение Ф. П. Филина кажется нам слишком осторожным, тем более что он сам подчеркивает, что почва для больших этноязыковых и социальных преобразований была подготовлена⁷². Многие археологи придерживаются мнения, что уже в VI—VII вв. н. э. можно говорить о конкретных, оформившихся славянских племенах. Результаты исследования Зимновского городища дают нам основание присоединиться к последней точке зрения. Дальнейшие исследования археологических памятников третьей четверти первого тысячелетия н. э. в Западной Волини и Северном Прикарпатье принесут много новых материалов для изучения этого периода истории славян.

⁶⁸ Ю. В. Кухаренко. Памятники пражского типа на территории Приднестровья. SA, t. 7, 1960.

⁶⁹ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1965, стр. 253.

⁷⁰ W. Hensel. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna, III. Warszawa, 1962, s. 327.

⁷¹ Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, стр. 222.

⁷² Там же, стр. 223.

С. И. Пеняк

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ЗАСЕЛЕНИЯ СЛАВЯНАМИ КАРПАТСКОГО БАССЕЙНА

Середина I тыс. н. э. в истории славянских племен была периодом распада первобытнообщинных отношений и массового их расселения на просторах Центральной и Юго-Восточной Европы. Славянские племена вместе с другими «варварскими» племенами приняли активное участие в разгроме Римской рабовладельческой империи, а также в развитии Восточной Византийской империи. В результате славянской экспансии на запад славянами были заселены территории Тисо-Дунайского или Карпатского бассейнов. В новых условиях, под влиянием соседних культур была сформирована самобытная славянская культура второй половины I тыс. н. э.

Заселение славянами Центральной и Юго-Восточной Европы принадлежит к величайшим событиям всемирной истории середины I тыс. н. э. Изучение исторической доли славянских племен на новых землях имеет определенное значение для славяноведения. В данной статье мы попытаемся на основании ранее известных, а также вновь полученных, в первую очередь археологических, источников остановиться на одном дискуссионном вопросе — вопросе о времени заселения славянами северной и северо-восточной части Карпатского бассейна.

Перед тем как перейти к рассмотрению основного материала статьи, мы кратко остановимся на природно-географической характеристике Тисо-Дунайского бассейна, в условиях которого пришлось поселиться и жить новому славянскому населению.

Карпатским, или Тисо-Дунайским бассейном принято называть низменность, окруженную горами, через которую протекают две большие реки — Дунай на западе и Тиса на востоке. Дунай со своими многочисленными притоками в древности играл очень важную роль в хозяйственной жизни населения. Его роль особенно повышалась тем, что он впадал в Черное море и служил незаменимым водным путем между Центральной Европой и Ближним Востоком. Река Дунай в разные времена служила то мирным, то военным целям, в зависимости от того, кто владел ею — или мирные жители со своим оседлым хозяйством и развитой культурой, или кочевые полудикие племена.

Второй большой рекой, которая протекает через степную низменность Карпатского бассейна и собирает все реки, вытекающие с северо-восточной части Карпатских гор, является Тиса. Долина верхней Тисы с ее притоками отличается урожайными грунтами, пригодными для ведения оседло-земледельческой жизни. Но чем выше в горы, низменность переходит в предгорье, а предгорье — в горную часть с непроходимыми лесами, гребнями, вершинами.

Тисо-Дунайская низменность, предгорье и горная часть Карпат в связи с резко выраженной высотной зональностью имеют свои отличительные природные условия, влияющие на плодородие почвы, фауну и флору. Благодаря таким природным разнообразным условиям Подунавье и Потисье всегда притягивали на свою равнину, в предгорье и горы жителей разных хозяйственных занятий. Здесь находили себе место и земледельцы, и пастухи, и степной кочевник.

Заселение славянами разных по природным, экономическим и историческим условиям территорий Карпатского бассейна имело определенное влияние на их исторические судьбы в данном районе.

Вопрос о времени заселения славянами Карпатского бассейна на протяжении долгого времени продолжает дискутироваться. Начиная со второй половины XIX в. и по сегодняшний день в археологической, исторической и лингвистической науках появлялись самые противоречивые мнения, что объясняется недостатком письменных и археологических данных, с одной стороны, субъективной и тенденциозной интерпретацией их — с другой.

В зависимости от решения исследователями вопроса о времени заселения славянами Карпатского бассейна все их высказывания могут быть сведены к четырем основным группам.

К первой группе следует отнести утверждения исследователей, что район Карпатского бассейна был прародиной славян. Как известно, эту мысль впервые высказал автор «Повести временных лет» Нестор¹, который писал: «...по мнозехъ же времяхъ сели суть словени по Дунаеву, где есть ныне Угорьска земля и Болгарска. И от техъ словенъ разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на которомъ месте...» Мысль, высказанную Нестором, широко пропагандировали и отстаивали некоторые русские ученые XIX в. Часть из них Дунай и Прикарпатье считали не только прародиной славян, но и колыбелью восточного славянства. Этой мысли придержи-

¹ «Повесть временных лет». Под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, т. I. М.—Л., 1950, стр. 11.

вались Н. Карамзин², Н. Надеждин³, С. Соловьев⁴, И. Филевич⁵ и др.

Ко второй группе относятся мнения, по которым славяне в Карпатском бассейне появились в первой половине I тыс., но массовое заселение осуществили во второй половине I тыс. Эта территория, по мнению исследователей, заселялась как западными, так и восточными славянами. Сюда следует отнести таких известных славистов, как П. Шафарик⁶, Л. Нидерле⁷, Я. Ейснер⁸ и др.

Некоторые венгерские исследователи заселение славянами Тисо-Дунайского бассейна относили к VII—IX вв. н. э. и связывали его с аварским завоеванием или падением аварского каганата (И. Гампел⁹, П. Вацци¹⁰, Д. Шимони¹¹, Г. Фегер¹²).

К третьей группе можно отнести утверждения некоторых русских и украинских буржуазных историков и лингвистов, сводящиеся к тому, что Карпаты и закарпатские земли стали «русскими» (славянскими) позднее, только в XI—XII вв., когда они заселялись под нажимом печенегов и половцев восточнославянскими племенами тиверцев, уличей и белых хорватов. (Имеется в виду заселение восточнославянскими племенами части Трансильвании, нынешней Закарпатской области УССР и Восточнословацкого края ЧССР.) К ним принадлежат Д. Иловайский¹³, Д. Багалеи¹⁴, М. Грушевский¹⁵, А. Шахматов¹⁶, А. Соболевский.

К четвертой группе относятся мысли буржуазных венгерских и закарпатских историков (А. Годинка¹⁷, Ш. Бонкало¹⁸, И. Гашпар¹⁹, Ф. Фодор²⁰), связывавших заселение славянами северо-

² Н. М. Карамзин. История государства Российского, изд. 5, кн. 1 (т. 1—4). СПб., 1848.

³ Н. Надеждин. Записки о путешествии по южнославянским странам. ЖМНП, № 34, 1842.

⁴ С. М. Соловьев. История России, кн. 1, т. 1—5.

⁵ И. Филевич. История Древней Руси. Варшава, 1896; он же. Очерк карпатской территории и населения. ЖМНП, № 4, 1895.

⁶ P. J. Šafařík. Slovanské starožitnosti. Praha, 1837.

⁷ L. Niederle. Slovanské starožitnosti. Původ a počátky slovanu východních. Svazek IV. Praha, 1925.

⁸ J. Eisner. Slovensko v pravěku. Bratislava, 1933.

⁹ I. Hampel. A régibb középkor emlékei Magyarhonban. Budapest, 1897.

¹⁰ Váczi Péter. Szlávok megjelenése a dunai országokban. «Archeológiai értesítő», 91, 2, 1964.

¹¹ D. Simóni. Die Kontinuitätsfrage und das Erscheinen der Slaven in Pannonien. «Studia Slavica», 1955.

¹² G. Fehér. Beiträge zum problem des ungarisch-slawischen zusammenlebens. «Acta Archaeologica Scientiarum Hungarica», VIII, 1957.

¹³ Д. Иловайский. О славянском происхождении дунайских болгар. М., 1874; он же. Вопрос о народности руссов, болгар и гуннов. СПб., 1881.

¹⁴ Д. Багалеи. Русская история, т. I. Харьков, 1909.

¹⁵ М. Грушевский. Киевская Русь, т. I. СПб., 1911.

¹⁶ А. Шахматов. К вопросу об образовании русских народностей. ЖМНП, № 4, 1899.

¹⁷ A. Hodinka. A kárpátaljai rutének lakóhelye, gazdaságuk és művelődésük. Budapest, 1923.

¹⁸ S. Bónkó. A magyar rutének. Budapest, 1920.

¹⁹ J. Gáspár. A keleti szlávok antropológiája. Ungvár, 1944.

²⁰ F. Fodor. Magyar föld-magyar élet. Budapest, 1937.

восточных районов Карпатского бассейна (Верхнее Потисье) с восточнославянской колонизацией «русинов» (ныне закарпатских украинцев), которая как будто бы началась в XII—XIV вв. по воле венгерских королей и продолжалась в последующих столетиях.

Сначала остановимся на краткой исторической схеме известного венгерского исследователя ранних средневековых памятников Карпатского бассейна И. Гампеля относительно племен и народов, населявших данный район в первой и в начале второй половины I тыс. н. э. Исходя из схемы И. Гампеля в северо-восточной части Карпатского бассейна в II—III вв. н. э. обитали германские племена вандалов и лангобардов. Трансильванию начиная с 260 г. заселяли готы. Карпы и, возможно, остатки готов жили на склонах и в долинах северо-восточных Карпат. Кроме германских племен, заселявших низменность, здесь появились разрозненные племена ядзигов. В конце V в. под верховенством гуннов восточную часть Тисо-Дунайской равнины начали заселять карпатские и туранские племена. С 379 г. западные готы, став союзниками римлян, захватывают Верхнюю Паннонию (Задунавье). После смерти Атилы остготы с Трансильвании перекочевали на низменность, где пробыли почти два десятка лет. В то же самое время в долине реки Моравы образуется государство герулов и скиров.

В 491 г. лангобарды уничтожают государство герулов, а остатки их переселяются на южный Дунай. В 546—547 гг. под властью лангобардов находится почти вся Паннония. В ближайшие 20 лет проходят беспрерывные войны между лангобардами и гепидами. Герулы, славяне, болгары выступают на стороне гепидов. В 566 г. лангобарды обращаются за помощью к аварам, которые через год уничтожили почти 300-летнее господство гепидов в Карпатском бассейне. Как считает исследователь, по пятам аваров в Тисо-Дунайскую котловину устремляются славяне. В 569 г. Задунавье покидают лангобарды, направляясь в Италию, а их место в Паннонии занимают авары, сопровождаемые славянами.

И. Гампел считает, что VII—VIII вв. н. э. в раннесредневековой истории наименее исследованы. В этот период авары господствуют в Тисо-Дунайском бассейне. В письменных источниках нет никаких известий об аварах на протяжении 150 лет. Эти известия появляются только с началом аваро-франкских войн. После переменных успехов в конце VIII в. авары были разгромлены франками.

И. Гампел категорически выступает против мысли некоторых исследователей о возможном появлении славянских групп в Карпатском бассейне вместе с гепидами, готами и гуннами. Он отстаивает свой тезис о начале появления славян в этом районе только вместе с аварами. Падение аварского каганата, по его мнению, и было основной причиной для образования сла-

вянских государственных объединений, каким и стало государство Прибины, образовавшееся в Задунавье в 847 г.²¹

В наше время среди венгерских историков вопросом заселения славянами Карпатского бассейна занимается Вац П. Петер. В своем докладе на IV Международном археологическом славянском конгрессе в Будапеште в октябре 1963 г. Вац П. стремился при помощи письменных источников доказать, что до 568 г. значительных славянских вторжений в Карпатский бассейн не было. Продвижение славян на запад и юг, по мнению ученого, было следствием разгрома франками авар и образовавшегося вакуума, в который устремились славянские племена²².

Другой современный венгерский исследователь — Д. Шимони считает, что славяне в Карпатской котловине впервые появились в 500—566 гг. небольшими группами, что было первой фазой славянской колонизации. Во второй фазе, относящейся к 568—650 гг., настал период планомерного славянского заселения, который сначала осуществлялся по воле аваров, а в дальнейшем и самими славянами. После 803 г., по мнению исследователя, началась третья фаза колонизации²³.

С особой концепцией о заселении славянами некоторых районов современной Венгрии выступил Г. Фехер. Он считает, что в аварскую эпоху славян было очень мало. Археологически они засвидетельствованы эсвидными подвесками и грубой славянской лепной керамикой. Основная масса славян в Дунайском бассейне появляется только в IX—XI вв. и была южного происхождения. Те, что заселяли Задунавье, — выходцы из междуречья Дравы и Савы, а те, что поселились на восток от Дуная, — выходцы из Болгарии²⁴.

Заслуживает внимания вопрос о заселении славянами восточной части Карпатского бассейна — Трансильвании. Венгерский исследователь Кираль Пал в работе, посвященной римской провинции Дакия, должен был признать, что ни один народ, населявший после римлян эту территорию, не оставил столько топонимических следов, сколько их оставили славяне. Эти следы остались еще поныне в названиях местностей — урочищ, гор, рек, городов, сел и т. д. Новые пришельцы, венгры, оставили эти названия по-старому или сделали простые смысловые переводы на венгерский язык, например: Черна — Fekete, Городище — Várhely и т. д. П. Кираль считает, что славяне на территорию Дакии попадали небольшими группами, проходя через

²¹ J. Hampel. A régibb középkor emlékei Magyarhonban. Budapest, 1897, s. 2—3.

²² Váczy Péter. Szlávok megjelenése a dunai országekban.

²³ D. Simoni. Die Kontinuitätsfrage und das Erscheinen der Slaven in Pannonien. «Studia Slavica», I, 1955.

²⁴ G. Fehér. Beiträge zum Problem des ungarischen-slawischen Zusammenlebens. «Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae», VIII, 1957, s. 269—318.

перевалы в Восточных Карпатах. Исследователь согласен с мнениями тех историков, которые считали, что славяне приняли активное участие в разгроме Западной Римской империи. Новые завоеватели, готы, подчинили проживающих здесь славян, часть из них ушла с готами на запад, а часть осталась на месте. Позднее, по мнению ученого, после разгрома гуннов и аваров, славянские племена заселили Дакию. Этому также способствовала близость расселения основных славянских племен по ту сторону Карпат. От разгрома аваров и до прихода венгров прошло почти столетие. За это время, подчеркивает исследователь, славяне жили спокойно, но в их «общественной жизни не нашлось столько сил, чтоб создать государственность»²⁵. Как видим, смысл высказывания ученого сводится к принижению роли славянского населения и приписыванию ему неполноценности в создании политической и общественной организации.

Современный румынский археолог К. Дайковику считает, что славяне на территории Трансильвании появились еще до прихода авар и жили там оседлой жизнью до XI в., когда постепенно слились с румынами²⁶.

Румынская исследовательница Мария Комша связывает появление славянских памятников на территории современной Румынии с продвижением антов и склавинов в VI в. в Карпаты. К этому времени, по мнению ученой, относятся открытые в Трансильвании поселения и могильники типа Банд — Морешти. В Трансильванию славянские племена проникли не раньше середины VII в., после исчезновения гепидской культуры. Мария Комша придерживается того мнения, что одновременно с продвижением части восточнославянских племен из правобережья Днепра на юг осуществлялась и экспансия второй ветви на запад, в бассейн верхней Тисы и ее притоков. Вместе с аварами часть этих племен из Верхнего Потисья попадает в центральную Трансильванию²⁷.

Более подробно рассмотрим концепции чехословацких исследователей, так как за последнее время ими глубоко изучаются славянские памятники Карпатского бассейна — периода, предшествовавшего образованию «славянских государств», т. е. VI—VIII вв. н. э.

Вопрос о времени проникновения славян на южные склоны Карпат является одним из важных вопросов современной чехословацкой археологии и медиевистики. Еще П. Шафарик²⁸ и

²⁵ Pál Kirdly. Dacia provincia Augusti. Nagybecskerek, 1894, стр. 622—624.

²⁶ C. Dalcoviciu. Bemerkung zur Frage der «slawischen» Bodenfunde aus Dacien. «Annuairel Institutului de Studii clasice», IV, 1941—1943, стр. 180—185.

²⁷ Maria Comsa. Slăvil pe teritoriul R.P.R. în secolele VI—IX în lumina cercetărilor arheologice. SCIV, I, 1959.

²⁸ P. Šafařík. Slovanské starožitnosti. Praha, 1837.

Любор Нидерле²⁹ относили славянскую экспансию на запад ко II—III и до V в. н. э. и связывали ее с отходом германских племен. Нынешний чешский ученый Е. Шимек³⁰ считает, что первые раннеславянские группы появились на территории Моравии в III или в начале IV в. В основном большинство чехословацких исследователей придерживаются того мнения, что распространение славян на запад и за Карпаты осуществлялось в середине первого тысячелетия, задолго до того, как на историческую арену выступают авары. Об этом свидетельствуют археологические материалы, которые, по мнению Яна Эйснера, достаточно точно датированы. Древнейшие из них, которых, к сожалению, еще мало, датируются V в., причем близко к 400 г., а иные, более многочисленные — началом VI в.

В первой половине VI в. чешские земли были окончательно заселены славянами. Как отмечают словацкие археологи, самые древние славянские керамические изделия Западной Словакии, хотя и имеют много общих черт с моравскими, но принадлежат к древнейшей группе в связи с пражским типом сосудов (VI—VII вв.). Древнее выглядит керамика с могильника с трупосожжением из Ступавы и Бешенева у Туран³¹.

Славянские памятники Восточной Словакии, как считает часть чехословацких археологов, составляют отдельную группу, связанную с Потисьем и областями на север от Полонинских Карпат. К самым ранним из них исследователи относят памятники так называемой пшеворской культуры, могильники и отдельные захоронения которой были открыты на территории нынешней Восточной Словакии и Закарпатской области УССР и датируются II—III вв. н. э.³² Неудомимый исследователь древнейших памятников Восточной Словакии — В. Будински-Кричка хотя и не выступает против вышеупомянутой мысли, но, по его мнению, зачатки славянской оседлости следует связывать с так называемой пряшевской культурой³³. Поселения носителей пряшевской культуры открыты в долине реки Торисы и Кошицком округе. Поселение в Пряшеве, от которого получила название культура и аналогичные памятники, датируется III—V вв. н. э. Памятники последующего периода, периода предморавской поры (VII—VIII вв.), когда присутствие славян в Восточной Словакии не вызывает сомнения, пока еще мало известны. Единым поселением, позволяющим связывать его с этой эпохой, по мне-

²⁹ L. Niederle. *Slovanské starožitnosti*, III. Praha, 1919.

³⁰ E. Šimek. *Západní Slované a Germani*. Brno, 1947.

³¹ D. Bialekova. *Nové včasnოსлованскé nálezi z juhozápadného Slovenska*. «Slovenska archaeologia», XLI, 1962, стр. 97—145.

³² V. Budinsky-Krička. *O przeworském typu na Východnom Slovensku*. «Archeologické rozhledy», XIII, 1961.

³³ V. Budinsky-Krička. *Staroslovanské obdobie. Pravěk Východního Slovenska*. Košice, 1965.

нию В. Будински-Крички, является поселение на Сомоторской горе, датированное VI—VII вв.³⁴

Заслуживает внимания концепция словацкого историка Яна Декана относительно заселения славянами Словакии. Как и большинство других исследователей, Я. Декан придерживается того мнения, что славяне заселили Карпатскую котловину намного раньше VI в. Преодолев Карпаты, славяне сначала заселили те земли, которые наиболее подходили для земледелия, правда, без степной части между Тисой и Дунаем. Через некоторое время, усилившись, они постепенно заселяют и внутренние земли Паннонии. Возникновение смешанной славяно-аварской культуры, известной под названием кестхельской, Ян Декан объясняет последующим поселением авар на славянских поселениях. На основании изучения кестхельской культуры исследователь делит Словакию на три области:

1) Задунайская область с венско-девинскими воротами (Западная Словакия); 2) нагорье Матры (Средняя Словакия); 3) Верхнее Потисье (Восточная Словакия). Все эти области заселялись славянами по-разному.

Ян Декан считает, что нагорье Матры (Средняя Словакия) было заселено славянами как с запада, так и с востока. Относительно заселения Восточной Словакии славянами у ученого свое мнение. Он не согласен с теми исследователями, которые отстаивают мысль о заселении этой территории с запада.

Восточная Словакия, по мнению Яна Декана, была заселена славянами с северо-востока и с юга. Об этом свидетельствует наличие здесь и поныне украинского населения и оставшиеся следы болгарского политического господства. Заселение славянами Словакии в предгородишную эпоху (V—VII вв.) осуществлялось небольшими островками, которые по причине наличия большого количества свободной земли и ведения экстенсивного земледелия были хозяйственно замкнутыми и независимыми. Эта хозяйственная самостоятельность поселений, расположенных, как правило, на больших расстояниях друг от друга, негативно влияла на возникновение государственных объединений. Отсутствие политических объединений, по мнению ученого, давало возможность, несмотря на сильный славянский этнос, подчинить славянские племена организованным в военном отношении кочевникам. Одной из важных причин слабого развития материальной культуры у славянских племен этого периода было наличие достаточного количества целинных земель и ведение экстенсивного земледелия, не требовавшего улучшения орудий труда и технического прогресса³⁵.

³⁴ J. Pastor. Sídľiskový výskum na Somotorskéj hore. «Slovenska archaeologia», VI-2, 1958.

³⁵ J. Dekan. K problémam slovanského osídlenia na Slovensku. «Historica Slovaca», VI—VIII. Bratislava, 1948—1949.

Вопросом заселения славянами Восточной Словакии занимался также словацкий историк Ф. Благута³⁶. Он считает, что славяне колонизировали Пряшевщину между II—VI вв. из славянского центра, находящегося в Юго-Западной Словакии, по соседству с Моравией. Оттуда славянский этнос расселился в восточном направлении к равнинам Восточной Словакии, а потом долинами рек дошел до Пряшевщины. Здесь уже жили небольшие группы славянских племен, прибывших сюда через перевалы прямо из Прикарпатья.

И, наконец, свой историографический обзор заканчиваем рассмотрением существующих археологических источников о заселении славянами северо-восточной части Карпатского бассейна или Верхнего Потисья (ныне территория Закарпатской области УССР). На упомянутой территории известны две группы археологических памятников, датируемые первой половиной I тыс., а именно: 1) памятники типа карпатских курганов и 2) разрозненные погребения пшеворской культуры.

Исследованием памятников типа карпатских курганов в Прикарпатье и в Закарпатье занимался М. Ю. Смишко. На территории Закарпатья известны пока один могильник в районе с. Иза Хустского района и одно поселение в г. Виноградове. Могильники культуры карпатских курганов датируются I—IV вв. н. э. и тянутся узкой полосой между Карпатами, с одной стороны, и Днестром и верховьем Прута — с другой; на востоке они доходят до верховьев Серета, а на западе — до р. Стрый. М. Ю. Смишко придерживается того мнения, что носители культуры карпатских курганов на северо-восточном предгорье Карпат были древним населением, известным под именем карпионов, о которых упоминает Птолемей в своей «Географии». Под именем карпов они встречаются в римских источниках до IV в. включительно среди племен, вторгавшихся в римские провинции Дакию, Иллирию и Мезию. По мнению исследователя, памятники культуры карпатских курганов следует связывать с карпами, которых он причисляет к непосредственным предкам восточной части летописных белых хорватов³⁷.

Ко второй группе памятников первой половины I тыс. относятся также памятники пшеворской культуры. На основании имеющихся археологических источников выявленные памятники на Закарпатье относятся к южной окраине пшеворской культуры и датируются II—III вв. н. э. Носители пшеворской культуры, считающейся славистами-археологами раннеславянской, проникают на южные склоны северо-восточных Карпат в период ее наивысшего расцвета.

³⁶ F. Blahuta. Archeologický príspevok k dejinám vzniku a prvého rozvoja Prešova. «Nové obzory», III. Košice, 1961.

³⁷ М. Ю. Смишко. Карпатські кургани першої половини I тисячоліття нашої ери. Київ, 1960, стр. 138.

Для второй половины I тыс. в Закарпатье характерными славянскими памятниками, открытыми за последнее десятилетие, являются бескурганные и курганные могильники с трупосожжением, укрепленные и неукрепленные поселения типа Луки-Райковецкой³⁸.

Таким образом, мы рассмотрели историографический материал, относящийся к проблеме заселения славянами Карпатского бассейна и охватывающий более чем полстолетний период исследования учеными разных стран. Нам хочется подчеркнуть, что кроме научных выводов, базирующихся на разнообразных источниках, мы повстречались с тенденциозными и субъективными высказываниями отдельных ученых, ничего общего не имеющими с объективной интерпретацией источников. Такое положение, на наш взгляд, объясняется, с одной стороны, недостатком письменных и археологических данных, с другой — преднамеренным искажением исторических фактов с целью снижения роли славянского этноса в истории европейских народов первой половины I тыс.

За последнее время в результате интенсивных археологических исследований получены новые данные о раннеславянском населении, появившемся в Карпатском бассейне в первой половине I тыс. Чехословацкие археологи пришли к выводу, что раннеславянское население принесло с собой не полностью однородную материальную и духовную культуру. Раньше известная культура пражских сосудов, считавшаяся единой славянской культурой периода заселения, ныне признается только частью раннеславянских памятников IV—VI вв. н. э. И поэтому на ближайшее время ставится вопрос о глубоком изучении раннеславянских памятников периода заселения славянами Карпатского бассейна³⁹. Таким образом, памятники типа карпатских курганов, пшеворской, пряшевской культур, а также памятники Юго-Западной Словакии, датируемые первой половиной I тыс., следует связывать с появлением первых славянских групп в Карпатском бассейне или принять их за первый этап славянской колонизации этих земель. На базе раннеславянских культур во второй половине I тыс. началось массовое заселение Карпатского бассейна западными и восточными славянскими племенами. Памятники этого времени наделены такими общеславянскими чертами, что наличие их на данной территории не вызывает возражений у большинства исследователей.

³⁸ С. И. Пеняк. Исследование древнеславянских памятников второй половины I тысячелетия на территории Закарпатской области УССР.

³⁹ В. Chropovský. K otázke najstaršiu slovanského osídlenia na Slovensku. «Studijne zvesti AUSAV». Nitra, 14, 1964.

М. М. Кучинко

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ МЕЖДУРЕЧЬЯ ЗАПАДНОГО БУГА И ВЕПРА В IX—XIII ВВ.

Территория между Западным Бугом и Вепром издавна привлекала к себе внимание исследователей в связи с проблемой Червенских градов и вопросом русско-польского пограничья в раннем средневековье. Принадлежность населения этой территории к восточно- или западнославянской группе племен на протяжении длительного времени была предметом споров между учеными. Представители русской, украинской и польской историографии посвятили этой проблеме немало страниц, однако вопрос полностью не решен и поныне. Трудность окончательного решения этого вопроса была связана в значительной степени с тем, что для этого использовались главным образом довольно скудные и фрагментарные сообщения письменных источников, которые к тому же трактовались исследователями по-разному, часто неправильно и даже тенденциозно. Фактически они ограничиваются несколькими упоминаниями русской летописи, польских и немецких хроник.

Здесь нет надобности останавливаться на детальном рассмотрении этого вопроса, тем более что анализ письменных источников и характеристика взглядов разных исследователей, занимавшихся этой территорией, достаточно освещены как в советской¹, так и в польской² историографии.

Целью настоящей статьи является анализ археологических памятников этой территории и определение уровня культуры и этно-культурной принадлежности ее населения.

Для объяснения многих неясных вопросов истории между-речья Западного Буга и Вепра большую роль сыграли археологические исследования, которые в прошлом имели разведывательный характер, а начиная с 50-х годов XX в. стали проводиться на научной основе квалифицированными археологами. В результате систематических исследований городищ, неукрепленных поселений и могильников накоплен значительный материал, на базе

¹ В. Д. Королюк. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964.

² Н. Łowmiański. Problematyka historyczna grodów Czerwieńskich w związku z planem zespołowych badań polsko-radzieckich. «Kwartalnik Historyczny», t. LX, z. 1, 1953, s. 58—85.

которого уже теперь можно попытаться решить вопрос, столь долго бывший дискуссионным. Некоторая неравномерность в освещении охарактеризованных ниже археологических памятников обусловлена современным состоянием их изучения и публикации.

Лучше всего исследованы городища. Это относится прежде всего к городищу в с. Городок Надбужный Грубешовского повята ПНР, которое связывается с летописным Волинем, впервые упомянутым в русской летописи под 1018 г.³

Исследования на городище проводились в 50—60-х годах XX в. группой польских археологов под руководством З. Раевского⁴. Площадка имеет овальную форму размером 80×70 м. С востока городище защищено высоким обрывистым берегом Западного Буга, а с запада валом. На территории детинца и окольного города открыты жилища-полуземлянки — квадратные в плане, размером в среднем 3×4 м, с глиняными куполообразными печами в одном из углов. Возле жилищ находились хозяйственные ямы. Репертуар находок представлен фрагментами лепной и лишь частично обточенной керамики и гончарных сосудов разнообразных типов и форм. В культурном слое обнаружено значительное количество предметов быта, вооружения, украшений и культа, которые позволяют датировать городище IX—XIII вв.⁵

В Городке Надбужном открыты и исследованы два могильника. Первый из них, курганный, находился в урочище «Городище». Еще в прошлом столетии здесь было несколько курганов, один из которых был раскопан З. Доленгой-Ходаковским. Позднее, во время разных работ было раскопано еще несколько курганов, под которыми лежали скелеты на спине, головой на запад. Погребальный инвентарь состоял из нескольких височных колец и серебряного витого перстня с тонкими заходящими друг за друга концами. Этот могильник исследователи датируют IX—XII вв.⁶

Другой могильник был открыт в урочище «Замчиско». В отличие от первого он был бескурганный. Исследования Л. Раугута в 1952 г. показали, что скелеты лежали в деревянных гробах, ориентированные головами на запад. В женских погребениях были найдены украшения в виде бронзовых и серебряных трехбусных серег, проволочных височных колец, скрученных в полтора оборота, s-конечных височных подвесок, бронзового перстня с заходящими концами и бронзовой пуговицы. В мужских погребениях украшений не было. Несколько пробитых черепов говорят о

³ ПСРЛ, т. II, стлб. 130.

⁴ Z. Rafewski. Sprawozdanie z badań na Grodach Czerwieńskich. «Sprawozdania Archeologiczne», т. II, 1956, с. 45—52.

⁵ Там же, стр. 50—51.

⁶ H. Zoll-Adamkówna. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska szkieletowe Małopolski, cz. I. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966, s. 51.

насильственной смерти погребенных, очевидно, погибших в бою, возможно, во время захвата града Воляня татаро-монголами в 1241 г. Инвентарь могильника позволяет датировать его XIII в.⁷

Другим важным городом междуречья Западного Буга и Вепра был впервые упомянутый в Ипатьевской летописи под 981 г.⁸ Червен. Как показали археологические исследования, проведенные в 50-х годах XX в., он находился на месте нынешнего с. Чермно на пяти островах, расположенных среди болот над р. Гучвой⁹. Городище имеет форму прямоугольника размером 700×300 м и укреплено валом, современная высота которого достигает 5 м. В южной части вала находились ворота. На территории городища были открыты две полуземлянки и прослежены остатки наземных жилищ, а также хозяйственные ямы. В культурном слое городища обнаружен значительный комплекс материалов, основную часть которых составляет керамика. Среди других находок следует упомянуть орудия труда, предметы быта, вооружения и украшения.

На северо-восток от городища возле с. Вроновице-Доливо открыт грунтовой могильник. Он находился в урочище «Побойовисько» или «Гребовисько». В 1941 г. небольшие раскопки на могильнике произвел Л. Е. Чикаленко. Им были открыты четыре погребения. По-видимому, в раннем средневековье на могильнике хоронили людей, живших в летописном Червене¹⁰. В связи с разрушенностью могильника более точно определить его хронологические рамки не представляется возможным.

Важную роль на русско-польском пограничье играл древнерусский город-крепость Сутейск, построенный в 30-х годах XI в. Ярославом Мудрым. Первое упоминание о Сутейске содержится в Ипатьевской летописи под 1097 г.¹¹ Остатки этого города находятся при слиянии рек Пора и Вепра у с. Сонсядка Замостьского повета ПНР. Детинец имеет форму прямоугольника с закругленными углами. В прошлом он был обнесен валом высотой в 6—7 м. Ров проходил только с юго-восточной стороны. Въездов на городище было два — с восточной и западной стороны. С севера к детинцу примыкал окольный город, защищенный с востока валом и рвом, с запада — крутым обрывом, а с севера — болотистой равниной р. Пор. С юга и востока проходил еще один, внешний вал.

На детинце и окольном городе З. Вартоловской было открыто

⁷ L. Rauha. Średniowieczne cmentarzysko szkieletowe na stan. 1-A w Grodku Nadbużnym. «Sprawozdania Archeologiczne», t. II, 1956, s. 78—81.

⁸ ПСРЛ, т. II, столб. 69.

⁹ K. Jazdzewski. Ogólne wiadomości o Czerminie-Czerwieniu. «Archeologia Polski», t. IV, z. IV, 1959, s. 67—91.

¹⁰ H. Zoll-Adamikowa. Указ. соч., стр. 132.

¹¹ ПСРЛ, т. II, столб. 246.

несколько полуземлянок столбовой конструкции, ориентированных по сторонам света. В жилищах находились печи, вырезанные в лесе. Они округлые в плане, с полусферическим куполом. Возле жилищ открыто несколько хозяйственных ям цилиндрической и грушевидной формы, а также колодец глубиной в 16 м.

Находки представлены фрагментами гончарных горшков, сковородок и жаровень, железными орудиями труда, предметами быта, вооружения и воинского снаряжения. Большой интерес представляют найденные на детинце оловянные печати Владимир-Волынского князя Давида Игоревича (XI—XII вв.). На городище открыт грунтовой могильник с труположением в ямах и гробах. Покойники были уложены на спине и ориентированы головами на запад. Этот могильник исследовательница датирует IX—XI вв. Вообще же весь комплекс датируется IX—XIII вв.¹²

Немаловажное значение имел город Холм, который, как сообщает Галицко-Волынская летопись, был основан Даниилом Галицким в XIII в.¹³ Остатки древнего города открыты в современном Холме в урочище «Высокая Горка», где сохранилось городище-детинец размером 60×40 м, укрепленный валом и рвом, и окольный город.

Археологическими исследованиями, проводившимися на городище в 1874—1913 гг. Ф. Коралловым и П. Покрышкиным, обнаружены деревянные конструкции внутри вала, тип которых, однако, не удалось установить из-за плохой сохранности. Был также открыт фундамент каменной стены¹⁴.

В 1956 г. во время строительных работ был открыт культурный слой с древнерусской керамикой XII—XIII вв., железными предметами и фрагментами стеклянных браслетов. Позже польскими археологами был открыт каменный фундамент деревянной башни, упомянутой в летописи под 1259 г., а также найдены архитектурные детали церкви св. Ивана¹⁵.

В 1958 г. в восточной части города было открыто богатое погребение, возможно остаток могильника, позже разрушенного. Оно находилось в урочище «Кредова Гура». Покойник лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на запад. Инвентарь захоронения состоял из трех серебряных s-конечных подвесок, двух височных колец из бронзовой проволоки, скрученных в полтора оборота, и трех перстней, один из которых был изготовлен из серебряной орнаментированной пластинки, а два из проволоки. На шее скелета было ожерелье из синих стеклянных бус и ракушек каури. В яме было также найдено несколько фраг-

¹² Z. Watołowska. Gród czerwieński Sutielsk na pograniczu polsko-ruskim. Warszawa, 1958.

¹³ ПСРЛ, т. II, стлб. 843.

¹⁴ T. Żurowski. Chełm Lubelski. «Z otchłani wieków» (ZOW), R. XXIII; z. 3, 1957, s. 159—161.

¹⁵ Там же, стр. 161.

ментов гончарных сосудов. Находки позволяют датировать погребение XII—XIII вв.¹⁶

Кроме описанных выше городов в междуречье Западного Буга и Вепра существовали городища, игравшие второстепенную роль. Такими, например, были городища в с. Сайчицы¹⁷, Канье, Седлище, Городище, Столпе и Беладино¹⁸, где обнаружены следы оборонительных сооружений и в незначительном количестве археологические находки. В начале XIII в. здесь появляются такие пункты, как Угровеск, Верещин, Комов, которые располагались вокруг позднейшего центра этой земли — Холма¹⁹. Города, конечно, не были одиночными пунктами. Напротив, они были как бы центрами, вокруг которых группировались неукрепленные поселения. Так, вокруг Холма находились поселения в с. Окшев, Новоселки, Бусовно, Чульчицы, Чернеев и другие, поверхностные исследования на которых проводил С. Скибинский²⁰. На названных пунктах им собраны фрагменты древнерусской керамики, железные ножи, шиферные пряслица, точильные бруски и обломки стеклянных браслетов.

Возле летописного града Воляня находилось поселение в Стрижове над Бугом, где раскопками, проведенными Л. Раугутом, открыто несколько полуземлянок столбовой конструкции с глиняными куполообразными печами. Как и на городищах, возле жилищ находились зерновые и хозяйственные ямы. В культурном слое найдены фрагменты лепных и гончарных сосудов, датирующихся VIII — серединой X в.²¹

Другим поселением возле града Воляня было селище в с. Гусином, на месте которого позже был насыпан курган, называемый в польской научной литературе «Ксенжицова Могила». Материал из раскопок, проведенных К. Журовским и Г. Миколайчик, позволяет датировать этот комплекс VII, VIII—X вв.²² Аналогичными были поселения IX—XI вв. в с. Чумов и Славенцин, открытые И. Глосиком²³.

Подобная же ситуация была и в районе летописного Червения, где кроме центрального комплекса существовали поселения

¹⁶ S. Skibiński. Grób wczesnośredniowieczny na kredowej Górze w Chełmie Lubelskim. WA, t. XXVI, z. 3—4, 1959—1960, s. 303—304.

¹⁷ S. Skibiński. Wczesnośredniowieczne grodzisko «Horodyszcze» w Sajczycach-Czulczycach Małych, pow. Chełm. WA, t. XXX, z. 3—4, 1964, s. 499—500.

¹⁸ S. Skibiński. Zabytki archeologiczne powiatu Chełmskiego. «Zemia Chełmska». Lublin, 1961, s. 142—150.

¹⁹ ПСРЛ, т. II, стлб. 721.

²⁰ S. Skibiński. Zabytki archeologiczne..., s. 142—150.

²¹ L. Rauhut. Osadnictwo wczesnośredniowieczne w Strzyżowie, pow. Hrubieszów. WA, t. XXIV, z. 1—2, 1957, s. 113—129.

²² K. Żurowski i G. Mikołajczyk. Sprawozdanie z badań kurhanu we wsi Husynne. «Sprawozdania Archeologiczne», t. I, 1955, s. 254—261.

²³ J. Głosik. Archeologiczne badania powierzchniowe przeprowadzone w r. 1956 nad Bugiem w okolicy Hrubieszowa. WA, t. XXVI, z. 3—4, 1959—1960, s. 320—321.

в с. Переспа и Вороновичи-Доливо²⁴, а также Вакиево, принадлежавшее в XI в. владимир-волинскому боярину Вакию²⁵, и село Ратиборовичи, бывшее в XII в. собственностью червенского посадника Фомы Ратибора²⁶.

В междуречье Западного Буга и Вепра открыто несколько могильников. О некоторых из них уже говорилось выше при описании городищ, другие следует назвать здесь. Это — курганный могильник в с. Липско Замостьского повета, где насчитывается около 60 курганов высотой до 1 м. Могильник в значительной мере исследован М. Древром, который на основании фрагментов керамики датирует его X—XI вв.²⁷ Курганные кремационные могильники открыты также в с. Став и Большие Путновцы Холмского повета²⁸, Космов, Неледев и Слипче Грубешовского повета²⁹ и курганный могильник с труположением в с. Чортовец Томашевского повета, где под насыпью было открыто женское погребение, инвентарь которого состоял из двух бронзовых серег киевского типа и серебряного перстня с несходящимися концами и полудрагоценным камнем, вправленным посередине. Этот могильник датируется XII—XIII вв.³⁰

Такова вкратце общая характеристика археологических памятников междуречья Западного Буга и Вепра, которые дают нам возможность проанализировать отдельные элементы ранне-средневековой культуры населения этой территории.

Города и селища расположены на берегах рек, иногда среди болот. Городища обычно состоят из двух частей: детинца и окольного города. Как правило, они укреплены одним-двумя рядами валов с внутривальной конструкцией в форме деревянных срубов (Сутейск, Волянь, возможно, Холм) или без конструкций (Червен). Селища не укреплены и группируются вокруг городов. Основным типом жилища на этой территории были прямоугольные полужемлянки, углубленные в грунт от 0,5 до 1 м. Они были столбовой конструкции со стенами, плетеными из прутьев и обмазанными глиной. В одном из углов жилища располагалась глиняная куполообразная печь (Волянь³¹, Сутейск³², Стри-

²⁴ K. Jazdziewski. Ogólne wiadomości o Czerminie..., s. 73—75.

²⁵ ПСРЛ, т. II, стлб. 171.

²⁶ Там же, стр. 286.

²⁷ M. Drewo. Prace wykopaliskowe na wczesnośredniowiecznym cmentarzysku kurhanowym we wsi Lipsko, pow. Zamość. «Sprawozdania Archeologiczne», t. II, 1956, s. 82—84.

²⁸ S. Skibiński. Zabytki archeologiczne..., s. 149.

²⁹ S. Nosek. Materiały do badań nad historią starożytną i wczesnośredniowieczną w międzyrzeczu Wisły i Bugu. «Annales Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej», Sect F, vol. VI. Lublin, 1957, s. 327—329.

³⁰ S. Nosek. Указ. соч., стр. 342.

³¹ A. Giejsztor. Polskie Badania na Grodach Czerwieńskich w latach 1952 i 1953. «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1954, 1 (6), s. 150.

³² Z. Wartołowska. Указ. соч., стр. 66, рис. 37.

жев³³ и др.). Некоторые исследователи считают, что полужемлянки существовали только до XI в. и потом их заменили наземные жилища. С этим, однако, трудно согласиться. Новейшие данные заставляют нас присоединиться к мнению М. К. Каргера³⁴, что полужемлянки наряду с наземными жилищами, появившимися в XII в., существовали до XIII в.

В то же время на этой территории обнаружены следы наземных жилищ (Червен³⁵, Волянь³⁶ и др.), датированные XII—XIII вв. Возле жилищ находились хозяйственные ямы цилиндрической и грушевидной форм.

Могильники представлены курганами с трупосожжением. Известны также курганные и бескурганные с трупоположением. Исследования показали, что покойника сжигали на месте погребения, после чего остатки кремации собирали в урну и ставили на вершине кургана (Липско)³⁷ или просто оставляли пережженные кости на древнем горизонте и насыпали курган (Неледев, Космов)³⁸. Инвентарь захоронений бедный. Он состоял из фрагментов керамики, датированной X в.³⁹ Курганный могильник с трупосожжением исследован в древнем Воляне в урочище «Городище» и Чортовце, где скелеты были ориентированы головой на запад, с инвентарем, состоявшим из височных колец, серег, серебряных перстней и др. Эти могильники датируются VIII, IX—XIII вв.⁴⁰

Грунтовые могильники с трупоположением лучше всего исследованы в Воляне в урочище «Замчиско» и Холме. Исследованиями установлено, что умерших хоронили в ямах или в гробах с ориентировкой головой на запад. Инвентарь погребений состоял из серебряных височных колец в полтора оборота, эсконечных подвесок, серебряных серег киевского типа, перстней с заходящими друг за друга концами и перстней из бронзовой пластинки. Эти могильники датируются XII—XIII вв.⁴¹

В результате археологических раскопок раннесредневековых памятников междуречья Западного Буга и Вепра найден в значительном количестве вещевой материал. Наиболее массовой группой находок является керамика, развитие которой хронологически можно разделить на три этапа.

³³ L. Rauhut. Osadnictwo wczesnośredniowieczne w Stryżomie, pow. Hrubieszów. WA. t. XXIV, z. 1—2, 1957, s. 127—129.

³⁴ М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, стр. 350.

³⁵ A. Nadolski. Prace wykopaliskowe w Czerminie nad Huczwią, pow. Tomaszów Lubelski w 1952 r. «Archeologia Polska», t. IV, z. 1, 1959.

³⁶ Z. Rajewski. Sprawozdanie z badań..., s. 51.

³⁷ M. Drewko. Указ. соч., стр. 82—84.

³⁸ S. Nosek. Указ. соч., стр. 327.

³⁹ M. Drewko. Указ. соч., стр. 84.

⁴⁰ H. Zoll-Adamikowa. Указ. соч., стр. 51.

⁴¹ L. Rauhut. Średniowieczne cmentarzysko..., s. 78—81; S. Skibiński. Grób wczesnośredniowieczny..., s. 303—304.

Для первого этапа характерны горшки, изготовленные полностью лепным способом или лепные, частично обточенные на гончарном круге. Они имеют профиль в форме латинской буквы *s* с наибольшей выпуклостью приблизительно посередине (табл. I, 6). Венчики отогнуты наружу, их края вертикально срезаны, с желобком с внешней стороны или же карнизообразны (табл. I, 7). Орнамент состоит из неправильных волнистых или прямых линий (табл. I, 6, 7, 10). Донышка сосудов преимущественно плоские или слегка вогнутые. В незначительном количестве найдены фрагменты горшков, изготовленных из белой глины. Керамика этого типа встречается в Червене⁴², Гусином⁴³, Стрижове⁴⁴, Чумове⁴⁵ и др. и датируется IX—серединой X в. Для второго этапа развития характерны горшки, изготовленные из белой глины (например, в Червене они составляют около 60% от общего количества), а также сосуды из обыкновенной глины. Вся керамика изготовлена на гончарном круге. Профиль горшков более или менее напоминает латинскую букву *s*. Венчики довольно сильно отогнуты, их края резко прифилерованы и имеют форму карниза (табл. I, 12—13) или утолщены и в разрезе имеют форму треугольника с закругленными углами (табл. I, 15). Донышка в основном плоские, встречаются и с клеймами в виде круга или колеса (табл. I, 8, 14). Орнамент состоит из углубленных прямых и волнистых линий. Керамика из белой глины не орнаментирована. Для этого этапа характерны также сковородки (табл. I, 9). Охарактеризованная керамика найдена на городищах в Червене⁴⁶, Воляне⁴⁷ и других пунктах. И везде она датируется концом X—XI в.⁴⁸

Третий этап представляют сосуды, изготовленные из обыкновенной глины с незначительной примесью мелкого песка. Они тонкостенны, все сделаны на гончарном круге. Это стройные широкогорлые горшки, венчики которых сильно отогнуты, края разнообразно профилированы (табл. I, 1—2) или утолщены в форме валика с желобком с внутренней стороны (табл. I, 3). Шейка дугобразная, плечики небольшие, наклонные, тулово конически суживается книзу. Донышка преимущественно плоские или чуть вогнуты. На донышках встречаются гончарные клейма. Керамика этой группы слабо орнаментирована. Изредка встречаются горшки, украшенные горизонтальными углубленными линиями. Имеются также фрагменты горшков из белой глины, иногда встре-

⁴² A. Abramowicz. Ceramika z Czeremna nad Huczwą. «Archeologia Polska», t. IV, z. 1, 1959, s. 178—183.

⁴³ K. Zurowski i G. Mikołajczyk. Указ. соч., стр. 254—267, рис. 10.

⁴⁴ L. Rauhut. Osadnictwo wczesnośredniowieczne..., табл. XVI, 1.

⁴⁵ J. Głosik. Указ. соч., стр. 320—321.

⁴⁶ A. Abramowicz. Указ. соч., стр. 167—175.

⁴⁷ B. Zawadzka-Antosik. Materiały wczesnośredniowieczne z osady w Gródku Nadbużnym, pow. Hrubieszów. WA, t. XXXIII, z. 3—4, s. 355—361.

⁴⁸ A. Abramowicz. Указ. соч., стр. 151.

чаются фрагменты сосудов с цилиндрической шейкой (табл. I, 4) и горшки с ушком. В довольно значительном количестве найдены обломки амфор-корчаг (табл. I, 5).

Охарактеризованная керамика датируется XII—XIII вв. и найдена в Червене⁴⁹, Волыне⁵⁰, Холме⁵¹ и других пунктах рассматриваемой территории.

В большом количестве найдены предметы из металла, камня, рога и кости. Из орудий труда найдены наральник и скобель (Гусинное)⁵², ножи (Гусинное, Сутейск, Волынь), серп (Волынь)⁵³, тесло (Сутейск, табл. II, 2), топор (Сутейск, Гусинное, табл. II, 3), острога и рыболовные крючки (Сутейск, Червень, Волынь, табл. II, 9; III, 1), шиферные пряслица и точильные бруски (Червень, Волынь, Холм, Чульчицы, табл. III, 4, 8). Из предметов быта найдены цилиндрические замки и ключи, огнива⁵⁴, костяные гребни (Червень, Волынь, табл. III, 26).

На территории летописных городов Червеня, Волыня, Холма и на поселении в Чульчицах найдено довольно много украшений. Это серебряные и бронзовые трехбусные серьги минского типа (табл. III, 10), височные кольца, скрученные в полтора оборота, и эсконечные кольца, проволочные и стеклянные браслеты (табл. III, 12, 17, 18), щитковые (табл. III, 11) и стеклянные (табл. III, 15, 16) перстни, бронзовые лировидные пряжки (табл. III, 6, 7), бронзовые колокольчики (табл. III, 13—14) из Червеня, стеклянные бусы и др. Оружие и снаряжение воина представлены находками мечей из Волыня и Сутейска (табл. II, 6), наконечниками копий (табл. II, 4—5) и стрел (табл. III, 22—25) из Сутейска и Червеня, шпорами (табл. II, 7) и стремянами (табл. II, 8) из Сутейска, Волыня и Стрижова. К предметам культа следует отнести бронзовые кресты-складни (энколпионы) из Волыня и Обровца⁵⁵ и шиферные крестики (табл. III, 19) из Червеня. Игрушки представлены погремушками, так называемыми писанками (табл. III, 20—21) из Червеня.

Большой интерес представляют найденные в Волыне и Сутейске оловянные привесные печати (табл. II, 10) волинского князя Давида Игоревича (XI—XII вв.). Все названные находки датируются разным временем в пределах X—XIII вв. Этот далеко не

⁴⁹ A. Abramowicz. Указ. соч., стр. 159—165.

⁵⁰ B. Zawadzka-Antosik. Указ. соч., стр. 360.

⁵¹ T. Żurowski. Chelm Lubelski. ZOW, R. XXIII, z. 3, 1957, стр. 159—161.

⁵² K. Żurowski i G. Mikołajczyk. Указ. соч., стр. 254—261.

⁵³ M. Gądzikiewicz. Sprawozdania tymczasowe z badań prowadzonych w 1954 r. na stan. 2 w Grodku Nadbużnym. «Sprawozdania Archeologiczne», t. II, 1956, стр. 69—74.

⁵⁴ A. Zbierski. Wczesnośredniowieczne materiały archeologiczne z Czeremna nad Huczwą. «Archeologia Polska», t. IV, z. 1, 1959, s. 141—142.

⁵⁵ L. Gajewski. Brązowy krzyżyk znaleziony w Obrowcu, pow. Hrubieszów. WA, t. XXVI, z. 3—4, 1959—1960, s. 344—345.

полный перечень находок показывает, как богата и многогранна была культура населения рассматриваемой территории.

Коротко рассмотрим упомянутые элементы материальной культуры населения междуречья Западного Буга и Вепра на широком фоне синхронных памятников смежных территорий Руси и Польши, что необходимо для решения вопроса о принадлежности их носителей к восточно- или западнославянскому этническому массиву.

Взглянем на тип оборонительных сооружений. Внутреннюю конструкцию валов в Волине⁵⁶, Сутейске⁵⁷, возможно, Холме⁵⁸ составляли деревянные срубы, засыпанные землей. Встречаются валы вовсе без внутренних конструкций (Червен)⁵⁹. Подобный тип сооружений характерен для древнерусского военного зодчества. Срубы известны в Киеве, Белгороде, Колодыжине, Райках и других пунктах Древней Руси⁶⁰. В то же время для древнепольского оборонительного зодчества характерна колосниковая внутривальная конструкция⁶¹.

На рассматриваемой территории в IX—XII/XIII вв. бытовали полуземляночные жилища с глиняной куполообразной печью в одном из углов, а в XII—XIII вв. наряду с ними существовали наземные жилища. Оба типа жилищ характерны для Древней Руси⁶². Для Польши этого периода типичны исключительно наземные срубные жилища с каменным очагом посередине или в углу⁶³.

Как уже говорилось, на исследуемой территории в рассматриваемое время известны подкурганные захоронения с трупосожжением и трупоположением, а также грунтовые захоронения с трупоположением в ямах, иногда в гробах. Что касается курганных кремационных могильников, то аналогии им известны как с территории Руси⁶⁴, так и с территории Польши⁶⁵. Все же в междуречье Буга и Вепра их, по-видимому, следует связывать с восточными славянами⁶⁶.

Подкурганные захоронения с трупоположением, вне всякого сомнения, принадлежали восточным славянам, о чем свидетельствует похоронный инвентарь. Аналогии им известны на Киевщи-

⁵⁶ L. Rauhut. Sprawozdanie z badań w 1954 r. nad konstrukcją wału grodowego w Gródku Nadbużnym. «Sprawozdania Archeologiczne», t. II, 1956, s. 65—68.

⁵⁷ Z. Wartołowska. Указ. соч., стр. 97—98.

⁵⁸ T. Żurowski. Указ. соч., стр. 159—161.

⁵⁹ K. Jazdzewski. Указ. соч., стр. 88.

⁶⁰ П. А. Паннонот. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА. № 52. М.—Л., 1956, стр. 73—106.

⁶¹ J. Kostrzewski. Kultura prapolska. Warszawa, 1962, s. 81—84.

⁶² М. К. Капзеп. Древний Киев, т. I, стр. 285—368.

⁶³ J. Kostrzewski. Указ. соч., стр. 106.

⁶⁴ «История культуры Древней Руси», т. II. М.—Л., стр. 73—77.

⁶⁵ J. Kostrzewski. Указ. соч., стр. 331—333.

⁶⁶ W. Antoniewicz. Archeologia Polski. Warszawa, 1928, s. 243—244.

не, в Южной Белоруссии, на Волини и др.⁶⁷ В Польше подобные погребения не встречаются.

Грунтовые погребения в ямах или в гробах также известны как у восточных, так и у западных славян. Они связаны с христианством. Важно, однако, что похоронный инвентарь состоит из древнерусских типов находок, как об этом говорилось выше. Следовательно; погребения являются древнерусскими.

На рассмотренных выше памятниках найдено значительное количество керамики. В основе своей она отчетливо увязывается с керамикой других районов Руси. Мы уже указывали, что для всех трех этапов характерны плоские доньшка, в то время как для древнепольской керамики характерны доньшка вогнутые⁶⁸.

Керамические изделия из белой глины соответствуют киевским. В Киеве из этой глины изготавливались писанки, погремушки и другие изделия⁶⁹. Все же, по-видимому, изделия из белой глины более характерны именно для Волини, чем для всей остальной Руси, что объясняется наличием сырья. Что же касается территории Польши, то там не было традиций использования в гончарстве белой глины⁷⁰. Находки фрагментов керамики из подобной, но не идентичной глины в Кракове, возможно, говорят о культурном влиянии Червенских городов на соседние территории. Найденные в междуречье Западного Буга и Вепра горшки, стройные, средней высоты, с выпуклыми плечиками и дугообразной невысокой шейкой, с закругленными, утолщенными в форме валика краями, с желобком с внутренней стороны, имеют аналогии в Киеве⁷¹, Галиче⁷², Василеве⁷³ и других городах Руси и, таким образом, являются древнерусскими. Древнерусскими предметами являются также горшки с ушками и сковородки из Червеня, а также корчаги-амфоры и Волиня, и Червеня. Эти типы чужды культуре раннесредневековой Польши. Горшки же с валикообразными краями венчиков появляются на территории Польши только в позднем средневековье⁷⁴.

Наконец, преобладающим орнаментом здесь, как и на других территориях Руси, являются горизонтальные и волнистые линии. В то же время на синхронных древнепольских памятниках горшки орнаментированы не только волнистыми и горизонтальными линиями, но и вертикальными линиями, ромбами, елочкой

⁶⁷ Е. И. Тимофеев. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв. СА, № 3. М., 1961, стр. 56—73.

⁶⁸ А. Abramowicz. Указ. соч., стр. 158—159.

⁶⁹ М. К. Каргер. Указ. соч., стр. 448.

⁷⁰ А. Abramowicz. Указ. соч., стр. 158.

⁷¹ М. К. Каргер. Указ. соч., стр. 416, рис. 96.

⁷² Я. Пастернак. Старий Галич. Краків—Львів, 1944, стр. 190.

⁷³ Б. О. Тимошук. Північна Буковина—земля слов'янська. Ужгород, 1969, стр. 72.

⁷⁴ А. Abramowicz. Указ. соч., стр. 158.

и др.⁷⁵ Что же касается таких находок, как, например, цилиндрические замки (Червен, Волынь), шиферные пряслица (Червен, Волынь, Чульчицы), шиферные крестики и энколпионы (Червен, Волынь, Обровец), стеклянные браслеты и перстни (Червен, Волынь, Холм, Чульчицы), височные кольца в полтора оборота и перстни с заходящими концами (Волынь, Стрижев, Холм), серебряные и бронзовые трехбусные ажурные и гранулированные серьги киевского и минского типов (Червен, Волынь, Чортовец), лировидные пряжки (Червен), то не возникает никакого сомнения в их восточнославянском происхождении. Аналогии этим находкам известны на всех древнерусских городищах X—XIII вв.⁷⁶ К древнерусским предметам предположительно можно отнести фрагменты кольчуги из Волыни и Червеня.

Вместе с тем на изученной территории найдены и отдельные элементы западнославянского происхождения. Таковы сосуды с цилиндрической шейкой из Червеня и Волыня. Как доказала К. Мусьянович, они являются типично польскими, мазовецкими⁷⁷. Западнославянскими являются и серебряные эсконечные привески⁷⁸ из Волыня и Холма. Эти находки свидетельствуют о торговых и культурных контактах местного восточнославянского населения с соседним западнославянским. Остальные предметы, как-то: наральник, ножи, топоры, рыболовные крючки, точильные бруски, мечи, стрелы, унбон и другие, не могут быть определенно отнесены к той или иной культуре, ибо они являются интеррегиональными. Таким образом, анализ показывает, что материальная культура населения междуречья Западного Буга и Вепра в IX—XIII вв. имела четкий восточнославянский характер и была тесно связана с культурой других районов Руси. Первоначальное заселение этой территории следует связывать с восточнославянским племенем дулебов-бужан-волян, о которых русский летописец говорит, что они «седоша по Бугу»⁷⁹, а более позднее — с древнерусским населением, о чем свидетельствует анализ археологических материалов.

На основании вышеизложенного можно попытаться провести границу между поселенческими комплексами восточных и западных славян в IX—XIII вв. Видимо, она проходила по левым притокам Вепра, а может быть, и дальше, так как здесь, на среднем течении Вепра, находилось русское пограничное село Воин⁸⁰.

⁷⁵ J. Kostrzewski. Указ. соч., стр. 383—384, рис. 301—304.

⁷⁶ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948; О. Ратич. Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ, 1957.

⁷⁷ K. Musianowicz. Mazowieckie naczynia z cylindryczną szybką na tle słowiańskiego materiału porównawczego. WA, t. XVIII, z. 3—4, 1951—1952, s. 345—370.

⁷⁸ K. Musianowicz. Kabłączki skroniowe. Próba typologii i chronologii. «Światowit», t. XX, s. 115—232.

⁷⁹ ПСРЛ, т. II, стлб. 8, 9.

⁸⁰ Там же, стлб. 889.

(теперь Вогин). И именно этот район летописец называет «Украиной» или «Вкраиницей», т. е. окраиной Руси. В верховьях Вепра, точнее на его притоках, находились такие древнерусские летописные города, как Сутейск, Щебрешин и Тарнава.

Дальше между Вепрем и Вислой лежала слабо заселенная полоса, покрытая лесами, а кое-где и болотами⁸¹. На правобережье Вислы находятся раннесредневековые памятники, например городище в с. Ходлик Пулавского повета, где внутривальная колосниковая конструкция и вещевой материал указывают, что это было древнепольское городище⁸².

Итак, видимо, западный рубеж расселения восточных славян проходил по левым притокам Вепра. Однако некоторые восточнославянские памятники — курганы известны и западнее, в Зембожицах, Вроткове Люблинского повета и даже в Нездове и Липняке под Ополем в Пулавском повете. Эти курганы, датируемые IX — началом X в., идут как бы клином от Червенских городов до Вислы. По мнению известного польского археолога В. Антоневича, они принадлежали бужанам, вытесненным отсюда в северо-восточном направлении вислянами где-то в X в.⁸³ Следует отметить, что линия границы между восточнославянским и западнославянским населением имела в значительной степени условный характер. Восточные славяне проникали в отдельных случаях на земли западных славян и наоборот.

Через междуречье Западного Буга и Вепра проходил основной путь из Руси в Польшу, и именно с направлением дорог связано местоположение важнейших городов, которые в силу этого приобрели большое военно-стратегическое значение⁸⁴. Владение ими давало возможность нанести удар по центру Воынской земли — Владимиру-Воыньскому. Вот почему польские князья неоднократно пытались захватить эти восточнославянские земли и продвинуть границу до Западного Буга, но русские каждый раз вновь отвоевывали эту территорию⁸⁵.

Исходя из изложенного выше следует признать не соответствующими имеющемуся материалу источников некоторые концепции, фигурирующие в историографии вопроса. Так, отпадает концепция И. Скупики, согласно которой бужан в Побужье не было, а территория эта была заселена «выходцами из Мазовии вятичами и радимичами»⁸⁶. Ошибочным является и положение,

⁸¹ F. Persowski. Studia nad pograniczem polsko-ruskim w X—XI w. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962.

⁸² A. Gardawski. Wyniki wstępnych badań na grodzisku wczesnośredniowiecznym we wsi Chodlik, pow. Puławy. WA, t. XX, z. 1, 1954, s. 87—89.

⁸³ W. Antoniewicz. Archeologia Polski. Warszawa, 1923, s. 243—244.

⁸⁴ П. А. Паннонорт. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. МИА, № 140. Л., 1967, стр. 181.

⁸⁵ В. Д. Корольук. Указ. соч., стр. 267, 274.

⁸⁶ J. Skrzypek. Studia nad pierwotnym pograniczem polsko-ruskim w rejonie Wołynia i grodów Czerwieńskich. Warszawa, 1962, s. 167—168.

выдвинутое С. Кучиньским⁸⁷, согласно которому рассматриваемая территория была заселена не бужанами, а западнославянским племенем лендзян. По мнению С. Кучиньского, только в первой половине XI в. в связи с установлением политической власти киевских князей там произошли этнические изменения в пользу восточнославянского элемента путем колонизации этой территории древнерусским населением. Нельзя также согласиться с утверждениями И. Натансона-Лесского и М. Ю. Брайчевского, что рубеж русско-польского заселения в IX—XIII вв. проходил по Западному Бугу⁸⁸.

Археологические материалы наряду с письменными источниками говорят о том, что население, обитавшее в междуречье Западного Буга и Вепра в IX—XIII вв., было восточнославянским, древнерусским, а его культура была тесно и неразрывно связана с культурой других районов Древней Руси.

⁸⁷ S. Kuczyński. Nieznany traktat polsko-ruski 1039 r. SA, t. V. Poznań, 1956, s. 263; «Wschodnia granica państwa Polskiego w X w.». «Początki Państwa Polskiego», t. I. Poznań, 1962, s. 238—239.

⁸⁸ J. Natanson-Leski. Zarys granic i podziałów Polski najstarszej. Wrocław, 1953, s. 207, 229; М. Ю. Брайчевский. Похождения Русь. Київ, 1968, стр. 138—139.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФЕОДАЛИЗМА В КИЕВСКОЙ РУСИ

Историография отразила важность и сложность вопроса о феодализме в Киевской Руси. Вопрос этот начал обсуждаться в науке со времен Н. М. Карамзина. Автор «Истории государства Российского» понимал феодализм как раздел страны между пришельцами варягами и видел в этом общность исторических судеб Древней Руси и стран Западной Европы, подпавших под господство норманнских завоевателей¹. В таком смысле признавали феодализм в Древней Руси историки Н. А. Полевой² и К. Д. Кавелин³.

Со времен Карамзина русские историки, что признавали феодальные порядки в Древней Руси, считали их показателем общности путей развития Руси и Западной Европы. Так, Б. Н. Чичерин писал, что славянский мир и западный при поверхностном различии явлений представляют глубокое тождество основных начал своего быта и это тождество видел в общих феодальных порядках в средние века⁴. Но вместе с тем Чичерин подчеркивал особенность Древней Руси сравнительно со странами Западной Европы, что выражалось, по его мнению, в неустойчивости феодальных порядков⁵.

Со специальной работой, посвященной доказательствам господства феодальных порядков в Древней Руси и общности их с порядками средневековой Западной Европы, выступил в начале XX в. Н. П. Павлов-Сильванский. В ней автор подверг анализу политические и юридические порядки Древней Руси с точки зрения феодальных норм Западной Европы. Автор констатировал наличие в Древней Руси так называемого удельного периода всех основных политических и юридических признаков, которые характеризуют феодализм в Западной Европе. Такими признаками, по его мнению, являются раздробление территории на поме-

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского. СПб., 1892, стр. 78.

² Н. А. Полевой. История русского народа, т. I. М., 1829, стр. XIII.

³ К. Д. Кавелин. Собрание сочинений, т. I. СПб., 1897, стр. 164.

⁴ Б. Н. Чичерин. Опыты по истории русского права. М., 1858, стр. 343.

⁵ Там же, стр. 365.

ны — сеньории, объединение их вассальной иерархией и наличие условного землевладения⁶. Работа Н. П. Павлова-Сильванского была принята в дореволюционной историографии по-разному. Некоторые историки разделяли его точку зрения, другие — оспаривали, отмечая стремление автора преувеличить тождество явлений в Древней Руси и странах Западной Европы и не замечать различий.

Господствующим в дореволюционной историографии был взгляд на Древнюю Русь, как общество, в принципе отличное от западноевропейского средневекового мира. Сторонники этого взгляда не признавали в Древней Руси и феодальных порядков. Большое распространение получила теория С. М. Соловьева о родовых отношениях, согласно которой определяющими в общественных и политических связях в Древней Руси были кровные отношения по родству⁷.

Теорию родовых отношений разделяли С. Ф. Платонов⁸, М. К. Любавский⁹ и другие историки конца XIX — начала XX в. В. О. Ключевский считал коллективное владение страной княжеским родом и порядок раздела страны на временные владения между членами этого рода характерной и отличительной чертой политической жизни Древней Руси. «Если я не ошибаюсь, — писал он, — нигде более в истории мы не имеем возможности наблюдать столь своеобразный политический порядок»¹⁰.

Не признавали в Древней Руси феодальных порядков и противопоставляли ее средневековой Западной Европе историки славянофилы, выдвинувшие теорию так называемых общинных отношений. Наиболее видным представителем этого направления в исторической науке был К. С. Аксаков¹¹. Теорию общинного быта разделяли также И. Д. Беляев¹² и Ф. И. Леонтович¹³.

На отношение историков к вопросу о наличии феодальных порядков в Древней Руси оказывали определенное влияние их политические взгляды. Для русской общественной мысли XIX в. самым актуальным был вопрос о путях общественного развития России. Историки не были в стороне от его решения, наоборот, он прежде всего дебатировался в исторической литературе. Консервативные элементы общества хотели видеть Россию самобытной,

⁶ Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в Древней Руси. Пг., 1924, стр. 78; Л. В. Черепнин. Основные черты кризиса буржуазной историографии. «Очерки истории исторической науки в СССР», т. III. М., 1963, стр. 300.

⁷ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I. М., 1959, стр. 343—350.

⁸ С. Ф. Платонов. Лекции по русской истории. Пг., 1915, стр. 92—93.

⁹ М. К. Любавский. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М., 1915, стр. 107.

¹⁰ В. О. Ключевский. Сочинения, т. I. М., 1956, стр. 176.

¹¹ К. С. Аксаков. Полное собрание сочинений, т. I. М., 1861, стр. 45.

¹² И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси. М., 1903, стр. 18—19.

¹³ Ф. И. Леонтович. Задружно-общинный характер политического быта Древней Руси. ЖМНП, 1874, июнь, июль, август.

отличной от западноевропейских стран с их революционными преобразованиями. Признание же порядков в Древней Руси, подобных феодальным порядкам западноевропейских стран, означало вместе с тем и как бы признание их общих судеб в историческом развитии и не только в древности, но и в современный им период. Поэтому некоторые историки не хотели замечать в Древней Руси политических и юридических признаков, тождественных, подобных или похожих на феодальные порядки в Западной Европе.

Политические взгляды определяют в значительной мере отношение к вопросу о феодализме в Древней Руси и современных буржуазных историков. Как буржуазные историки дореволюционной России не хотели признавать феодальные порядки в Древней Руси, потому что стремились видеть современную им консервативную Россию самобытной, извечной, не похожей в путях развития на Западную Европу, так современные буржуазные историки не хотят этого признать, потому что современный буржуазный мир хотят видеть извечным, с иными, чем в России, закономерностями исторического развития. Западный мир и Россия поменялись историческими ролями, взгляды буржуазных историков остались неизменными.

Главное, что определяло негативное отношение русских историков к вопросу о феодализме в Древней Руси, было непонимание социально-экономической природы феодализма. Рассматривая феодализм в целом лишь как систему политических и юридических отношений внутри господствующего класса и принимая за эталон феодализма эти отношения в странах средневековой Европы, они искали в Древней Руси тождественных западноевропейским политических и юридических институтов.

Но эти институты являются лишь внешним выражением феодального общественного строя, содержанием же его являются производственные отношения двух основных общественных классов — крестьян и землевладельцев. Политические и юридические институты, выражающие и отражающие феодальные производственные отношения, могут быть различными в разных странах или в одной стране на разных этапах развития в связи с конкретно-историческими условиями. Поэтому наличие или отсутствие в Древней Руси абсолютно тождественных западноевропейским политических и юридических порядков не является безусловным признаком наличия или отсутствия здесь феодальных отношений. Древняя Русь наряду с тождественными имела и свои особые специфические сравнительно с Западной Европой политические и юридические порядки. Специфика политических и юридических порядков в Древней Руси и являлась для многих дореволюционных русских историков и является для некоторых современных буржуазных историков основанием не признавать Древнюю Русь феодальным обществом.

С разными мнениями по вопросу о феодализме в Древней Руси пришла историческая наука и в советский период. Среди советских историков еще долгое время существовал взгляд на феодализм, как на совокупность определенных политических и юридических признаков, которые, по мнению многих историков, появились на Руси лишь в удельное время, не ранее XIII—XIV вв.¹⁴ Киевская же Русь признавалась или дофеодальным обществом, где существовали и боролись разные социально-экономические уклады — первобытнообщинный, рабовладельческий и феодальный¹⁵, или обществом рабовладельческим, поскольку рабовладельческая формация рассматривалась ими в качестве обязательного этапа развития всех древних обществ¹⁶.

Важным событием в решении вопроса о феодализме в Древней Руси явились доклад Б. Д. Грекова «Рабство и феодализм в Киевской Руси», прочитанный в ГАИМК в 1934 г., и дискуссия по этому докладу. В докладе и выступлениях участников дискуссии было впервые обосновано положение, что восточные славяне перешли к феодализму непосредственно от первобытнообщинного строя, минуя рабовладельческую формацию, и что Киевская Русь была обществом феодальным. Впервые автор доклада применил к Киевской Руси понятие феодализма как системы социально-экономических отношений двух основных антагонистических классов общества — землевладельцев-феодалов и производителей-крестьян¹⁷. В дальнейшем эти положения уточнялись и дополнялись как самим автором¹⁸, так и другими советскими историками.

Но часть советских историков продолжала не признавать господство феодальных отношений на Руси до XII в., понимая предшествующий период Киевской Руси как дофеодальный. Эти историки не находили в источниках до XII в. свидетельств о господстве отработочной феодальной ренты, считая ее начальной формой феодальных отношений во всяком феодальном обществе. Дань они не относили к формам феодальных отношений¹⁹.

Мысль о том, что феодальные отношения на Руси господствовали с самого начала Киевского государства, окончательно утвердилась в советской историографии лишь в 50-х годах XX ст. после дискуссии на страницах журнала «Вопросы истории» о периодизации истории СССР²⁰. Теперь эта мысль общепризнанна в советской науке.

¹⁴ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. I. М., 1933, стр. 30.

¹⁵ С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939.

¹⁶ Изв. ГАИМК, вып. 86, 1934, стр. 70—89, 95—105.

¹⁷ Б. Д. Греков. Рабство и феодализм в Древней Руси. Изв. ГАИМК, вып. 86, 1934.

¹⁸ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949.

¹⁹ С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право в Киевской Руси. М., 1949.

²⁰ «Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР». ВИ, № 3. М., 1951, стр. 51.

Нельзя считать случайностью тот факт, что так долго среди историков существовали разногласия в вопросе о феодализме Древней Руси. Имеются для этого важные объективные причины, главная из которых заключается в самом объекте разногласий, в том, что феодализм в Киевской Руси во многом отличался от феодализма в странах Западной Европы, который принято было считать образцом и эталоном для всякого феодализма. Специфичны были и формы феодальных производственных отношений, и отражение их в политических отношениях и юридических нормах.

К. Маркс и В. И. Ленин указывают на следующие основные черты феодального производства. Ему присущи натуральное хозяйство и рутинное состояние техники. Земля, как основное средство производства, сосредоточена в собственности класса феодалов. Производители-крестьяне ведут свое частное хозяйство на принадлежащей феодалу земле и с помощью других средств производства (скот, инвентарь и т. п.), которые являются их собственностью. За пользование земель крестьяне обязаны своему господину феодальными повинностями: отработками в собственном хозяйстве феодала, натуральными или денежными данями (феодальная земельная рента). Крестьяне подвергаются со стороны феодального класса внеэкономическому принуждению, так как если бы феодал не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство, т. е. экономически независимого, отдавать ему часть своего труда²¹.

Все эти черты имелись налицо в Киевской Руси уже в самый начальный период. Это доказывается всей суммой данных, которыми наука располагает в настоящее время. Здесь нет необходимости повторять то, что стало общим положением в науке. Отошлем читателя к работам, где собраны доказательства о господстве феодальных отношений в Киевской Руси со времен ее возникновения²².

Здесь мы обращаем внимание на то, что эти общие черты, присущие феодальному способу производства в целом, не исключают большого многообразия конкретных проявлений феодальных отношений в разных странах или в одной и той же стране на разных стадиях развития феодального общества в связи с не-

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 728—747; т. 25, ч. II, стр. 344—379; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, М., 1958, стр. 183—185.

²² В. Довженко, М. Брайчевский. О времени сложения феодализма в Древней Руси. ВИ, 1950, № 8; В. Пашуто, Л. Черепнин. О периодизации истории России эпохи феодализма. ВИ, 1951, № 2; «Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР». Редакционная статья. ВИ, 1951, № 3; Л. В. Черепнин. К вопросу о периодизации истории СССР периода феодализма. Изв. Акад. наук СССР, 1952, т. IX, № 2; В. П. Довженко. Про дофеодальный период в истории Руси. «Археология». Київ, 1952, т. VI; Б. Д. Греков. Генезис феодализма. Приложение к книге «Киевская Русь», изд. 1953; К. Н. Тарновский. Предпосылки возникновения феодализма у восточных славян. ВИ, 1954, № 4.

одинаковыми историческими условиями. А между тем учёные недостаточно обращали внимание на особенности сложения феодальных отношений на Руси. Их, этих особенностей, историки касались лишь попутно, не раскрывая их значения в жизни древнерусского общества. Значение же их было велико. Они в конечном счете определяли те специфические общественные порядки в Киевской Руси, которые долгое время были камнем преткновения для историков, не признававших феодализма в Киевской Руси вообще.

Конкретные особенности феодальных отношений определялись прежде всего формами феодальной эксплуатации или иначе — формами феодальной земельной ренты. К. Маркс различает три формы феодальной земельной ренты — отработочную, натуральную и денежную. Каждая из них соответствует определенному уровню развития феодального общества: отработочная рента является наиболее простой и первичной формой ренты²³, которая соответствует наиболее низкому уровню развития производительных сил при феодализме; рента продуктами «предполагает более высокий культурный уровень непосредственного производителя» и «более высокую ступень развития его труда и общества в целом»²⁴; денежная рента предполагает «еще более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения»²⁵.

Отработочная рента предполагает наличие у феодала своего собственного хозяйства, в котором зависимый крестьянин мог бы отдавать господину часть своего рабочего времени и труда. Источники засвидетельствовали существование на Руси уже в очень раннее время сел и городов, находящихся в собственности князей и бояр: Вышгород, Ольжичи — владения Ольги; Белгород, Предславино, Берестово — владения Владимира и т. п. В таких владениях находились княжеские и боярские дворы; Владимир давал десятину святой богородице «из домов на всякое лето»²⁶, Святополк беспокоился о судьбе своих дворов, если ему не удастся захватить киевский великокняжеский стол²⁷, и т. д.

В условиях феодализма, порождавшего враждебные отношения классов и внутри господствующего класса, феодалы для защиты своих владений строили города-замки. Их остатками являются феодальные городища, часть которых относится к IX—X вв. Такие города-замки были центрами собственных феодальных хозяйств²⁸.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 353.

²⁴ Там же, стр. 358.

²⁵ Там же, стр. 361.

²⁶ «Памятники русского права», вып. I. М., 1952, стр. 237.

²⁷ Сергей Бугославский. Пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. Київ, 1928, стр. 10.

²⁸ В. И. Довженко. Феодальный мате́ток в эпоху Київської Русі в світлі археологічних даних. «Археологія», т. VIII. Київ, 1953, стр. 15.

Но справедливо заметил Б. Д. Греков, что «у знатного земледельца в это время еще не было средств и побуждений для расширения и интенсификации своего барского хозяйства, обслуживаемого челядью»²⁹. Основным источником обогащения господствующего класса в это время на Руси была дань. Так называлась на Руси натуральная феодальная рента, которая была здесь древнейшей господствующей формой феодальной эксплуатации.

В источниках дань выступает в двух значениях: как военная контрибуция, которую накладывали победители на побежденных, и как повинности, которыми было обязано население в пользу господствующей верхушки своего общества. В первом значении о ней упоминает «Повесть временных лет», там, где речь идет об отношениях неславянских северных племен и Руси, о славяно-хазарских отношениях, об изгнании варягов за море, об обязательствах греков после похода Олега и Игоря на Византию и т. д.

В наших целях важно второе значение дани. В 914 г. Игорь присоединяет к Киевскому государству древлян, вторично облагает их данью в большем размере, чем собирал с них Олег³⁰. В 922 г. Игорь отдает право собирать дань с древлян своему воеводе Свенельду: «И дасть же дань деревьскую Свендельду, и имаше по черне куне от дыма»³¹. В 945 г. Игорь собрал дань с древлян дважды. Второй раз его подговорила на это дружина, после того как он уже «поймал всю дань»³². В 946 г. Ольга, осадив Искоростень, предлагает осажденным согласиться на дань и приступить к полевым работам, как это сделали жители других древлянских городов: «вси гради ваши предашася мне, и ялися по дань, и делают нивы своя и земле своя»³³. После победы она «старейшины града изънима и прочая люди овых изби, а другие работе предасть мужем своим, а прок их остави платити дань»³⁴. В 981 г. Владимир «вятичи победи, и възложа на ня дань от плуга, яко же и отец его имаше»³⁵. В 1096 г. Олег Святославич взял «всю землю Муромску и Ростовську и посажа посадники по городам и дань поча брати»³⁶.

Эта дань не контрибуция завоевателей иноземцев, а повинности населения, систематически взимаемые своим господствующим классом. Она не была произвольным грабежом подвластного населения. Население признавало право князей на дань. Видимо, существовали определенные нормы дани, которые князья не

²⁹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 1. М., 1952, стр. 4.

³⁰ «Повесть временных лет», ч. I. М.—Л., 1950, стр. 31.

³¹ «Новгородская первая летопись». М.—Л., 1950, стр. 109.

³² «Повесть временных лет», ч. I, стр. 40.

³³ Там же, стр. 42.

³⁴ Там же, стр. 43.

³⁵ Там же, стр. 58.

³⁶ Там же, стр. 168.

должны преступать³⁷. Древляне восстали и убили Игоря после того, как тот нарушил нормы, произвольно увеличил размер дани, пытался собрать ее во второй раз. Дань распределялась на хозяйства соответственно количеству земли, которой хозяйство пользовалось. Точнее — данью обкладывалась земля. Святослав и Владимир брали дань у вятичей от рала и плуга. Но в данном случае так назывались не пахотные орудия, а то количество земли, которое обрабатывалось этими орудиями³⁸.

Еще более определенно социальная природа дани выступает в источниках XII—XIII вв. Уставная грамота Ростислава Мстиславича 1150 г. смоленской епископии указывает на более 40 волостей и населенных пунктов, которые платили князю дань. Последняя составляла около 4 тыс. гривен княжеских доходов в год. Десятую их часть князь жаловал епископии³⁹. Увеличение дани в Новгородской земле привело в 1229 г. к крестьянским волнениям. Новый князь Михаил Всеволодович, призванный в Новгород, должен был дать «свободу смърдом на 5 лет дани не платити, кто сбежал на чюжую землю». Тем, кто остался на месте, князь уменьшил размер дани, «како устави передний князи»⁴⁰.

Такая дань могла быть только феодальными повинностями, натуральной формой феодальной ренты. Отметим, что данью назывались феодальные повинности в форме продуктовых и денежных взносов на Руси и в более позднее время.

Рассматривая отработочную ренту как начальную форму, К. Маркс имел в виду процесс развития феодализма на базе разложения рабовладельческого способа производства, когда феодально зависимым производителем становился прежний раб, что не имел своего хозяйства и средств производства, или лишенный средств производства закабаленный общинник, а феодалом становился прежний рабовладелец, который имел организованное хозяйство, обеспеченное всеми необходимыми средствами производства и нуждающееся в рабочей силе. К. Маркс отмечал зависимость форм ренты от обеспеченности производителя средствами производства. «Собственность на условия труда, отличные от земли, земледельческие орудия и другое движимое имущество, сначала фактически, а потом и юридически превращаются в собственность непосредственных производителей уже при прежних формах и тем более приходится допускать это для такой формы как денежная рента»⁴¹.

Иное положение было у восточных славян, которые не переживали господство рабовладельческих отношений, у которых

³⁷ Изв. ГАИМК, вып. 31, 1934, стр. 9.

³⁸ В. П. Довженко. Землеробство древньої Русі. Київ, 1961, стр. 185—186.

³⁹ «Памятники русского права», вып. II. М., 1953, стр. 39.

⁴⁰ «Новгородская первая летопись», стр. 68.

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 361.

феодализм возникал на базе разложения первобытнообщинных отношений. Здесь феодально зависимым производителем становился прежний общинник, что имел свое хозяйство и все необходимые средства производства, а у феодалов вначале не было своего хозяйства и необходимых средств производства, чтобы обеспечить ими производителей. В этих условиях первичной формой феодальной эксплуатации могла быть только натуральная рента.

На возникновение ренты как первичной формы эксплуатации оказывали влияние и формы общинной собственности, на базе которой развивалась собственность феодальная.

У некоторых народов общинная земля делилась на ту, что обрабатывалась членами общины как частная собственность, и ту, что обрабатывалась ими сообща, а продукты расходовались на общинные нужды, — *ager publicus*. «С течением времени, — пишет К. Маркс, — военная и духовная знать вместе с общинной собственностью узурпировала и связанные с нею повинности. Труд свободных крестьян на их общинной земле превратился в барщинный труд на захватчиков общинной земли»⁴². Так из общинной собственности возникла феодальная собственность и из общинных обязанностей — феодальные повинности в форме отработок.

У восточных славян общинные запасы на покрытия разных общих расходов создавались, видимо, иным путем — путем взносов определенного количества продуктов каждым домохозяйством в отдельности. Именно такая практика обязательных взносов продуктами или деньгами членами общины в фонд на покрытие общих расходов сохранилась во многих районах России в позднейшее время, где сохранились общинные порядки⁴³. Эти запасы и право собирать их с общинников и узурпировались родоплеменной аристократией славянского общества. Так, у восточных славян натуральные повинности свободных общинников в пользу общины превратились в феодальные натуральные повинности в пользу господина, в феодальную натуральную ренту. Между прочим, и источники XVI в. отразили узурпацию со стороны общинных старост тех запасов, которые собирали члены общин для покрытия общих расходов⁴⁴.

Таким образом, феодализм на Руси начинался с господства натуральной ренты в отличие от Западной Европы, где он начинался с господства ренты отработочной. Эта особенность стала определяющим фактором особых общественных порядков в Киевской Руси в области экономической, политической и других сторон жизни.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 368.

⁴³ М. В. Довнар-Запольский. Очерки по истории западнорусского крестьянства в XVI веке. М., 1905, стр. 97.

⁴⁴ Там же.

Важнейшей особенностью Киевской Руси были быстрые темпы ее исторического развития. Пожалуй, подобных темпов мы не наблюдаем ни в одной другой стране Европы этого времени. За одно столетие, с IX по X в., что в условиях феодального общества составлял очень небольшой срок, страна преобразилась во всех отношениях. Время это характеризуется огромными достижениями в областях сельского хозяйства, ремесла, торговли, общественного разделения труда, городской жизни, во всех областях культуры⁴⁵. Историки дореволюционного времени, пытавшиеся объяснить эти явления, искали внешних причин. Таково содержание теорий влияний и заимствований, в том числе норманнской теории. Действительной же причиной ускоренных темпов исторического развития Киевской Руси были особые благоприятные условия общественного развития, выражавшиеся в господстве более прогрессивной формы феодальных отношений.

При отработочной ренте производитель делит свое рабочее время между своим собственным хозяйством и хозяйством господина. Но это последнее, основанное на подневольном труде крепостных, не создавало условий для роста производительности труда. У производителей здесь не было стимулов изыскивать путей рационализации производства, усовершенствовать орудия труда, уплотнять свое рабочее время или повышать свое физическое напряжение. И чем больше времени они отдавали этому хозяйству, тем медленнее осуществлялся экономический прогресс общества. Именно в этом причина рутинного состояния техники и медленных темпов развития феодального общества.

Собственное же хозяйство производителя создавало условия для роста производительности труда. У производителя здесь были стимулы усовершенствовать производство и повышать свое физическое напряжение. «Здесь,—замечает К. Маркс,—дана возможность определенного экономического развития»⁴⁶. И чем больше рабочего времени отдает производитель своему собственному хозяйству, тем быстрее осуществляется экономический прогресс общества. При натуральной ренте производитель отдает своему хозяйству все свое рабочее время. В этом основная причина ускоренного темпа исторического развития Киевской Руси, где господствовала натуральная феодальная рента.

Феодальные политические порядки на Руси впервые засвидетельствованы в договорах Руси с Византией. В договорах Олега 911 г. и Игоря 944 г. отражена сложная структура феодального класса. Господствующий класс, от лица которого заключались договоры, состоит из разных звеньев, находящихся в иерархиче-

⁴⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948; В. И. Довженко. Землеробство древней Руси. Київ, 1961; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956; «История культуры Древней Руси», т. I. М.—Л., 1948; т. II. М.—Л., 1951.

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 357.

ской системе господства и подчинения: великий князь русский, великие и светлые князья «под рукою его» во множественном числе, великие и светлые бояре. Политические отношения между этими звеньями феодального класса К. Маркс назвал «вассалитетом без ленов или ленами, состоящими только из даней»⁴⁷. В этом определении отражены одновременно и наличие и специфика феодальных порядков на Руси в IX—X вв.

Нам мало что известно об этих князьях во множественном числе и светлых боярах, что находились под рукой великого киевского князя. Видимо, это местная аристократия, находящаяся во главе племенных княжений и стремящаяся сохранить свою автономию, как это стремился сделать древлянский Мал. Киевские князья со своей стороны стремились их подчинить в качестве леннозависимых. В этом была причина неоднократных военных походов киевских князей на древлян, северян, радимичей, вятичей и т. д.

Но, кроме военных, киевские князья применяли и другие меры в борьбе с автономией местных княжений. Уже Игорь дал в лен дань с древлянской земли своему воеводе Свенельду. В дальнейшем объединение сил для отражения агрессии со стороны кочевников стало для Руси жизненной необходимостью. И Святослав, а затем и Владимир окончательно ликвидировали племенную автономию, повсеместно заменив местных князей своими сыновьями. В результате этих реформ всей Русской землей начал владеть один княжеский род в лице сыновей Владимира, а затем их потомков.

Такая реформа была возможна лишь в условиях господства натуральной, а не отработочной ренты. Местные князья племенных княжений, видимо, не имели в своих княжениях прочных хозяйственных связей, последние выражались в сборе даней с подданных. Взимание же даней осуществлялось лишь согласно праву и силе. Прежнего князя, потерявшего это право, легко было отстранить от сбора дани, новому, получившему это право, — легко было занять его место.

Реформа Владимира имела важные последствия в политической жизни Руси. Она положила начало тому порядку в отношениях русских князей, который С. М. Соловьев и В. О. Ключевский называли родовыми отношениями. С. М. Соловьев следующим образом характеризует эти отношения. «Сначала князья составляют целый род, владеющий сообща всею Русскою землею. Отношения по собственности нет и быть не может, потому что нет прочной оседлости. Князья непрерывно переходят с места на место, из одного владения в другое, считаясь между собою толь-

⁴⁷ См. дискуссию по работе Б. Д. Грекова «Рабство и феодализм в Древней Руси». Изв. ГАИМК, вып. 86, стр. 75.

ко по родству старшинством. Впоследствии они начинают оседать на местах. Как только это сделалось, княжеский род раздробился на ветви, из которых каждая стала владеть особым участком земли — областью или княжеством»⁴⁸.

В. О. Ключевский разделяет мысль С. М. Соловьева о Древней Руси как родовой собственности князей и о подвижном образе жизни последних⁴⁹. Он прямо называет древнерусского князя «бродячим гостем области, подвижным витязем»⁵⁰.

С. М. Соловьев и В. О. Ключевский нарисовали утрированную картину. Но доля истины в том, что они писали, имеется. Действительно, после реформы Владимира вся огромная страна оказалась под властью князей, находящихся в родственных отношениях между собой. Существовавшие феодальные отношения изменило. Сохранились и характерные для феодализма отношения вассалитета-сюзеренитета внутри господствующего класса. Но эти отношения сочетались с отношениями родственными. Высшие ступени феодальной иерархии строились в среде одного княжеского рода, что накладывало определенный отпечаток на личные связи князей и юридические институты, закрепляющие и отражающие эти связи. Этим объясняется, видимо, отсутствие на Руси такого юридического института, как вассальные договоры. Их в определенной мере заменяли здесь нормы родственных связей.

Князья Киевской Руси после реформы Владимира оказались потомками одного великого киевского князя — главы государства. В соответствии с принципами наследственного феодального права все потомки пользовались одинаковым правом наследства на владение своего предка, что как бы уравнивало юридически всех князей Киевской Руси. Это обстоятельство оказывало двойное влияние на политическую жизнь Киевской Руси. С одной стороны, оно усугубляло борьбу равноправных князей за более выгодные владения, а с другой — содействовало сплочению князей для решения общегосударственных задач, в частности для обороны государства, которое они рассматривали как общее достояние.

В истории Киевской Руси было закономерностью, что как только умирает великий князь киевский, тотчас же вспыхивает борьба многих претендентов за его наследие. При этом в этой борьбе право старшего нередко уступало праву сильного. Так, после смерти Святослава боролись за Киев Ярополк, Олег и Владимир. Победителем оказался младший брат Владимир. После смерти Владимира в результате длительной и упорной борьбы его сыновей Киев достался четвертому сыну Ярославу. Сам же Владимир, судя по всему, хотел наследником киевского стола

⁴⁸ С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. I, стр. 672.

⁴⁹ В. О. Ключевский, Сочинения, т. I, стр. 175.

⁵⁰ В. О. Ключевский, Боярская дума, изд. 5, стр. 32.

сделать одного из младших сыновей — Бориса. Ярослав завещал Киев старшему сыну — Изяславу, но последний вынужден был делить власть великого князя с двумя другими братьями и дважды совсем оставлять Киев. А что касается дальнейших потомков рода Владимира, то их отношения по старшинству стали настолько сложными, что трудно было в них разобраться и нельзя было ими руководствоваться, если бы у князей и было на то всеобщее желание.

Князья Киевской Руси отличались большой подвижностью сравнительно с крупными феодалами других средневековых стран. Многие из них меняли свои владения по несколько раз. Ярослав княжил в Ростове, Новгороде, Киеве, опять в Новгороде и опять в Киеве; меняли княжения Ярославичи. Святополк Изяславич княжил в Полоцке, Новгороде, Турове и Киеве; Давид Святославич — в Смоленске, Новгороде, опять в Смоленске и в Чернигове; Олег Святославич — в Чернигове, Тмутаракани, опять в Чернигове и в Новгороде; Владимир Всеволодович (Мономах) трижды княжил в Чернигове, дважды в Переяславе, затем в Киеве; Юрий Владимирович — в Суздале, Переяславе, Киеве, опять в Суздале, опять в Киеве; Изяслав Мстиславич — в Курске, Минске, Владимире, Переяславе, Киеве; Мстислав Изяславич — в Переяславе, Пересопнице, Дрогобуже, Луцке, опять в Переяславе, Владимире, Каневе, Киеве.

Эти передвижения были результатом феодальной борьбы равноправных претендентов за выгодные владения. А борьба эта порождалась самим характером общественного строя Киевской Руси. Источником обогащения феодального класса, как известно, является земельная феодальная рента, взимаемая с подданных в условиях Киевской Руси преимущественно в форме натуральных податей — дани. Но «могущество феодальных господ, — замечает К. Маркс, — определяется не размером их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство»⁵¹. Это означает, что ввиду недостаточно быстрого роста производительности труда, что характерно для феодального общества, ограничивающего возрастание прибавочного продукта и, следовательно, ограничивающего увеличение ренты, каждый феодал стремился прежде всего увеличить число подданных, обязанных платить ему ренту — дань. Для этого ему необходимо расширить территорию своих владений, населенную подданными. На самых начальных этапах развития феодализма расширение своих владений и увеличение подданных феодалы осуществляли путем захвата общинных земель и закабаления свободных общинников. Позже, когда страна в основном была поделена на феодальные владения и крестьяне проживали уже

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 729.

на землях, принадлежащих тому или другому феодалу, расширение своих владений каждым феодалом могло осуществляться за счет владения других феодалов. В этом основная причина той постоянной борьбы между отдельными феодалами и феодальными группировками, которая так характерна для Киевской Руси и которая приводила к передвижению князей из одного владения в другое.

Такие причины с похожими следствиями существовали во всех странах средневекового мира. Но в Киевской Руси имелись обстоятельства, которые усиливали междоусобную феодальную борьбу и благоприятствовали передвижению феодалов. Мы отмечаем уже, что родственные отношения князей юридически и морально позволяли каждому из них претендовать на более выгодное владение, если, конечно, он располагал соответствующими реальными силами.

К этому следует добавить экономические условия князей Киевской Руси, позволявшие им относительно свободно менять владения и передвигаться с одного места на другое. Условия эти создавались опять-таки господствующей формой феодальной ренты. Князья Киевской Руси при частой смене княжений часто меняли и источники своих доходов. Оставляя прежнее княжение, князь лишался, как правило, и доходов из него; занимая новое княжение, он получал и его доходы. Основным источником доходов в таких случаях никак не могло быть собственное хозяйство князя. Такое хозяйство требовало и времени и средств, чтобы его создать, а затем требовало постоянной заботы со стороны хозяина. Оно не могло свободно переходить из рук в руки; так как связано с хозяином многими связями. Не могли князья Киевской Руси кормиться, одеваться, содержать аппарат власти, содержать военную дружину, необходимую для удержания прежних или приобретения новых владений за счет собственных феодальных хозяйств, хотя такие хозяйства у них имелись. Главным источником их доходов были дани с зависимого населения. Этот источник существовал независимо от хозяйственной деятельности князей и легко переходил от одного князя к другому.

Но политические порядки, создавшиеся после реформы Владимира, содействовали в то же время, как мы указывали, и сплочению князей Киевской Руси для решения общегосударственных задач. Киевская Русь находилась в особых внешнеполитических условиях, создававших постоянную угрозу военных нападений. Не всегда были у нее добрососедские и мирные отношения с Византией и западными соседями и постоянной была опасность со стороны степи; где один воинственный кочевой народ сменялся другим, еще более воинственным. Оборона русских земель была главной внешнеполитической задачей Киевского государства. Задача эта, как нам известно, решалась в основном успешно. И в

этом большое значение имели реформы Святослава и Владимира, ликвидировавшие автономию племенных княжений и поставившие во главе государства один княжеский род.

Родственные отношения князей оказывали влияние на их взгляды на Русскую землю в целом. Идея об ответственности всех князей за Русскую землю, кажется, впервые была четко выражена в завещании Ярослава. «Да еще будете в любви межю собою; бог будет в вас, и покорити вы противные под вы. И будете мирно живуще. Аще ли будете ненавидно живуще, в расприх и которающесе, то погибнете сами, и погубите землю отец своих и дед своих, юже налешоша трудом своим великим; но пребывайте мирно, послушающе брат брата»⁵².

Идея об ответственности всех князей за Русскую землю оказывала влияние и на практическую их деятельность. Русские князья собирались на совещания и съезды, чтобы обсудить вопросы, касающиеся всей Руси, и организовать общие необходимые действия. Таковыми были Любечский съезд 1097 г., на котором обсуждался вопрос об урегулировании княжеских отношений, прекращении междоусобной борьбы; Витичевское совещание 1100 г., где заключен был мир между враждовавшими князьями; съезды 1103 г. и 1111 г. у Долобского озера, где князья договорились о совместных походах против половцев в глубь степей, которые и были осуществлены. Подобные соглашения и совместные походы осуществлялись князьями и позже; одним из них был успешный поход 1168 г., которому предшествовало совещание в Киеве, созванное великим киевским князем Мстиславом Изяславичем.

Конечно, не всегда князьям удавалось преодолевать феодальные распри между собой и организовать коллективные меры обороны Руси. Но в том, что им удавалось в этом отношении, играли известную роль и их родственные связи. Сознание родственных связей между князьями отразилось, между прочим, в дипломатической терминологии. Обращаясь один к другому, они называли друг друга братьями. Родственные связи русских князей осознавались и в народе. Братьями считал их автор «Слова о полку Игореве», упрекавший русских князей в том, что они преступили братские отношения в угоду корыстным интересам⁵³.

Словом, родственные отношения князей Киевской Руси оказывали разнообразное влияние на политическую жизнь страны. Положительной и прогрессивной стороной их было то, что они сдерживали в какой-то мере политическую децентрализацию феодального общества и этим содействовали успешной борьбе с внешней опасностью. Эти специфические черты политической жизни Киевской Руси были порождены специфическими чертами феодальных отношений.

⁵² ПВЛ, ч. I, стр. 108.

⁵³ «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1950, стр. 17.

«ГРАДЫ ЧЕРВЕНСКИЕ» И ПЕРЕМЫШЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ
В ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
МЕЖДУ ВОСТОЧНЫМИ И ЗАПАДНЫМИ СЛАВЯНАМИ
(КОНЕЦ IX — НАЧАЛО XI В.)

Исследователь начального этапа политических взаимоотношений Киевского государства с Чешским и особенно Польским неизбежно сталкивается с рядом историко-географических проблем. Самая сложная из них — вопрос о территории, составе населения и политической принадлежности до 981 г. юго-западных окраин Киевской Руси — Червенской и Перемышльской земель.

Несмотря на большую скудость источников, северный и центральный участки западной границы Киевской Руси известны лучше, чем южный. Сообщение летописца об успешном походе Владимира Святославича в 983 г. на ятвягов указывает, что сфера влияния Киевского государства на некоторое время распространилась до западного предела ятвяжских земель (примерно до р. Элка). Далее к югу границы Киевской Руси совпадали с западной границей Дорогичинской и Берестейской земель, размежевывая одновременно этнические территории восточных славян и поляков¹. А еще далее на юг западными форпостами восточно-славянской государственности стали «Перемышль, Червен и иные грады» — территория, исторические судьбы которой являются темой настоящего сообщения.

В результате похода Владимира Святославича «к ляхом», датируемого в «Повести временных лет» 981 г., названные города вошли в состав Киевского государства. Вполне понятно, судьбу Перемышля и Червена разделили окрестности этих городов — назовем их условно Перемышльской и Червенской землями.

Вероятнее всего, Перемышльская земля хотя бы в самых общих чертах совпадала с территорией Перемышльского княжества, известного по источникам конца XI — начала XII в. Естественную южную границу княжества образовали Карпатские хребты (Бойковский и Лемковский Бескид), от польских земель оно было отделено карпатскими пущами между Вислоком и Дунай-

¹ Подробнее см. Я. Исеевич. До питання про західний кордон Київської Русі (статья принята к печати в сборнике «Історичні джерела та їх використання»).

цем² и Сандомирской пушей между Нижним Саном и Вислой. С меньшей уверенностью можно говорить о восточной границе княжества, где не было аналогичных естественных преград. На исторических картах иногда ограничивают территорию, тяготеющую к Перемышлю, верхним течением Днестра. Однако древняя Самборская волость, непосредственно связанная с Перемышльской, простиралась по обоим берегам верхнего Днестра, а район Дрогобыча и Стрия образовал с ней единый колонизационный массив. Поэтому более вероятно, что юго-восточная граница Перемышльского княжества проходила в районе р. Стрый, т. е. примерно по той же линии, по которой впоследствии шла граница Перемышльской земли Русского воеводства. Это согласуется с выводом И. П. Крипакевича, что Перемышльское княжество включало земли, образовавшие в XV в. Перемышльскую и Санокскую земли Русского воеводства. Согласно мнению ряда ученых, эта территория входила в ареал восточнославянских хорватов, составляя его западную или северо-западную (поскольку хорваты жили и в Закарпатье) часть³.

В отношении Червена большинство исследователей согласны, что в статье 981 г. имеется в виду территория, которая в статьях 1018 и 1031 гг. именуется Червенскими градами⁴. Почти все историки сейчас соглашались с локализацией летописного Червена на месте современного с. Чермно, у впадения ручья Синюхи в Гучву — левый приток Западного Буга. Кстати, это подтверждается не только археологическими, но и лингвистическими данными. Название Червен (Чървьнь) — краткая форма прилагательного, соответствующая полной форме чървьный (чърмный). Топонимы на -ень, весьма распространенные в X—XIII вв., впоследствии были заменены формами на -но (-не), -на и другими: вместо Дубен, Колодажен, Песочен, Городен стали писать Дубно, Колодяжно, Песочное, Городно, или Городня и т. п. Замена названия Червен на Червно-Чермно вполне согласуется с тенден-

² Наличие отдельных градов среди пуши не меняет общего представления о труднопроходимости полосы лесных массивов, разделявших районы восточнославянской и западнославянской колонизации (см.: O. R. Halaga, Porta Poloniae. W sprawie szlaków karpackich we wczesnym średniowieczu. «Acta archaeologica Carpathica», t. 7, f. 1—2, s. 31). Естественные преграды содействовали стабильности границы и в последующий период, когда она стала рубежом Галицкого и Галицко-Волынского княжеств. Пользуясь ретроспективным методом, его довольно точно определил М. М. Кордуба (Мирон Кордуба. Західне пограниччя Галицької держави. «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. 138—140. Львів, 1925).

³ Обзор других мнений по этому вопросу см.: Я. Д. Ісаєвич. Територія населення «Червенських градів». «Український історико-географічний збірник», I. Київ, 1970.

⁴ М. Ю. Смішко. Ранньослов'янська культура карпатського підгір'я. «Наукові записки Інституту суспільних наук АН УРСР», т. I, 1953, стор. 149—150; В. В. Ауліх. Східнослов'янські племена на території західноукраїнських земель напередодні виникнення Київської держави. В кн. «Торжество історичної справедливості». Львів, 1968, стор. 41.

циями развития украинского языка на базе юго-западных древнерусских говоров⁵.

В прошлом многие историки распространяли термин «Червенские грады» на всю территорию Галичины и Холмщины Русского и Белзского воеводства (по административному делению XV—XVIII вв.), ошибочно связывая с Червеном цветовой деноминант в книжном термине «Червонная Русь», вошедшем в употребление лишь в XV в. У части авторов расширительное толкование Червенских градов было связано с определенной политической тенденцией: оно имело своей целью отрицание восточнославянского характера не только окрестностей Червена и Перемышля, но и всех западноукраинских земель⁶.

В настоящее время можно считать доказанным, что Червенские грады — сравнительно небольшое и недолго существовавшее территориальное объединение на западной окраине древней Волыни — ареала летописных дулебов. Основным ядром области Червенских градов была плодородная долина Гучвы. Восточная их граница не переходила за Буг⁷, северная шла не далее района городов Угровеска (Угруска), Верещина, Комова, западная доходила до р. Вепра⁸, т. е. примерно совпадала с линией, составившей впоследствии границу Люблинского воеводства с Холмской землей Русского воеводства.

Для определения южной границы Червенских градов сравнивают летописные статьи 1030 и 1031 гг. В первой из них говорится о взятии Ярославом Белза, во второй читаем: «Ярослав и Мстислав собрата вой много, идоста на ляхы, и заяста грады

⁵ Несмотря на то, что в летописном тексте фигурирует Червен, большинство историков пишут Червень, — вероятно, под влиянием прилагательного червеньский, в котором -ськ является суффиксом (ср. Понт-понтский, Еюпет — еюпетский и т. п.). Подробнее о топониме Червен см.: Я. Д. Исаевич. Древнейшая топонимика Прикарпатья и Верхнего Побужья. В кн. «Всесоюзная конференция по топонимике СССР 28 января — 2 февраля 1965. Тезисы докладов и сообщений». Л., 1965, стр. 115—116.

⁶ Политическую тенденциозность такого толкования хорошо показал Ф. Селицкий на примере К. Шайнохи. Одним из примеров навязывания «расширительного» понимания Червенских градов было применение термина Червенская (вместо Червоная) Русь, хотя источники не дают основания для этого. Те же, которые захотели избежать и упоминания о Руси, называли «Червенской землей»... Галичину. Такое употребление этого слова последовательно проводил в 1930—1939 гг. журнал «Ziemia Czerwieńska» — орган Львовского отдела Польского исторического общества. Как этимологический курьез отметим здесь версию В. Чапленко, якобы термин «Червенская (?) Русь» происходит от древнеадыгского «щэрыуэн» — погруженная в воду (В. Чапленко. Нові знадоби до етногенезу слов'ян та інших народів. «Етимологічні досліді», кн. 2. Нью-Йорк, 1967, стр. 59). О термине «Червонная Русь» см.: Я. Д. Исаевич. Древнейшая топонимика..., стр. 116—118.

⁷ A. Poppe. Gród Wolyń. «Studia wczesnośredniowieczne», t. 4, 1958, стр. 278; он же. Деякі питання заселення польсько-руського рубежа в ранньому середньовіччі. УІЖ, 1960, № 6, стр. 60.

⁸ H. Łowmiański. Studia nad wczesną Słowiańszczyzną. «Kwartalnik Historyczny», 1960, N 3, s. 775.

червеньский опять...»⁹. Обычно считают это доказательством не-
вхождения Белза в Червенские грады¹⁰. Особняком стоит мнение
хорошего знатока исторической географии Украины профессора
Мирона Кордубы. Он считал, что возврат Червенских градов осу-
ществлен был двумя этапами: сначала сам Ярослав занял Белз,
а во втором походе с помощью брата Мстислава взял и осталь-
ную территорию. «Выходит, что белзская волость принадлежала
к области Червенских городов, наоборот, Перемышль сюда не
входил: он не упомянут летописцем в этом рассказе, хотя это был
выдающийся и важный город»¹¹. Поэтому южную границу Чер-
венских городов М. Кордуба проводил вдоль южной границы
Белзского княжества (примерно по линии Краковец — Неми-
ров — севернее Каменки Бугской).

Во всяком случае представляется несомненным, что во второй
половине X в. (накануне 981 г. и после) окрестности Белза раз-
деляли судьбу Перемышля и Червена. «Перемышль, Червен и
ины грады» — полоса, в которой Белзская земля¹² служит свя-
зующим звеном между Перемышльской и Червенской. Весьма ве-
роятно, что в 981 г., даже в 1018 г. район Белза (неизвестно, су-
ществовал ли тогда сам город) входил в территорию Червенских
градов, однако в 1030—1031 гг. Белз был уже равен Червену по
своему значению¹³. Не лишено оснований мнение А. Поппе, что
политический упадок Червена уже в это время был связан с ро-
стом Белза¹⁴. Во второй половине XII и начале XIII в. Червен не-
продолжительное время был центром небольшого княжеского
удела, но это не дает оснований распространять термин «Червен-
ские грады» на указанный период. Таким образом, в отличие от
Перемышля Червен лишь непродолжительное время был центром
определенного административно-территориального образования.

Для определения роли, которую играли Перемышльская и
Червенская земли в международных отношениях, весьма важно
знать этнический состав населения этих территорий. Ряд исследо-
вателей был уверен, что самое веское слово по этому вопросу
может сказать топонимика. Например, А. Шеленговский писал,
что характер старейших географических названий «единствен-
ный, но зато решительный аргумент» в пользу предлагаемой им
концепции об этнической принадлежности жителей Верхнего По-

⁹ ПВЛ, ч. I. М. — Л., 1950 (далее ПВЛ), стр. 101.

¹⁰ В. Д. Королюк. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964, стр. 274;
А. Поппе. Деякі питання..., стр. 60.

¹¹ М. Кордуба. Історія Холмищини й Підляшшя. Краків, 1941, стр. 34.

¹² Без дальнейших археологических исследований трудно сказать что-либо определенное
о времени выделения Белзской земли в особый территориальный комплекс и о его грани-
цах. Полагаем, что первоначально район, тяготевший к Белзу, не переходил за Буг.

¹³ А. Поппе. Деякі питання..., стр. 61.

¹⁴ Там же.

бужья¹⁵. Аналогичные мнения высказывали в свое время А. Брюкнер, Ф. Буяк, С. Кентршинский, С. Закшевский и другие авторы¹⁶. Несмотря на столь большое значение, отводимое топонимике, фундаментальные исследования топонимов Побужья и Посанья не предпринимались. Предварительные исследования показывают, что в раннесредневековых источниках, относящихся к указанной территории, встречаются топонимы разных типов: восточнославянские (Червен), общие для западных и восточных славян (Перемышль), ряд топонимов, происхождение которых окончательно не выяснено (Белз, Буг)¹⁷. Характерно, что названия ряда поселений, древность которых подтверждается археологическими материалами, были усвоены польским языком в украинском («южнодревнерусском») фонетическом и морфологическом оформлении: Berdiszcze, Horodysko, Horodyszcze, Horodlo, Husynne, Serebryszcze, Siedliszcze, Uhrusk, Wereszczyn¹⁸.

При наличии вокруг данных местностей сплошных массивов польских поселенцев в польский язык, вероятно, проникли бы от них формы типа Grodzisko, Srebrzyszcze¹⁹.

Топонимические изыскания сейчас очень затруднены недостаточной исследованностью диалектов коренного украинского населения Побужья и Посанья. Так же и письменные источники не изучены настолько, чтобы можно было с уверенностью говорить о хронологической типологии форм топонимов. Таким образом, топонимика, много содействуя при интерпретации других источников, сама по себе не может дать вполне надежных выводов о древних этнических границах в хронологическом аспекте.

Что касается археологических памятников, то они, бесспорно, свидетельствуют о восточнославянском характере Перемышльской земли и Червенских градов, не только начиная с 981 г., но и ранее. Так, при раскопках Червена в слое X в. обнаружена керамика того же типа, что и в синхронных памятниках в районе Галича, Чернигова, Смоленска²⁰. Типично восточнославянские материалы выявлены и в Перемышле.

¹⁵ A. Szelagowski. Kwestia ruska w swiśle historii. «Kwartalnik Historyczny», 1911, s. 19, 22.

¹⁶ A. Brückner. Dogmat normański. «Kwartalnik Historyczny», 1906, s. 676; E. Romer, S. Zahrzewski, S. Pawłowski. W obronie Galicji. Wschód dniej. Lwów, 1919, s. 22; S. Kętrzyński. Polska X—XI w. Warszawa, 1961, s. 212.

¹⁷ См.: Я. Исаевич. Древнейшая топонимика..., стр. 114—119.

¹⁸ S. Skibiński. Zabytki archeologiczne powiatu chełmskiego. «Ziemia Chełmska». Lublin, 1961, s. 142—152.

¹⁹ В XIV—XVIII вв. на Украине поляки даже в тех районах, где они составляли незначительное меньшинство, зачастую создавали параллельные колонизированные формы к украинским топонимам.

²⁰ П. А. Ратнопорт, М. В. Малевская. Обследование городищ Прикарпатья и Закарпатья на территории Советского Союза (итоги работ 1962 г.). «Acta Archaeologica Carpathica», t. 5, f. 1—2, 1963, s. 70. Публикация в настоящем сборнике специального исследования М. М. Кучинко освобождает нас от необходимости останавливаться на характеристике археологических материалов, типичных для червенских градов и смежных восточнославянских территорий.

Естественно, что в наиболее древних слоях Червена, Перемышля и других городов Киевской Руси сравнительно меньше специфически древнерусских материалов, так как больше архаических форм, унаследованных от периода славянского единства. Но тот факт, что в памятниках Червенской и Перемышльской земель культурный слой XI в. и последующих столетий такой же, как и в остальных древнерусских памятниках, свидетельствует об отсутствии влияния этнически отличного субстрата. Нет никаких данных, позволяющих сделать вывод о сколько-нибудь существенном изменении этнического характера населения в X—XIII вв. или позже.

Как справедливо отметил Г. Ловмянский, червенские поселения составляли одно целое с волинскими, зато от сплошной польской территории они были отделены полосой безлюдных или полубезлюдных пущ вдоль р. Вепра²¹. Так же и Перемышльская земля, как уже было отмечено, отделялась от польских земель труднопроходимыми лесными массивами. Можно предполагать, что, несмотря на это, определенные группы восточнославянского населения проникали в Польшу, а отдельные группы поляков — на Русь. Быстрая, практически бесследная ассимиляция этих меньшинств говорит в пользу мнения, что их роль в колонизации обеих земель не была значительной. Интенсивного колонизационного движения из Польши на запад в X—XI вв. не было. Это видно хотя бы из того, что восточные окраины Польши еще долго оставались наиболее слабо заселенными районами этой страны²². Напротив, юго-западные земли Киевской Руси принадлежали к числу ее областей с наибольшей плотностью населения.

В XII—XIII вв. жители Забужья (бывших Червенских градов) и Перемышльской земли принимали самое активное участие в экономической и культурной жизни Галицко-Волинской Руси.

В эти же процессы экономического и культурного плана было вовлечено и население Верхнего Побужья (включая район Червена — Белза) и Посанья. И позже оно было участником процессов аналогичного характера на юго-западных землях Киевской Руси.

В свое время академик Б. Д. Греков отметил, что современное украинское по преимуществу сельское население этого края не пришлое, а туземное; абсолютно ни из чего не видно, чтобы здесь раньше украинцев жили поляки²³.

²¹ H. Łowmiański. *Łędzanie*. «*Slavia Antiqua*», 4, 1953, s. 112.

²² A. Rutkowska-Płachińska. *Sądeckizna w XIII—XIV w.* Warszawa — Wrocław — Kraków, 1961; W. Gracholski. *Archidiaconat zawichojski do połowy XIV w.* «*Roczniki Humanistyczne*». Lublin, 1965, z. 2, s. 155, 158; S. Litak. *Formowanie sieci parafialnej w łukowskim*. Ibidem, 1964, z. 2, s. 26, 97.

²³ Б. Д. Греков. *Киевская Русь*. В кн.: *он же*. Избранные труды, т. 2. М., 1959, стр. 376.

Против этого некоторые буржуазные историки выдвигают «аргумент», что в источниках X в. нет упоминания об украинцах²⁴. Конечно, такое доказательство трудно назвать иначе, как недобросовестным. Восточнославянская народность, которая позже стала известна под названием украинской, возникла намного ранее, чем вошел в употребление термин «украинский» в качестве этнонимического. Древнее население Побужья (включая Червенскую землю) и Посанья было частью древнерусской народности, а позже украинской.

Восточнославянский характер населения Червенской и Перемышльской земель (признаваемый, кстати, и рядом польских буржуазных историков)²⁵ и был одной из основных причин прочного вхождения этих земель в Древнерусское государство, возникшее в ходе объединения восточнославянских племен²⁶. Так же стабильность границы Киевской (позже Галицко-Волынской) Руси с Польшей связана с тем, что политический рубеж совпадал здесь с линией этнического размежевания. Тот факт, что восточнославянские и польские земли были разделены полосой безлюдных пущ и редкоселенных районов, говорит не в пользу предлагаемой некоторыми авторами гипотезы о возникновении этнических границ лишь после 981 г. под влиянием установившегося тогда политического размежевания²⁷.

Со временем межплеменные пущи были заселены, в частности украинская колонизация распространилась до Попрада, а польская заняла юго-западный угол Саноцкой земли²⁸. Однако в целом западный предел Червенской и Перемышльской земель оста-

²⁴ Наиболее пространно версия об отсутствии восточнославянского населения во всем Верхнем Побужье и в Украинском Прикарпатье изложена в двух книгах Генрика Пашкевича (*H. Paszkiewicz. The origin of Russia. London, 1954; idem. The Making of the Russian Nation. Darton, 1963*). Все упоминания источников о русинах Прикарпатья и Побужья он объясняет тем, что в этих краях «русью» называли... поляков восточного обряда. Складывается впечатление, что вся его концепция об исключительно церковном значении термина «Русь» понадобилась Пашкевичу в первую очередь для того, чтобы иметь возможность отрицать восточнославянский характер первоначального населения Западной Украины. Впрочем, аргументация Г. Пашкевича, подхваченная недавно В. Дзенделом, мало оригинальна: еще в 1930 г. Э. Наварский доказывал, что воляняне и хорваты — русины, «то есть поляки греко-католического обряда» (ср.: *E. Nawarski. Spór dziejowy o połudnowo-wschodni węgiel Polski. Łódź, 1930, s. 100; W. Dzięcioł. The Origins of Poland. London, 1966, p. 150*).

²⁵ *W. Semkowicz. Geograficzne podstawy Polski Chrobrego. «Kwartalnik Historyczny», 1923, s. 10; R. Grodecki. S. Zachorowski. Dzieje Polski średniowiecznej, t. I. Kraków, 1926, s. 53; K. Potkański. Kraków przed Piastami. Rozprawy Akademii Umiejętności, wyd. hist.—filoz., t. 35, 1898, s. 106, 241.*

²⁶ *A. F. Grabski. Повесть временных лет jako źródło do historii Polski. «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1955, N 1-2, s. 67.*

²⁷ *K. Buczek. Ziemia polskie przed tysiącem lat. Wrocław — Kraków, 1963; М. Андрусак. 700 рок в Львова. В кн.: «Наш Львів». Нью-Йорк, 1956; М. Чубатий. Історія християнства на Україні, т. I (до р. 1353). Рим — Нью-Йорк, 1965, стр. 129.*

²⁸ «Торжество історичної справедливості», стр. 65.

вался польско-украинской этнической границей на протяжении последующих столетий, вплоть до 40-х годов XX в.²⁹

Подводя некоторые итоги сказанному, можем констатировать, что и нынешнее состояние изучения источников позволяет сделать определенные выводы об этнической принадлежности населения Червенской и Перемышльской земель в X в. и на протяжении последующих столетий. Значительно сложнее вопрос о политических судьбах этих территорий до 981 г., об их роли во взаимоотношениях древнейших государственных образований восточных и западных славян. В работах по этому вопросу, пожалуй, наиболее ярко проявились отмеченные М. Хандельсманом еще в 1929 г. недостатки буржуазной медиевистики: конструирование на материале искусственных гипотез целой цепи далеко идущих выводов, злоупотребление лингвистическими и историко-географическими аргументами³⁰.

Только в послевоенные годы историки дружественных социалистических стран сделали решительный шаг в направлении объективного изучения истории политических взаимоотношений западных и восточных славян в раннефеодальный период. Здесь надо упомянуть в первую очередь работы ряда польских исследователей (Б. Влодарский, А. Ф. Грабский, Г. Ловмянский, К. Мыслинский, А. Поппе), советских историков В. Д. Королюка и В. Т. Пашуто, некоторых чешских авторов. Наличие в их работах расхождений объясняется в первую очередь скудостью и противоречивостью источников. Однако по ряду главных вопросов намечилось сближение точек зрения историков Польши, РСФСР и Советской Украины. Представляется вероятным, что дальнейшие исследования позволят еще ближе подойти к приемлемому со всех точек зрения истолкованию источников. Имея в виду именно такую перспективу, хотим высказать некоторые соображения по поводу наиболее распространенных в научной литературе взглядов по вопросам политической истории зоны стыка восточнославянского мира с западными славянами.

Сосредоточение на территории между Вепром и Горынью находок римских монет I—IV вв. и золотых медальонов, наряду с наличием здесь так называемых княжеских погребений, некоторые историки не без основания связывают с зарождением у дулебов определенной политической организации (очевидно, дофеодальной), генетически предшествовавшей раннефеодальному образованию конца VI—VII вв. на той же территории, известному в

²⁹ «Торжество історичної справедливості», стр. 65—74, 179—182, 228—243; Я. Д. Ісаєвич. Джерела про західні межі української етнічної території в період феодалізму. «Український історичний журнал», 1968, № 12, стр. 19.

³⁰ М. Handelsman. Na marginesie naszej najnowszej Literatury o najdawniejszych dziejach Polski. In: idem. Średniowiecze polskie i powszechne. Warszawa, 1966, s. 198—199.

историографии под именем Дулебского союза³¹. Хотя относящиеся к нему известия весьма смутны, вряд ли это дает право отрицать возможность самого существования Дулебского союза как самой ранней и примитивной формы государственности на землях Волыни, включая и ее забужскую часть³². Археологические исследования также подтверждают, что здесь уже были социально-экономические предпосылки для формирования раннефеодальных племенных княжеств или союзов княжеств.

На ускорение процесса феодализации в племенных княжествах могли иметь влияние государственные организмы, развивавшиеся более быстрыми темпами и нередко подчинявшие себе более отсталых соседей. Как видно из Паннонского жития Мефодия, в последней четверти IX в. племенное княжество вислян, бывшее непосредственным соседом восточнославянских племенных княжеств³³, вошло в состав Великоморавского государства или же, что более вероятно, очутилось в зависимости от него. Многие авторы полагают, что границы территорий, на которые претендовала пражская епархия согласно грамоте 1086 г., свидетельствует о моравских владениях не только в земле вислян, но и далее на восток до реки «Bug et Stir» (под которыми понимают Западный Буг и Стырь)³⁴. Нам представляется более вероятным, что пражская грамота 1086 г. непосредственно отражает не границы Великой Моравы конца IX в., а Чешского государства около 973 г. (об этом ниже)³⁵. С другой стороны, не исключено, что чехи в X в. оказались наследниками великоморавских владений (точнее, сфер влияния), что Великая Моравка конца IX в. проложила дорогу для последовавшей позже экспансии Чехии в направлении Буга и Стыря³⁶. Соглашаясь с этой гипотезой (гипо-

³¹ Гипотезу о дулебском объединении первых веков н. э. обосновал Г. Ловмянский. Соглашаясь в основном с его концепцией, К. Мыслинский справедливо указал на необоснованность мнения проф. Ловмянского, якобы западная граница дулебов шла по Бугу. См.: *K. Mysliński. Związki polityczne na ziemiach granicznych między Polską i Rusią w VI—XI w.* (доклад на X съезде польских историков в Люблине). Выражаю проф. К. Мыслинскому благодарность за предоставление мне возможности ознакомиться с текстом доклада еще до публикации его в материалах съезда.

³² Авторы, отрицающие возможность этого «волынского государства» (*A. Vucinič. The first Russian state.*— In: *Rewriting Russian History*, 2 ed., New York, 1962, p. 130, 140), ввиду отсутствия у него атрибутов развитого государственного организма, не учитывают, что это был всего лишь первый, по существу зачаточный этап государственности.

³³ Нет никаких оснований распространять территорию этого княжества на бассейн верхнего и среднего Сана, как это делает, например, Л. Гавлик. См.: *L. Haviček. Tři kapitoly z nejstarších česko-polských vztahů*. O. «Slovanské historické studie», 4. Praha, 1961, s. 46.

³⁴ См., например: *A. Gieysztor. Ukształtowanie się państwa Polskiego od połowy IX w. do końca X w.* In: «Historia Polski», t. 1, sz. 1. Warszawa, 1957, s. 156; *C. Томашевский. Украинська історія, I. Старинні і середні віки*. Львів, 1919, стр. 38.

³⁵ *В. Д. Королюк. Западные славяне...*, стр. 150.

³⁶ *H. Lowmianski. Początki Polski*, t. 4. Warszawa, 1970, s. 487, 491; *B. Dostál. Das Vordringen der grossmährischen materiellen Kultur in die Nachbarländer*. In: «Magna Moravia». Praha, 1965, s. 368.

тетичность своих соображений признает и Г. Ловмянский, наиболее основательно обосновавший такую точку зрения), считаем весьма маловероятным распространенное мнение, якобы северо-западные границы Великой Моравы конца IX в. более или менее точно совпадали с границами Чешского государства середины или второй половины X в.³⁷ Если Великоморавское государство и имело определенное влияние в Верхнем Побужье (повторяем, вопрос о реальности этого влияния остается открытым)³⁸, то, скорее всего, оно распространялось на всю племенную территорию восточнославянских хорватов и дулебов, а не только на их западные окраины.

Впрочем, великоморавское влияние, если и существовало, не могло не быть весьма эфемерным. Определенные связи с Моравией вряд ли лишили фактической самостоятельности дулебскую политическую организацию. Вероятнее всего, это был союз племенных княжеств. Одним из них надо считать княжество в забужской части дулебской территории, в районе летописных Червенских градов. Сравнительно раннее развитие здесь отдельного политического образования могло стимулироваться особым значением этого района, где перекрещивались торговые пути из Восточной Европы на Запад и к Балтийскому морю. Предполагаемое племенное княжество на червенской территории, как и другие такие княжества, опиралось на систему укрепленных поселений — градов. Они являлись культовыми центрами, местами пребывания князей с дружиной, служили убежищем для населения во время военных действий³⁹. В связи с важной ролью градов в организации общества и возникло наименование Червенские грады, зафиксированное, правда, в записях, относящихся к более поздним событиям (1018 и 1031 гг.).

Аналогичным могло быть политическое устройство и у южных соседей дулебов — прикарпатских хорватов. Так же и здесь оформление в составе хорватского объединения особого Надсанского княжества можно связывать с важной ролью Перемышля на международном торговом пути Киев—Прага, являвшемся частью одной из дорог, соединявших Испанию с Китаем⁴⁰. В пользу наличия своих племенных княжений в Перемышльской и Червенской землях говорит именно тот факт, что очень рано эти районы

³⁷ H. Łowmiański. Początki Polski, t. 4, карты на стр. 351, 431.

³⁸ Карта находок вещей великоморавского типа не дает никаких материалов, подтверждающих тезис о вхождении Украинского Прикарпатья и Западной Волыни в Великоморавское государство (B. Dostál. Das Vordringen..., карта 8 между стр. 416—417). С другой стороны, некоторые явления в древнегаличской архитектуре (особенно ротонды определенного типа) наиболее естественно связывать с великоморавскими традициями (исследования В. Яремы).

³⁹ В. Д. Корольюк. Основні етапи розвитку ранньофеодальної державності у східних і західних слов'ян. ВІЖ, 1969, № 1, стр. 44.

⁴⁰ H. Łowmiański. Początki..., t. 4, s. 518.

стали играть роль отдельных единиц в системе политических отношений.

Упадок Великой Моравии, начавшийся в самом конце IX в. и завершившийся около 907 г. ликвидацией государственности, совпадает с периодом подъема политической активности Киевской Руси. Исходя из сообщения Масуди о том, что государство Ад-Дир (Киевское) было соседом государства Фраг (Пражского), некоторые историки считали даже, что в первой половине X в. Киевская Русь присоединила Краковскую землю⁴¹. Более острожным было бы предположение о столкновении на Вислянской земле влияний, идущих из Киева и Праги, причем в конце концов перевес оказался на стороне чехов. Тем самым упоминаемая у Масуди граница Киевского и Пражского государств установилась не по южной границе вислян (как считали К. Потканьский, Л. Гауптман, Ф. Дворник), а по их восточной границе. Заслуживает внимания мнение, что подчинение Вислянского княжества Праге было вызвано желанием получить помощь против наступления со стороны Руси и Венгрии⁴².

Факт распространения сферы влияния подтверждается, если принять гипотезу о локализации в Сандомиршине лендзян, которые, по словам Константина Багрянородного, были подвластны киевским русами и поставляли им лодки⁴³. Если считать возможной зависимость польских племен от Киева, то, конечно же, в большой степени надо считаться с возможностью установления какой-то формы политического влияния киевского центра в более близких районах, в дулебском и хорватском племенных княжествах или союзах княжеств.

В прошлом исследователи (в том числе и некоторые польские)⁴⁴ считали доказательством вхождения дулебов и хорватов в Киевское государство их участие в походе Олега на Византию. Однако, даже если принять без коррективов летописный перечень племен, участвовавших в походе, сам по себе он доказывает скорее не полное подчинение этих племен Киевской Руси, а союзни-

⁴¹ K. Potkański. Kraków..., s. 242; L. Hauptmann. Dolasak Hrvata. Цит. по: H. Łowmiański. Problematyka historyczna Grodów Czerwiejskich w związku z planem zespolowych badań polsko-radzieckich. «Kwartalnik Historyczny», 1953, N 1; F. Dvornik. The Making of Central and Eastern Europe. London, 1948, p. 298.

⁴² T. Lewicki. Małopolska w świetle wczesnośredniowiecznych źródeł arabskich. «Acta Archaeologica Carpatica», t. 4, f. 1—8, s. 303.

⁴³ Автор этой гипотезы, вошедшей уже в учебники и популярную литературу, Генрик Ловмянский выразил также мнение о зависимости от Руси не всех лендзян, а лишь той их части, которые якобы построили грады на червенской территории. Однако ни археология, ни топонимика не выявили бесспорных следов сколько-нибудь значительных лендзянских поселений, или «гарнизонов» в междуречьи Вепра и Буга. Да и Константин Багрянородный говорит о подчинении Руси не какой-то незначительной части лендзян, а всего их племени, равнозначного в его понимании с «кривичеями» (кривичами).

⁴⁴ W. Rulikowski, Z. Luba Radziwiński. Kniaziowie i szlachta, t. I. Kraków, 1880, s. 131.

ческие отношения прикарпатских и волынских племен с приднепровскими. Если же и установилась определенная степень зависимости, то она, по-видимому, сводилась к обязательству местных князей и племенной знати оказывать военную помощь⁴⁵, возможно также уплачивать время от времени дань. Верхушка племенных княжеств шла на это не только для того, чтобы избежать грабительских набегов соседей, но и для стабилизации классового господства при помощи феодалов более развитых государств.

Во время дулебского восстания, завершившегося убийством князя Игоря в 945 г., и особенно после смерти Святослава Игоревича, влияние Киевской Руси на западе должно было ослабеть, чем могли воспользоваться юго-западные соседи — Чешское государство. Как известно, в 60—80-х годах X в. оно прочно владело Краковской землей, включившей, вероятно, и район Сандомира — предполагаемый ареал лендзян⁴⁶.

Для уточнения северо-восточной границы сферы влияния чехов многие историки используют уже упоминавшуюся пражскую грамоту 1086 г. Есть основания считать, что она отражает границы Чешского государства около 973 г.⁴⁷ Правда, некоторые историки (в последнее время В. Д. Королюк) утверждают, что привилей св. Войтеха Славниковца, использованный в грамоте 1086 г., «довольно точно описывает государственные границы Чехии второй половины X в. (до 990 г.)», за исключением одного только северо-восточного участка (по реки «Bug et Ztir»), где речь идет всего лишь о миссионных границах пражского церковного центра⁴⁸. Но и такая интерпретация не снимает вопроса, почему граница на северо-востоке была проведена именно так, а не иначе. Ведь и миссионные границы, вероятнее всего, могли возникнуть в связи с политической экспансией в соответствующем направлении.

Чтобы доказать нереальность «бужско-стырской» границы, указывают, что она выглядит весьма неопределенно, так как Западный Буг и Стирь текут почти параллельно друг другу⁴⁹. Действительно, изучая по карте взаимное расположение указанных рек, трудно представить границу вдоль обеих рек так, чтобы она выглядела правдоподобно. На большинстве карт эту границу (не-

⁴⁵ В. Д. Королюк. Основные этапы..., стр. 46.

⁴⁶ 60—70-е годы X в. считаем периодом усиления, а не уменьшения чешского влияния в северо-восточном направлении. Вхождение западных окраин дулебов или хорватов в сферу влияния чехов не могло существенно повлиять на оценку их мощи современниками, так как, обладая Краковской и Сандомирской землями, Чехия и так была достаточно сильным и большим государством. Другую точку зрения излагает В. Д. Королюк («Западные славяне...», стр. 85, 149).

⁴⁷ L. Haluik. Tři kapitoly..., s. 71—73; H. Bulín. Polsky stát Meška I a Čechy. «Slovanské Historické Studie», 4, 1961, s. 125; В. Д. Королюк. Западные славяне..., стр. 150; он же. Грамота 1086 года в хронике Козьмы Пражского. КСИС 29, 1960, стр. 21.

⁴⁸ В. Д. Королюк. Западные славяне..., стр. 150.

⁴⁹ Там же, стр. 86.

зависимо от того, кому ее приписывают — Чехии X в. или Великой Мораве IX в.), проводят преимущественно вдоль течения Западного Буга и только в его верховьях изображают сужающийся клин в направлении верховьев Стыри⁵⁰. Такая конфигурация сконструирована искусственно, без учета физиографических особенностей местности⁵¹. Еще более неестественным является предположение, что граница шла вдоль линии, соединяющей истоки Западного Буга и Стыри⁵². Ведь в документе определенно указано, что реки являются границей, т. е. граница проходит вдоль рек, а не перпендикулярно к ним.

Гораздо проще можно представить границу, описываемую пражской грамотой, если принять, что «Ztir» грамоты — это Стрый, правый приток Днестра⁵³. Вспомним, что в 981 г. Владимир закрепил за Киевской Русью Червенскую и Перемышльскую земли и что первая на востоке доходила до Буга, а вторая, вероятно, — до р. Стрый. Таким образом, накануне 981 г. политическое влияние Киевской Руси могло доходить до рек Буг и Стрый. Это значит, что юго-западные соседи Руси могли претендовать не на все хорватские и дубельские земли, а на их западные окраины — по Буг и Стрый. Вот почему считаем возможным, что пражский документ зафиксировал наличие определенного политического влияния Чешского государства по Буг и Стрый, т. е. в Червенских градах и Перемышльской земле. Пределы области чешской политической экспансии оказались меньше, чем предполагаемая сфера великоморавского комплекса, так как во второй половине X в. в большей мере приходилось считаться с политической активностью киевского центра. Кстати, следом чешского влияния в Прикарпатье можно считать само название Перемышля⁵⁴, а также некоторые древние памятники, обнаруженные в этом городе⁵⁵.

⁵⁰ «Atlas Historyczny Polski». Warszawa, 1967, s. 3.

⁵¹ Ссылка на то, что недалеко от истоков Стыри имеется село Чехи (Н. Łowmiański. Początki..., t. 4, s. 486), не может служить аргументом в пользу реальности такой границы, так как под таким названием данное село известно только с начала XV в. Ничего не могут дать и границы Белзского воеводства, так как его территория сформировалась в результате политических событий XIV—XV вв.

⁵² См. гипотетическую линию границы по Л. Гавлику (В. Dostál. Das Vordringen..., Karte 8).

⁵³ Написание Ztir вместо Ztri, Stri может быть результатом ошибки кописта. Кстати, существует мнение об общем происхождении гидронимов Стырь и Стрый (В. П. Перлов. Гідронімія верхнього Подністр'я. Стрий. Територіальні діалекти власні назви. Київ, 1965). Другое объяснение у О. Н. Трубочева («Названия рек Правобережной Украины». М., 1968, стр. 157).

⁵⁴ Длугош утверждал, что Перемышль основан Пржемыслом (J. Długosi. Opera omnia, t. 10. Kraków, 1873, p. 52). Возможно, город был основан князем из династии Пржемысловичей (Болеславом II) и назван в честь основателя династии Пржемысла. Кстати, существует мнение, что и г. Вроцлав получил название от чешского князя начала X в. Вратислава.

⁵⁵ Ротонда конца X — начала XI в., следы которой открыты в 1960 г., имеет прямые аналогии на землях, входивших в Великоморавское государство и испытавших влияние Чехии. См.: J. Frasił. Sztuka Przemysla i okolicy. In: «Przemysl miasto zabytkow i kultury». Kraków, 1968, s. 48, 51.

Конечно, нет никаких оснований преувеличивать чешское влияние на востоке. Зависимость Червенских градов и Перемышльской земли от чехов была намного слабее, чем зависимость от них краковских вислян. Поскольку подчинение последних Праге было вполне определенным, оно недвусмысленно отразилось в источниках. Что же касается древнерусских земель, то вряд ли было возможным их вхождение в состав Древнечешского государства⁵⁶. Опять-таки следует говорить скорее о союзнически-трибутарных отношениях, чем о прямом подчинении. Обещания племенных князей и знати оказывать военную помощь или даже платить дань чехам воспринимались последними как признание зависимости. Однако для местной верхушки это скорее всего было выкупом за право решать внутренние дела, избегая вмешательства соседей или же используя их в своих интересах. Вполне возможно, что князья и знать давали некоторые политические обязательства одновременно и Киеву, и чехам (возможно, пользуясь посредничеством вислянско-лендзянских трибутариев Чехии). Такая гибкая политика обеспечивала местным политическим образованиям фактическую независимость от обоих центров⁵⁷.

Переkreщивания различных влияний в пограничных районах было одной из причин того, что у летописца не сложилось четкого представления о политической принадлежности Перемышля и Червена накануне похода 981 г. Мы согласны, что маловероятно допускать, якобы сначала в летописи говорилось о чехах («иде Володимер к чехам и зая грады их...»), которые лишь в одной из более поздних редакций были заменены «ляхами». Летописец слишком хорошо различал оба народа, чтобы пойти на такую механическую замену⁵⁸. Хотя Червенская и Перемышльская земли не могли не испытать определенного влияния со стороны своих мощных соседей — чехов, контролировавших Краковскую и Сандомирскую области, летописец либо не знал об этом влиянии, либо его недооценивал. Поэтому он мог упомянуть не осуществлявших верховную власть чехов, а более близких «ляхов» (вислян и сандомирян)⁵⁹, используемых чехами как орудие политической экспансии на востоке. Еще вероятнее, что в первоначальном

⁵⁶ Концепцию о вхождении дулебских и хорватских земель в состав Чехии справедливо критикует В. Д. Королюк («Западные славяне...», стр. 149).

⁵⁷ А. F. Grabski. Boleslaw Chrobry. Warszawa, 1966, s. 248; В. В. Мавродин. Образование Древнерусского государства. Л., 1945, стр. 298.

⁵⁸ В. Д. Королюк. Западные славяне..., стр. 84—85, 150.

⁵⁹ Некоторые авторы отказываются понимать под «ляхами» записки 981 г. пограничные польские племена, поскольку в вводной части летописи под этим названием выступают все польские племена. Однако, вероятнее всего, «ляхами» в Древней Руси сначала называли непосредственных соседей на западе и лишь впоследствии — также всех поляков. Первое понимание могло преобладать в X в., второе — в XII в., когда писалось историко-географическое введение к летописи. Во всяком случае если даже в первоначальной записке 981 г. и упоминались «ляхи», то под ними, как видно из анализа обстановки, нельзя понимать Гнезненское государство.

тексте летописи не назывались и ляхи, а упоминание о них было вставлено позже, под влиянием более четкой традиции о соперничестве с Польшей за Червецкие грады в 1018—1031 гг.⁶⁰ Бесспорно, что древняя запись подверглась коренной переработке составителями последующих летописных сводов⁶¹. Вполне закономерны попытки реконструировать общий смысл записи, послуживший источником для летописца начала XII в., хотя вряд ли возможно быть уверенным в ее условном звучании.

В частности, не думаем, что автор статьи 981 г. писал о походе Владимира «на хорватов и дулебов», так как целью похода была не вся территория этих племен, а ее западная часть. Нельзя же считать, например, Червен главным политическим центром всей дулебской области, от Вепра до Горыни или Случи. И если бы Владимир ходил на дулебов, то синонимом их племенного княжения мог быть не окраинный град Червен, а какие-то общедулебские политические центры, — возможно, археологические изыскания позволят когда-нибудь их локализовать.

Можно полагать, что для присоединения Червенского и Перемышльского племенных княжений необходима была не только борьба с местным населением, сколько нейтрализация других держав, претендовавших на власть в этом районе. Именно потому, что население западных земель дулебского и хорватского союзов не отнеслось враждебно к Владимиру, его поход был относительно мирным. Однако он мог вызвать недовольство или даже определенное сопротивление западных претендентов на эти земли — чехов и их «ляшских» трибутариев. Даже если бы Перемышльское и Червенское племенные княжества были совершенно независимы (что менее вероятно), их подчинение Киеву не могло не вызвать опасений у западных соседей. Поэтому мирное присоединение к Киевскому государству Перемышля и Червена могло завершиться конфликтом (не обязательно вооруженным) с теми, кто господствовал на примыкающих территориях, в первую очередь в Краковской области. А ведь почти все историки согласны, что Краков и все вислянское племенное княжество контролировали именно чехи. Военный конфликт с Чехией считает возможным Г. Ловмянский, предполагая, что именно в 981 г. Владимир мог захватить знатную «чехиню» — одну из первых своих жен⁶².

⁶⁰ В. Д. Корольюк. Западные славяне..., стр. 88.

⁶¹ Оговорки типа «иже суть до сего дне под Русью», встречающиеся при ряде летописных известий о событиях конца X — начала XI в. (Ср.: В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, стр. 308), во всех случаях свидетельствуют об их поздней редакции. Конечно, степень достоверности этих материалов неодинакова: в одних случаях поздний летописец пересказывает или цитирует древние записи, в других — вносит свои интерпретации, которые могли быть либо верными, либо ошибочными. Однако, имея неопровержимое указание, что известие составлено не современником описываемых событий, историк обязан проверить, не включает ли оно недостоверных напластований.

⁶² H. Łowmianski. Początki..., s. 521—522.

Не исключена возможность, что именно в 981 г. Владимир прошел и в глубь польских земель, контролируемых чехами, что не нарушало мира с гнезненским князем Мешко I. Такое предположение позволяет согласовать слова волынского летописца XIII в. о походе Владимира в глубь «Лядской земли»⁶³ с тем обстоятельством, что в 981 г. не было конфликта Руси с Польшей, т. е. с Гнезненским княжеством.

Военно-политическое столкновение Киевского государства с Польшей из-за Червена и Перемышля в это время не было возможно, так как без владения Малопольшей гнезненские Пясты не могли иметь каких-либо притязаний на эти земли⁶⁴. Так же поход Владимира Святославича 992/993 гг., имевший целью дальнейшее укрепление власти Киева в земле хорватов, не вел к реальному конфликту Руси с Польшей. В то же время польского князя не могло не беспокоить известие о движении на запад дружины князя Владимира, потенциального союзника враждебных ему чехов. Поэтому вопреки мнению некоторых историков⁶⁵ хронологическое совпадение сообщения Хильдесгеймских анналов об угрозе Польши со стороны Руси с датой похода на хорватов вовсе не означает вхождения последних в Гнезненское государство.

В 1018 г. князь Польши Болеслав I (Храбрый) во время своего киевского похода захватил Червенские грады (очевидно, включая и Белз). Желание оттолкнуть эти грады не без оснований считают одним из основных мотивов его восточной политики в это время. Впрочем, захват Червенских градов с точки зрения государственных интересов Польши вряд ли был успехом: он только прибавил ей нового грозного противника⁶⁶.

Болеслав I пытался заигрывать с местной верхушкой Червенско-Белзской земли, он даже выпустил несколько раз монеты с кириллическими надписями⁶⁷.

Некоторые авторы полагают, что к Польше в 1018 г. был присоединен также Перемышль. С. Томашевский обратил в свое время внимание на то, что под 1031 г. в летописи указано о возвра-

⁶³ В. Т. Пашуто. Внешняя политика..., стр. 308.

⁶⁴ В. Д. Королюк. К вопросу об отношениях Руси и Польши в X в., КСИС. 9, 1952, стр. 50; он же. Западные славяне..., стр. 100. О невозможности вхождения Червена и Перемышля во владения Мешка I см. также: А. Malecki. Z przeszłości dziejowej, t. 1. Kraków, 1897, s. 26.

⁶⁵ См., например: G. Labuda. Studia nad początkami państwa Polskiego. Poznań, 1949, s. 229; W. Weelhorski. Ziemie ukrainne Rzeczypospolitej. Zarys dziejow. «Pamiętnik Kijowski», t. 1, s. 16.

⁶⁶ В. Д. Королюк. Западные славяне..., стр. 267.

⁶⁷ R. Kiersnowski. O tzw. «ruskich» monetach Bolesława Chrobrego. In: Studia historica. W 35-lecie pracy naukowej Henryka Łowmiańskiego. Warszawa, 1958, s. 101. Г. Ловмянский выдвигает менее правдоподобную гипотезу об изготовлении этих монет в Гнезно мастером-киевлянином, не знавшим никакого другого алфавита, кроме кириллицы (H. Łowmiański. Początki..., t. 4, s. 502).

щении Червенских градов от ляхов, но в аналогичном сообщении о занятии в 1030 г. Белза не сказано, у кого отобран этот город. В связи с этим этот историк предположил, что в 1018 г. Белз и, вероятно, Перемышль занял не Болеслав I, а его союзники — венгры. Пользуясь тем, что в 1030 г. шла война императора Конрада II с венгерским королем Иштваном I, союзником которого была Польша, Ярослав возвратил земли, захваченные Венгерским королевством⁶⁸.

Нетрудно заметить искусственность такой гипотезы. Из летописи явствует вполне определенно, что Болеслав I занял только те земли, которые лежали на пути его похода в Киево-Червенские грады с Белзом (по Буг, а не по Стырь, как иногда изображают на картах!)⁶⁹, Перемышль же остался в составе Киевской Руси⁷⁰.

Некоторые авторы оспаривают принадлежность Перемышля к Киевской Руси на том основании, что он не упомянут в летописной статье 1054 г. о разделе уделов между сыновьями Ярослава Мудрого⁷¹. Однако середина XI в. — только первый этап раздела Киевской Руси на удельные княжества, еще сравнительно большие по размерам. Очевидно, Перемышль предназначался Игорю Ярославичу, для которого была выделена юго-западная часть Руси с центром во Владимире («...а Игорю Володимирь») ⁷².

Не позже середины 80-х годов XI в. Перемышль стал центром княжества, которое в середине XII в. вошло в состав Галицкого княжества, а вместе с ним в 1199 г. — в Галицко-Волынское княжество. Червен около 1170—1171 гг. и несколько лет, начиная с 1209—1210 гг., был центром небольшого княжеского удела, вскоре слившегося с Белзским и около 1234 г. окончательно вошедшего в Галицко-Волынское государство Данила Романовича.

Во взаимоотношениях Галицко-Волинской Руси с польскими княжествами в конце XI — начале XIV в. ни Перемышльская земля, ни Червенская не играли существенной роли и не служили поводом для каких-либо территориальных конфликтов⁷³. Весьма

⁶⁸ С. Томашівський. Дев'ятсот, літ тому. З приводу юбілею міста Белза. «Нова зоря», 1930, № 1, стр. 11.

⁶⁹ «Atlas...», s. 4.

⁷⁰ В. Д. Королюк. Западные славяне..., стр. 260.

⁷¹ ПВЛ, ч. I, стр. 108. Подробнее об этом и других аргументах сторонников тезиса о невозможности принадлежности Перемышля Киевской Руси см.: Я. Ісаєвич. До питання про розселення східнослов'янських племен у X ст. «Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР», 1964, № 6, стр. 84—87; он же. Рец. на кн. Ю. Скишпека. — УІЖ, 1965, № 2, стр. 140—144; он же. Рец. на кн. С. Кучинського. — «Архіви України», 1969, № 2, стр. 84—87.

⁷² Ср.: F. Persowski. Studia nad pograniczem polsko-ruskim w X—XI w. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962, s. 105.

⁷³ Кратковременный захват Перемышля и Любачева краковским князем Лешко Белым в 1214—1215 гг. был связан с преходящей политической конъюнктурой. Нет оснований считать, что желание отторгнуть Перемышль от Галицко-Волинской Руси было существенным мотивом в восточной политике Лешко.

характерно, что в XII в. даже Галл Аноним, выразитель взглядов враждебно относящейся к Руси части духовенства, не выдвигал восточным соседям ни малейших претензий на пограничные земли⁷⁴. Итак, если не считать сравнительно кратковременного спора в 1018—1031 гг. за Червенские грады, ни эти грады ни Перемышльская земля отнюдь не служили постоянным «яблоком раздора», не мешали развитию добрососедских отношений между двумя странами.

⁷⁴ Ф. Буяк объяснял это тем, что хронист учитывал династические связи Пястов с Рюриковичами и помощь Руси Болеславу Кшивоустому в борьбе с братом Збигневом. В действительности эти обстоятельства не определяли позиции Галла, который относился с антипатией к русинам, очевидно не сочувствуя сближению Польши с Русью в начале XII в. Ср.: *F. Bujak. Państwo i naród polski w XI w.* In: «*Studia z dziejów kultury polskiej*». Warszawa, 1949; *A. F. Grabski. Polska w opiniach obcych X—XIII w.* Warszawa, 1964, s. 48.

ВЕЧЕ И НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В КИЕВЕ

Вече и народные движения в древнем Киеве, несмотря на то, что все летописные источники, о них говорящие, многократно использовались буржуазными и советскими историками, а также историками государства и права, еще не были в совместной их постановке предметом специального исследования. Между тем именно такая постановка содержит в себе возможности объективного познания этих взаимосвязанных явлений древнекиевской истории. Вечевые собрания, служившие нередко первым толчком к народным восстаниям, при внимательном их изучении раскрывают как причины этих волнений, так и движущие их силы.

Из большого круга вопросов, связанных с вечем и народными движениями в Киеве, мы остановимся лишь на двух: 1) было ли киевское вече органом народовластия или же феодального управления и 2) какими противоречиями обуславливались и стимулировались народные движения в Киеве.

В дореволюционной историографии по вопросу о вече, наиболее яркими представителями которой были В. Сергеевич, М. Довнар-Запольский, И. Линниченко и другие, этот институт рассматривался как орган народовластия, а народные движения как случайные смуты, возможные всегда и везде в любых условиях. Такая концепция, если учесть, что создавалась она под влиянием либерально-буржуазной идеи о бесклассовом, общенародном характере Древнерусского государства, внешне выглядит логичной. Народ участвовал в управлении страной или городом наравне с феодальной знатью и даже князем, и все недостатки этого управления были недостатками общими.

По В. Сергеевичу, вечу принадлежала власть законодательная, правительственная и судебная, а его участниками были все свободные люди¹. М. Довнар-Запольский называл вече «всенародной сходкой в буквальном смысле этого слова». Всякий свободный житель данного города и даже всей земли имел право принимать участие в вече. Говоря о компетенции веча избирать князей, М. Довнар-Запольский пришел к выводу, что в Древней

¹ В. Сергеевич. Древности русского права, т. II. «Вече и князь». СПб., 1908, стр. 72.

Руси вообще княжеские столы редко занимались вопреки народной воле. Определяя круг вопросов, подлежащих решению веча, он относил к их числу в первую очередь вопросы войны и мира. Что касается внутреннего управления, то вече хотя и имело на него сильное влияние, однако вмешивалось редко, представляя главную роль избранному им князю². Ученый не заметил или не захотел заметить внутреннего противоречия своих суждений. Народ избирает князя, влияет на его политику, решает вопросы войны и мира и совершенно не занимается вопросами внутренней жизни, т. е. теми, которые ему и ближе и понятнее.

Большую работу, которая явилась по существу ответом-рецензией на книгу В. Сергеевича «Вече и князь», посвятил истории русского государственного устройства и управления Д. Самоквасов³. Полемизируя с В. Сергеевичем о компетенции веча, Д. Самоквасов отводил ему сферу не политическую, а только общественную, местного хозяйства, управления и полиции, значения экономической, хозяйственной и административной деятельности, совершающейся по поручению верховного правительства и государства⁴. Различая вече киевское и новгородское, он писал, что Киевское княжество представляло собой чистую монархию, где народ является в политической сфере только в исключительных случаях, тогда как Новгородское было чистой демократией⁵.

И. Линниченко в специальной работе, посвященной вече киевской земли, почти во всем следует за В. Сергеевичем. Согласно ему, вече — это орган народовластия с хозяйственной, административно-полицейской и политической функциями. Как и В. Сергеевич, И. Линниченко считал, что вече и князь — два одинаково существенных элемента древнерусского общественного быта, а право народа на выбор себе князя проходит через всю историю киевского веча⁶. Развивая последний тезис, И. Линниченко отмечал, что в народе существовал совершенно ясный и правильный взгляд на назначение князя; это земский чиновник, избранный для исполнения тех обязанностей, которые считались специальностью княжеской семьи — военачальника и суда. Недовольный деятельностью своего князя, народ показывал ему путь от себя, т. е. изгонял его⁷.

Д. Иловайский различал два веча — большое, собиравшееся преимущественно во времена смут и безначалия, и малое, более постоянное, когда лучшие люди, т. е. городские старцы или домо-

² М. В. Довнар-Запольский. Ст. «Вече» в сб. «Русская история в очерках и статьях», т. I (под редакцией М. Довнар-Запольского), стр. 235—240.

³ Д. Самоквасов. Заметки по истории русского государственного устройства и управления, ЖМНП, № 11 и 12. СПб., 1869.

⁴ Д. Самоквасов. Указ. соч., ЖМНП, № 12, стр. 222.

⁵ Д. Самоквасов. Указ. соч., ЖМНП, № 11, стр. 70.

⁶ И. Линниченко. Вече в Киевской области. Киев, 1881.

⁷ И. Линниченко. Указ. соч., стр. 55.

владыки, наиболее зажиточные и семейные, созывались на княжий двор для совещаний вместе с боярами и дружиной под председательством князя⁸.

Большинство исследователей считали вече древней ещё догосударственной институцией, и лишь В. Ключевский относил его появление ко времени упадка авторитета князей и усиления усобиц. Главной силой, на которую, согласно ему, опиралось вече, были массы торговцев и ремесленников города⁹.

Аналогичную мысль о природе веча высказал и М. Покровский. Согласно ему, древнерусские республики начали аристократией происхождения, а окончили аристократией капитала, но в промежутке они прошли стадию, которую можно назвать демократической. В Киеве она падает как раз на первую половину XIII в. В этот период хозяином русских городов является действительно народ¹⁰.

Среди советских историков единодушие наблюдается лишь в оценке городских движений, которые рассматриваются как исключительно антифеодальные восстания низов (Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, А. А. Строков, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин). В оценке же веча имеются весьма существенные расхождения. Одни историки (Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров) считали вече такой формой государственного управления, при которой к нему (управлению) открывался широкий доступ городских низов. Согласно Б. Д. Грекову, вече — это народное собрание для обсуждения и решения важных общих дел¹¹. При сильной власти киевского князя, по мнению Б. Д. Грекова, значение веча падает и князь не входит в соглашение с народом, разумея под ним широкую городскую демократию торговцев и ремесленников¹². Отмечая участие в вече широких демократических кругов города, Б. Д. Греков всё же не склонен был переоценивать их роль. Он рассматривал вечевые собрания как результат определенного соотношения классовых сил, при котором знать, захватившая в свои руки власть и ограничившая в своих интересах власть князей, не была в силах уничтожить народное собрание, но была достаточно сильна, чтобы превратить его в орудие своих интересов¹³.

М. Н. Тихомиров, полемизируя с С. Юшковым, утверждал, что без признания за купеческим и ремесленным населением большой политической силы «Киевская Русь действительно останется для нас малопонятной и бедной по своему политическому содержанию»¹⁴. О том, что он, как и в свое время М. Довнар-Запольский,

⁸ Д. Иловайский. История России, т. 2. М., 1880, стр. 299—301.

⁹ В. О. Ключевский. Сочинения, т. VI. М., 1959, стр. 185—186.

¹⁰ М. Н. Покровский. Очерк истории русской культуры, ч. I, стр. 247.

¹¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 359.

¹² Там же, стр. 369—370.

¹³ Там же, стр. 370.

¹⁴ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 222.

склонен был к переоценке этой силы, видно из следующего утверждения: «При всей неполноте наших сведений о киевском восстании 1068 г. мы все же можем говорить о нем как о крупнейшем политическом событии XI в. Это событие отразило усиление горожан, выступающих против княжеской власти и фактически решающих вопрос о занятии киевского стола»¹⁵.

Приписывание «широкой городской демократии» столь значительной, едва ли не определяющей, роли в политической жизни города, в данном случае Киева, по-видимому, обусловлено характером источника. Действительно, летопись, рассказывая о некоторых важнейших государственных делах, нередко указывает на участие в них «нищих и худых», «всех людей», «всех киян» и т. д., т. е. представителей угнетенного сословия. Но, как справедливо отмечает В. Т. Пашуто, это лишь всего-навсего, принятый в Древней Руси литературно-церковный оборот¹⁶, своеобразная игра в демократию. Анализируя летописную статью 1187 г., где говорится о галичском соборе и об участии в передаче княжеского стола нищих и убогих, В. Пашуто заявляет: «Смешно даже предполагать, что в стране, где законом была Русская Правда, нищие и убогие решали, кому занять княжий стол Осмомысла»¹⁷.

В отличие от В. Сергеевича М. Тихомиров не считал вече беспорядочными сборищами, на которых царили хаос и неразбериха. Говоря о вече 1147 г. на Софийском дворе, он отмечал, что здесь «ясно видны лица, руководившие вечем: князь, митрополит, тысяцкий». Одинаковая передача вечевых споров 1147 г. в различных летописных списках позволила историку предположить даже существование протокольных записей¹⁸. Эти последние выводы о характере вечевых собраний, которые более соответствуют исторической истине, чем представление В. Сергеевича, в значительной степени сглаживают несогласие М. Тихомирова с С. Юшковым в том, что основной социальной силой, которая направляла деятельность веча, были феодальные городские группы, а не широкая городская демократия «торговцев и ремесленников»¹⁹.

По С. В. Юшкову, веча были массовыми собраниями руководящих элементов города и земли по наиболее важным вопросам²⁰. «Ни в одном совещании, которое могло бы претендовать на какое-либо политическое значение, основной силой не могла быть демократическая масса города — мелкие торговцы, ремесленники, наймиты и разного рода плебейские элементы. Если бы подобного рода совещания были и если бы этим элементам и удалось навя-

¹⁵ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 190.

¹⁶ В. Т. Пашуто. Черты политического строя Древней Руси. Сб. «Древнерусское государство и его международное значение». М., 1965, стр. 13.

¹⁷ Там же.

¹⁸ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 224.

¹⁹ С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 350.

²⁰ С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939, стр. 216.

зять свою волю феодальной верхушке, то она нашла бы силу эти решения аннулировать»²¹.

К вопросу о классовой природе веча и движущих силах городских восстаний в последнее время обратились также В. Л. Янин и В. Т. Пашуто²².

Изучая историю новгородских государственных институтов в связи с историей классовой и внутриклассовой борьбы, В. Л. Янин пришел к убеждению, что общегородское вече было узкоклассовым органом, в котором нет места «всему Новгороду». Оно объединяло лишь крупнейших феодалов и было не народным собранием, а собранием класса, стоящего у власти²³. В отличие от А. А. Строкова, считавшего, что все восстания в Новгороде носили исключительно классовый характер²⁴, В. Л. Янин отмечает, что история русского феодализма XI—XIV вв., будучи историей феодальной раздробленности, постоянно включает в себя и элемент внутрифеодальной борьбы²⁵. Народные движения постоянно используются и направляются теми боярскими группировками, которые были заинтересованы в свержении наличного правительства и захвате власти в свои руки²⁶. Действия восставших развиваются обычно как выполнение государственной воли. Восстания начинаются с принятия вечевого решения; иными словами боярское государство само борется с находящимися у власти боярами, что свидетельствует о существовании борьбы за высшие государственные должности внутри самой правящей верхушки²⁷.

Согласно В. Т. Пашуто, вече — это и совещание правителей города, и обособленное совещание городских «меньших» людей, и совещание князя со всей (или дружественной ему) дружиной, и тайный сговор городской знати против правящего князя, и, наконец, военный совет руководителей городского ополчения в походе²⁸. Как один из наиболее архаических институтов народовластия, вече «было использовано собственниками земли и поставлено на службу государству в форме своеобразной феодальной демократии»²⁹. Что касается классовой борьбы, то, по В. Т. Пашуто, на вече она поддается в большей мере непосредственному наблюдению, хотя и здесь она в основном получает превратное выражение в виде противоречий внутри класса феодалов или

²¹ С. В. Юшков. Указ. соч., стр. 195.

²² В. Л. Янин. Новгородские посадники. Изд-во МГУ, 1962; он же. Проблемы социальной организации Новгородской республики. «История СССР», № 1, 1970; В. Т. Пашуто. Черты политического строя Древней Руси. Сб. «Древнерусское государство и его международное значение». М., 1965, стр. 24—34.

²³ В. Л. Янин. Проблемы социальной организации Новгородской республики, стр. 50—51.

²⁴ А. А. Строков и В. А. Богусевич. Новгород Великий. Новгород, 1939, стр. 14 и сл.

²⁵ В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 8.

²⁶ В. Л. Янин. Проблемы социальной организации Новгородской республики, стр. 52—54.

²⁷ В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 9.

²⁸ В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 33.

²⁹ Там же, стр. 33—34.

между последним и нарождающимися элементами будущего третьего сословия³⁰.

Среди исследователей, придерживающихся разных взглядов на классовую природу вече в Древней Руси, по существу нет разногласий лишь в том, что этот институт возникает еще в недрах догосударственного периода. Не исключено, что в это время, как и на ранних этапах формирования государственности, вече представляло собой более демократичный орган, чем во время развитого феодализма, но, думается, что и тогда при существовании родо-племенной знати, старцев, предводителей дружин вече не было всенародной сходкой.

Такой вывод напрашивается при анализе уже первого летописного упоминания о вече в Белгороде.

В 997 г. печенеги, пользуясь уходом из Киева в Новгород Владимира Святославича, обложили киевский пригород Белгорода. Мощные укрепления крепости вынудили печенегов отказаться от штурма и перейти к длительной осаде. В городе начался голод и белгородцы собирают вече. «И створиша въче в градѣ, и рѣша: „се хочемъ помрети отъ глада, и отъ князя помочи нѣтъ; да лучше ли ны умерти? вѣдѣмся Печенѣгомъ, да кого ли оживять, кого ли умертвѣть; уже помираемъ отъ глада“. — И тако свѣтъ створиша, и бѣ же одинъ старѣцъ не былъ вѣчи томъ, въпрошаше: „что ради створиша въче людѣ?“ — и повѣдоша ему, яко утро хотѣть ся людѣ передати и Печенѣгомъ. Се же слышавъ, посла по стерѣйшины градския и рече имъ: „слышавъ, яко хотите передатися Печенѣгомъ“. Они же рѣша: „не стѣрпѣть людѣ голода“»³¹.

Как видим, судьбу осажденного города решают не низшие слои населения, а городские старцы и старейшины. Это хорошо видно из вопроса старца, не участвовавшего в вече. В ответ старейшины городские мотивируют свое решение давлением голодающего народа, среди которого, по-видимому, уже начинались волнения. Следовательно «людѣ» следует рассматривать как силу, повлиявшую на решение вече, но ни в коем случае не решающую. Из дальнейшего рассказа о хитрости старца видно, что те же городские старейшины нашли возможности и силы изменить свое прежнее решение.

Пример с белгородским вечем, бывшим пригородом Киева, безусловно, применим и к самому Киеву. Старейшин, или городских старцев, главную силу вече приглашал на совет или вече (хотя этот термин и не упоминается) уже Владимир Святославич.

³⁰ В. Т. Пашуто. Указ, соч., стр. 33.

³¹ «Летопись по Ипатьевскому списку». СПб., 1871, стр. 87—88. Тут и далее летописные цитаты приводятся по Ипатьевскому списку. В нашу задачу не входили текстологические изыскания, тем более что разночтения, имеющиеся в других летописных списках, не меняют смысла приводимых летописных текстов.

Остальные упоминания о киевском вече и народных движениях относятся ко времени между 60-ми годами XI и 50-ми годами XII ст., а именно: к 1068, 1069, 1113, 1146—1147, 1157 гг. Согласно некоторым исследователям, именно в это время усиливается с ослаблением центральной княжеской власти и началом усобиц роль вече, а потому и упоминания о нем в летописи более часты. Объяснение правильное, но не исчерпывающее. Ведь сказанное еще в большей мере относится к периоду от второй половины XII по 40-е годы XIII в., но летопись не упоминает в это время о деятельности киевского вече и движениях низов.

В 1068 г. великий киевский князь Изяслав с братом Всеволодом потерпел сокрушительное поражение от половцев на р. Альте и без чести прибыл в Киев. Вслед за ним прибежали в Киев и остатки его войска, которые и собирают вече на Подоле. «Людь киевстии прибѣгоша Киеву, и створивше вѣче на торговиши, и рѣша пославшеся ко князю: „се Половци русулися по земли; дай, княже, оружие и кони, и еще бьемся с ними“»³². Согласно Л. В. Черепнину, под людьми киевскими летописец подразумевает, вероятно, горожан, городское торгово-ремесленное население, на что указывает и место собрания³³.

Отрицать широкое участие горожан в вече на торговище в столь трудное для Киева время невозможно, но и переоценивать их роль также не следует. Во-первых, инициатива созыва вече принадлежит не тем киевлянам, которые были в городе, а тем, которые вернулись после неудачного боя с половцами, т. е. главным образом киевским дружинникам. Это они остались без лошадей и оружия, которые и просят у князя, готовые еще раз сразиться с неприятелем. Во-вторых, созвали его и действовали, хотя и вопреки воле князя, но в согласии с частью (основной.— П. Т.) городских мужей³⁴.

Изяслав не выполнил требование вече и вскоре вынужден был в спешке оставить Киев. Отказ Изяслава выдать оружие объясняется, как правило, его опасением, что оно может быть использовано против феодальной знати и княжеской администрации. При сложившейся ситуации, когда вину за поражение на Альте киевляне складывали на Изяслава и его воеводу Коснячка, опасения великого князя были бы уместны. Но, как верно предполагает Л. В. Черепнин, коней и вооружения Изяславу просто неоткуда было взять³⁵. Такого же мнения в свое время придерживался и И. Линниченко, считавший, что у Изяслава не было специальных arsenalov, из которых ополченцы получали оружие

³² «Летопись...», стр. 120.

³³ Л. В. Черепнин. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда. Сб. «Древнерусское государство и его международное значение». М., 1965, стр. 175.

³⁴ В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 25.

³⁵ Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 175.

перед боем и сдавали его после окончания. Вооружение у земства было всегда свое собственное, независимое от князя³⁶.

Следовательно, в действиях веча чувствуется чья-то организующая и руководящая рука. Изяславу ставились заведомо невыполнимые требования, чтобы вызвать взрыв народного возмущения. Расчет оправдался, и вскоре в Киеве началось восстание. Участие в нем представителей угнетенного сословия несомненно, но по тому, на кого падает их гнев (с веча киевляне идут на воеводу Коснячка и Великий Ярославов двор), можно заключить, что руководила этим восстанием антиизяславов группировка. По справедливому предположению А. В. Алексеева, ее составляли лица некиевского происхождения, вероятнее всего полочане. Именно им и принадлежал призыв к освобождению из поруба полоцкого князя Всеслава³⁷.

Не обнаружив воеводу Коснячка на его дворе, восставшие действуют на две группы (последнее обстоятельство не свидетельствует о чрезвычайном массовом движении), из которых одна идет освобождать из погреба полоцкого князя Всеслава, а другая — вести переговоры с князем, окончившиеся изгнанием Изяслава и разграблением княжеского двора. Мы не знаем, как был разграблен княжеский двор, но думаем, что едва ли бы киевская верхушка допустила, чтобы «бещисленное множество злата и серебра, и кунами и скорою»³⁸ попало в руки черни. Возможно, что это всего лишь литературный оборот летописца, стремившегося увеличить вину восставших. Как-то не очень верится, чтобы освобожденный из погреба и провозглашенный великим киевским князем Всеслав занял ограбленную великокняжескую резиденцию.

Восстание, антифеодалная направленность которого, согласно М. Тихомирову, совершенно ясна, поскольку ненависть киевлян в первую очередь обращена против княжеской администрации и воеводы Коснячка³⁹, закончилось победой. Клич партии Всеслава к замене на великокняжеском столе Изяслава Всеславом, подхваченный восставшими горожанами, стал лозунгом их движения⁴⁰ и, пожалуй, конечной его целью.

Аналогичный характер имели и другие восстания, причем не только киевские, но и новгородские. Последние, как считает В. Л. Янин, почти всегда побеждали, поскольку их конкретные цели бывали выполнены. Но эти цели и эти победы оказывались полезными не для городских масс, а в большинстве случаев для определенных кругов боярства⁴¹.

³⁶ И. Линниченко. Указ. соч., стр. 18.

³⁷ А. В. Алексеев. Полоцкая земля. М., 1966, стр. 244—248.

³⁸ «Летопись...», стр. 121.

³⁹ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси, XI—XIII вв. М., 1945, стр. 95.

⁴⁰ Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 177.

⁴¹ В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 8.

Из анализа хода восстания 1068 г. видно, что действия восставших вовсе не были направлены против класса угнетателей вообще, но лишь против Изяслава и Коснячка, т. е. против одной части правящего и господствующего класса в угоду другой, более ловкой и сильной в настоящий момент.

Несколько отличную характеристику событиям 1068 г. дает Л. В. Черепнин. Он также отмечает, что плодами свержения Изяслава воспользовались прежде всего феодалы, бывшие приверженцами возведенного на киевский стол Всеслава. Но на данном этапе народ, горожане усматривали в этом и свою победу⁴². Отметив единство целей феодальной группировки Всеслава и горожан, Л. В. Черепнин все же находит возможным подчеркнуть антифеодальную направленность движения, которая проявилась в разграблении княжьего двора⁴³.

В. Т. Пашуто квалифицирует киевское движение 1068 г. как восстание народа в защиту прав веча, сопровождавшегося актами классовой расправы с отдельными феодалами⁴⁴. Освобождение Всеслава, по его мнению, соответствовало замыслам и правящей группировки городской знати, в том числе духовной и купеческой, враждебной Изяславу и союзной Чернигову⁴⁵. Следовательно, как и Л. В. Черепнин, он склонен отводить феодальной знати в событиях 1068 г. далеко не последнюю роль, коль конечный результат «антифеодального» движения соответствовал их феодальным интересам.

Характер веча и народного движения 1068 г. в Киеве раскрывается также и в последующих событиях. Летом 1069 г., после 7,5-месячного княжения в Киеве Всеслава, в течение которого, по мнению М. Н. Тихомирова, продолжалось восстание⁴⁶, возвращается на Русь с польской помощью Изяслав. Навстречу ему вышел с киевлянами Всеслав. Планировавшееся под Белгородом сражение не состоялось, поскольку Всеслав предал киевлян и под покровом ночи «утаися кыань», позорно бежал в свой Полоцк. Киевляне возвращаются в Киев и, как и год назад, снова созывают вече. «И створиша вѣче, послашася къ Святославу и къ Всеволоду, глаголюше: „мы же зло створили есмы, князя своего прагнавшѣ“»⁴⁷. Они просят прийти в Киев княжить названных князей, а в случае отказа грозят зажечь город и уйти в греческую землю.

Это вече, по-видимому, было менее представительным, чем первое. Возможно, круг его участников ограничивался лишь по-

⁴² Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 177.

⁴³ Там же.

⁴⁴ В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 25—26.

⁴⁵ Там же, стр. 26.

⁴⁶ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв., стр. 99.

⁴⁷ «Летопись...», стр. 122.

лоцко-черниговской партией, а также близким по настроению к ней крупным купечеством. Последних среди участников веча, по справедливому замечанию еще М. Д. Преселкова, выдает угроза зажечь город и уйти в греческую землю⁴⁸.

Отчаянная попытка полоцко-черниговской партии, которая, по-видимому, к этому времени уже начала терять свою силу и влияние (чему в немалой степени способствовало предательство Всеслава), не допустить Изяслава в Киев, не увенчалась успехом. Вступив в Киев, Изяслав жестоко расправился с виновниками своего изгнания. Его гнев прежде всего пал на представителей полоцко-черниговской партии. В летописи эти гонения не раскрыты, но судя по тому, что расправы не избежал даже такой влиятельный и авторитетный церковный деятель Руси, как Антоний — основатель Печерского монастыря, Изяслав по достоинству «оценил» роль полоцко-черниговской партии в событиях 1068 г.

Конечно, не избежали наказания и менее сановитые участники веча и восстания. В летописи говорится, что Изяслав, перед тем как вступить с Болеславом в Киев, отправил туда своего сына Мстислава для усмирения киевлян. «И пришедъ Мстиславъ исьсѣче Кыаны, иже бяху выськли Всеслава, числомъ 70 чади, другыя исьспѣпиша, другыя же без вины погубивъ, не испытавъ»⁴⁹.

Под термином «чадь» или «нарочитая чадь» в летописи всегда подразумевается дружина или вооруженная личная охрана князя, боярина. Владимир Святославич после принятия христианства велел «поимати у нарочитой чади дѣти и даяти на учение книжное»⁵⁰. В летописи также упоминается «Ратиборова чадь» — дружина киевского боярина Ратибора, «Мирошкина чадь» — личная охрана новгородского посадника Мирошки⁵¹. Однако М. Н. Тихомиров, а вслед за ним и Л. В. Черепнин, чтобы подчеркнуть классовый характер восстания 1068 г., пишут, что в данном случае под словом «чадь» подразумевается простой народ, широкие круги населения⁵². Думается, что аргументировать антифеодальную направленность движения 1068 г. столь сомнительным выводом о том, что скрывается в данном случае под термином «чадь», вряд ли следует. Вернее предположить, что здесь имеется в виду дружина Изяслава, по крайней мере какая-то ее часть, принявшая сторону восставших и участвовавшая в освобождении Всеслава. Представителей же широких или низших слоев населения следует видеть в ослепленных и погублен-

⁴⁸ В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 26.

⁴⁹ «Летопись...», стр. 122.

⁵⁰ Там же, стр. 81.

⁵¹ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 44.

⁵² Там же, стр. 95; Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 178.

ных. Но как раз они-то, по свидетельству летописца — очевидца восстания⁵³, пострадали без вины.

М. Тихомиров считает, что летописный рассказ о восстании 1068 г. обнаруживает определенные симпатии к восставшим киевлянам и объясняет это догадкой, что повествование это возникло в среде горожан⁵⁴. Вряд ли это объяснение исчерпывающее. Ведь даже если бы это было и так, то составители и редакторы летописных сводов, кстати, вовсе не представители низших слоев, сумели бы приглушить или совсем снять эти сочувствующие нотки так называемого повествования горожан. Кажется более вероятным, что эти симпатии к восставшим выдаются в летописце сторонника партии князя Всеслава, которая так и осталась недискредитированной в глазах современников и потомков принадлежностью к ней Антония Любечанина.

Таким образом, в 1068—1069 гг., о чем свидетельствует и вече, и восстание, в феодальных кругах Киева обнаружились весьма серьезные противоречия. Для их разрешения более сильной и ловкой феодальной группировкой была привлечена третья сила — представители торгово-ремесленного сословия, которые воспользовались благоприятной ситуацией и, вероятно, свели счеты с некоторыми представителями княжеской администрации.

Следующим и, по мнению многих исследователей, особенно характерным проявлением прав киевского вече было приглашение на киевский стол Владимира Мономаха в 1113 г. Известно, что на первое приглашение из Киева Мономах ответил отказом «и не поиде жаляси по братью». В. Сергеевич объясняет этот отказ тем, что по Любечскому съезду Мономах не имел никакого права на Киев и не решался нарушить договор князей. Чтобы заставить его все же нарушить крестное целование, киевляне посылают вторичное приглашение, сопровождавшееся рассказом о восстании и о возможной картине анархии в случае нового отказа. Владимир занимает Киев по крайней необходимости, как избранник народа. В силу народной воли утвердилось в Киеве потомство третьего сына Ярослава Владимировича⁵⁵.

И. Линниченко отмечал, что после смерти Святополка киевляне собираются на вече и посылают звать Владимира на Киевский стол, а сами между тем расплачиваются по старым счетам с приверженцами умершего князя⁵⁶. Тезис — кияне, грабящие дворы, и кияне, приглашающие князя, суть одно и то же — подержал в советское время М. Н. Тихомиров⁵⁷.

Кто же эти киевляне, которые приглашали Владимира в Киев, и в какой мере занятие им великокняжеского стола было

⁵³ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания..., стр. 94.

⁵⁴ Там же, стр. 99.

⁵⁵ В. Сергеевич. Указ. соч., стр. 7—8.

⁵⁶ И. Линниченко. Указ. соч., стр. 29.

⁵⁷ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания..., стр. 133.

результатом проявления воли народа? Обратимся к летописному тексту. Уже начало его свидетельствует о том, что судьбу киевского стола решал не народ, а лишь верхушка киевского общества. «Наутрия же, въ семы на 10 день, свѣтъ створиша Кияне, послаша в Владимиру, глаголюще: „поиди, княже, на столъ отенъ и дѣдень“»⁵⁸.

На совете, даже не на вече, решают киевляне вопрос о преемнике Святополка. Отказом Владимира воспользовались низшие слои киевского населения и начали сводить счеты с партией ненавистного им князя и еврейскими купцами-ростовщиками, находившимися под его покровительством. Начало восстания вовсе не угрожало партии Мономаха и, можно думать, проходило если не с одобрения, то по крайней мере с молчаливого ее согласия. Как свидетельствует Печерский Патерик, «в дѣни княжения своего Кieve Святополк Изяславич много насилie сотвори и домы сильных искорени без вины, имени многим отѣм. Сего ради бог попусти поганым силу имети на нь. И быша рати многи от половець, к сим же и усобице, и бы в та времена глад крепок и скудоста»⁵⁹. Рассказы летописи и Патерика, по-видимому, свидетельствуют о проведении Святополком политики расширения прав рождающегося сословия киевского общества (купцов, ростовщиков, крупных ремесленников) и преодоления естественного сопротивления крупных феодалов. Следовательно, она не удовлетворяла ни демократические низы, непосредственно соприкасавшиеся с хищными повадками нового сословия, ни феодальные верхи Киева, не желавшие уступать своего извечного руководящего влияния в государстве.

Во время восстания феодальная верхушка, которую летопись упорно именует общим словом «кияне», снова посылает послов к Владимиру Мономаху. В повторном обращении к нему, произнесенном в действительности или же сочиненном летописцем для достижения эффекта всенародного признания, весьма отчетливо видны различия действующих лиц. Приглашающие заявляют, что если Владимир снова откажется прийти в Киев, «то вси яко много зло уздвигнется, то ти не Путятинъ дворъ, ни соцькихъ, но и жиды грабити, и паки ти поидуть на ятровь твою и на бояры и на манастирь, и будеши отвѣтъ имѣль»⁶⁰.

Следовательно, летописец представляет себе, что кияне, приглашающие Владимира, и кияне, грабящие дворы княжеской администрации и купцов-ростовщиков, принадлежат к разным социальным сословиям. Конечно, широкие демократические низы Киева при той огромной популярности Мономаха могли желать его прихода в Киев, но решалось это без них и считать Влади-

⁵⁸ «Летопись...», стр. 198.

⁵⁹ «Печерский Патерик», стр. 206—207.

⁶⁰ «Летопись...», стр. 198.

мира Мономаха избранником народа на великокняжеском столе можно только по недоразумению.

В повторном обращении киевлян к Владимиру звучит угроза об ответственности за последствия народного волнения в Киеве. Что это, обыкновенный шантаж, призванный ускорить приезд Мономаха, или же беспокойство за свою собственную судьбу, которая в случае продолжения и расширения восстания не была бы в безопасности? Вероятно и то, и другое. Партия крупных феодалов не была, да и не могла быть заинтересована в расширении восстания, которое уже разгромом княжеской администрации и ростовщиков выполнило их конечную цель. Теперь в Киеве должна была утвердиться сильная власть, которая бы подавила восстание. Знать рассчитывала, что Мономах сумеет это сделать, «да вышед, устави кромолу, сушую в лядѣх». Составитель «Сказания о Борисе и Глебе» подчеркивает, что надежды эти оправдались⁶¹. Избранник народа действительно умирляет народное восстание: «И вышѣд утоли метежъ и гълку в людѣхъ»⁶².

Рассказ о восстании 1113 г. чрезвычайно интересен тем, что в нем впервые отражено прежде всего столкновение ремесленно-торговых низов Киева с рождавшимся и усиливающимся сословием их непосредственных эксплуататоров, т. е. торгово-ремесленной знатью. Неупорядоченной бесконтрольной деятельностью ростовщиков, купцов-менял, крупных ремесленников, вызывавшей недовольство киевлян, были обеспокоены и наиболее здравомыслящие представители господствующего класса⁶³. В результате появился знаменитый устав Мономаха об ограничении прав ростовщиков, утвержденный на совещании в Берестове, где кроме самого Владимира приняли участие киевский, белгородский и переяславский тысяцкие, «муж» князя Олега Черниговского и еще два представителя феодальной знати.

Особой активизацией вечевой деятельности в Киеве характеризуется середина XII в. В 1146 г., чувствуя близкий конец, Всеволод Ольгович пытается передать великокняжеский стол своему брату Игорю и закрепить эту передачу посредством вечевого согласия. С этой целью он собирает под Вышгородом вече и объявляет ему свое решение: «азъ есмь велми боленъ, а се вы брать мой Игорь, имѣтєсь по нь». Они же [кияне.— П. Т.] рекоша: «княже! ради, ся имемь»⁶⁴. Вместе с Игорем киевляне отправляются в Киев и собирают под Угорским новое вече, по-видимому, более представительное и снова приносят присягу Иго-

⁶¹ Л. В. Черепнин. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская правда..., стр. 235.

⁶² «Жития святых мучеников Бориса и Глеба»..., стр. 64.

⁶³ Л. В. Черепнин. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда..., стр. 237.

⁶⁴ «Летопись...», стр. 229.

рю. «И пояша Игоря в Киевъ, иде с ними подъ Угорский, и съзва Киянь вси; они же вси цѣловаше к нему крестъ, рекуче: „ты нам князь“, и яшася но нь лестью»⁶⁵. Уже в этих первых сообщениях о присяге Игорю много неясного, недоговоренного. Непонятно, почему киевляне собираются не в центре города, а в районе Угорского, загадкой звучат слова «и яшася но нь лестью», не ясно также, кто скрывается под термином «кияне вси». Однако еще более загадочными выглядят последующие события. Утром следующего (после вече под Угорским) дня Игорь едет к Вышегороду принимать присягу. В тот же день умирает Всеволод, Игорь возвращается в Киев и уже в ранге великого князя созывает на Ярославов двор новое вече. «И созва Кияне вси на гору на Ярославль дворъ, и цѣловавше к нему хрестъ». Только закончилось вече на Ярославовом дворе, как на Подоле, у Туровой божницы собирается еще одно вече. «И паки скупилася вси Кияне у Туровы божьницъ, и послаша по Игоря, рекуче: „княже! поѣди к намъ“. Игорь же, поемъ брата своего Святослава, и ѣха к ним и ста съ дружиною своею а брата своего Святослава посла к нимъ у вѣче»⁶⁶. Киевляне излагают Святославу свои обиды, которые они терпят от тиунов Ратши и Тудора Вышгородского, и берут с него клятву, что впредь над ними не будет никакого насилия. «Святославъ же съсѣдъ с коня, и на томъ цѣлова хрестъ к нимъ у вѣчи; Кияне же вси, съсѣдше с конь, и начаша молвити: „братъ твой князь и ты“—и на томъ цѣловаше вси Кияне хрестъ»⁶⁷. Договор Святослава с вечем закрепляют «мужъ лучшѣи» с Игорем, после чего все отправляются на обед. Как считает Л. В. Черепнин, это был сепаратный сговор князей со знатью⁶⁸.

Казалось бы, недоразумения, имевшие место между киевлянами и новым князем, устранены и должно наступить спокойствие в Киеве. Но этого не случилось. Летопись сообщает о последовавшем после этого разгроме дворов Ратши и мечников, а затем и о переговорах киевлян с переяславским князем Изяславом Мстиславичем. «И не угоденъ бысть Кияномъ Игорь, и послашася къ Переяславу къ Изяславу, рекуче: „поиди, княже, къ намъ хочемъ тебе“»⁶⁹.

На первый взгляд действия киевлян не представляются логичными. Ведь Игорь принял все условия киевлян и у последних не было времени убедиться, что он будет их нарушать. Следовательно, решение о неуждности Игоря появилось еще до того, как ему были выставлены условия на вече у Туровой божницы. За

⁶⁵ «Летопись...», стр. 229.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же, стр. 229—230.

⁶⁸ Л. В. Черепнин. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская правда..., стр. 255.

⁶⁹ «Летопись...», стр. 230.

скупыми рассказами летописи о бесконечных обоюдных присягах скрываются сложные противоречия среди феодальной верхушки Киева, борьба партий за своих кандидатов на великокняжеский стол. Выражение летописи «вси кияне», одинаково относящееся и к совещанию под Вышгородом, и под Угорским, и на Ярославовом дворе, и у Туровой божницы, следует понимать не более как литературный оборот летописца. Ни под Вышгородом, ни тем более на Ярославовом дворе не могло собраться скольконибудь значительное число киевлян. Про состав веча в районе Угорского можно догадываться по словам летописца «они же вси цѣловаше к нему крестъ, рекуче: „ты намъ князь“, и яшася но нь лестью»⁷⁰. Фраза летописца полностью выдает, кто скрывается под общим термином «кияне». Конечно же, это не широкие демократические круги. Им незачем было притворяться, у них не могло быть планов на измену. Другое дело боярско-дружинная и ремесленно-купеческая верхушка киевлян. Под влиянием и агитацией сторонников Изяслава Мстиславича она уже решила про себя, кто должен быть князем, отсюда и неисключенность их присяги.

Следующий и последний случай созыва веча в Киеве, зафиксированный летописью, относится к 1147 г. Во время военного похода Изяслава Мстиславича против Юрия Долгорукого обнаруживается, что союзники Изяслава, черниговские князья Владимир и Изяслав Давыдовичи, хотели убить великого киевского князя. Был ли этот замысел у черниговских князей на самом деле или эта версия была сочинена самим Изяславом, мы не знаем. Знаем только, что Изяслав спешит поделиться этой новостью с киевлянами и посылает в Киев своего посла⁷¹: «В то же время Изяславъ посла Киеву къ брату своему Володимиру, того бо бяшетъ оставилъ Изяславъ в Киевъ, и къ митрополиту Климови, и къ Лазореви тысячскому, и рече имъ: „созовите Кияны на дворъ къ святѣй Софѣи, ать мой посолъ молвить рѣчь мою к нимъ, и скажетъ лѣсть черниговскихъ князей“. Кияномъ же всимъ съшедшимся отъ мала и до велика к святѣй Софѣи на дворъ вѣставшемъ же имъ вѣ вѣчи»⁷². Снова в который раз уже состав веча скрыт летописцем общей фразой «кияномъ же всимъ съшедшимся». М. Тихомиров не может согласиться с С. Юшковым, что здесь речь идет о представителях феодальных верхов. «Неужели все киевляне от мала до велика,— спрашивает он,— могут быть причислены только к феодальным верхам»⁷³. Считаю, что более правомерным тут был бы другой вопрос:

⁷⁰ Там же, стр. 229.

⁷¹ Согласно сообщению Московского летописного свода конца XV в. Изяслав направил в Киев «два мужа Добрынку и Радила» ((ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 41).

⁷² «Летопись...», стр. 245—246.

⁷³ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, стр. 156.

«неужели, сравнительно небольшой двор св. Софии смог вместить все население Киева?» Совершенно очевидно, что здесь или обычный летописный стереотип или же это выражение должно было означать, что на вече собрались в полном составе все, кто должен был присутствовать на нем.

Как видим, вече у Софии собирается по воле великого киевского князя Изяслава, а руководят им князь Владимир, митрополит Клим и тысяцкий Лазорь. Интересно также, что и в этом случае летопись не говорит о каком бы то ни было обсуждении вопросов. Даже призыв неизвестного человека — убить Игоря — не подвергся обсуждению. В. Сергеевич объяснял это лаконичностью летописи⁷⁴, но, думается, что прежде чем выносить тот или иной вопрос на вече, он решался в узком кругу, на совете князя с боярами, или же определенной группы бояр между собой, как это было с призыванием в Киев Владимира Мономаха и Изяслава. Вече не решает, оно лишь, если можно так выразиться, ратифицирует эти решения, выступая таким образом не органом народовластия, а послушным придатком княжеско-боярской власти, действующим во всех случаях в интересах тех или иных группировок господствующего класса.

Так было и на этот раз. Неизвестный человек (странно, что летопись не донесла до нас его имя), несомненно, из близкого окружения Изяслава, предлагает убить Игоря Ольговича, мотивируя это тем, что после ухода всех сторонников великого князя из Киева Игорь может причинить много неприятностей городу. При этом он приводит параллель с событиями 1069 г. Дальнейшие события разворачивались столь стремительно, словно промедление с убийством Игоря грозило и поражением Изяслава, и несчастьем для Киева. Летописец отмечает протесты Владимира, митрополита и тысяцкого против убийства Игоря, но они были (если вообще были) столь неэнергичны, что не воспринимались всерьез.

М. Тихомиров, утверждая классовый характер и этого выступления киевлян, мотивирует его полной беспомощностью княжеских людей при попытке спасти Игоря. Странно только, что его, равно как и многих других исследователей, нисколько не смутило то обстоятельство, что княжеские люди, в частности Владимир, ехавший на коне, подоспели к месту событий позже пеших киевлян.

На первый взгляд может показаться, что киевляне, притесняемые Всеволодом Ольговичем, решили отомстить его брату. В этом был смысл, если бы они поступили так годом раньше, когда Игорь вынужден был уступить стол Изяславу. Теперь же благочестивый монах Федоровского монастыря для простых киевлян никакой угрозы не представлял. Он уже не мог, как, впро-

⁷⁴ В. Сергеевич. Указ. соч., стр. 20.

чем, и не успел, ни угнетать, ни притеснять. Возможность повторения ситуации 1069 г. пугала лишь Изяслава и его сторонников. Это они решили избавиться от Игоря, но чтобы княжеская кровь не обагрила их руки и не запятнала честь, делают это именем да и руками народа.

В словах Изяслава: «суть не мене одного хотѣли убити, но и васъ искоренити»⁷⁵, — произнесенных его послами на вече, Л. В. Черепнин видит стремление черниговских князей к искоренению вечевых порядков в связи с их тенденцией превратить Киев в свою наследственную вотчину. «Ведь нельзя же думать, — замечает исследователь, — что речь шла об уничтожении всего киевского населения»⁷⁶.

Думаем, что замыслы Ольговичей, имевших такие же правопорядки в своем Чернигове, какие были и в Киеве, едва ли могли простирались столь далеко. Об изменении существовавших правопорядков в Киеве Ольговичи не могли и мечтать. Ликвидация вечевого уклада как органа феодального управления (своеобразной боярской оппозиции) не была под силу никакому князю, тем более в условиях отсутствия твердой монархической власти в стране. Вероятнее всего, слова Изяслава были адресованы участникам веча и обозначали искоренение в Киеве партии Изяслава Мстиславича, которая лишила Ольговичей Киева и, несомненно, верховодила на вече у Софии. Последнее представлялось Ольговичам делом, если не реальным, то крайне желательным.

В призыве неизвестного, по мнению Л. В. Черепнина, речь шла не только об убийстве Игоря, но и об уничтожении той социально-политической системы, которую хотели установить князья Ольговичи. И снова едва ли убийство Игоря преследовало такую далеко идущую цель, как уничтожение какой-то особой социально-политической системы, какую несли Киеву Ольговичи⁷⁷. Во-первых, Всеволод Ольгович, будучи великим киевским князем, ничем не отличался от своего предшественника Ярополка, а затем и от своего преемника Изяслава. Политикой Всеволода Ольговича были неудовлетворены даже братья, обвиняя его в стремлении дружить с Мономаховым племенем. Во-вторых, убийство Игоря все равно не избавило Киев от других претендентов династии Ольговичей.

Таким образом, вспыхнувшее после веча на дворе у св. Софии народное волнение, в результате которого пролилась княжеская кровь, не было ответом трудовых низов Киева на угнетение своих господ. Его организовали, а затем и спровоцировали, проводя через решение веча, представители правящей Изяславовой партии. Летопись возлагает вину за убийство Игоря на

⁷⁵ «Летопись...», стр. 246.

⁷⁶ Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 256.

⁷⁷ Там же, стр. 257.

«людей», в которых М. Тихомиров видел массу городского населения. Но, как нам кажется, этим не подчеркивается классовый характер восстания, а лишь делается попытка (правда, безуспешная) убедить современников в непричастности к этому убийству Изяслава.

Последнее летописное упоминание о народном восстании в Киеве относится к 1157 г. Началось оно, как и восстание 1113 г., сразу же после смерти непопулярного в народе великого князя Юрия Долгорукого. О размахе и социальном характере этого восстания исчерпывающее представление дает летопись. «И много зла створися въ тѣ день: разграбиша дворъ его [Юрия Долгорукого.— П. Т.] красный и другой дворъ его за Днѣпромъ разграбиша, его же зващеть самъ раемъ, и Василковъ дворъ сына его разграбиша в городъ; избивахуть Суждалци по городамъ и по селомъ, а товаръ ихъ грабяче»⁷⁸. Восстание 1157 г., направленное против сторонников умершего князя, преимущественно выходцев из Ростово-Суздальской земли, не ограничилось Киевом, но перекинулось и на другие города и села Киевщины. Это был закономерный ответ местного населения на чрезмерное усиление, а возможно, и засилие в Киеве и Киевской земле администрации суздальского происхождения. В ее разгроме была, несомненно, заинтересована и местная земельная знать, поскольку видела в ней основного конкурента в борьбе за власть. Скоропостижная смерть Юрия Долгорукого, последовавшая после банкета у киевского вельможи Петрила, дает основания к такому выводу.

Рассмотренные случаи деятельности киевского вече убеждают нас в том, что этот, уходящий своими корнями еще в догосударственный период институт никогда не был органом народо-власти, широкого участия демократических низов в государственном управлении. В летописных известиях о киевском вече достаточно отчетливо видно, что руководящая роль и преимущественное представительство в нем принадлежали верхам древнекиевского населения. Несомненна также зависимость вече и от великокняжеской власти, впрочем, при слабом монархе на киевском столе зависимость могла быть и обратная. Другими словами, в Киеве сосуществовали, дополняя друг друга, а нередко и вступая в противоречия, орган феодальной демократии (вече) и представитель монархической власти (великий князь).

Могли ли принимать участие на вечевых собраниях представители широкой демократии? Вероятно, могли, хотя и далеко не на каждом. Но их роль ограничивалась лишь ролью статистов в массовых сценах разыгрывавшихся князьями и феодальной знатью политических спектаклей.

Почти каждое из рассмотренных вечевых собраний заканчи-

⁷⁸ «Летопись...», стр. 336.

валось вспышками народных восстаний, которые рассматриваются в исторической литературе как антифеодальные движения с четкой расстановкой классовых сил. В недавно вышедшей работе Н. Л. Подвигиной о классовой борьбе в Новгороде отмечается, что какое бы направление ни удавалось правящей группировке придать народным восстаниям, они прежде всего носили характер протеста против феодального гнета, против тех социальных основ, на которых покоилось здание Новгородской республики⁷⁹. Вряд ли этот вывод, если он вообще верен, может быть применен и к Киеву. Народные движения Киева (да, вероятно, и других крупных городов Руси) при отсутствии внутренней социальной дифференциации не могли выставить сколько-нибудь четких классовых требований, а следовательно, и не были направлены против социальных основ существующего строя. Низы Киева XI—XIII вв., имевшие, безусловно, разные с господствующим классом интересы, все же не представляли собой самостоятельной общественной силы. Они не могли выработать сколько-нибудь серьезных политических лозунгов и выделить из своей среды организаторов восстаний. Народные движения в Киеве начинались всегда в результате подстрекательства одной феодальной группировки против другой, руководящей силой имели одну из них, а следовательно, и не имели какой-либо широкой классовой платформы. Следует учесть также и то, что в Киеве с большим процентом привилегированного населения и еще не расслоившимся сословием ремесленников и торговцев, обедневшая часть которых в будущем станет основной силой классовых восстаний в городах, такой платформы и не могло быть. Интересы же двух основных классов Киевской Руси (борющихся из-за земли) — феодалов и крестьянства меньше всего сталкивались в таких крупных городах, как Киев с его феодально-дружинным, с одной стороны, и купеческо-ремесленным населением; с другой. Именно в силу этих причин на данном этапе развития древнерусского общества крестьянские движения обнаруживали и более организованные и более зрелые формы классовой борьбы, чем это наблюдается в городах.

Анализ летописных источников позволяет заключить, что вечевые собрания и следовавшие за ними выступления киевлян обнажают перед нами все обострившиеся противоречия внутри класса феодалов, боровшегося за власть, иногда киевских крупных торговцев и ремесленников. Эти противоречия, и в этом их исторически прогрессивное значение, вызывали к жизни объективно существовавшие (заложенные в самом строе) противоречия между господствовавшим классом и киевскими низами.

⁷⁹ Н. Л. Подвигина. Классовая борьба в Новгороде в конце XII — начале XIII в. ВМГУ, 1968, сер. история, № 6, стр. 64.

ИЗВЕСТИЯ НЕМЕЦКИХ ИСТОЧНИКОВ
О РУССКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
КОНЦА X — НАЧАЛА XII В.

Польско-русские отношения конца X — начала XII в. занимали большое место во внешнеполитической жизни обоих государств. Заключение брачных союзов великокняжеских домов и политические договоры, военные столкновения и союзные выступления в войнах свидетельствуют о разнообразии форм политических контактов двух стран. Следует отметить, что, несмотря на тенденцию разрешать конфликты между князьями военным путем (это характерная черта сосуществования феодальных государств), и на Руси, и в Польше сохранилась идея единого славянского происхождения обоих народов¹, и в течение всего рассматриваемого периода существовали прочные экономические связи, выражающиеся прежде всего в постоянной торговле².

Изучению польско-русских отношений конца X — начала XII в. прежде всего в русской и польской историографии было посвящено значительное количество специальных работ и отдельных разделов в монографических исследованиях. В СССР и в народной Польше были написаны работы, посвященные изучению этой темы с совершенно иных методологических позиций, чем в буржуазной историографии. Если для последней было характерно сводить историю польско-русских отношений к истории войн или к истории династических союзов, то для польской и совет-

¹ В. Д. Королюк. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964, стр. 27—30; он же. О славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в XI—XII вв. ССЛ., Минск, 1969, стр. 530—533; он же. К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян XI—XII вв. В кн. «История, культура, фольклор и этнография славянских народов». М., 1968, стр. 98—113; В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, стр. 31; он же. Русско-польские взаимоотношения (с середины XI в. до монгольского нашествия) в связи с политикой Германской империи. В кн. «Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения». М., 1968, стр. 15—16.

² St. Alexandrowicz. Stosunki hand. we polsko-ruskie do roku 1240. «Zeszyty naukowe uniwersytetu im. A. Mickiewicza», N. 14, z. 3. Historia. Poznań, 1958, s. 21—68; В. М. Потин. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968, стр. 172—188.

ской марксистской историографии указанные выше виды отношений были лишь эпизодами в сложных и многосторонних контактах двух стран, которые являлись составной частью политических отношений в системе государств Центральной и Восточной Европы.

Наряду с принципиально новой постановкой проблем в польской и советской историографии продолжалось изучение отдельных фактов из истории польско-русских отношений конца X — начала XII в. или письменных источников, в которых эти факты сообщаются. Этот метод изучения проблемы позволяет уточнить смысл содержания письменных источников, что совершенно необходимо для создания широких полотен исторических исследований. Наряду с изучением отдельных фактов или известий источников по истории польско-русских отношений конца X — начала XII в. существенным представляется рассмотрение группы письменных памятников одной из стран Центральной или Восточной Европы, содержащих комплекс известий о политических контактах Руси и Польши.

Особое значение для исследования польско-русских отношений конца X — начала XII в. имеют немецкие источники, написанные на латинском языке и близкие по времени к происходившим событиям. Их значение определяется прежде всего тем, что в конце X — первой половине XI в. в Германии существовала развитая хронография и анналистика, в то время как на Руси летописание только еще начиналось, а в Польше записи о происходивших в это время событиях были сделаны лишь через столетие. Изучение сообщений о польско-русских контактах в немецких источниках позволяет проследить особенности отражения сведений о политических отношениях двух государств в письменных памятниках третьей страны, то принимающей в них участие, то наблюдающей за ними, что в свою очередь позволяет определить отношение немецких светских феодалов и церковных кругов к русско-польским отношениям. Записи немецких источников позволяют проверить достоверность русских и польских летописных записей. Наконец, они существенно дополняют своими сведениями картину польско-русских отношений конца X — начала XII в., поэтому необходимо обратить специальное внимание на происхождение этих источников.

Несмотря на то что немецкие источники использовались для изучения русско-польских отношений уже в трудах Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева и впоследствии обязательно привлекались при исследовании данной темы, специального обзора этого вида источников не было сделано. Выполнение этой задачи и является целью этой статьи.

В хронологическом отношении первое известие о русско-польских отношениях находится в Хильдесгеймских анналах. Эти анналы имеют довольно сложное происхождение. Как установил

Л. Троделиус³, первая часть этих анналов до 974 г. основывается на Херсфельдских анналах, которые были доведены до 984 г. В 974 г. Херсфельдские анналы попали в Хильдесгейм, где были продолжены до 1040 г.⁴, в то время, как в Херсфельде анналистическая традиция приостановилась в 984 г. Вопрос об авторстве Хильдесгеймских анналов не решен окончательно, поскольку характер памятника очень сложен: значительный хронологический промежуток охваченных событий (974—1043), большие лакуны в тексте, стилистическая нечеткость отдельных частей анналов и т. д. Поэтому вопрос об авторстве можно считать открытым, хотя по этому поводу есть различные точки зрения⁵. Из анализа анналов ясно, что автор (или авторы) Хильдесгеймских анналов постоянно занимали прокайзеровскую позицию и, что нас особенно интересует, пристально следили за событиями в восточной части немецких земель и в смежных с ними восточных странах⁶.

Под 992 г. в Хильдесгеймских анналах записано: «Король Оттон с сильным отрядом своих (воинов) снова пришел в Бренанбург, и прибыли к нему Генрих, герцог Баварский, и Болеслав, князь Чешский, в помощь королю с огромным количеством воинов. Болеслав же, сын Мешко, ни коим образом не хотел сам прийти к господину королю — ведь ему предстояла⁷ великая война против русских. Своих воинов, в достаточной степени верных ему, он послал в помощь королю»⁸.

Данное сообщение является уникальным. Его появление можно объяснить особым интересом анналов к отношениям короля с соседними славянскими государствами. Согласно прямому смыслу этого известия, Болеслав Храбрый лишь частично выполнил вассальную обязанность явиться к королю во главе войска: он прислал своих воинов, но сам явиться не смог, поскольку

³ L. Tradelius. Die grösseren Hildesheimer und ihre Ableitungen. Berlin, 1936; см. также: G. Waitz. Ueber die sogenannten Annalen Ottenburani und die Annales Elwagenses. «Nachrichten von der K. Gesellschaft der Wissenschaften und der Georg — August — Universität», N 19. Göttingen, 1866, S. 303.

⁴ M. Manitius. Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters, Bd. II. München, 1923, S. 283—284; H. Lorenz. Deutsche Jahrbücher von Hersfeld nach ihren Ableitungen und Quellen untersucht und wiederherstellt, 1885; H. Bresslau. Beiträge zur Kritik deutschen Geschichtsquellen. «Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde» (далее — NA), Bd. 2, Hannover, 1876, S. 541—554.

⁵ Ср. L. Lenssen. Beiträge zur Kritik der Hildesheimer Geschichtsquellen des 11. Jahrhunderts. Tübingen, 1878, S. 25; H. Bresslau. Jahrbücher der Deutschen Reichs unter Konrad II. Bd. 1. Leipzig, 1879, S. 357—360; J. R. Dieterich. Streitfragen der Schrift- und Quellenkunde des deutschen Mittelalters. Marburg, 1900; L. Tradelius. Op. cit., S. 48.

⁶ L. Tradelius. Op. cit., S. 48.

⁷ Е. Винкельман переводит глагол — «imminebat» — «bevorstand» — «предстояла» (Die Jahrbücher von Hildesheim, übers. E. Winkelmann. Die Geschichtsschreiber der deutschen Vorzeit. Berlin, 1862, S. 17). Перевод словом «угрожала» имеет иной смысловой оттенок.

⁸ MGHSS, III, p. 69.

(видимо, это официальная мотивировка) ему предстояла война против Руси.

Уже С. М. Соловьев отметил⁹, что известие Хильдесгеймских анналов о военном конфликте в 992 г. между Польшей и Русью дополняется сообщением «Повести временных лет» о завоевании Владимиром в этом же году хорватских земель: «Иде [Володимер] на хорваты. Пришедшу бо ему с войны хорватския...»¹⁰ Отсюда был сделан вывод, что из-за Хорватии между Польшей и Русью произошло военное столкновение. Это мнение и было принято в основном в последующей историографии.

Сообщения Хильдесгеймских анналов и «Повести временных лет» затрагивают большой комплекс проблем раннего периода политических отношений Руси и Польши¹¹. По нашему мнению, основное содержание этих известий состоит в том, что Владимир Святославич, укрепившись на западных рубежах на территории Червенских городов, завоеванных в 981 г., подчинил своему влиянию земли хорват. Болеслав Храбрый со своей стороны, опасаясь дальнейшего усиления Руси на землях, близких к Польше, стремился противостоять усилению русского влияния на западе. Неизвестно, боролся ли Болеслав за господство над хорватскими племенами, или он опасался, что поход Владимира Святославича в 992 г. не ограничится покорением хорватов, а затронет земли собственно ляхских племен. Источники не сообщают, дошло ли дело до русско-польского военного конфликта или все ограничилось военными приготовлениями со стороны Болеслава (из анналов не видно, чтобы польский князь нуждался в отговорках за неявку под Бренанбург, потому что войско было им прислано). Во всяком случае рассмотренное известие Хильдесгеймских анналов является первым сообщением источников о том, что два молодых могущественных раннефеодальных государства, Русь и Польша, быстро распространяя сферу своего влияния, приходят к состоянию, близкому к войне.

Развитие назревающего русско-польского конфликта хорошо прослеживается в хронике Титмара Мерзебургского, известия которой наряду с уникальными сведениями содержат данные, отразившиеся в русских и польских источниках. Сообщения о русско-польских отношениях начала XI в. находятся среди многочисленных сведений о соседних славянских государствах. Это объясняется тем, что хронист был епископом самого восточного немецкого епископства — мерзебургского. Епископство в Мерзебурге было восстановлено Генрихом II в особой международной ситуации: в начале XI в. христианский король Генрих II в союзе

⁹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, т. I. М., 1959, стр. 194, прим. 271.

¹⁰ ПСРЛ, т. I. М., 1962, стб. 122.

¹¹ В. Д. Королюк. Западные славяне и Киевская Русь, стр. 100—106.

с язычниками лютичами боролся против христианской Польши, что вызвало осуждение со стороны многих церковных деятелей¹². Для того чтобы поднять престиж короля, для распространения влияния Германии среди славянских народов и для активизации христианской пропаганды была восстановлена мерзебургская епархия. Поэтому ее епископ должен был следить за событиями в соседних славянских странах. Отсюда хорошая осведомленность Титмара о славянах. Его информация тем более ценна, что зачастую исходила от императорского двора, куда мерзебургский епископ имел доступ, так как он сумел стать любимцем архиепископа Тагино, а с его помощью приблизился ко двору Генриха II. Политические успехи и неудачи Германии в славянских странах определили отношение Титмара к народам этих стран. К чехам и лютичам, несмотря на то, что последние были язычниками, мерзебургский епископ относится довольно терпимо, но многочисленные поражения, нанесенные поляками немцам, вызвали у него ненависть к Польше. Это чувство изредка, но проскальзывает на страницах хроники¹³, хотя материал излагается довольно объективно.

Подавляющее большинство сообщений о Руси находится в хронике там, где говорится о деятельности Болеслава Храброго (за политическими, военными, церковными предприятиями этого князя Титмар следил очень внимательно). Часть из них имеет характер слухов, которые дошли до хрониста, другие похожи на официальные сообщения, посланные польским князем Генриху II. Известия о Руси написаны благожелательно, что, видимо, было вызвано союзными отношениями Генриха II и киевского князя Ярослава в их совместной борьбе с Болеславом Храбрым. Э. Доннер не без основания видит в этих записях Титмара сочувствие, положительное отношение к русским и высокую оценку последних¹⁴.

Среди событий, происходивших в 1013 г., мерзебургский хронист записал: «он (Болеслав) напал на Русь при поддержке наших вспомогательных отрядов, и когда он опустошил большую часть той страны, произошла ссора между своими (поляками) и союзными печенегами, и хотя те были его союзниками, приказал всех их перебить»¹⁵. Этот поход явился следствием благоприятной международной обстановки, сложившейся для Польши в 1013 г. После успешных войн в конце X — начале XI в. против Чехии, которые закончились присоединением к Польше краков-

¹² R. Holtzmann. Die Aufhebung und Wiederherstellung des Bistums Merseburg. «Sachsen und Anhalt», Bd. 2. Magdeburg, 1926, S. 73—75.

¹³ L. Koszy. Thietmar i Widukind. «Kwartalnik historyczny», rocz. 50. Lwów, 1936, s. 664.

¹⁴ Э. Доннер. Данные немецких источников раннего средневековья о славянах и программа восточной экспансии Титмара Мерзебургского. СВ, вып. 27. М., 1965, стр. 36—38.

¹⁵ «Thietmari chronicon», VI, 91.

ских земель и распространением польского влияния на Моравию и Словакию, в политике Болеслава Храброго намечается тенденция на восток против Руси. Известно, что раннефеодальные государства в период своего военного могущества стремятся захватить соседние территории во всех направлениях. На западе Польше противостояла мощная Германская империя, проводившая агрессивную политику против славянских государств, и от которой следовало больше обороняться, чем нападать. На юге Болеславу Храброму удалось достигнуть хотя и временного, но успеха (правда, в Чехии этот успех скоро превратился в поражение). Такое международное положение Польши определило тенденцию экспансии на восток¹⁶.

Удачный ход военных действий против немцев способствовал заключению благоприятного для Болеслава мира с Генрихом II в Мерзебурге в конце мая 1013 г.¹⁷ Видимо, организации похода на Русь содействовал германский король. Ему было выгодно отвлечь внимание польского князя на восток, и для того, чтобы утвердить Болеслава в затеянном предприятии, он послал ему вспомогательный отряд немецких воинов. Времени для концентрации сил против Русского государства было достаточно, так как Болеслав начинал обычно войны в августе—сентябре¹⁸. Как сообщает Титмар, в этой войне была опустошена большая территория. Вероятно, это были земли Червенских городов, которые были завоеваны Владимиром в 981 г. Они были для Руси, говоря современным языком, плацдармом для военных действий против Польши и, в частности, против Малой Польши. В пользу данного предположения свидетельствует то, что в этом походе принимали участие печенеги, следовательно, это был южный район Русского государства; в то же время этот район был близок к территории Польши, отсюда можно сделать вывод, что нападению подверглись земли Червенских городов — юго-западная часть Древней Руси. Предположение о Червенских городах как о цели похода 1013 г. подтверждает и тот факт, что после успешных военных действий на Руси в 1018 г. Болеслав захватывает именно Червенские города¹⁹.

К этому же времени приблизительно относится указание на женитьбу Святополка Владимировича на дочери Болеслава

¹⁶ В. Д. Королук справедливо обращает внимание на следующую характерную черту территориального развития Древнепольского государства в начале XI в.: «неоднократные попытки польских феодалов распространить свою власть за пределы этнографически польских земель приносили им лишь кратковременный успех и завершались в конце концов полной неудачей» (В. Д. Королук. Польша и Германская империя, стр. 8).

¹⁷ «Thietmari chronicon», VI, 91.

¹⁸ А. Nadolski. Polskie siły zbrojne w czasach Bolesława Chrobrego. Łódź, 1956, s. 48.

¹⁹ Уже И. А. Линниченко предполагал, что военные действия Болеслава в 1013 г. проходили на территории Червенских городов (И. Линниченко. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст., ч. I. Киев, 1884, стр. 83).

Храброго. На это событие Титмар вкратце указывает в IV книге хроники, обещая вернуться к данному событию позднее и в VII книге останавливается на нем более подробно: «...он (Владимир) дал одному из них (своих сыновей) дочь князя Болеслава, нашего преследователя, при которой был послан из Польши Рейнберн, епископ из Колобжега... Когда вышеназванный король (Владимир) услышал, что его сын, побуждаемый Болеславом, тайно готовится ему сопротивляться, он схватил и епископа, и сына с женой и запер (их) в одиночном заключении... Болеслав, узнав обо всем этом, не переставал мстить»²⁰.

Анализ данного сообщения представляет большие трудности, так как других источников, сообщающих об этих событиях, нет. С легкой руки Р. Репеля распространилось мнение, согласно которому был заключен брак между Святополком и дочерью Болеслава, затем произошел арест супругов и Рейнберна по подозрению в заговоре, что вызвало поход Болеслава в 1013 г. Это и была месть польского князя²¹. Уже И. Карлович повторяет это мнение, а для последующих исследователей такой ход событий был уже очевиден. Они стремятся лишь уточнить даты событий²². При таком ходе рассуждений было совершенно очевидно, что свадьба Святополка и дочери Болеслава имела место до 1013 г. Однако главный аргумент здесь — *terminus ante quem*²³.

В историографии есть и другое мнение. Исходя из анализа хроники Титмара, И. А. Линниченко предположил, что брак Святополка и дочери Болеслава явился результатом примирения после похода польского князя на Русь в 1013 г.²⁴ По нашему мнению, это предположение более предпочтительно. Впервые Титмар пишет о женитьбе Святополка на дочери Болеслава в 58-й главе четвертой книги и обещает в дальнейшем вернуться к этому событию. Эта часть книги вместе с пятой книгой была написана в 1014 г.²⁵ Главы 55—75 четвертой книги были написаны без позднейших добавлений и переработок²⁶ (главы указаны по изданию Р. Хольцмана и следующему за ним переизданию В. Трильмиха). Следовательно, в 1014 г. Титмар знал что-то интересное о браке Святополка и польской княжны и обещал об этом рассказать подробнее. В 1015 г. хронист пишет в 91-й главе

²⁰ «Thietmari chronicon», VII, 72, 73.

²¹ R. Roepell. Geschichte Polens, Bd. I. Hamburg, 1840, S. 145.

²² A. F. Grabski. Studia nad stosunkami polsko-ruskimi, s. 172, 182; В. Д. Корольюк. Западные славяне и Киевская Русь, стр. 222.

²³ A. F. Grabski. Studia nad stosunkami polsko-ruskimi, s. 172.

²⁴ И. Линниченко. Взаимные отношения Руси и Польши, стр. 47.

²⁵ F. Kurze. Abfassungszeit und Entstehungsweise der Chronik Thietmars. NA, Bd. 14. Hannover, 1888, S. 81; W. Wattenbach. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, Bd. I. Berlin, 1893, S. 358.

²⁶ F. Kurze. Abfassungszeit, S. 81—82.

шестой книги о походе Болеслава на Русь в 1013 г., но не рассматривает этот эпизод как месть Владимиру за арест. Только в конце седьмой книги мерзебургский епископ выполняет свое обещание и рассказывает о событиях, последовавших за этой свадьбой. Из такого порядка изложения фактов следует, что для Титмара поход 1013 г. и арест супругов были самостоятельными, не связанными друг с другом событиями, причем военные действия предшествовали и свадьбе Святополка с дочерью Болеслава, и их аресту²⁷.

Если наше предположение верно, то можно реконструировать ход событий в такой последовательности. После успешного заключения мерзебургского мира в мае 1013 г. Болеслав начал военные действия против Руси. Неудача в походе на Русь в 1013 г. показала, что отторгнуть территории от сильного восточнославянского государства можно только после длительной подготовки. Поэтому польский князь ищет сторонников на Руси и прежде всего в семье князя Владимира. Свадьба Святополка и дочери Болеслава была удобным случаем для осуществления этого плана. Не случаен выбор Болеславом зятя: во-первых, Святополк был в недружественных отношениях с Владимиром, во-вторых, его город Туров находился на важном военном и торговом пути между Русью и Польшей, в-третьих, зависимость Туrows от польского князя позволяла ему овладеть Червенскими городами²⁸.

Святополк оправдал надежды тестя. Как сообщает Титмар, он, его жена и епископ Рейнберн стали организаторами заговора против Владимира. Болеслав был удовлетворен таким решением проблемы отношений с Русью. Это видно из того, что он пошел на разрыв мерзебургского мира²⁹. Владимир, со своей стороны, подготавливал себе в преемники сына от «болгарыни» Бориса, который пользовался в Киеве авторитетом и любовью в отличие от Святополка³⁰. Последний, обладая поддержкой Болеслава, приготовился к борьбе с отцом, но был арестован, вероятнее всего, в 1014 г. вместе с женой и Рейнберном. У исследователей нет единого мнения в отношении определения органи-

²⁷ В пользу нашей датировки свидетельствует также следующее известие Титмара: «После этого (ареста) престарелый король (Владимир) умер, оставив двум сыновьям все свое наследство. Третий же, находившийся до тех пор в тюрьме, позднее освободившись, бежал, и, оставив там жену, ушел к тестю» («Thietmari chronicon», VII, 73). Из этого сообщения явствует, что для Титмара между арестом и смертью Владимира прошел небольшой промежуток времени. Показательно, что хронист здесь не указывает на военные действия 1013 г. в промежутке между арестом и смертью Владимира.

²⁸ A. F. Grabski. Studia nad stosunkami polsko-ruskimi. s. 174—176.

²⁹ M. Z. Jedlicki. Układ Merseburgski z roku 1013. Przegląd zachodni, t. 7—8. Poznań, 1952, s. 767.

³⁰ А. А. Шахматов. Разыскания с древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 73.

затора заговора. Ст. Закшевский полагал, что активную роль в организации заговора сыграла пропаганда католичества Рейнберном, и Святополк, хотя и не был политиком, поддерживал сторонников этой религии³¹. Б. Я. Рамм еще больше усилил роль Рейнберна в заговоре. По его мнению, если в интересах польского короля он старался посеять распри в великокняжеской семье, то в интересах папской курии он всячески старался насадить католицизм на Руси³². Следует учесть, однако, что Титмар, единственный, кто пишет об этих событиях, не связывает деятельность Рейнберна с папой, а подчеркивает, что именно Болеслав вытасил епископа из захолустного Колобжега и направил на Русь с польской княжной. М. С. Грушевский считал инициатором и руководителем заговора Болеслава, стремившегося ослабить русское государство посредством раздоров в семье князя Владимира³³. В. Д. Королюк полагает напротив: Болеславу в 1010—1012 гг. было не до Руси, а слабые римские папы завязли в итальянских делах, поэтому единственным организатором заговора был Святополк³⁴.

Несмотря на некоторую односторонность, по нашему мнению, все авторы в значительной степени правы. Союз Болеслава и Святополка оказался не случайным, дальнейшие события показали, что обе стороны нуждались друг в друге. Рейнберн также приложил немало усилий в укреплении этого союза и в активизации деятельности заговорщиков. В этом убеждает смерть епископа в тюрьме (эта смерть наводит на подозрение в его умерщвлении). Сомнительными представляются только предположения о его активной католической пропаганде, так как, кроме общих соображений, нет никаких доказательств. Заявление Титмара о том, что инициатором заговора и его движущей силой является Болеслав, указывает на главное заинтересованное лицо в этом заговоре. Не следует принижать и роль Святополка в этом заговоре. В действиях туровского князя сказывается, видимо, тенденция к децентрализации власти в древнерусском государстве. Характерно в этой связи, что в 1014 г., в том же году, что и Святополк, по нашему предположению, в Новгороде восстает другой сын Владимира — Ярослав.

Титмар сообщает в хронике, что Святополк бежал к тестю в Польшу, и дополняет это известие ценными сведениями о нападении Ярослава в 1017 г. на город, принадлежащий Болеславу, причем русский князь заранее договорился, как указывает хронист, о военных действиях с Генрихом II³⁵. Это сообщение под-

³¹ St. Zakrzewski. *Sole aw Chrobry Wielki*. Lwów — Warszawa — Kraków, 1925, s. 250.

³² Б. Я. Рамм. Папство и Русь в X—XV веках. М. — Л., 1959, стр. 48—49.

³³ М. Грушевский. *Исторія України — Руси*, т. I. У Львові, 1904, стр. 438—439.

³⁴ В. Д. Королюк. Западные славяне и Киевская Русь, стр. 222—229.

³⁵ «Thietmari chronicon», VII, 65.

тверждает и уточняет следующую запись Новгородской I летописи под 1017 г.: «Ярослав иде к Берестию»³⁶, что было отмечено уже Н. М. Карамзиным³⁷. Д. С. Лихачев подвергнул сомнению датировку похода в летописи³⁸, однако А. Ф. Грабский и С. М. Кучинский привели убедительную, на наш взгляд, аргументацию в пользу летописной даты 1017 г.³⁹ Этот поход был совершен, вероятно, в августе—сентябре, поскольку Генрих II узнает о нем в Мерзебурге, куда он приехал 1 октября, как сообщает Титмар, а 1 ноября император был уже в Альштедте⁴⁰.

Титмар был хорошо информирован о киевском походе Болеслава Храброго в 1018 г., стремившегося восстановить Святополка на киевском столе. В седьмой книге хронист записывает известие, которое по лаконизму и победному тону могло бы быть реляцией Болеслава к Генриху II: «Вторгнувшись затем с войском в его (Ярослава) королевство, названный герцог (Болеслав) посадил на трон своего зятя и брата, который долгое время был в изгнании и весело возвратился»⁴¹. Рассказ о Руси и русско-польских отношениях, содержащийся в VII книге, скуп на подробности, передает ход событий вообще, не указывая таких деталей русской жизни, которые могли бы указать на то, что автором этой информации мог быть очевидец. Изложение завершается сообщением о разделе государства между сыновьями Владимира и благочестивым пожеланием, чтобы не сбылось предсказание евангелия о запустении тех стран, в которых дробится центральная власть. Последнее предложение рассказа носит завершающий характер, и совершенно ясно, что каких-либо сведений о Руси хронист больше не имел. Действительно, в восьмой книге речь идет о далеких от Руси сюжетах. Совершенно неожиданно в конце этой книги записан обстоятельный рассказ о походе Болеслава Храброго на Киев в 1018 г. Многочисленные подробности, наполняющие рассказ, выдают в информаторе Титмара непосредственного участника событий. Рассказ записан хронистом полностью. Это следует из того, что в самом конце книги хронист возвращается к событиям в Германии, о которых шла речь до рассказа о киевском походе, не имеющем ничего общего с событиями на Руси. И вместе с тем в рассказе нет описания окончания похода Болеслава и возвращения польских войск домой. Такое изложение заставляет предположить, что Титмару рассказал о событиях киевского похода кто-нибудь

³⁶ «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950, стр. 15, 180.

³⁷ Н. М. Карамзин. История государства российского, т. II, прим. 10.

³⁸ «Повесть временных лет», ч. 2. М.—Л., 1950, стр. 363, 367.

³⁹ А. Ф. Грабский. *Studia nad stosunkami polsko-ruskimi*, s. 197; S. M. Kuczyński. *Stosunki, polsko-ruskie*, s. 244.

⁴⁰ «Thietmari chronicon», VII, 65, 66.

⁴¹ Там же, VII, 65.

из саксонских рыцарей, принимавших в нем участие⁴². Как сообщил информатор хрониста, польский князь после изъявления покорности киевского населения отпустил домой вспомогательные отряды, среди которых были и саксонцы. Польское войско еще осталось в русской столице.

Обстоятельный рассказ Титмара, дополненный сведениями хроника Анонима Галла и «Повести временных лет», дает ясное представление о киевском походе 1018 г. События этого похода хорошо изучены⁴³. Наиболее спорным представляется определение цели похода Болеслава на Киев.

Истинная цель этого предприятия ясно видна из поведения Болеслава в русской столице. Как сообщает Титмар, Болеслав сделал своей наложницей сестру Ярослава — Предславу⁴⁴. Польский князь захватил казну русских князей⁴⁵. Важной политической акцией явился чекан Болеславом так называемых русских денариев, которые были чеканены, вероятно, в Киеве и должны были возвеличить его как суверена Руси. Отсюда становится ясным смысл его посольств к Генриху II в Константинополь⁴⁶. Посольство к Генриху II уверяет германского короля в преданности ему, несмотря на значительные успехи на Руси, с тем, чтобы усыпить его бдительность, в то же время посольство к византийским императорам Василию II и Константину VIII предлагает хорошие отношения и в случае противодействия угрожает Византии⁴⁷. Не случайна оценка этого похода Галлом Анонимом, который писал, что «с этого времени Русь надолго стала данницей Польши»⁴⁸. О подчинении Руси Болеславу сообщают, как указано выше, Кведлинбургские анналы, а позже Адам Бременский также записал, что Болеслав «подчинил всю Славянию, Русь и пруссов»⁴⁹. Отсюда не следует, конечно, что киевский поход был вехой для осуществления мечты Болеслава об объединении под

⁴² Саксонец Титмар называл германских воинов в войске Болеслава «из нашей страны» («Thietmari chronicon», VIII, 32), а в Кведлинбургских анналах прямо говорится о помощи саксонцев Болеславу Храброму («sed et praefatus Bolitzlavus Ruciam auxilio saxonum sibi subegit». MGHSS; III, p. 84).

⁴³ В. Д. Королюк. Западные славяне и Киевская Русь, стр. 234—268.

⁴⁴ «Thietmari chronicon», VIII. Об этом же сообщается в хронике Анонима Галла (Galli chronicon, I, 7) и в реконструируемом А. А. Шахматовым житии Антония (А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 279—280).

⁴⁵ «Thietmari chronicon», VIII. Об этом же сообщает «Повесть временных лет» (ПСРЛ, т. I, стб. 144) и хроника Анонима Галла.

⁴⁶ «Thietmari chronicon», VIII. Впрочем, в исторической литературе существуют самые разноречивые мнения по этому вопросу. Обзор их см. в книге В. М. Потина «Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Историко-нумизматический очерк. Л., 1968, стр. 184—187.

⁴⁷ Подробнее о политике Болеслава Храброго в Киеве и так называемых русских денариях см.: М. В. Swerdłow. Jeszcze o «ruskich» monetach Bolesława Chrobrego. «Wiadomości numizmatyczne», г. XIII, з. 3. Warszawa, 1969, s. 175—180.

⁴⁸ «Galli chronicon», I, 7.

⁴⁹ «Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters» (далее AQdDM), Bd. XI, Berlin, 1961, S. 270.

его началом всего славянства⁵⁰. Эта мысль вульгаризирует и модернизирует суть межгосударственных отношений в тот период без всяких оснований. Действия Болеслава в Киеве отвергают предположение о походе как семейной услуге⁵¹. Идиллическим семейным отношениям противоречит призыв Святополка к «избиению ляхов»⁵². Указанные события в Киеве и отход поляков из Киева как грабителей-завоевателей противоречат, на наш взгляд, мнению В. Д. Королюка, который предположил, что Болеслав стремился раздробить русское государство путем раздела его между двумя-тремя «относительно равносильными властителями»⁵³, тем более что нет сведений о политических переговорах Болеслава с другими князьями Киевской Руси.

Поведение Болеслава в Киеве, политика, проводимая им, и международный резонанс на эти события наглядно свидетельствуют о желании польского князя стать сюзереном Руси, оттеснив Святополка на второй план. Вероятно, когда Святополк увидел, что властолюбивый тесть отводит ему роль пешки в крупной политической игре и план использования поляков только как силы для возведения его на киевский стол провалился, он решил избавиться от союзников, которые стали между ним и властью. Воспользовавшись народным возмущением против захватчиков, Святополк встал во главе этого движения.

Таким образом, известия Титмара Мерзебургского, как дошедшие до него в виде слухов или официальных сообщений к Генриху II, так и рассказ очевидца позволяют не только проследить ход польско-русских отношений начала XI в., но и выяснить суть этих отношений в данный период.

Если мерзебургский хронист сообщил о том, как Болеслав Храбрый, воспользовавшись временным ослаблением русского государства, старался установить сюзеренитет над киевскими князьями, то довольно скоро роли переменялись и немецкий хронист Випо рассказал уже о вмешательстве Ярослава во внутренние дела польских князей.

⁵⁰ R. Jakimowicz. Szlak wyprawy kijowskiej Bolesława Chrobrego w świetle archeologii. «Rocznik wołyński», t. III. Równe, 1934, s. 92.

⁵¹ И. Линниченко. Взаимные отношения Руси и Польши, стр. 100; St. Zakrzewski. Bolesław Chrobry, s. 300.

⁵² ПСРЛ, т. I, стб. 143. В. Д. Королюк склоняется к распространенному в историографии мнению, что известие «Повести временных лет» в восстании против поляков в 1018 г. навеяно событиями 1069 г. (В. Д. Королюк. Западные славяне и Киевская Русь, стр. 257—268), однако, по нашему мнению, содержание и форма обоих рассказов указывает на их самостоятельное происхождение. В этой связи представляется, что между рассказом 1018 г. «Повести временных лет» и сообщением Титмара о «веселом» возвращении Болеслава из Киева нет противоречия, так как хронист записывал слухи, дошедшие до него, ему не было известно тогда даже имя Святополка, поэтому эту запись в отличие от сообщения летописи и последующего рассказа Титмара о походе 1018 г. в восьмой книге следует использовать с большими оговорками.

⁵³ В. Д. Королюк. Западные славяне и Киевская Русь, стр. 255—256.

Випо родился до 1000 г. Получив духовное образование, Випо продолжил жизненный путь в качестве священника, а с избранием Конрада II в 1024 г. он стал капелланом нового короля. В дальнейшем Випо находился при дворе его преемника Генриха III. Пребывание при королевском дворе способствовало прекрасной осведомленности автора. Между 1040 и 1046 гг. он написал «Житие императора Конрада II»,⁵⁴ где рассказывает под 1032 г. о следующем эпизоде из истории польско-русских отношений: «Сын же его (Болеслава Храброго) Мешко, такой же строптивый, изгнал своего брата Оттона в страну Русь, так как он поддерживал сторону короля. Точно так же как своеволие самого Мешко и вероломство некоего Удадьрика (Олдржиха), герцога Чехии, обуздал затем Конрад, как я расскажу в соответствующем месте. Когда умер вышеназванный Болеслав, герцог полян (поляков), он оставил двух сыновей, Мешко и Оттона. Мешко до тех пор преследовал своего брата Оттона, пока не изгнал его в Русь. Пока он там жил немалое время, вызывая жалость, он начал просить милости императора Конрада, чтобы при просьбе и содействии его вернуться на родину. Так как император желал действовать, он решил, что нападет с войсками на Мешко с одной стороны, а брат Оттон — с другой. Не имея силы вынести этот натиск, Мешко бежал в Чехию к герцогу Удадьрику, на которого тогда гневался император»⁵⁵.

Это известие свидетельствует о следующем факте: Мешко II (1025—1034), борясь за единовластие в стране, заставил своего брата Оттона бежать на Русь. О пребывании Оттона в русском государстве сообщает только Випо, поэтому следует установить источник указанного сообщения. В трудах Э. Штайндорфа, Ю. Харттунга, Т. Бреслау, Р. Хольцмана и других исследователей было установлено, что Випо при работе над «Житием императора Конрада» использовал условно названную «Швабскую всемирную хронику», отразившуюся также в «Хронике» Германа из Райхенау, Сангальских анналах (*Annales sangallenses maiores*) и Сангальском кратком изложении (*Epitome Sangalensis*)⁵⁶. Однако в этих памятниках указанных известий нет. Сле-

⁵⁴ О Випо и его трудах см.: *G. H. Pertz. Über Wipo's Leben und Schriften. Abhandlungen der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Aus dem Jahre 1851. Berlin, 1852, S. 217—233; M. Manitius. Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters, 2. Teil. München, 1923, S. 318—328; W. Wattenbach, R. Holtzman. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. «Deutsche Kaiserzeit», Bd. I, 1 H. Berlin, 1938, S. 76—82; AQdGM, Bd. XI, S. 507—514.*

⁵⁵ AQdGM, Bd. XI, S. 562, 588.

⁵⁶ *E. Steindorff. Ueber Wipos Vita Chuonradi imperatoris und Gesta Heinrici regis. Forschungen zur deutschen Geschichte (далее FdG), Bd. 6, Göttingen, 1866, S. 479—493; он же. Ueber die Annalen, welche Wipo in der Vita Chuonradi imperatoris benutzte. FdG, Bd. 7, Göttingen, 1867, S. 561—572; J. Harttung. Studien zur Geschichte Konrads II. Bonn, 1876, S. 1—10; H. Bresslau. Beiträge zur Kritik deutscher Geschichtsquellen des 11. Jahrhunderts. NA, Bd. 2. Hannover, 1876, S. 76—596; MGHSS, XIII, p. 61—62; он же. Noch einmal das Chronicon wirzburgense und Hermann von Reiche-*

довательно, сообщение Випо о пребывании Оттона на Руси является оригинальным. Он мог обстоятельно узнать о происходивших в Польше событиях, находясь в качестве придворного капеллана в войске Конрада II, когда тот отправился в поход против Мешко II или когда присутствовал при императоре во время заключения мира в Мерзебурге в 1032 г.

Прежде чем разобрать указанное сообщение Випо, следует определить имя соперника Мешко, поскольку в историографии утвердилось мнение, что Мешко II преследовал Бесприма, старшего сына Болеслава, и ему приписываются поступки Оттона⁵⁷.

Титмар Мерзебургский сообщает о рождении у Болеслава Храброго Бесприма от жены-венгерки и двух сыновей от Эмнильды, один из них Мешко, другого хронист не называет, но пишет, что ему дано имя «сеньера Болеслава»⁵⁸ из чего М. Едницкий делает вывод, согласно которому третьего сына польский князь назвал Оттоном⁵⁹. Но младший современник Титмара Випо, свидетель ожесточенной борьбы в Польше за власть, знает только двух соперников-братьев, Мешко и Оттона. Отсюда следует, что, как предположил Г. Бреслау, а вслед за ним Р. Хольцман, Бесприм и является Оттоном (обладание двумя именами, языческим и христианским, в княжеских семьях нередкое явление в славянском мире). У нас нет источников для окончательного решения этого вопроса, поэтому мы примем имена, сообщаемые Випо, единственным автором, современным рассматриваемым событиям и описавшим их⁶⁰.

Как сообщает Випо, Оттон бежал на Русь. Это свидетельствует прежде всего о продолжающихся в тот период тесных связях между польским и русским княжескими домами. На этот раз русское государство, окрепшее после длительного безвременья междоусобиц 1014—1026 гг., вышло на международную арену, взяв сторону одного из претендентов на польский престол.

По свидетельству Випо, Оттону удалось скоординировать действия противников Мешко II, германского императора и своих

пau. NA, Bd. 26. Hannover und Leipzig, 1900, S. 241—253; R. Holtzmann. Wipo und die Schwäbische Weltchronik. NA, Bd. 35. Hannover und Leipzig, 1909, S. 57—104, и другие работы.

⁵⁷ «Historia Polski», t. I, cz. 1. pod red. H. Łowmiańskiego, б. г., S. 202; «История Польши», т. I. М., 1956, стр. 49; В. Д. Королук. Западные славяне и Киевская Русь, стр. 276—277.

⁵⁸ Thietmari chronicon», IV, 58; ср. там же, VIII, 1.

⁵⁹ «Kronika Thietmara». Poznań, 1953, прим. 313.

⁶⁰ H. Bresslau. Jahrbücher des Deutschen Reiches unter Konrad II, Bd. II. Leipzig, 1887, S. 7; R. Holtzmann. Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihrer Koryveer Überarbeitung. Berlin, 1935, S. 199, прим. 8. Д. Боравска предполагает, что Випо не обладал точной информацией о польских делах и поэтому назвал Бесприма Оттоном (D. Borawska. Kryzys monarchii wczesnopiastowskiej w latach trzydziestych XI w. Warszawa, 1964, S. 78—80). Однако, Випо, современник происходивших событий, называл Бесприма Оттоном вполне сознательно. Эту информацию он мог получать без посредников, поэтому с мнением исследовательницы трудно согласиться.

русских покровителей. В 1031 г. Конрад II отправился в поход на Польшу⁶¹, в то время, как с противоположной стороны на польское государство напали дружины Ярослава и Мстислава. В «Повести временных лет» под 1031 г. записано: «Ярослав и Мстислав собрата вой мног, идоста на ляхы, и заяста грады Червеньскыя опять, и повоеваста Лядскую землю, и многы ляхы приведоста, и разделиста я»⁶². Из этого сообщения видно, что помощь русских князей Оттону была совсем не бескорыстна. Они вернули Руси Червеньские города (может быть, это было одно из условий помощи Ярослава и Мстислава Оттону), кроме того, они разграбили польские земли и захватили много пленных, отомстив, вероятно, за польское разорение Киева во время похода Болеслава Храброго в 1018 г.

Учитывая сообщение Випо, весьма возможно предположить, что поход 1030 г. Ярослава на Польшу уже был акцией, предпринятой совместно с Оттоном и направленной на его поддержку. Тогда дело ограничилось захватом только Белза⁶³. Видимо, сил киевского князя не хватило. Это вызвало, с одной стороны, объединение военных сил Ярослава и Мстислава, с другой — координацию военных действий с германским императором.

Одновременное наступление Конрада II и русских князей в 1032 г. увенчалось полным успехом: Мешко II должен был бежать в Чехию к Ольдржиху (в это время между чешским князем имели место весьма натянутые отношения, как полагает Г. Лябуда, из-за присоединения к Чехии Моравии)⁶⁴, а Оттон овладел польским тронem.

Следующее по времени известие немецких источников о русско-польских отношениях относится к 1039 г. Оно находится в труде Саксонского анналиста. О самом анналисте сведений совсем не сохранилось. Из содержания анналов можно сделать вывод, что он принадлежал к клиру Гальберштадского епископства и работал над своим сочинением во второй половине XII в.⁶⁵ Интересы автора ограничились в основном историей Саксонии, но зато знакомство его с предшествующими сочинениями на эту тему просто изумительно. Он почти дословно переписывал сведения из источников, которыми пользовался, поэтому на точности рассматриваемого ниже известия его труда не сказался большой промежуток времени, который отделял описанное событие от времени записи его в сочинение анналиста. Как записано в ан-

⁶¹ «Annales Ottenburani», MGHSS, XIII, p. 5.

⁶² ПСРЛ, т. I, стрб. 150.

⁶³ Там же, стрб. 149.

⁶⁴ G. Labuda. Utrata Moraw przez państwo polskie w XI wieku. «Studia z dziejów polskich-czeskosłowackich», t. I. Warszawa, 1957, s. 118.

⁶⁵ W. Wattenbach. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, Bd. II. Berlin, 1894, S. 256—257; R. Wilmans. Die Kaiserurkunden der Provinz Westfalen, Bd. II. Münster, 1867, S. 109—110.

налах под 1039 г.: «В это время Казимир, сын Мешко, польского герцога, вернувшись на родину, охотно был принят поляками. Он привел жену, дочь короля Руси. У них родились два сына, Владислав и Болеслав»⁶⁶. В русском летописании также есть упоминание о браке польского князя Казимира и дочери Ярослава, помещенное под 1043 г.: «В си же времена вдасть Ярослав сестру свою за Казимира, и вдасть Казимир за вено людей 8 сот»⁶⁷. Упоминает об этом браке и Галл Аноним, но он не сообщает ни года женитьбы, ни то, что женой польского князя стала дочь Ярослава⁶⁸. Как доказал О. Бальцер, Казимир женился на Марии Добронеги⁶⁹.

Русские источники ясно указывают на связь между заключением брака Казимира и Добронеги, организацией русско-польского союза и походами Ярослава на Мазовию⁷⁰. А. А. Шахматов на основе анализа «Повести временных лет» считал, что сообщение о браке Казимира и русской княжны помещено под 1043 г. ошибочно. Это известие должно было, как он считает, относиться к 1041 г., году первого похода Ярослава на Мазовию⁷¹. Такого же мнения и Б. Влодарский⁷². Однако О. Бальцер показал, что Болеслав и Владислав родились от этого брака в 1039 г. и 1040 г., следовательно, временем заключения брака можно считать конец 1038 — начало 1039 г.⁷³ Этот вывод полностью согласуется с датировкой в сочинении Саксонского анналиста⁷⁴. Целью этого брака была, видимо, попытка усилить русское влияние в Польше в тот период, когда Русь быстро поднималась к зениту своего могущества, и нейтрализация своего потенциального противника.

После указанного выше сообщения, сохраненного в труде Саксонского анналиста, польско-русские отношения долгое время не отражались в сочинениях немецких хронистов. Лишь во второй половине 30-х годов XII в. в хронике Ортлиба, монаха Цвифальтенского монастыря отразились некоторые эпизоды отношений Руси и Польши начала XII в. Дело в том, что Цвифальтенский монастырь сумел установить тесные связи с Гертрудой, дочерью Болеслава Кривоустого. К ней прибыли три монаха из

⁶⁶ «Annalista Saxo». MGHSS, IV, p. 683.

⁶⁷ ПСРЛ, т. I, стб. 154—155. Это известие в Новгородской IV летописи помещено под 1041 г. (ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. I, Гр., 1915, стр. 116).

⁶⁸ «Galli chronicon», I, 19.

⁶⁹ O. Balzer. Genealogia Piastów. Kraków, 1895, s. 87—90.

⁷⁰ S. M. Kuczyński. Nieznany traktat polsko-ruski roku 1039. SA, t. V. Poznań, 1954—1956, S. 255—274; В. Д. Королюк. Западные славяне и Киевская Русь, стр. 298—330.

⁷¹ А. А. Шахматов. Разыскания, стр. 285.

⁷² Б. Влодарский. Ятвяжская проблема в польско-русских связях X—XIII вв. «Международные связи России до XVII в.». М., 1961, стр. 123.

⁷³ O. Balzer. Genealogia Piastów, s. 89, ср.: St. Kętrzyński. Polska X—XI wieku. Warszawa, 1961, s. 431, 444—445.

⁷⁴ См. также: В. Д. Королюк. Западные славяне и Киевская Русь, стр. 305—306.

этого монастыря, которые оставались в Польше некоторое время. Среди прибывших был Ортлиб. Вследствие этого путешествия на страницы сочинения Ортлиба попали известия о русско-польских отношениях⁷⁵.

Ортлиб Цвифальтенский сообщает следующее: «(Король Руси) повелел отдать (свою дочь) в супруги одному из знатнейших господ Польши. Дружкой его родства и обручения был некий богатейший принцепс Патрик, но, как позднее выяснилось, он сам, нечестивый жених, решил сочетаться с невестой и не дать жениться другому. Когда он это совершил, он был окрашен ядом другого величайшего вероломства. Ведь он захватил при помощи коварства некоего короля Руси, противника польского герцога, своего господина, затем он дал клятву, затем забрал себе его имение, затем захватил его сына у священного источника, чрезвычайно коварными действиями (короля Руси) передал в руки противников, чтобы заключить в оковы и потребовать огромное количество сокровищ»⁷⁶.

Приведенное известие сообщает о двух событиях: о женитьбе Петра Власта на дочери «русского короля» и о похищении Петром Властом «короля» Руси.

Рассказ о необычной женитьбе Власта на русской княжне явно поразил немецких монахов, и он стал одним из основных моментов в композиции главы «*Translatio manus sancti Stephani*». В сочинении Ортлиба не назван «король» русских, на дочери которого женился своевольный польский феодал, но из хроники Богухвала удастся это узнать. Там сказано в одном случае, что Петр Власт женился на некоей родственнице жены Болеслава Кривоустого⁷⁷, в другом — еще определеннее: на тетке Владислава, сына Болеслава⁷⁸. Как известно, первой женой Болеслава III Кривоустого и матерью Владислава была Сбыслава, дочь киевского князя Святополка Изяславича. Отсюда становится ясным, что женой Петра Власта стала неизвестная по имени дочь Святополка Изяславича.

О похищении Петром Властом «короля Руси» более подробно сообщает монах Михельсбергского монастыря Герборд в житии бамбергского епископа Оттона. Оттон, будучи еще монахом, сумел приблизиться ко двору Генриха IV, где он стал капелланом Юдифи, сестры императора. С нею он отправился в Польшу, когда она вышла замуж за польского князя Владислава Германа. После смерти Юдифи (середина 90-х годов XI в.) Оттон вернулся в Германию. Он был довольно ловким царедворцем и сумел стать любимцем теперь уже Генриха IV. В 1102 г. импера-

⁷⁵ «*Ortliebi zwifaldensis chronicon*», ed. O. Abel. MGHSS, X, p. 64—66; W. Wattenbach. Deutschlands Geschichtsquellen, Bd. II, S. 394.

⁷⁶ «*Ortliebi chronicon*», цит. изд., p. 90—91.

⁷⁷ «*Kronika Boguchwala*». МРН, т. II. Лвов, 1872, p. 508.

⁷⁸ Там же, p. 520.

тор поставил его главою Бамбергской епископии. В 1124—1125 гг. Оттон совершил по просьбе польского князя Болеслава Кривоустого путешествие в Приморье для обращения местных жителей в христианство⁷⁹. После смерти, последовавшей в 1139 г., епископ был канонизирован⁸⁰. Оттон был очень популярен в Бамберге, который при его епископате достиг значительного подъема⁸¹. Эта популярность вызвала большой интерес к его биографии. Было написано три жизнеописания Оттона Бамбергского. Сведения о русско-польских отношениях находятся в последней по времени третьей биографии. Она была написана Гербордом в 1158—1159 гг. с использованием предшествующих двух биографий и рассказов Зефрида и Тимо, современников Оттона⁸². О самом Герборде известно, что он стал монахом Михельсбергского монастыря в 1145 г. Судя по его деятельности, он пользовался в монастыре большим авторитетом, однако по должности он был там только схоластом. Умер Герборд в 1168 г.⁸³

В биографии Оттона Бамбергского Герборд, рассказывая со слов Зефрида, спутника епископа по первому путешествию в Поморье, о Болеславе Кривоустом сообщает о его женитьбе на дочери «короля рутенов». Этот брак был заключен, как пишет автор, чтобы укрепить дружественные отношения между их государствами. Жена родила Болеславу сына, но вскоре умерла и между Польшей и Русью снова начались враждебные отношения. Тогда Петр Власт на совете у Болеслава предложил похитить русского короля. С тридцатью самыми сильными воинами он перешел к королю, сделал вид, что ушел от несправедливостей Болеслава, вошел к нему в доверие и, однажды, во время охоты похитил его. Русским пришлось дать за короля огромный выкуп, «так что вся Рутения пришла в упадок от редкой бедности»⁸⁴.

⁷⁹ H. Lehmann. Chronologisches zu den Missionsreisen Bischofs Otto von Bamberg. Baltische Studien (далее BS), Bd. 30. Stettin, 1880, S. 159—168.

⁸⁰ А. Петров. Гербордова биография Оттона Бамбергского. ЖМНП, декабрь, 1882, стр. 242—273.

⁸¹ А. Котляревский. Сказание об Оттоне Бамбергском в отношении славянской истории и древности. Прага, 1874, стр. 2—4; W. Wattenbach. Deutschlands Geschichtsquellen, Bd. II, S. 182—184.

⁸² R. Klemptin. Die Biographien des Bischofs Otto und deren Verfasser. BS, Bd. IX. Stettin, 1842, S. 1—245; H. Sittwitz. Die drei Biographien Ottos I von Bamberg nach ihrem gegenseitigen Verhältnis, ihren Quellen und ihrem Wert untersucht. FdG, Bd. XVI. Göttingen, 1876, S. 299—334; G. Haag. Beiträge zur Quellenkritik der Lebensbeschreibungen des Bischofs Otto I. von Bamberg. FdG, Bd. XVIII. Göttingen, 1878, S. 243—264 и другие работы. Последний обзор литературы см.: K. Liman. Stan badań nad żywotami św. Ottona z Bambergu. «Studia źródłoznawcze». III. Poznań, 1958, s. 23—47.

⁸³ А. Петров. Гербордова биография. ЖМНП, декабрь, 1882, стр. 273—275.

⁸⁴ «Herbordi dialogus de vita Ottonis episcopi babenburgensis», MGHSS, XX, p. 726. Мы не приводим текст сочинения Герборда, потому что он очень многословен при небольшом объеме содержания.

В приведенном известии Герборда объединены два рассказа о совершенно различных событиях (имена «короля рутенов» и его дочери автор не называет). Первый рассказ повествует о женитьбе Болеслава Кривоустого на Сбыславе, дочери киевского князя Святополка Изяславовича. Свадьба произошла вскоре после смерти Владислава Германа: «Ведена бысть дщи Святополчи Сбыслава в ляхы за Болеслава месяца ноября в 16 день»⁸⁵. Это известие записано в летописи под 1102 г., но понимать его следует только как сообщение об отправлении невесты из Киева в Польшу. Сама свадьба имела место в начале 1103 г.⁸⁶ В следующем, 1104 г. у Сбыславы и Болеслава родился Владислав⁸⁷, сын, о котором пишет Герборд⁸⁸.

При заключении брака явно преследовалась Болеславом политическая цель. Как сообщает Галл Аноним и Козьма Пражский⁸⁹, сразу же после смерти Германа между братьями Болеславом и Збигневом началась кровопролитная борьба за первенство в государстве, которая продолжалась до 1109 г.⁹⁰ Поэтому понятно стремление Болеслава Кривоустого обеспечить поддержку могущественного киевского князя. Правда, в «Повести временных лет» сохранилось известие о том, что Збигнев попытался в 1106 г., еще при жизни Сбыславы⁹¹, найти поддержку у Святополка⁹², но поддержку в Киеве он, видимо, не нашел. Это следует из того, что ему пришлось обратиться за помощью к чехам.

А. Малецкий полагал, что брак Болеслава Кривоустого и Сбыславы был заключен для укрепления мирного договора, который положил конец войне между Польшей и Русью 1102 г. (автор видел указание на военные действия в неясных на этот счет высказываниях Герборда)⁹³. Однако, как показал И. А. Линниченко, такой войны в это время не было⁹⁴. Поэтому следует считать, что основной целью женитьбы Болеслава на Сбыславе было получение им поддержки киевского князя в борьбе с братом⁹⁵.

⁸⁵ ПСРЛ, т. I, стр. 276.

⁸⁶ «Rocznik Świątokrzyski dawny». MPH, II, p. 773.

⁸⁷ «Rocznik Kamieniecki». MHP, II, p. 778; «Rocznik Traski». MHP, II, p. 831.

⁸⁸ В хронике Богухвала сообщается, что от этого брака родилась и дочь («Kronika Boguchwala». MPH, II, p. 508).

⁸⁹ «Galli chronicon», II, 24; «Cosmae chronica Boemorum», II, 16.

⁹⁰ «Historia Polski», t. I, cz. 1, s. 220—221.

⁹¹ Сбыслава умерла между 1109 и 1112 гг. (O. Balzer. Genealogia Piastów, s. 121).

⁹² «Прибеже Избыхнев к Святополку». ПСРЛ, т. I, стр. 281.

⁹³ А. Малеcki. Ravizya dziejów polskich. Kraków, 1897, s. 106—107.

⁹⁴ И. Линниченко. Взаимные отношения Руси и Польши, стр. 136—138.

⁹⁵ См. также: В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси, стр. 46—47; он же. Русско-польские взаимоотношения, стр. 17—18; B. Włodarski. Ruś w planach politycznych Bolesława Krzywoustego (1102—1138). «Zeszyty naukowe, historia», V. Uniwersytet M. Kopernika w Toruniu, 1969.

Второй рассказ касается истории о похищении крупным польским феодалом Петром Властом князя Володаря Ростиславича. Этот случай отмечен в русском летописании под 1122 г.: «Володаря яша ляхове мestyю, Василькова брата»⁹⁶. Известие об этом событии имеется, как указано выше, у Ортлиба Цвифальтенского и в польской хронографии⁹⁷. Естественно, что такое скандальное событие стало известно Зефриду, который в 1124 г. был в Польше. Очень возможно, что А. Петров был прав, когда он отдавал предпочтение в изложении событий Герборду, так как по сравнению с другими описаниями его рассказ, восходящий к сообщению Зефрида, ближе по времени к изображаемым событиям⁹⁸.

Информатор Герборда, видимо, плохо знал, какого русского князя похитили. При чтении рассказа создается впечатление, что был похищен Святополк Изяславич, поскольку до того шла речь о женитьбе Болеслава на Сбыславе, дочери «короля рутенов», а в данном повествовании героем также является «король рутенов». Видимо, Герборд или Зефрид плохо знали имена русских участников этих событий, а может быть и не старались их узнать, так как рассказ о женитьбе Болеслава появляется в сочинении Герборда попутно, а история о похищении «короля рутенов» Петром Властом попала на страницы его труда лишь благодаря занимательности сюжета и сенсационности самого события.

В Галицкой земле память о похищении Володаря жила еще очень долго. Галичанин, автор приписок к Киевской летописи⁹⁹, в статье под 1145 г. с нескрываемым злорадством пишет, что по приказу польского князя Владислава Петр Власт был ослеплен, ему вырезали язык, дом его был разграблен и сам он вместе с семьей изгнан из Польши, причем летописец рассматривает это как возмездие Петру за зло, причиненное Володарю Ростиславичу¹⁰⁰.

Рассмотренные известия немецких источников о русско-польских отношениях конца X — начала XII в. позволяют сделать некоторые выводы. В немецких хрониках и анналах начала XI в. сообщается ряд уникальных сведений о русско-польских контактах конца X — начала XII в., не отражавшихся в русских и польских письменных памятниках. Начиная с 30-х годов XI в. все описанные в немецких источниках события, относящиеся к нашей теме, могут быть проверены и дополнены данными русских летописей и польских хроник (известия хроники Титмара, 10-е годы XI в., проверяются лишь частично).

⁹⁶ ПСРЛ, т. I, стр. 276.

⁹⁷ «Magistri Vincentii chronicon Polonorum». МРН, II, р. 350—353.

⁹⁸ А. Петров. Указ. соч. ЖМНП, февраль, 1883, стр. 371.

⁹⁹ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 71—72.

¹⁰⁰ ПСРЛ, т. II, стр. 319.

Сообщения о русско-польских отношениях конца X — начала XII в. распределены в немецких источниках неравномерно. Большая их часть относится к концу X — 30-м годам XI в. (об этом же времени сообщают более поздние записи Адама Бременского и Саксонского анналиста). Такое состояние источников объясняется, на наш взгляд, особым вниманием императоров Саксонской и Салической (Франконской) династии к военным действиям против польского государства и в связи с этим к союзным отношениям с русскими великими князьями. Характерно, что большинство сведений о политических русско-германских отношениях в немецких источниках также приходится на первую половину XI в. Известия о польско-русских отношениях были записаны в церковных кругах, близких к императорам обеих династий, и отличаются большой степенью объективности в описываемых событиях. Объясняется это, видимо, тем, что интересы немецких феодалов в русско-польских конфликтах или союзных отношениях непосредственно не затрагивались. В основном интересующие нас записи были сделаны в Саксонии, где политические интересы феодалов направлялись прежде всего на восток.

В отличие от этой группы известий сообщения о политических отношениях Руси и Польши конца XI — начала XII в. попали в немецкие источники от немцев-монахов, побывавших в Польше. Они связаны в изложении с внутрипольскими событиями или заинтересовали авторов занимательностью сюжета. В этих сведениях имена русских князей и княжен не указываются и едва ли они авторов интересовали, поэтому приходится устанавливать персоналии из русских и польских источников. Для второй половины XI — начала XII в. особенно велики пробелы в сообщениях о польско-русских отношениях. Однако и в таких, в значительной мере случайных записях их характер сохраняется объективным.

Сведения немецких источников о русско-польских отношениях конца X — начала XII в. существенно дополняют данные русских и польских письменных памятников об этих событиях как в силу объективного в основном хода изложения событий, так и обстоятельства самих сообщений. Их данные позволяют выявить не только основные черты, но и суть ряда эпизодов из истории русско-польских политических отношений конца X — начала XII в.

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ
ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН
В РАННЕФЕОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
(задачи предстоящих исследований)

История культурных связей между западными и восточными славянами в раннефеодальный период относится к числу едва ли не наименее всего разработанных проблем. Это особенно бросается в глаза на фоне имеющихся серьезных достижений в области изучения политических и отчасти экономических связей славян. В последнее время эта проблема чаще всего просто обходится историками. Филологи, как и лингвисты, так и литературоведы, обращаются к ней, решая отдельные вопросы в своей области, вопросы более или менее специального характера. Не случайны потому вопиющие диспропорции в степени изученности материала. Если в отношении русско-чешских культурных связей X—XII в. ведется оживленная дискуссия, все еще весьма далекая от своего завершения¹, то русско-польские культурные связи данного периода остались абсолютно незатронутыми исследователями. Насколько много и постоянно пишут они об этих связях в XV—XVII вв. (главным образом именно в XVII в.), настолько оставляют вне своего внимания предшествующий период. Объясняется это не волей историков, их желанием или нежеланием, а той скудостью источников, которые имеются у нас в распоряжении. Скудость источников не означает, однако, полного их отсутствия и тем более фатальной невозможности выявить какие-то новые данные. Вот почему представляется необходимым наметить пути, возможности и перспективы исследований в этом направлении. Но прежде чем обратиться к этому, следует рассмотреть первую из намеченных проблем — русско-чешские связи, положение с которой обстоит благополучней, тем более что данная проблема тесно связана со второй. Это станет ясным, если мы обратимся в первую очередь к изучению судьбы Кирилло-Мефодиевского культурного наследия на Руси и у за-

¹ См. об этом: А. И. Rogov, Чешское наследие в культуре Древней Руси. В кн.: «История, культура, фольклор и этнография славянских народов». VI международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968, стр. 114—129; O. Králík, Nová fáze sporů o slovanskou kulturu v přemyslovských Čechách. «Slavia», Ročník XXXVII. Praha, 1968, s. 474—494.

падных славян. О том, насколько органично воспринималось и осознавалось великоморавское культурное наследие на Руси, великолепно свидетельствует включенное в состав «Повести временных лет» «Сказание о преложении книг» (под 898 г.). Для автора сказания Великая Моравия — это «Словенская земля», а «словенский язык и русский одно есть»². Н. К. Никольский выдвинул гипотезу о том, что сказание русской летописи — это переработанный на Руси памятник, бытовавший еще в Моравии. Опираясь на тот факт, что к сказанию летописец обращается и в другом месте, — во вступительной части летописи, Никольский выдвинул смелую гипотезу о том, что как основу и образец русские летописцы взяли моравско-панонские хроники³. Гипотеза Н. К. Никольского имела очень слабое звено: нам до сих пор не известна ни одна из моравских хроник как таковая.

Речь может идти только о том, в чем можно видеть отражение этих хроник — в житийных памятниках, связанных с христианизацией Великой Моравии, т. е. с деятельностью Кирилла и Мефодия. При этом, разумеется, поле исследования не может быть ограничено памятниками только на славянском языке, а непременно должны учитываться и латинские, такие, как *Beatus Ciriillus*, *Crescente fide* и т. д. Но и в этом случае нельзя не помнить, что мы можем всего лишь допустить существование каких-то исторических сочинений, повлиявших как на сказание, так и на житийные памятники. Но можно допустить и влияние на сказание житийной литературы, и притом уже на Руси. Так обычно и расценивается сходство между пространным, т. е. панонским житием Мефодия и сказанием. Указанное житие, бесспорно, было хорошо известно на Руси. Оно дошло в списке XII в. в составе знаменитого Успенского сборника. Пока во всяком случае не удалось выявить каких-нибудь данных по истории Великой Моравии, содержащихся в «Повести временных лет», которые бы не укладывались в рамки указанных агиографических произведений. И не случайно поэтому гипотеза Н. К. Никольского не нашла поддержки в науке.

Великоморавское наследие, разумеется, не ограничивается указанными выше возможными историографическими и бесспорными агиографическими памятниками. Переводные и оригинальные произведения Кирилла и Мефодия — существеннейшая часть этого наследия, вполне усвоенная древнерусской культурой и нередко реконструируемая с помощью ее памятников. Здесь не место рассматривать этот большой и самостоятельный вопрос, тем более что он связан в значительной мере с историей культурных

² ПВЛ, т. I. М., 1950, стр. 23.

³ Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры, вып. I. Л., 1930.

связей Руси с южными славянами, которые были главными посредниками в передаче этого наследия.

Хотелось бы только обратить внимание на необходимость, анализируя этот материал, отделять собственно моравское содержание и черты памятника от тех наслоений и видоизменений, которые они получали на Балканах. Приведу характерный пример: памятник древнеславянского законодательства «Закон судный людем», в краткой редакции, широко распространенный в Древней Руси, имеет как западные моравские черты в своей эпитимийной (покаянной) части, так и болгарские черты в статьях, посвященных гражданскому законодательству. На это обратил свое внимание покойный академик М. Н. Тихомиров⁴. Не следует ли сделать то же с древнейшими памятниками славянской культуры, проникнувшими на Русь?

Впрочем, в науке давно уже не рассматривают южных славян как единственных посредников культурного великоморавского наследия. Непосредственным территориальным преемником и культурным наследником Великой Моравии было Чешское государство.

При современном состоянии науки мы еще далеки от возможности точно указать время появления на Руси того или иного памятника чешской культуры. Ни один из них не дошел до нас в списке ранее самого конца XIII в. И все же косвенные признаки знакомства Руси с памятниками и самой традицией чешской литературы на славянском языке еще до создания Сазавского монастыря, знаменитого центра славянской культуры, основанного в 1033 г., несомненны. Это обстоятельство в свете развернувшейся в настоящее время в славистике дискуссии представляется особенно важным. Дело в том, что в последнее время ряд чехословацких ученых во главе с Ф. Граусом стремятся возродить скептическую точку зрения на существование славянской письменности в Чехии в X в. Все факты и сами памятники чешской славянской литературы, сохранившиеся в древнерусских списках, эта группа ученых связывает исключительно с деятельностью Сазавского монастыря, а значит, отодвигает по времени не ранее 30-х годов XI в.⁵

К концу X в. все необходимые политические условия для русско-чешских культурных контактов были налицо. Русь имела непосредственную границу с Чехией⁶. Согласно «Повести времен-

⁴ «Закон судный людем». Подготовили к печати М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов под редакцией М. Н. Тихомирова. М., 1961, стр. 25.

⁵ F. Graus. Slovanská liturgie a písemnictví v Přemyslovských Čechách 10. století. «Československý časopis historický», 1966, č. 4, str. 473—495.

⁶ Обширный материал по этому вопросу собран и изучен в ряде исследований. Важнейшими среди них являются: А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. I. Прага, 1935, и В. Д. Королюк. Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964.

ных лет» Владимир Святославич жил в мире и любви с чешским королем Ольджихом⁷. Не могли не способствовать чешско-русским контактам и династические связи. Одной из жен Владимира была чешка («чехиня»), от которой родился сын Вышеслав⁸.

В 1034 г. Ярослав Мудрый дает имя Вячеслава одному из своих сыновей. В «Повести временных лет» известие об этом помещено вслед за указанием о том, что Ярослав стал «самовластцем Русей земли». «И в се время родися Ярославу сын, нарекоша имя ему Вячеслав», — читаем мы в летописи⁹. Трудно себе представить, что в столь торжественный момент, могло быть случайно дано имя сыну русского «самовластца», кстати сказать, имя чисто христианское, а не так называемое княжое, под которыми известны другие сыновья Ярослава. Это обстоятельство можно расценивать как свидетельство уже сложившегося почитания на Руси чешского святого. А раз так, то вполне могли существовать соответствующие богослужебные тексты. Их частью, дошедшей до нас в списке 1095 г., и был знаменитый канон Вячеславу. Канон этот не мог быть составлен на Руси, а был написан значительно ранее и за ее пределами, так как именно Русь («восток») исключается из числа стран, где прославляется имя Вячеслава. Во 2-м тропаре 5-й песни канона читаем: «Паче солнца блаженне, просвети севера и уга и запада просветьлами зарями чудес ти»¹⁰.

Соображения относительно возможного времени проникновения канона св. Вячеславу на Русь, конечно, не являются абсолютными доказательствами того, что памятники чешской литературы стали проникать на Русь до создания Сазавского центра. Мы прекрасно понимаем, что службы некоторым святым могли отправляться по общей минее (служба мученикам), хотя существование канона до христианизации Руси, с одной стороны, и княжеский культ Вячеслава на Руси с другой — в условиях теснейших межгосударственных контактов не позволяет обойти указанный факт.

Исследователи давно уже отметили бесспорное влияние памятников древнечешской литературы на древнерусскую. Наиболее яркий пример этого — влияние памятников святоацлавского цикла на борисоглебский¹¹ и на житие Феодосия Печерского. Этого, собственно, не скрывал и сам автор «Сказания о Борисе

⁷ ПСРЛ, т. I, М., 1962, стр. 126.

⁸ ПСРЛ, т. I, стр. 80.

⁹ ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, стр. 138; т. I, изд. 2-е, стр. 150 (под 1036 г.).

¹⁰ И. В. Ягич. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. СПб., 1886, стр. 220.

¹¹ Последнее исследование на эту тему см.: Н. Н. Ильин. Летописная статья 6525 года и ее источник. М., 1957.

и Глебе», когда писал, что Борис «помышляешь же мучение и страсть святого мученика Никиты и святого Вячеслава, подобно же сему бывшую убиению»¹².

Несомненный факт указанных влияний позволяет даже определить ту границу, позже которой не мог проникнуть на Русь тот или иной чешский памятник. Если нам известно время возникновения того памятника древнерусской литературы, в котором отразились черты чешского памятника, то это время и следует считать такой границей. И даже, более того, это позволяет одновременно установить и границу, позже которой не мог возникнуть сам чешский памятник, что в свете развернувшейся сейчас дискуссии имеет немаловажное значение и представляется весьма перспективным.

Показательно в этом отношении изучение влияния житий Людмилы на древнерусские памятники. Интересные соображения по этому поводу недавно высказал Р. О. Якобсон. Он был полностью поддержан Ф. Дворником. Р. О. Якобсон обратил внимание, что в летописном рассказе о княгине Ольге константинопольский патриарх обращается к ней со словами, которые чуть ли не повторяют слова одной чешской гомилии, обращенной к Людмиле. Имеется в виду следующее место в летописи: «И поучи патрарх о вере и рече ей: «Благословена ты в женах русских, яко возлюби свет, а тьму остави»¹³. Ни у кого из исследователей русских летописей никогда не возникло сомнений, что повествование о княгине Ольге входит в ту часть летописи, которая является ее древнейшим ядром, возникшим в конце X—начале XI в.

Но и этим, однако, данный вопрос не исчерпывается. Дело в том, что указанная гомилия дошла до нас на латинском, а не на старославянском языке. Ф. Дворник в связи с этим полагает, что латинская рукопись является переводом славянского оригинала, возникшего в X в. В этом предположении нет ничего невероятного, если принять тезис о существовании славянской письменности в Чехии до начала деятельности Сазавского монастыря. Но даже если и допустить, что оригинал гомилии был латинским, это не исключает возможность его проникновения на Русь. Многочисленные латинские памятники попадали, как мы знаем, на Русь в славянских переводах. Среди них могла быть и гомилия о Людмиле.

Рассмотренный выше пример показателен не только в отношении открывающихся возможностей датировки чешских памят-

¹² Н. В. Ягич. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг., стр. 220.

¹³ R. Jakobson. The Kernel of Comparative Slavic literature. «Harvard Slavic Studies», 1952, t. 1, s. 44; F. Dvornik. Les benedictins et la christianisation de la Russie. «L'église et les églises», t. 11. Chevetogne, 1954, s. 332.

ников и их проникновения на Русь, но еще и с той точки зрения, что взаимовлияние памятников не следует искать в пределах только одного жанра. Данное наблюдение может быть подтверждено еще одним примером, а именно повестью об ослеплении Василька Теребовльского, являющейся составной частью Ипатьевской летописи. Давид Игоревич в этой повести замышляет зло против брата, как и Болеслав не сам, а по наговору злых советников, убеждающих князя-злодея в том, что брат (соответственно Вячеслав и Василько) хочет убить его¹⁴. Как и Вячеслав, Василько получает от слуги предупреждение о готовящемся против него заговоре и пренебрегает им, возлагая надежду на бога¹⁵. Подобно Болеславу, Давид уговаривает свою жертву остаться с ним попить до утра¹⁶.

Повесть о Васильке Теребовльском, подробно и с большой наглядностью описывавшая кровавую картину княжеской междоусобицы, поднятой вероломно и сразу же после заключения любечского союза (1097 г.), не могла не послужить предостережением русским князьям. Таким образом, в чешских памятниках русский читатель находил столь знакомые ему по собственной истории образцы: бабка — княгиня-христианка и ее внук, утверждающий христианство в стране. Даже и без разительной аналогии в обстоятельствах убийства Вячеслава и Бориса и Глеба — это одно приближало образы чешских князей к русскому читателю. Вот почему чешские сочинения, повествовавшие о начальных этапах государства, не были обойдены теми, кто был причастен к оформлению русской государственной идеологии. Исследователям предстоит еще изучить процесс ее зарождения и складывания ее в связи с межславянскими контактами.

Следы знакомства в Древней Руси с чешскими житийными памятниками можно подчас найти и в произведениях совершенно неожиданного жанра. Совсем недавно Н. Н. Розовым опубликована статья, в которой он на основе материалов незавершенного исследования Н. К. Никольского о сочинениях митрополита Илариона показал, что этот замечательный оратор пользовался житием св. Вячеслава (так называемая легенда Гумпольда), говоря о распространении христианства на Руси по образцу того, как в чешском памятнике говорится о том же в Чехии¹⁷. В молитве Илариона Н. Н. Розов заметил отголоски жития св. Вита¹⁸, столь популярного в Чехии. Житие св. Вита, правда, не

¹⁴ Ср.: ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 231 и «Sborník staroslovanských literárních památek o sv. Václavu a sv. Ludmíle». Uspořádal J. Vajs. Praha, 1929 (далее — Sborník), s. 15.

¹⁵ Ср.: ПСРЛ, т. II, стр. 233 и Sborník, s. 17.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Н. Н. Розов. Из истории русско-чешских литературных связей древнейшего периода. «Труды отдела древнерусской литературы» (ТОДЛ), т. XXIII, Л., 1968, стр. 75—76.

¹⁸ Там же, стр. 77.

является оригинальным чешским произведением. Оно было переведено на славянский язык с латинского оригинала и уже в таком виде попало на Русь. На это впервые было указано А. И. Соболевским, выделившим и ряд других переводных с латинского памятников таких, как житие св. Венедикта, Беседы папы Григория Великого, Никодимово евангелие и др.¹⁹ Правда, некоторые ученые возражали Соболевскому, объясняя имеющиеся в названных памятниках богемизмы простым участием чехов в этих переводах, но совсем не обязательно на территории самой Чехии. С такой критикой и вместе с тем допущением выступил Г. А. Ильинский²⁰. Соображения Ильинского во всяком случае в их критической по отношению к Соболевскому части были поддержаны рядом славистов, таких, как И. Пастернек, И. Ягич и др. Но вместе с тем очень многие ученые так или иначе разделяли и по сей день разделяют точку зрения Соболевского. Среди них М. Вейнгарт, И. Вашица, Р. О. Якобсон. В изданном недавно Брненским университетом сборнике «Magna Moravia» (Praha, 1965) в поддержку положений Соболевского решительно выступают Р. Вечерна и Я. Людвиковский.

Данный вопрос, конечно, может решаться скорее лингвистами, чем историками, хотя, разумеется, для историков с точки зрения изучения межславянских культурных связей он может быть посторонним. От лингвистов в первую очередь можно ждать и изучения обратных русских влияний на древнечешскую культуру. Правда, слишком невелик был тот период, когда христианская Русь общалась с Чехией, к тому же в XI в. имевшей пусть и значительные, но уже единичные острова славянской культуры в обступавшем их море латинской письменности. И все же примеры (пока немногие) таких встречных русских влияний мы имеем. Они могут служить знаменитые Пражские глаголические листки, содержащие текст православной утрени. Ряд чешских лингвистов, основываясь на лингвистических данных, считает, что «непосредственный оригинал Пражских глаголических отрывков был русского происхождения»²¹.

Напомним также в связи с поставленной проблемой и факт, который относится и к сфере исследования историка. В 1095 г., совсем незадолго до ликвидации славянского языка и письменности, в Сазавском монастыре, в новопостроенном храме, в основании одного из его престолов (справа от главного) были положены наряду с мощами западных святых частицы мощей столь чтимых

¹⁹ А. И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, стр. 48—109.

²⁰ «Известия отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», т. V. СПб., 1910, кн. 4, стр. 1385—1386.

²¹ Радослав Вечерка. Великоморавские истоки церковнославянской письменности в Чешском княжестве. В сб.: «Magna Moravia». Praha, 1965, s. 504.

на Руси святых, как Глеб и Борис²². Так своеобразно замкнулся круг одного из интереснейших в истории древнейших русско-чешских культурных связей явлений: чешские житийные произведения повлияли на создание житий Бориса и Глеба, а в 1095 г. реликвии этих русских святых кладутся в основании одной из святынь Чехии.

Переходя к вопросу о древнейших русско-польских культурных связях, необходимо еще раз напомнить, что он в области духовной культуры теснейшим образом связан с вопросом о кирилло-мефодиевской традиции у поляков. Началом ее послужило крещение Мефодием неизвестного по имени вислоцкого князя, о чем рассказывается в пространном житии славянского первоучителя. Но настолько эта традиция была устойчива в Польше (речь идет в первую очередь, конечно, о Малой Польше, ядром которой и было Вислицкое княжество)? Если видный польский славист Т. Лер-Сплавинский считает кирилло-мефодиевскую традицию в Польше очень слабой и даже ничтожной²³, то такие ученые, как И. Уминьский и Н. Квапишевский, возражают ему²⁴. Спор по этому вопросу все еще продолжается, однако нельзя не заметить, что новые данные как археологического, так и документального порядка, скорее свидетельствуют в пользу устойчивости кирилло-мефодиевской традиции. Раскопки на Вавеле, церкви св. Сальватора в Кракове и особенно в Вислице²⁵ говорят о сравнительной распространенности в Польше архитектурных форм великоморавского типа. Особенно показательны изыскания, связанные с Вислицей. Характерно, что именно среди рукописей соборной библиотеки в Вислице был обнаружен календарь XIV в. с упоминанием преемника Мефодия по великоморавской кафедре св. Горазда, причем именно в тот день, когда он почитается православной церковью (17 июля)²⁶.

Тынецкий бенедиктинский монастырь под Краковом, видимо,

²² Сообщающая об этом Сазавская хроника пишет «sancti Glebii et socii eius». Бросается в глаза необычное упоминание не обоих святых братьев — Бориса и Глеба, а только Глеба. Имя же Бориса скрыто в общем названии «и его товарища». Такое выделение Глеба, хотя и редко и не в идентичной форме, но все же встречалось и на Руси. В. И. Люсечевский в свое время обратил внимание на то, что в Смоленске и Чернигове храмы назывались не борисоглебскими, а глебоборисовскими, и высказал мысль о том, что «оба эти святые, воспринимаемые нами обычно как нечто единое, не всегда и не везде так воспринимались» (В. И. Люсечевский. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства, СА, т. VIII, М.—Л., 1946, стр. 238). Форма почитания Бориса и Глеба в Сазаве, видимо, была отражением соответствующего их почитания на Руси и может при дальнейшем изучении вопроса служить указанием, с каким именно городом или князем было связано перенесение реликвий из Руси в Чехию.

²³ T. Lehr-Splawinski. Od piętnastu wieków. Warszawa, 1961.

²⁴ J. Umiński. Obrządek Słowiański w Polsce w IX—XI w. i zagadnienie drugiej metropolii w czasach Bolesława Chrobrego. «Roczniki Humanistyczne», Т. IV, f. 4. Lublin, 1953.

²⁵ Odkrycia w Wiglicy. Warszawa, 1963.

²⁶ Jerzy Zatyś. O kilku przepaściach zabytkach rękopiśmiennych Biblioteki Narodowej w Warszawie. «Studia z dziejów kultury polskiej». Warszawa, 1949, s. 2 ns.

был вторым центром славянской письменности в Польше. Как и в бенедиктинских монастырях в Чехии, здесь в XI в. сохранялся славянский язык богослужения. Именно этот Тынецкий монастырь, по мнению А. И. Соболевского, являясь центром славянской письменности, мог служить как еще один посредник в передаче Руси кирилло-мефодиевского наследия²⁷. Предположение русского ученого пока не может быть подтверждено какими-либо вескими аргументами. И здесь единственным путем изучения проблемы является лингвистика.

Если выше отмечалось, что для развития русско-чешских культурных связей X—XIII вв. имелись самые благоприятные условия, связанные с политическим общением, некоторое время даже общностью границы, тем более все это можно отнести к Руси и Польше. Непосредственные соседи, исторические судьбы которых столь тесно переплелись уже в древнейшую пору, несмотря на сложность и серьезность для своего времени конфессиональных различий, не могли не иметь контактов и в области культуры. Весьма благоприятствовали этому и теснейшие, почти непрерывающиеся, династические узы. Достаточно напомнить, что Казимир Обновитель был женат на дочери Владимира Святославовича, Болеслав Смелый — на дочери одного из Ярославичей, Мешко III — на Евдокии Изяславовне, Болеслав Кривоустый — на Здиславе Святополковне и т. д.

Значительный вклад в изучение русско-польских культурных связей рассматриваемого периода сделала археология, занимаясь при этом, естественно, вопросами материальной культуры. Первые результаты таких исследований обобщены в статье К. Яжджевского «Русско-польские отношения раннего средневековья в свете археологии»²⁸. Он указал, что такие предметы, как польские шлемы XI—XII вв. из меди и железа, с серебряными украшениями, сделаны по образцу русских. То же можно сказать о керамических поливных плитках с растительным орнаментом и плетенкой, которые встречаются в костелах, на Вавеле, в Крушвице, Иновлодз и др. Обращает на себя внимание также резной тимпан из костела св. Михаила на Ольбине во Вроцлаве (1160—1163), ныне хранящийся во Вроцлавском музее архитектуры. На нем наряду с сыном Болеслава Кривоустого, Болеславом Кудрявым, подносящим модель храма Христу, представлена русская княгиня Агафья, супруга зятя Петра Власты, Яксы. Строительство храма было завершено после смерти Яксы самой Агафьей. Хотя стиль резьбы не несет на себе решительно никаких черт русского искусства того времени и является характерным для польского

²⁷ А. И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, стр. 108—109.

²⁸ К. Jażdżewski. Stosunki polsko-ruskie we wczesnym średniowieczu w świetle archeologii. «Pamiętnik Stowiański», t. IV, z. 2. Wrocław — Poznań, 1955, S. 340—360.

искусства (ср. резьбу в Стшельно), надпись над изображением строительницы храма сделана кириллицей, с употреблением, правда, одной латинской буквы «Агапия»²⁹. По-видимому, по воле заказчицы надпись делали польские мастера, не совсем знакомые с кириллицей.

В связи с отмеченным памятником нельзя не вспомнить о так называемом русском денарии Болеслава Храброго. На лицевой стороне этой монеты изображен в фас князь, в одежде, застегнутой фибулой. По сторонам изображения надпись кириллицей «Болеславъ». На обороте монеты — крест византийского типа. В науке давно уже длится спор о назначении этой монеты: предназначалась ли она для русско-польской торговли, была ли изготовлена для русских владений Болеслава, т. е. для Червенских городов, или просто это была монета для внутреннего обращения в самой Польше, но по каким-то причинам имела славянскую надпись, как другие польские монеты — европейскую³⁰. Спор этот все еще нельзя считать решенным, но бесспорно одно — образцом для монеты были сребреники Ярослава, и изготовителем штемпеля, вероятнее всего, был русский мастер и сама монета не может не войти в число фактов, свидетельствующих о разносторонних русско-польских связях раннефеодального периода. Дальнейшие археологические изыскания, равно как и тщательный анализ и сопоставление уже добытых предметов, помогут расширить и уточнить картину этих связей. Впрочем, и сейчас, несмотря на скудость памятников, можно поставить вопрос о польских отголосках на Руси по археологическим материалам. Сравнительно недавно ряд предметов польского ремесла, либо сделанных по их образцу, найден в Пскове. Примечателен и тот факт, что система конструкций кремлевских укреплений в Москве XII в. (с использованием в креплении вала поперечин-крюков) встречается только в Польше, главным образом в Великой Польше (по определению В. Хенцеля — гнезненский тип)³¹.

Указанное бесспорное сходство пока представляется все еще загадочным. Довольно трудно допустить участие польских мастеров в возведении укреплений в скромной в XII в. Москве. Вероятно, следует искать какие-то промежуточные звенья. Пока они нам неизвестны. Но нельзя забывать о том, что Москва входила в состав Владимиро-Суздальской земли, которая как из-

²⁹ K. Pilch. Tympanon romański z Olbina. «Biuletyn Historii Sztuki», N 25, 1963; а также: «Sztuka Wrocławia». Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967, s. 47—49.

³⁰ Обзор литературы на эту тему дан В. М. Потинным в его книге «Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Историко-нумизматический очерк». Л., 1968, стр. 184—187.

³¹ П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. МИА, № 105. М.—Л., 1961, стр. 111—112. См. также: М. Г. Рабинович. О древней Москве. М., 1964, стр. 27—28.

вестно, имела непосредственные контакты с Галицко-Волынской землей именно в области архитектуры³². А едва ли следует доказывать большие связи Галицко-Волынской земли со своим западным соседом. В Ипатьевской летописи под 1259 г. прямо говорится, что среди строительства холмских храмов были и «Ляхы»³³. Дальнейшее изучение памятников архитектуры Польши и Руси, в особенности Галицко-Волынской земли, бесспорно, обогатит наши представления о русско-польских культурных связях.

Материал, рассмотренный выше, дает главным образом сведения по истории строительного дела, ремесла, прикладного искусства. Область изобразительного искусства как сфера проявления русско-польских взаимосвязей древнейшего периода пока остается совсем неисследованной. Между тем она может быть очень важной для решения нашей проблемы. Достаточно вспомнить, что такие издревле почитаемые в Польше иконы, как богородичные ченстоховская и остробрамская, давно слывут происходящими из Руси. Очень показательной является в этом отношении история ченстоховской иконы и польских сказаний о ней.

Как показали новейшие изыскания краковского реставратора Р. Козловского, икона была написана скорее всего в Византии в технике энкаустики, видимо, около VI в. Вокруг знаменитой святыни издавна возникали легенды, где исторические данные нередко смешивались с домыслами. В первой половине XV в. сведения об иконе были собраны в Ченстоховском монастыре в особом описании ее истории³⁴.

«История» относит создание иконы еще к I в. и приписывает ее, как это было распространено по отношению к иконе Богоматери, евангелисту Луке. В Иерусалиме икона была найдена императрицей Еленой и оттуда согласно легенде перенесена в Константинополь императором Константином Великим, а уже там была «найдена» галицким князем Львом Даниловичем. Галицкий князь поставил ее в г. Белза. В 1372 г. Белзское княжество вместе со всей Червенной Русью перешло во владение опольского князя Владислава.

Едва ли требуют специального опровержения сведения о создании иконы. Они для этого достаточно трафаретны. Вызывает и определенное сомнение известие о находке иконы в Константинополе Львом Даниловичем. У нас нет никаких данных ни о поездке Льва в Константинополь, ни вообще об его особых связях с Византией. Гораздо более вероятным временем принесения

³² Н. Н. Воронин. К вопросу о взаимоотношении галицко-волынской и владими́ро-суздальской архитектуры XII—XIII веков. «Краткие сообщения об окладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», вып. 3, 1940, стр. 22—27.

³³ ПСРЛ, т. II. М., 1962, стб. 843.

³⁴ См. ее в статье: S. Szafranec. Jasna Góra. Studium z dziejów kultu Matki Boskiej Częstochowskiej. «Sacrum Poloniae Millennium», t. V. Rzym, 1957.

ния иконы в Россию представляется вторая половина XII в. Галицкая земля поддерживает теснейшие и разносторонние связи с Византией. Именно в этот период на Русь привозят из Византии такие иконы, как Владимирская, Пирогощая. Непосредственно в самой Галицкой земле в этот период побывали, ища убежища, два византийских императора Андроник Комнен в 1166 г. (правил в 1180—1185)³⁵ и Алексей Ангел (правил в 1195—1203)³⁶, которые вполне могли привести с собой иконы и некоторые из них, в том числе и древнюю почитаемую икону, оставить, как дар приютившей их земле.

Все это, однако, может быть, конечно, не более, чем предположение. Гораздо более конкретного материала дает «История» в дальнейшем своем изложении.

Особого внимания заслуживает при этом эпизод о нападении на Белз татар и литовцев. Стрела одного из них попала в правую сторону иконы и тотчас наступила мгла, в которой враги перемешались³⁷. Нетрудно заметить разительную аналогию между этой легендой и Сказанием о новгородской иконе Богоматери Знамение³⁸. Сказание повествует об осаде суздальскими, смоленскими, рязанскими, муромскими и полоцкими войсками во главе с сыном Андрея Боголюбского Мстиславом в Новгороде в 1169 г., события, хорошо известного по новгородским летописям. Согласно сказанию, суздальцы святотатственно «испустившие стрелы яко дождь на град», когда на его стены была вынесена икона Богоматери. В наказание за это «в той час покры их тма и начаша друг друга сещи и на смерть предавати»³⁹.

Столь же разительно сходство повествования о перенесении Ченстоховской иконы из Белза в Ченстохову с русским рассказом о перенесении иконы Владимирской Богоматери из Вышгорода во Владимир, так наз. «Чюде в Боголюбове». Когда Владислав Опольский решил вести икону в Ополе, возок с ней чудесным образом остановился в Ченстохове и Владислав воспринял это как повеление Богоматери поставить ее икону в Ченстохове. Точно так же согласно Степной книге было при Андрее Боголюбском: сани, на которых он вез икону во Владимир, остановились в Боголюбове⁴⁰.

³⁵ Рассказ об этом см. в соч. Никиты Акомината «История, начинающаяся с царствования Исаака Комнена», т. I. СПб., 1860.

³⁶ «История СССР», т. I. М., 1966, стр. 614.

³⁷ S. Szafranlec. Op. cit., s. 25.

³⁸ На это сходство недавно было указано польскими исследователями средневекового искусства Терезой Мрочко и Барбарой Домб; см.: *Tereza Mroczko i Barbara Dab. Gotyckie Hodegerie Polskie. «Sredniowiecze»*, t. III. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966, s. 24.

³⁹ Повесть о победе новгородцев над суздальцами: «Памятники старинной русской литературы», т. I. СПб., 1860, стр. 242.

⁴⁰ О русских сказаниях, связанных с «Чудом в Боголюбове», см.: Н. Н. Воронин. Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. «Византийский временник», т. XXVI. М., 1965, стр. 198—201.

Подобный эпизод, согласно монастырским преданиям, повторился с Ченстоховской иконой и позже, в 1430 г., когда Ченстохову захватили табориты. Воз, на котором они увозили из монастыря награбленные ценности, в том числе и икону, не двигался с места, пока с него ее не сбросили⁴¹. При этом один из таборитов нанес по иконе удары саблей. Сброшенная с воза икона раскололась на три части.

Таким образом, мы имеем чрезвычайно интересный в истории культурных взаимосвязей случай: в связи с произведением искусства из одной страны в другую перекачывают и литературные памятники. Популярные на Руси сказания об иконах как бы сопровождают Ченстоховскую икону в передвижении сюжета по Галиции и Польше.

Пример подобного рода литературных взаимосвязей, столь тесно переплетающихся с искусством, вероятно, может быть умножен последующими исследованиями. Пока же приходится констатировать полное отсутствие хотя бы беглых наблюдений в области русско-польских литературных связей древнейшего периода. И материалы русских летописей, содержащих немало сведений о польских событиях, и польских хроник с их сведениями о Руси, в их взаимном сопоставлении, и памятники агиографии и гимнографии, остаются неизученными с точки зрения русско-польских связей. И поэтому как-то неожиданно в XV в. возникает фигура Длугоша, открывающего целую традицию в польской историографии, традицию обращения к русским летописям и житиям.

Перед исследователями стоят большие и сложные задачи по изучению культурных связей западных и восточных славян. Успех их исследования во многом зависит от разработанности древнейшей истории культуры каждого из народов, но и, наоборот, многие явления этой истории можно понять и должным образом оценить, учтя те взаимные контакты и взаимное обогащение достижениями культуры, которые неотъемлемы от путей исторического развития восточных и западных славян.

⁴¹ «Ченстоховская чудотворная икона Богородицы». Вильна, 1881, стр. 20—21.

ВОЙНА РУСИ ПРОТИВ ВИЗАНТИИ В 1043 Г.

В ряду походов Руси на Византию последний поход 1043 г. занимает, несомненно, особое место. Это было первое и единственное военное предприятие христианской Руси, направленное непосредственно против Византийской империи, откуда Русь едва столетия назад приняла новую религию. Причем принятие христианства от Византии сопровождалось неслыханной и беспрецедентной по нравственно-политическим понятиям того времени честью для правителя «варваров» Владимира: он стал мужем единственной родной сестры василевса, «рожденной в пурпуре».

Казалось бы, донесенные до нас историей скудные сведения сохранившихся источников не могут оправдать столь ярко проявившегося рецидива ненависти правоверной Руси к Византии, лишь недавно ставшей «крестной матерью» северного гиганта. Казалось бы, постоянные дружеские связи Руси и Византии непрерывно углублялись и крепили в ходе истекших 53 лет после ухода Владимира из-под Херсона (Корсуня). Мало того, в то самое время, когда русская рать отправлялась в поход и угрожала самому Константинополю, в Киеве византийские мастера трудились над украшением интерьера св. Софии, а в столице империи пребывали во множестве русские купцы и воины, несшие здесь союзническую службу...

И тем не менее — поход. Поход, по сложности и трудности организации дальней заморской экспедиции являвшийся, безусловно, крупнейшей внешнеполитической акцией Руси во время правления Ярослава Мудрого. Было бы, по нашему мнению, бесплодным занятием искать причины этого военного предприятия в каких-либо агрессивных действиях против Руси со стороны империи: Русское государство находилось в этот период в зените своего могущества, активно расширяя и укрепляя свои границы, Византия же переживала все более углубляющийся кризис и сосредоточивала свои усилия на глухой круговой обороне.

Конечно, не следует преувеличивать значение похода 1043 г.: он был лишь одним из многочисленных военных предприятий

Ярослава, его организация вряд ли серьезно подорвала бюджет Древнерусского государства, его неудача не ослабила, как это показывают источники, сил Руси и не пошатнула ее позиций в отношениях с самой империей.

Учитывая, однако, широкий внешнеполитический аспект дипломатии Ярослава Мудрого, нельзя не признать, что причины и цели похода, в котором объединились силы двух крупнейших центров Руси (Киева и Новгорода), были достаточно глубоки и серьезны, что эта акция отражала интересы широких кругов господствующего класса Древнерусского государства.

Но в чем состояли эти причины и цели войны русских против Византии в 1043 г.— неизвестно: историография, по нашему мнению, еще не дала на этот вопрос удовлетворительного ответа.

Перенеся в опубликованной четыре года назад заметке дату появления близ Константинополя русского военного флота с июня на июль 1043 г., мы не предполагали столь скоро вернуться к этому сюжету, хотя тогда же отметили, что даже незначительно уточненная датировка может привести к установлению иного соотношения и иной зависимости между некоторыми важными событиями и способна существенно повлиять на представления о причинах и целях последнего похода русских на столицу Византийской империи¹.

Вновь обратиться к проблеме похода 1043 г. нас побудила весьма интересная и основательная монография А. Поппэ («Государство и церковь на Руси в XI столетии»²), вышедшая в свет в том же году, что и наша заметка о дате похода, и ставшая нам доступной благодаря любезности автора в начале 1969 г.^{2а}

Третья, самая обширная, глава монографии А. Поппэ («Византийская политика Ярослава Мудрого», стр. 69—130), посвящена детальному анализу известных на сегодняшний день науке данных о походе Руси и критическому разбору литературы вопроса. Довольно много внимания автор уделил при этом нашей статье, в которой мы рассмотрели известия о походе византийского современника событий Михаила Пселла³, и высказал ре-

¹ Г. Г. Литаврин. Еще раз о походе русских на Византию в июле 1043 г. ВВ, XXIX, 1968, стр. 107.

² А. Poppe. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968. Более кратко свою точку зрения на поход 1043 г. А. Поппэ изложил за год до этого в статье: А. Poppe. Opowieść latopisarska o wyprawie «na Greków», w 1043 r. Jej redakcyjne i okoliczności powstania. «Slavia Orientalis», XVI, № 4, 1967, S. 349—362, в которой дал оценку известиям о походе, содержащимся в русских летописях.

^{2а} Тогда же была написана нами и данная статья, выход которой в свет задержался по не зависящим от нас причинам.

³ Г. Г. Литаврин. Пселл о причинах последнего похода русских на Константинополь. ВВ, XXVII, 1967, стр. 71—86.

шительное несогласие с некоторыми из наших важнейших выводов⁴.

Начнем, однако, не с полемики⁵ и даже не с рассмотрения литературы вопроса: достаточно полно история изучения похода 1043 г. изложена в работе польского ученого. Отметим только, что до недавнего времени при объяснении причин русской военной экспедиции в историографии в целом господствовали три главные концепции. Согласно первой из них (М. Д. Приселков, А. А. Васильев, В. В. Мавродин, Д. С. Лихачев и др.), основное значение в конфликте имела церковно-иерархическая зависимость Руси от Константинополя, от чего хотел избавиться Ярослав Мудрый. Согласно сторонникам другой теории (И. У. Будовниц, М. В. Левченко), гораздо большую роль, чем церковные противоречия, сыграло столкновение государственно-политических интересов Руси и Византии. Наконец, ряд исследователей (Г. Вернадский, В. Т. Пашуто, В. Д. Королюк и др.) полагают, что при определении причин русско-византийского конфликта необходимо принимать во внимание весь комплекс отношений Киева с Константинополем, как экономических, так и политических и церковных.

Начнем с фактов. Поскольку сведений источников для восстановления сколько-нибудь полной картины похода крайне мало, подавляющее большинство исследователей при их оценке вольно или невольно исходили из определенной позиции, которая была результатом рассмотрения иных, далеких от этой частной проблемы вопросов.

Мы отнюдь не хотим сказать, что фактам при этом не было уделено должного внимания (такого упрека никак нельзя сделать по крайней мере Г. Вернадскому, М. В. Левченко и В. Т. Пашуто). Не думаем мы также, что столь важное и крупное событие, как военное предпринятие одного государства против другого, можно удовлетворительно объяснить, изолировав эту проблему от всего комплекса иных вопросов, связанных с общей внутренней и внешней политикой Руси и Византии в этот период.

Наша мысль заключается в том, что состояние исследования проблемы похода 1043 г. в историографии оправдывает необходимость выделить из всей суммы сведений хотя бы минимум наиболее достоверных, восстановить на их основе общую (пусть

⁴ А. Poppe. Państwo i..., s. 73—76. В 1971 г. третья глава монографии А. Поппэ в переработанном виде была опубликована в «Бизантиноведении» (А. Poppe. La dernière expédition russe contre Constantinople. BS, XXXII. 1, p. 1—29; XXXII, 2, p. 233—268). Не имея ныне возможности остановиться на всех нюансах, отличающих эту статью от главы в книге, отметим, что в целом позиция автора в решении подавляющего большинства вопросов, связанных с событиями 1043 г., осталась неизменной.

⁵ Ниже мы не будем касаться других разделов книги Поппэ, нашедшей хотя и критическую, но в целом весьма положительную оценку в рецензии В. Д. Королюка (см.: ВВ, XXXI, 1971, стр. 202—206).

не столь детальную, зато менее спорную) картину событий — и лишь на основе этого материала проверенных фактов предпринять попытку их объяснения. Нам представляется, что такой подход к делу способен привести к некоторым новым результатам — он поможет, как мы надеемся, более четко наметить грань между объективно вытекающим из фактов выводом и широкой научной гипотезой.

Спорность проблемы и декларированный нами выше метод ее рассмотрения обязывает нас, как нам кажется, привести ниже по возможности полную сводку известий о походе в сохранившихся источниках — тем более что до сих пор этого в систематическом и обозримом для читателя виде еще не делалось.

Мы располагаем тремя группами источников, содержащих сведения о русском походе 1043 г.: источниками русскими, византийскими и восточными. Рассмотрим последовательно каждую из этих групп в отдельности и в сопоставлении их друг с другом.

Как известно, русские летописи сохранили две версии рассказа о походе: краткую (или «киевскую», как ее часто называют) и обширную (или «новгородскую»). Известно также, что в безбрежной литературе, посвященной текстологии русских летописей, высказано поистине бесчисленное количество теорий, гипотез, догадок, касающихся, в частности, и пассажей, повествующих о последней военной экспедиции русских против Царьграда. Буквально почти каждое слово обширной версии, отсутствующее в краткой, поставлено под сомнение. При этом сплошь и рядом спорящие стороны (в том числе советские историки) ведут полемику, лишь эпизодически и частично привлекая наиболее древние (даже современные походу) свидетельства византийских авторов.

Мы не разделяем позицию гиперкритиков, дающих низкую оценку достоверности всех известий о походе, заключенных в летописях софийско-новгородского цикла, но коль скоро такие сомнения продолжают высказываться и по сей день, мы готовы — в согласии со сказанным выше — отказаться от большей части этих известий, опираясь в основном лишь на те данные, которые совпадают в обеих летописных версиях.

Для наших целей не имеет решающего значения, был ли воеводой всего войска Вышата, или одним из воевод, или вообще таковым не был; в каких отношениях родства (если оно вообще имело место) он находился с новгородским посадником Остромиром; об одном или двух Янах повествуют летописи; какова была роль Ивана Творимирича и т. п. Мы готовы допустить, что сын (Ян) полководца (Вышаты) не мог сказать ни слова правды, повествуя об отце, так как преследовал при этом будто бы единственную цель — прославить родителя. Готовы мы согласиться и с тем, что варяги вообще никогда и нигде не были спо-

собны «бежать воспать» с поля боя, и сообщение об этом, содержащееся в обширной версии, — не более чем неуклюжая попытка свалить вину за неудачу похода на варягов...

Итак, согласно краткой версии, инициатором похода «на греков» был Ярослав — он послал на них своего сына, новгородского князя Владимира, дав ему много воинов. Русское войско отправилось на ладьях (т. е. по водному пути — Днепру), достигло Дуная, а оттуда приплыло к Царьграду. После этого произошла буря, разбившая русские суда, в том числе и корабль самого князя Владимира, перебравшегося на корабль Ивана Творимича. 6000 воинов Владимира были выброшены бурей на берег и, не имея больше ладей, решили идти на Русь по суше. Из княжеской дружины никто не захотел их возглавить, и Вышата добровольно решил пойти с ними. Греки, узнав о том, что русские потеряли в бурю много судов, отправили против них 14 военных кораблей (олядий), но, увидев погоню, Владимир повернул на встречу, разбил греков и вернулся водным путем на Русь. Вышата же вместе с другими, оставшимися на берегу, был взят в плен и приведен в Царьград, где много русских пленных было ослеплено. Через три года был установлен мир, и Вышата смог вернуться на Русь к Ярославу⁶.

Наиболее существенные добавления обширной версии сводятся к следующему: 1) начался поход в весеннее время; 2) среди воинов, которых Ярослав дал Владимиру, были русские (Русь) и варяги; 3) воеводство Ярослав поручил Вышате⁷; 4) на Дунае между русскими и варягами вспыхнул спор: русские предлагали Владимиру занять позицию «здесь, на поле», а варяги — идти на ладьях к Царьграду; 5) греки, увидя русских, вышли из-за стен Царьграда к морю и, опуская в него «пелены Христовы с мощами святых», вызвали бурю, и когда буря стала разбивать суда, «побегоша варязи воспать».

А. Поппэ, детально рассмотрев как эти, так и прочие добавления обширной версии, пришел к решительному выводу, что все они являются поздними интерполяциями, не имеющими значения исторического источника: одни из них (упоминание о весне как о начале похода, о проходе через днепровские пороги, о драматическом эпизоде, когда «нагие», лишенные судов воины ждали на суше, кто возглавит их на опасном пути на родину) являются, по мнению польского ученого, литературным домыслом, другие же (упоминание о варягах в войске Владимира, о

⁶ ПСРЛ, т. 1, вып. 1. Л., 1926, стб. 154; ПСРЛ, II, вып. 2. СПб., 1903, стб. 141—142; ПВЛ, изд. Д. С. Лихачева, ч. 1. М.—Л., 1950, стр. 103—104. Пересказывая текст, мы сознательно опустили некоторые детали, которые и в этой версии вызывают особое недоверие.

⁷ А. Поппэ не называет этого пункта в числе интерполяций обширной редакции, поскольку о пленении Вышаты и его возвращении на Русь идет речь и в краткой редакции, но он отказывает Вышате в сколько-нибудь значительной роли в походе (А. Poppe. *Orowieść...*, s. 353—356).

споре с ними на берегах Дуная, о бегстве варягов от Царьграда в бурю) изобличают лишь тенденциозный замысел новгородского «редактора», пытавшегося свалить вину за неудачу похода на варягов⁸.

Хотя было бы вполне оправданным предположение, что политические цели похода были гораздо менее близки союзным или наемным варягам, чем русским, не будем спорить в данном случае. Однако невозможно, на наш взгляд, отвергать как интерполяцию само упоминание о варягах в составе войска Владимира и о его остановке на Дунае. О варягах сообщают и Скилица, и восточные авторы, а Дунай на пути Владимира упомянут и в краткой версии.

Как известно, известие краткой летописной версии о том, что Владимир прибыл вначале к Дунаю, было для А. А. Шахматова весьма серьезным аргументом в пользу предположения о каких-то существенных событиях, происшедших у Дуная и отразившихся на дальнейших судьбах экспедиции⁹. Иначе говоря, даже Шахматов, весьма скептически относившийся к обширной версии, оценивая достоверность ее известия о споре с варягами у Дуная, не скрывал сомнений в справедливости своей позиции. Во всяком случае мы не можем принять то простейшее объяснение, которое предлагает А. Поппе. По мнению польского историка, Дунай назван в краткой версии лишь потому, что его устье, согласно свидетельству Константина Багрянородного¹⁰, было местом дневок русских караванов на их пути к Константинополю, а также потому, что флот Владимира был вынужден здесь устранить, насколько это было возможно, последствия жестокой бури, пережитой участниками похода между устьями Днестра и Дуная¹¹.

Аргументы эти нельзя признать достаточно вескими: названный царственный автор упоминает в качестве мест дневок не только устье Дуная, но и остров св. Григория, остров св. Эферия, устье Днестра, р. Аспрон и ряд пунктов на западном берегу Черного моря¹², в летописи же сказано лишь об устье Дуная. О какой бы то ни было буре между устьями Днестра и Дуная вообще нет никаких известий в источниках. Русские летописи — самое большее — позволяют заключить, что шторм настиг русские ладьи либо на пути от Дуная к столице империи, либо уже после того, как флот Владимира побывал под Константинополем.

Нет решительно никаких оснований думать, что летописи со-

⁸ Ibid., s. 351—353.

⁹ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1903, стр. 623—624.

¹⁰ *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio*, ed. Gy. Moravcsik. — R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949, p. 62.98 (далее — *Const. Porphy.*).

¹¹ A. Poppe. *Opowieść...*, s. 352.

¹² *Const. Porphy.* De adm., p. 60, 62.

общают о какой-то другой буре, чем та, о которой повествуют византийские авторы. А они пишут, что шторм, нанесший существенный урон русскому флоту, разразился вскоре после начала генерального морского сражения.

А. Поппэ совершенно прав, говоря, что слова обширной версии «варяги и Русь» давно уже стали одним из сильнейших аргументов в пользу признания текста «Повести временных лет» в данном месте сокращенным вариантом первоначальной редакции, поскольку Иоанн Скилица также пишет об участии в походе в качестве союзников немалого числа воинов из народов, «живущих на северных островах Океана»¹³. Факт участия в походе варягов неоспорим, и мы никак не можем уразуметь, почему ради постулата о тенденциозности летописца, следует даже само упоминание о варягах в обширной версии считать следствием заведомой фальсификации. Нас не убедили новые доводы, приведенные А. Поппэ в пользу того, что обширная редакция представляет собой распространенный за счет позднейших искажений вариант краткой редакции¹⁴. Мы считаем более правыми тех, кто рассматривает краткую редакцию как сокращенный позднее вариант обширной. Но мы готовы и здесь сделать уступку: пусть «варяги» обширной версии лишь интерполяция тенденциозного редактора, однако она в данном месте соответствовала действительности.

Что касается причин и целей похода, то летописи не содержат на этот счет решительно никаких данных. Умалчивают они и о генеральном морском сражении с византийцами близ Константинополя.

Обратимся теперь к византийским источникам. Известия о походе 1043 г. содержатся в сочинениях шести византийских авторов: Михаила Пселла, Михаила Атталиата, Иоанна Скилицы, Иоанна Зонары, Михаила Глики и Ефрема.

Первый из этих авторов был не только современником, но и очевидцем морского сражения с русскими. Михаил Атталиат в 1043 г. также, по всей вероятности, находился в столице империи так как, по его собственным словам, описал события 1034—1079 гг. (в том числе события столичной и придворной жизни) «не по слухам и байкам других» (οὐκ ἀκοῇ καὶ μύθοις ἑτέρων), «а будучи сам свидетелем и очевидцем» (ἀλλ' ... αὐτὸς αὐτόπτης καὶ θεατής)¹⁵. Иоанн Скилица был младшим современником двух первых авторов, однако время, с которого он жил в Константинополе, точно не известно: во всяком случае в 1043 г. он находился в детском либо отроческом возрасте. Писал Скилица свою хронику во второй половине XI столетия (может быть, од-

¹³ Cedrenus, II, p. 551, 11—13 (далее — Cedr.).

¹⁴ A. Poppe. *Opowieść...* s. 351—353.

¹⁵ «Michaëlis Attaliotæ historia». Bonnæ, 1853, p. 8, 13—14.

новременно с работой Пселла над своей «Хронографией»), привлекая не дошедшие до нас сочинения своих предшественников. Среди византинистов хроника Скилицы пользуется репутацией богатого и надежного источника¹⁶. Иоанн Зонара составил свой труд примерно через столетие после интересующих нас событий. В пассаже о нашествии русских Зонара использует сочинение Атталиата, Пселла и — особенно — Скилицы, однако некоторые ремарки автора представляют интерес. Известиями двух последних из вышеупомянутых византийских авторов можно пренебречь: Глика, опираясь на Скилицу и Зонару, не сообщает ничего нового¹⁷, а Ефрем говорит лишь о самом факте нападения русского флота на Константинополь и о его разгроме византийцами в морском бою¹⁸.

Поскольку в свое время весь отрывок из «Хронографии» Пселла, где рассказывается о набеге русских, был опубликован в переводе В. Г. Васильевского¹⁹ и поскольку дословное приведение известий византийских авторов заняло бы слишком много места, ограничимся, по возможности, более точным и полным их пересказом.

Интересующий нас пассаж «Хронографии» Пселла имеет заголовок «О восстании русских и мятеже Торника» (Περὶ τῆς τῶν Ῥώσων ἐπανάστασεως καὶ τῆς τοῦ Τορνικίου ἀνταρσίας)²⁰. Непосредственно этому заголовку предшествует рассказ о подавлении мятежа Георгия Маниака и о триумфе в Константинополе по этому поводу. После избавления от «тирании» Маниака, продолжает Пселл, имела место война с «варварами». Неисчислимые русские ладьи, прорвавшись тайком либо силой мимо сторожевых постов, находившихся в отдалении от столицы, достигли Пропонтиды, тучей внезапной нависнув над Константинополем. Далее Пселл излагает причины, по которым русские двинулись против «ни в чем не повинного перед ними» Константина IX Мономаха. Во все времена враждуя против «игемонии ромеев», русские не решались нападать при Василии II и Константине VIII, но уже с царствования Романа III (1028—1034) помышляли о походе, а за непосредственную его подготовку принялись при Михаиле IV (1034—1041), «против него именно» и вооружая свои силы. Но Михаил IV умер, как и недолго правивший его племянник Михаил V, и хотя у русских не было никаких оснований для недовольства Константином Мономахом, они пошли против него беспричинной войной, дабы их приготовления не оказались бесполезными. Находясь уже в Пропонтиде, русские

¹⁶ G. Morsavcsik. Byzantinoturcica, II. Berlin, 1958, S. 336—337.

¹⁷ «Michaelis Glycae Annales». Bonnae, 1836, p. 595, 6—13.

¹⁸ «Ephraemus». Bonnae, 1840, p. 136, ver. 3120—3126.

¹⁹ В. Г. Васильевский. Труды, т. I. СПб., 1908, стр. 304—307.

²⁰ Вопрос о принадлежности заголовков «Хронографии» перу самого Пселла еще недостаточно изучен. Ср.: A. Poppe. Państw..., s. 77, п. 26.

сначала предложили мир (πρόδοσις), если ромеи согласятся дать за мир плату (μισθοῦς) — по тысяче статиров на каждую ладью. Устанавливая эту цену мира, русские либо думали, что у ромеев есть золотые источники, либо решились на войну в любом случае и хотели лишь иметь в неизбежном отказе на их требования благовидный предлог для нападения. Когда их послы не были удостоены ответа, они приготовились взять город, полагаясь на свою многочисленность. Морских же сил было мало в столице: они были рассеяны вдоль побережья, охраняя разные части страны. Поэтому василевс, собрав остатки старого флота, несколько триер и грузовые царские суда, снарядил их, особенно оснастив «жидким огнем», посадил на них воинов и поставил в заливе против ладей «варваров», где и сам, несколько ближе к берегу, стоял на якоре ночью с отборной частью синклита. Открыто возвестив варварам войну, утром он построил суда в боевой порядок. Русские, поднимаясь как будто из лагеря, отошли на значительное расстояние в море от лежащих против византийцев заливов и построились тоже цепью — в один ряд, опоясав море от одного до другого залива, чтобы либо напасть, либо отразить атаку. Зрелище это «смущало душу» Пселла, который стоял около василевса, сидевшего на покато спускающемся к берегу холме. Ни одна из сторон не начинала битвы. Так прошла «значительная часть дня». Наконец, василевс дал знак двум большим кораблям медленно идти вперед. Копьеносцы и пращники, бывшие на палубах, издали боевой клич, огнеметчики приготовились к делу. Большинство ладей варваров ринулись навстречу, разделяясь на ходу на группы, окружая каждую из триер и стараясь снизу пробить их копьями. Сверху врагов поражали камнями и веслами. Когда на них был извергнут огонь, то одни бросились в море, чтобы плыть к своим, а другие отчаялись в спасении. Дается второй знак — и уже много триер и других судов, идя за первыми или рядом с ними, двинулись вперед. Ромеи ободрились, а враг стоял в испуге. Когда же триеры оказались рядом с варварами, строй их ладей распался; часть ладей осмелилась остаться на месте, а большинство повернуло назад. Тут солнце внезапно взяло снизу тучу, погода изменилась, и сильнейший ветер с востока вызвал на море бурю. Волны обрушились на ладьи варваров, поглотив одни из них, а большую часть бросив на прибрежные скалы и утесы. Триеры настигали ладьи, предавали одни из них пучине вместе с людьми, а другие разбивали, и воины, бывшие на триерах, вытаскивали передние части ладей на берег. «Произошло великое избиение варваров, и море как будто сверху, из рек, окрасил истинные убийственный поток». Так, победив варваров, василевс триумфатором вернулся с моря во дворец²¹.

²¹ Michael Psellus. Chronographie, II. Paris, 1928, p. 8—12.

Об этом сражении Пселл, спустя 12—13 лет после него, упомянул еще раз в своем риторическом обращении к императрице Феодоре, заметив, что тавроскифы (русские) «были рассеяны огнем и водою»²².

Гораздо более лаконичен рассказ Атталиата. Когда император, пишет он, избавился от забот, связанных с ликвидацией заговора Стефана севастофора, тотчас явилась другая беда, «ибо морская война с иноплемениками обрушилась на столицу вплоть до Пропонтиды». Не менее 400 судов русских напали на Константинополь, имея множество хорошо вооруженных и опытных воинов. Столицу охватил немалый страх, так как она была неподготовленной из-за неожиданности нашествия иноплемеников. Впрочем, василевс, собрав оказавшиеся под рукой длинные корабли и прочие военные суда, расположив пешие войска вдоль лежащих по соседству берегов и получив подкрепление в сухопутной и морской силе благодаря грамотам, отправленным к властям провинций (*εἰς τὰς κατὰ γῆρας ἡγεμονίας*), «в первый день недели, который воскресеньем нарицает христианнейший люд», двинул на врага и сухопутное и морское войско. При этом отправился и он сам с императорским кораблем и напал на противника. Носы судов сияли, извергая «мидийский огонь». Враг был принужден бежать. Некоторые из его судов были сожжены, другие потоплены вместе с людьми, а третьи захвачены с их экипажем. Особенно при этом отличился магистр Василий Феодорокан, славный в делах военных. Находясь на ромейском корабле и напав на русское судно, он с оружием вступил в него, и, в одиночку ведя бой со всеми бывшими на судне врагами, одних убил, а других принудил броситься в море. Так, выиграв и эту битву, василевс обрел покой, с удовольствием занявшись гражданскими делами (*τῶν πολιτικῶν πραγμάτων*)²³.

Наиболее подробен и содержателен рассказ Скилицы. В июле месяце, повествует этот автор, был ликвидирован заговор Стефана севастофора и в июле же того же (т. е. 11-го.—Г. Л.) индикта случилось и «движение» (*κίνησις*) народа Рос на столицу. До той поры русские хранили мир с ромеями, без опаски встречались и посылали друг к другу купцов. Но в то время в Византии на рынке произошла ссора с несколькими скифскими купцами, за нею последовала драка, и был убит некий знатный скиф. Тогда правитель (*κατάρχων*) этого народа Владимир, человек горячий, охваченный гневом при вести о случившемся, безотлагательно собрав всех способных носить оружие и «взяв с собою немало союзников (*συνμαχίῳν*) из народов, проживающих на северных островах Океана» (всего, как говорят, у него было около ста тысяч человек), выступил на войну на судах,

²² Michael Psellos. Scripta minora, I. Milano, 1936, p. 10, 7.

²³ Attaliates, p. 20, 9—21, 16.

называемых по-туземному однодеревками. Узнав об этом, василевс отправил послов, прося опустить оружие и обещая исправить, если что-нибудь и случилось неуместное (ἄτολον), чтобы ради малости (διὰ μικρὸν...πράγματος) не рушить издревле утвержденного мира и не воспламенять народы друг против друга. Получив от послов грамоты, Владимир дал надменный ответ, и василевс, отчаявшись в мире, принял, как было должно, меры к противодействию. Живущих в столице скифских купцов, а также тех, кто находился здесь ради союзнической службы, он рассеял по фемам, чтобы не возник внутри какой-либо заговор²⁴, как к тому располагали время и обстоятельства. Он снарядил и царские триеры и немало других средних и легких судов и, введя на них войско из воинов, оказавшихся тогда в Византии, выступил, находясь сам на царском дромоне, и стал против скифов, стоявших на якоре в устье Понта, в так называемом Фаросе. По суше василевса сопровождало немалое конное войско. Ни одна из стоящих друг против друга сторон не начинала дела: скифы, не подымая якорей, хранили спокойствие, неколебим был и василевс, ожидая их движения. Время шло, час был поздний, и василевс к вечеру снова отправил послов для переговоров о мире. Но варвар опять с бесчестьем отослал их, заявив, что требует за мир у василевса по три литры золота на каждый имеющийся у него отряд²⁵. Так как ответ показался неприемлемым, василевс решается на битву. Он послал магистра Василия Феодорокана с тремя триерами-дромами на строй скифов, чтобы попытаться перестрелкой втянуть их в битву. Но Василий ворвался в середину строя скифов, сжег семь ладей «искусственным огнем», три потопил вместе с людьми, а одну захватил, сам вступив в нее и убив одних, а других обратив в бегство, пораженных его отвагой. Скифы, увидев, что и василевс подходит со всем флотом, и сообразив, что их теперь может ожидать, если они только что столь пострадали всего от трех триер, обратились в бегство. Натыкаясь на скалистые места и подводные камни, они лишились большей части ладей. А с суши на них нападали находившиеся на берегу воины, убивая их, так что потом на побережье было найдено около 15 тысяч выброшенных морем трупов. Василевс, прождав после поражения скифов два полных дня, вернулся на третий в столицу, оставив две тагмы и так называемые этерии под главенством паракимомена Николая и Василия Феодорокана и повелев им осматривать, объезжать и охранять побережье, что-

²⁴ А. Поппе переводит: «заговор с их стороны» (А. Porpe. Ραϊστω..., s. 107), но это уже толкование, а не перевод.

²⁵ «отрат» (от «отратос» — «войско», «отряд»). А. Поппе переводит: «воина» (от «отрати» (А. Porpe. Ραϊστω..., s. 109), предполагая возможную опisku в источнике, но никак не оговорив этого. Впрочем, такую же ошибку склонна усматривать здесь и Э. Арвейлер (H. Ahrweiler. Byzance et la mer. Paris, 1965, p. 128).

бы варвары не совершили высадки, а всему флоту приказал пребывать у Фароса. Люди Паракимомена и Феодорокана, обходя берега, где были выброшены тела варваров, стали обладателями большой добычи и доспехов. Двадцать же четыре триеры, отделясь от прочего флота, последовали за бегущими скифами и настигли их стоящими на якоре в некоем заливе. Скифы, видя немногочисленность триер и точно узнав, что их не более, чем явилось, растянулись цепью от одного до другого берега, и, с силой налегая на весла, стремились запереть врага внутри залива. Ромеи, уставшие от гребли в ходе преследования и испугавшиеся множества варварских ладей, обратились в бегство. Но варвары уже овладели устьем залива, и выход из него оказался заперт. Тогда патрикий Константин Каваллурий, стратиг фемы Кивирреотов, храбро принял бой со своей триерой и другими десятью²⁶. В отчаянном бою он был убит. Враг захватил четыре триеры с людьми вместе с кораблем наварха (Каваллурия.— Г. Л), и все ромеи в этих триерах были перерезаны. Прочие же ромейские суда выбросились на мели, скалы и камни. При этом часть воинов утонула, часть была схвачена варварами и предана мечу и рабству, а часть (пешие и голые) спаслись в свой лагерь. Скифы же, обманувшись в своих надеждах, вспомнили о возвращении домой. Сразившись с ними, возвращающимися по суше и по морю (ибо для всех их не хватало ладей, одни из которых были потоплены или захвачены в морском бою, а другие разбиты бурей и волнением, и поэтому многие совершали путь пешком), на берегу, называемом Варной, «архонт городов и деревень», у Истра Катакалон Кекавмен разгромил русских, многих уничтожил, а 800, взяв живыми и связав, отправил к василевсу. Этот же муж еще раньше, когда, выступив из родных мест, скифы двигались к столице и, достигнув его области, сходили с судов для пополнения запасов продовольствия, собрав свое войско, напал на них и, смело сражаясь, обратил в бегство и принудил вернуться на свои лады. Теперь, снова (πάλιν), охраняя прибрежные деревни находившейся под его управлением провинции и ожидая исхода дела, он встретил возвращающегося врага и, крепко противоборствуя, совершил то, что было сказано²⁷.

Из повествования Зонары приведем лишь то, что отсутствует в рассказах Пселла, Атталиата и Скилицы. Зонара упоминает о родстве по браку между русским и византийским дворами (имея, несомненно, в виду женитьбу Владимира на порфирородной Анне), заключенному с целью достижения согласия между

²⁶ Отметим совпадение цифр: Василий Феодорокан разгромил 11 русских ладей (7 сжег, 3 потопил, 1 захватил), Каваллурий бросился в бой с 11 триерами, которые были разгромлены русскими.

²⁷ *Georgius Cedrenus. Joannis Scylitzae op. Bonnae, 1839, p. 551—555.*

обоими народами. Рассказывая о ссоре в Константинополе и именуя русских то «тавроскифами», то «скифами», он говорит, что их тогда было много в столице. Заимствуя в дальнейшем свои сведения почти исключительно у Скилицы, Зонара в отличие от этого хрониста подчеркивает значение бури в поражении русских: «содействовало тогда борению ромеев и вышнее некое вмешательство» (συνεράχθη δὲ Φορμαῖοις τότε καὶ ἄνωγεν τις ὄρη) ²⁸.

Сравнивая приведенные нами известия о походе, содержащиеся в сочинениях византийских авторов, с данными русских летописей, следует отметить, что они не столько противоречат друг другу, сколько взаимно дополняют друг друга: авторы-греки плохо осведомлены об обстоятельствах движения русских с родины до столицы империи, а русские — о том, что делалось в империи во время пребывания флота Владимира близ Константинополя.

Основные противоречия между этими двумя группами источников сводятся к следующему: 1) летописи представляют новгородского князя Владимира лишь исполнителем воли своего отца Ярослава Мудрого, византийские же авторы пишут о Владимире как о единственном повелителе русских и совсем не упоминают о Ярославе; 2) в летописях вовсе не говорится о главном морском сражении и неудача похода приписывается в основном буре на море близ столицы империи; византийские хронисты подробно рассказывают о главной битве и прославляют ромейское оружие как основную причину победы, в лучшем случае признавая серьезное влияние на исход боя внезапно разразившейся бури (Пселл, Зонара); 3) летописи говорят о 14 византийских олядьях (хеландиях), посланных вдогонку за русскими и разгромленных ими, византийцы пишут о 24 триерах ²⁹.

Решая, естественно, первое противоречие в пользу русских источников, а второе — в пользу византийских, мы готовы пренебречь третьим.

Перейдем теперь к сопоставлению известий византийских авторов. Мы отметили девять сколько-нибудь существенных моментов, в которых наблюдаются отличия между показаниями Пселла, Атталиата и Скилицы.

1. Пселл говорит об однократной попытке переговоров враждующих сторон почти у стен самого Константинополя, приписы-

²⁸ «Joannis Zonarae epitomae historiarum libri XIII—XVIII». Bonnæ, 1897, p. 631—633.

²⁹ Казалось бы, византийцы не должны были преувеличивать своих потерь, а русские — преуменьшать размеры своей победы, и ошибку в написании цифры (14 вместо верного 24) следует скорее предполагать в летописи, чем у Скилицы, но А. Поппэ в данном случае, видимо, склонен больше верить летописи, чем византийскому современнику, ссылаясь на то, что бой во время второй встречи приняли лишь 11 триер, из которых пять было захвачено русскими, а остальные выбросились на прибрежные скалы и мели (А. Poppe. Рајство..., s. 123, 124, n. 168).

вая при этом инициативу русским. Скилица пишет о двукратных переговорах о мире, об одной их попытке, имевшей место после получения императором известия о движении Владимира против империи (когда послы василевса выехали навстречу русским), и о другой — уже перед самым морским сражением. В обоих случаях инициатором переговоров Скилица называет Мономаха. Атталиат умалчивает о каких бы то ни было переговорах.

2. Согласно Пселлу и Атталиату, появление русских в Пропонтиде было полной неожиданностью для жителей столицы. Готовиться к отражению опасности они стали, лишь увидев врага рядом. По словам же Скилицы, василевс знал о движении Владимира ранее его появления у столицы и после возвращения своих послов к нему с неблагоприятным ответом стал спешно готовиться к обороне, завершив приготовления уже тогда, когда русские стояли недалеко от города.

3. Пселл пишет о буре, начавшейся в ходе генерального морского сражения, как о существенном факторе, способствовавшем наряду с греческим огнем победе византийцев. Скилица упоминает о буре, в результате которой русские потеряли немало судов, лишь в конце рассказа, никак не увязывая ее с основным сражением. Атталиат не говорит о буре.

4. О численности русского войска Пселл пишет весьма неопределенно («неисчислимо»), Атталиат сообщает, что русские имели не менее 400 судов с хорошо вооруженным и опытным экипажем. Скилица исчисляет войско Владимира почти в 100 тысяч человек, его потери в главном бою в 15 тысяч и число взятых в плен Катакалоном под Варной в 800 человек.

5. Наиболее скромно силы византийцев выглядят в изображении Пселла: остатки старого флота, несколько триер и грузовые царские суда, оснащенные в изобилии «жидким огнем» и взявшие на борт воинов. Атталиат называет длинные боевые корабли и прочие военные суда, а также сухопутные войска. По его словам, из провинций были вызваны подкрепления (и военный флот и сухопутные отряды). Подробнее всего на этот счет показания Скилицы. Он пишет о царских триерах и немалом числе средних и легких судов, на которые были посажены воины, находившиеся тогда в Константинополе. На берегах Босфора было расположено значительное конное войско. Среди пеших войск были две тагмы и этерий. 24 триеры, преследовавшие русских, составляли лишь часть всего флота Мономаха, оставшегося у Фароса. По крайней мере 11 триер из 24 прибыли в столицу из морской фермы Кивирреотов (юго-западная часть Малоазийского полуострова с прилежащими островами)³⁰ во главе со своим стратигом (навархом) Константином Каваллурием.

³⁰ См. об этой феме: *H. Antoniadis-Biblicou. Études d'histoire maritime de Byzance. Paris, 1966.*

6. Согласно Пселлу, русские требовали «за мир» по 1000 статиров на каждую свою ладью, что представлялось этому автору немыслимо огромной суммой. Абсолютно неприемлемым называет и Скилица требование Владимира уплатить за мир по три литры золота на каждый «отряд» русского князя (т. е. по 216 номисм).

7. Из рассказа Пселла следует, что место главного боя находилось довольно близко от столицы (русские находились в Пропонтиде, они готовились взять город). Берега, на которые буря швыряла ладьи русских во время отступления, были скалистыми. Атталиат также говорит, что русские напали на столицу, обрушив на нее войну «вплоть до Пропонтиды». Скилица локализует битву в «устье Понта», у так называемого Фароса. Описание берегов, близ которых буря настигла русских, совпадает и у Пселла, и у Скилицы.

8. Согласно Пселлу и Скилице, сражение произошло во второй половине дня. Атталиат пишет, что это случилось в воскресенье.

9. Причину похода Пселл усматривает в постоянной ненависти русских к ромейской «игемонии», утверждая при этом, что особенно упорно они готовились к нападению при Михаиле IV, а явились при Мономахе, не имея на то никаких причин, — только для того, чтобы их сборы не оказались бесполезными. Скилица называет в качестве причины похода драку на константинопольском рынке, в которой был убит знатный «скиф». Атталиат не говорит на этот счет ни слова.

Разумеется, не все из отмеченных противоречий и отличий мы имеем возможность решить в пользу того или иного автора достаточно убедительно. Будем и в данном случае разграничивать достоверное, на наш взгляд, от гипотетического.

1. Нам представляется бесспорным, что переговоры между русскими и византийцами имели место до столкновения на Босфоре и окончились неудачей. Нет оснований и для того, чтобы отвергать известия о том, что Владимир требовал от Мономаха уплаты значительной денежной суммы, в качестве ли возмещения за нанесенный русским ущерб или как контрибуцию. О переговорах и требовании дани говорят и Пселл, находившийся в это время при особе императора, и Скилица, и такой пользующийся репутацией достоверного автора, как арабский хронист начала XIII в. Ибн ал-Асир: «русские обменялись грамотами с Константином в необычной манере», пишет он³¹.

Неясно однако: с кем вел переговоры в первый раз Мономах (с Ярославом или Владимиром), от кого при этом исходила иници-

³¹ Цит. по: G. Vernadsky. The Byzantine-Russian War of 1043. «Süd-ost-Forschungen», Bd. XII, 1953, p. 51.

циатива, были ли они однократными или двукратными, где происходили встречи византийских послов с русскими.

По нашему мнению, в известной мере обоснованно мы можем ответить на первые три вопроса. Согласно обоим названным выше авторам, Русь в переговорах представлял непосредственный глава русской военной экспедиции — Владимир. Скилица пишет, что первый раз Мономах отправил к нему послов только тогда, когда узнал о его выступлении. Во всяком случае прибытие византийского посольства в Киев, к Ярославу в том же 1043 г. до нападения русских следует исключить по чисто «техническим» причинам, ибо при таком предположении следовало бы допустить, что с конца апреля — начала мая (начало навигации по Днепру) до начала июля (появление флота Владимира у Константинополя), т. е. за 60—65 дней, был трижды проделан путь от Киева до Константинополя, равный примерно пяти с половиной тысячам километров (путь вестника о намерении русских выступить, путь византийского посольства в Киев, обратный путь послов с неблагоприятным ответом). Даже без учета времени, необходимого на сборы и ведение самих переговоров, подобное троекратное путешествие в условиях того времени должно было потребовать не менее 75 дней³². Иначе говоря, послы с «надменным ответом варвара» явились бы в императорский дворец лишь после русского нашествия... А. Поппэ также исключает возможность прибытия посольства Мономаха в Киев до выступления Владимира. Настоячиво проводя идею о необычайной стремительности русского похода, он определяет время движения Владимира от Киева до Константинополя в 26—30 дней³³.

Мы полагаем, что нет решительно никаких оснований не доверять известию Скилицы, что инициатива переговоров исходила от Константина IX, а не от русских. Согласно Скилице, император признавался в нанесении русским какого-то ущерба и предлагал возместить его. Что же касается сообщения Пселла, что явившиеся к Мономаху русские послы не были удостоены ответа, то мы должны согласиться с А. Поппэ, что повествование этого царедворца отдает риторикой и исполнено высокомерного ромейского чванства по отношению к «варварам»³⁴.

Более достоверным представляется нам и сообщение Скилицы, что переговоры были двукратными, первые — в отдалении от столицы, вторые — в непосредственной близости от нее, перед морским боем. Именно с первым отрицательным ответом Владимира связывает Скилица те меры безопасности, которые

³² См.: Н. Н. Воронин. Средства и пути сообщения. В кн.: «История культуры Древней Руси. Домонгольский период». М.—Л., 1951, гл. VII, стр. 286.

³³ А. Poppe. *Państw...*, s. 104.

³⁴ Ibid., s. 76. См. также: L. Müller. Des Metropolitens Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis. Wiesbaden, 1962, S. 30, Anm. 2.

Мономах принял в Константинополе (арест и высылка русских купцов и воинов).

Итак, остается вопрос о том, где имели место первые переговоры послов Мономаха с Владимиром. Прежде чем высказать свою гипотезу, напомним, что русские появились у столицы империи не в июне, как полагали ранее, а в июле.

2. Ранняя дата (июнь), несомненно, существенно влияла на формирование концепции А. Поппэ о целях и причинах похода и на его выводы о степени достоверности известий обширной версии похода в русских летописях. С новой датировкой значительно меняется угол зрения на возможность дневки русских на Дунае (или даже остановки) и на якобы существовавшую непосредственную связь между мятежом Маниака и походом русских.

При старой датировке А. Поппэ не мог не «привести» русских к началу июня к Константинополю (дата была общепризнанной), а поэтому «заставил» огромную флотилию Владимира двигаться с предельной скоростью (26—30 дней), умолчав при этом о том, что отправным пунктом части экспедиции мог быть Новгород, а не Киев. Все расчеты А. Поппэ построены на том, что русские выступили из Киева вскоре после ледохода и еще по «высокой воде», в половодье (без волока), миновали днепровские пороги³⁵.

Автор, не придавая этому должного значения, признает, что в походе, возглавленном новгородским князем, принимали участие и новгородские военные силы — дружина Владимира была при нем³⁶. (Мы уже не говорим о варягах с «островов Океана», допуская, что здесь Скилица плохо осведомлен: хотя эти союзники и происходили из Скандинавии, служить они могли в Киеве, у Ярослава.) Но от Новгорода до Киева более тысячи верст. Если Владимир с дружиной совершал весной путь до Киева водой (что вероятнее — у Владимира был свой «княж корабль»), то в верховьях Ловати ему пришлось совершить по крайней мере один волок, а выйти из Новгорода он мог только после вскрытия северных рек — в лучшем случае не ранее конца апреля.

³⁵ А. Poppe. Państwo..., sp. 105. В упомянутой выше работе, опубликованной в «Бизантиниславике», А. Поппэ ссылается на нашу статью, в которой определена точная дата появления русских перед Константинополем: июль, а не июнь (Г. Г. Литаврин. Еще раз о походе русских...). Однако наш коллега по-прежнему датирует приход русского флота к столице империи первой половиной июня, опираясь лишь на логические умозаключения: по его мнению, Скилица называет июль только потому, что тогда, после месячного стояния судов Владимира в Пропонтиде, разыгрались основные события русско-византийского конфликта (А. Poppe. La dernière expédition..., p. 244—245). Нам представляется, что единственная сохранившаяся в источниках точная дата (июнь не упоминается ни в одном из них) заслуживает большего внимания исследователя — и в данном случае опора на нее, как мы старались показать, способна существенно повлиять на главный вывод.

³⁶ См.: А. Poppe. Opowieść..., s. 356; он же. — Państwo...

Тогда Владимир мог явиться с новгородцами в Киев лишь в 20-х числах мая. Если же дружина Владимира шла от Новгорода до Киева на конях, едва ли ее скорость с обозом во время весенней распутицы была существенно большей. Специально рассматривавший этот вопрос Н. Н. Воронин замечает, что сухопутные дороги даже летом на Руси были в те времена неимоверно трудны, а преодоление значительных расстояний в зимнее или весеннее время было поистине мучительным. Поэтому водные пути в ту эпоху считались более удобными и быстрыми³⁷.

Конечно, не исключено, что новгородцы сосредоточились в Киеве для весенне-летней экспедиции еще в течение зимы³⁸. Однако и это допущение не меняет дела: выступление Владимира из Киева все равно не могло случиться ранее конца апреля — начала мая, а необходимости теперь, с новой датировкой, до крайности сжимать сроки движения его флота нет никакой.

Разумеется, теперь понятно, почему А. Поппэ не мог допустить какой-либо задержки флота Владимира в устье Дуная: чтобы за 26—30 дней преодолеть путь от Киева до Константинополя, русские не могли терять где-либо время даже для недельной остановки. При новой дате такая остановка, на наш взгляд, вполне возможна. Можно теперь иначе подойти и к известию обширной редакции летописи о споре в войске Владимира на Дунае: остановиться ли здесь, на поле, или идти к Царьграду. Мы решаемся высказать предположение, что именно здесь, у Дуная (а возможно, и несколько ранее), послы Мономаха встретили флотилию Владимира. В известии летописей, что в 944 г. на этом же месте после встречи с императорскими послами стояло войско Игоря, ожидая условленную дань³⁹, мы видим не опровержение этой гипотезы, к чему склонен А. Поппэ (он усматривает в сообщении обширной версии реминисценцию на события 944 г.⁴⁰), а, напротив, подтверждение: действия по традиции — да еще счастливой — были правилом, а не исключением в ту эпоху. У Дуная, полагаем мы, и были предъявлены в первый раз претензии русских к империи.

Переходя к указанному в пункте 2 противоречию между известиями Пселла и Атталиата, с одной стороны, и сообщением Скилицы, с другой — следует обратить внимание на некоторую противоречивость и самого повествования Скилицы: он пишет и о том, что Мономах знал о движении русских, отправив к Владимиру послов еще до того, как опасность стала очевидной, и о том, что император оказался не готов к встрече врага, сажая на

³⁷ Н. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 307.

³⁸ Мы полагаем, что если бы такое сосредоточение началось летом — ранней осенью 1042 г., то в Константинополе к июлю 1043 г. вряд ли было бы много русских купцов и воинов.

³⁹ ПСРЛ, I, вып. 1, стр. 45.

⁴⁰ А. Поппэ. *Opowieść...*, s. 353.

суда, наспех оснащенные им, лишь тех воинов, которые тогда оказались в столице.

Видимо, василевс действительно не осознал в первое время возможности реального военного столкновения с русскими. Их движение к столице явилось для Мономаха неожиданностью — и ему пришлось спешить. Точно так же обстояло дело и во время мятежа Георгия Маниака: Мономах лишь предупредил полководца провинциального войска — препятствовать возможному движению высадившегося на берегу Иллирика мятежника и не собирав крупных сил до тех пор, пока с Маниаком велись переговоры⁴¹. А. Поппе полагает, что в 1043 г. в отличие от положения дел во время похода Игоря в 941 г. никто не успел подать весть в столицу (ни херсониты, ни жители западного побережья Черного моря) о нашествии русских — настолько их поход был стремителен⁴². Мы думаем, что приведенные выше свидетельства Скилицы не оправдывают такого предположения. Оно противоречит также тому факту, что стратиг фемы Паристрион («поистрийских городов») встретил русских еще при их движении от Дуная к Константинополю и в боевых схватках с ними принуждал высаживавшихся для фуражировки русских возвращаться на свои суда.

По мнению польского историка, этот стратиг, по имени Катакалон Кекавмен⁴³, не знал о подходе русских к его феме и не успел предупредить василевса, как и собрать войско своей фемы для отпора им; если же он и достиг успеха, то только потому, что имел дело с арьергардом русского флота⁴⁴. Все эти предположения нам представляются излишними. Конечно, войск всей фемы Катакалона, даже если бы он их успел собрать, едва ли было достаточно для сопротивления всему воинству Владимира. Но у русского князя, плывущего к Царьграду, и не было намерений высаживаться на берег. По смыслу сообщения Скилицы, приставали к берегам лишь отдельные отряды с целью раздобыть продовольствие — их-то, а не обязательно арьергард, и загонял обратно на суда Катакалон. Мы полагаем, что этот стратиг со времени первого посольства василевса к русским имел достаточно времени для созыва войска, он знал о подходе русских, следил за ними со времени их остановки на Дунае и имел приказ патрулировать и дунайские черноморские берега своей фемы. Гонцы Катакалона, когда флот Владимира двинул-

⁴¹ *Cedr.*, II, p. 548, 18—21.

⁴² *A. Poppe. Państwo...*, s. 105.

⁴³ Отметим попутно, что польский историк склонен признать этого персонажа идентичным Кекавмену, автору так называемого «Стратегикона» (см.: *A. Poppe. Państwo...*, s. 81, 94, п. 74), хотя ему известна работа П. Лемерля (*P. Lemerle. Prolégomènes à une édition critique et commentée des «Conseils et récits» de K kauménos. Bruxelles, 1960*), в которой весьма солидно и заново обоснована иная точка зрения.

⁴⁴ *A. Poppe. Państwo...*, s. 104—105.

ся от Дуная к югу, несомненно, должны были и по суше и по морю обогнать огромную флотилию.

Таким образом, неожиданность нападения русских на столицу империи, о которой пишут Пселл и Атталиат, отнюдь не причастный еще в это время к тайнам византийской дипломатии, заключалась, на наш взгляд, лишь в том, что Мономах, завязав переговоры с русскими, надеялся на урегулирование конфликта мирными средствами, пока русские стоят в устье Дуная, и не принимал мер к обороне Константинополя вплоть до известия об их отплытии по направлению к Босфору.

3. Бесспорно, по нашему мнению, что разразившаяся вскоре после начала сражения буря на Босфоре сыграла значительную роль в поражении Владимира и неудаче похода. Сорвавшийся внезапно шквал, не принесший заметного вреда тяжелым кораблям греков, оказался губительным для русских ладей, экипаж которых должен был в одно и то же время и отражать атаки врага, и бороться с бурей, и спасать терпящих бедствие соратников.

Несомненно, известиям очевидца сражения — Пселла, хотя его повествование в этом месте исполнено риторики и литературных прикрас, следует отдать предпочтение перед описаниями Атталиата и Скилицы. Русские побеждены, говорил Пселл в речи к Феодоре, «огнем и водою». В его «Хронографии» сказано, что первая атака триер, извергавших «жидкий огонь», была удачной. Но часть ладей осталась на месте и тогда, когда весь флот императора вступил в сражение. Как раз в этот момент и разразился внезапный шторм, которым греки сумели воспользоваться.

В сущности и рассказ Скилицы, который также упоминает бурю, но вне ее связи с битвой, дает основание для вывода, что основные потери русские понесли не столько от «греческого огня» и ромейского оружия (Скилица пишет лишь о семи сожженных ладьях, трех потопленных и одной захваченной), сколько во время отступления в вечерних сумерках при неистовом ветре, бросавшем их ладьи на подводные скалы и прибрежные утесы. Нам представляется совершенно очевидным, что гибель большей части ладей, потерянных русскими, произошла не на глазах византийских воинов и моряков. Это следует и из летописи (была весть грекам, что море избило русские корабли), и из византийских источников: два дня император ждал на месте битвы нового нападения русских, он опасался их высадки на берег и, даже отправив вдогонку за ними 24 триеры, приказал всему остальному флоту остаться на месте первого столкновения. Иначе говоря, размеры катастрофы, постигшей флотилию Владимира, точно Мономаху не были известны, так как главный урон русские понесли не от действия боевых судов императора.

Отметим еще одну несообразность в рассказе Скилицы, умол-

чавшем о «вышнем вмешательстве», подчеркнутом Зонарой: по словам Скилицы, русских привела в расстройство уже атака трех триер, а вид приближающегося остального флота обратил в бегство. Но далее тот же автор говорит, что русские ладьи немедленно набросились на 24 триеры, едва те к ним неосторожно приблизились, считая эту византийскую флотилию весьма малочисленной, и, несмотря на отвагу наварха Константина Каваллурия, нанесли ромеям полное поражение.

Конечно, «греческий огонь» сыграл роль в поражении русских, как и сто лет назад во время похода Игоря, но именно буря, потеря в борьбе с ней значительного числа ладей и практически почти полная безоружность 6000 спасшихся из воды и оставшихся на вражеском берегу воинов заставили Владимира немедленно двинуться в обратный путь.

4. О численности русского войска можно судить, к сожалению, лишь весьма приблизительно. Оно состояло по крайней мере из трех частей: из княжеской новгородской дружины Владимира, из киевских отрядов, частью которых (а может быть, и всеми) командовал Вышата, и из варяжского союзного или наемного войска. Поскольку шесть тысяч лишенных ладей воинов ждали себе предводителя из княжьей дружины, можно полагать, что новгородцев среди них было не меньше, чем киевлян, и что это были по преимуществу русские, а не варяжские воины.

Все источники в согласии называют войско Владимира многочисленным, однако вряд ли можно всерьез принять цифру, сообщаемую Скилицей (100 тысяч). Не могут здесь помочь и какие бы то ни было аналогии с предшествующими походами Руси «на греков»: сведения о численности войска русских и в тех походах столь же сомнительны и противоречивы, не говоря уже о том, что за истекшее время могли произойти большие перемены в воинской тактике русских.

А. Поппэ уменьшает названную Скилицей цифру в пять раз (20 тысяч) как и цифру погибших на Босфоре: вместо 15 — три тысячи⁴⁵. Г. Вернадский не признает достоверным известие Аталиата о 400 ладьях русских — он считает, что у русских было около тысячи ладей, в каждой из которых было по 40—50 воинов, и войско Владимира достигало, по его мнению, 40—50 тысяч воинов, из которых 15 тысяч погибли⁴⁶. Польский ученый, ссылаясь на известие русских летописей, что в ладе умещалось до 40 воинов и что бывали ладьи «малые» и «великие»⁴⁷, принимает 50 воинов за среднее их число на каждую ладью и определяет войско Владимира в 20 тысяч человек (т. е. опирается на

⁴⁵ Не последовательней ли было бы и число пленных уменьшить в той же пропорции? (Ср.: А. Poppe, *Państwo...*, s. 109, 123, п. 166, 124).

⁴⁶ G. Vernadsky. *Op. cit.*, p. 53—54, 58.

⁴⁷ ПСРЛ, I, вып. I, стб. 30.

сообщение Атталиата о 400 судах как на достоверное)⁴⁸. Н. Н. Воронин также полагает, что известие летописи о 40 воинах на ладью, каждый из которых в безветренную погоду греб своим веслом, вполне заслуживает доверия⁴⁹.

Согласимся с этими расчетами: 20 тысяч для того времени достаточно многочисленное войско. Примем и цифру потерь русских, предпочтённую А. Поппэ, — три тысячи. В таком случае, считая вместе с оставшимися без ладей шестью тысячами воинов, следовало бы признать, что у Владимира для обратного пути из 400 ладей осталось на 180 меньше ($3000 + 6000 = 9000$ воинов; $9000 : 50 = 180$ ладей), т. е. всего 220 ладей.

Г. Вернадский делает вполне справедливое замечание о легко воображаемой трагедии, которую должны были пережить на Босфоре даже сохранившие жизнь воины Владимира: нужно было спасти из бушующих волн и срочно вывезти из опасного пролива в условиях шторма и возможной погони врага 6000 терпящих бедствие соратников⁵⁰. Мы, однако, полагаем, что вряд ли 220 ладей при сильном волнении могли вывезти из Босфора всех русских, оставшихся в живых (17 тысяч). Для этого на борту каждой ладьи во время бури должно было бы находиться почти по 80 человек. Мы считаем более вероятным, что часть потерявших ладьи и выбравшихся на берег воинов сумела в наступившем мраке проскользнуть по суше сквозь вражеские заслоны вдоль пролива или прорваться через них силой.

Едва ли в таких условиях флот Владимира и его пешие, полуодетые и полувооруженные воины, бредущие по суше, успели далеко уйти от Босфора, когда посланные Мономахом 24 триеры настигли их в некоей бухте. Во всяком случае это не мог быть Девельт (Бургас), отстоявший от Босфора примерно на 300 верст, как полагают Г. Вернадский и А. Поппэ⁵¹. Вторая, удачная морская битва для русских произошла, несомненно, гораздо ближе к Босфору⁵².

От Босфора до устья Дуная, где кончались византийские владения, пешие воины должны были преодолеть около восьми сот верст или более (учитывая изрезанность береговой линии). Вполне вероятно, что какая-то часть этих воинов была взята на

⁴⁸ А. Poppe. Państwo..., s. 109; *idem*. Opowiesć ..., s. 360.

⁴⁹ Н. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 384.

⁵⁰ Добыча охранявших побережье византийских воинов действительно, по-видимому, была значительной, так как во время бури и спасательных операций пришлось, конечно, пожертвовать и частью снаряжения сохранившихся ладей.

⁵¹ G. Vernadsky. Op. cit., p. 59; А. Poppe. Państwo..., s. 123.

⁵² Здесь, у места второй битвы, могла иметь место и та сцена, о которой сообщают летописи. Как бы ни уличать летописца или его информатора в тенденциозности, пленение Вышаты — факт как будто несомненный и факт, свидетельствующий в его пользу: для воеводы всегда нашлось бы место на одной из ладьей, а смертельная опасность отступления по суше была совершенно очевидной.

сохранившиеся ладьи⁵³ (в последнем бою к тому же русские захватили пять триер, каждая из которых могла принять на борт до 200—300 человек). Но не менее вероятно и то, что было решено не перегружать ладьи и не ослаблять численно пешее войско ввиду предстоящих ему опасностей.

Последнее столкновение византийцев с русскими произошло под Варной, когда была уже пройдена большая часть пути до Дуная и оставалась едва неделя усиленного марша. Русские были разбиты, многие из них погибли, часть, видимо, разбежалась, а несколько сот во главе с Вышатой были взяты в плен.

Неясно, бросил ли Владимир, удовлетворясь последней победой либо опасаясь погони, оставшихся на берегу на произвол судьбы, или его флот следовал вдоль берега, соразмеряя свой ход со скоростью движения пешего войска, чтобы в трудную минуту оказать ему помощь. Летопись как будто оправдывает первое предположение, а Скилица — второе: Катакалон встретил русских, «возвращавшихся сушей и морем», и Владимир, следовательно, не смог или не успел помочь, хотя армия Паристриона на вряд ли превышала силы русских⁵⁴.

5. Силы византийцев ко дню главного сражения были, конечно, не так уж незначительны, как это можно счесть, основываясь на свидетельствах обычно весьма равнодушного к точности в подобных случаях Михаила Пселла или на отдельных ремарках Скилицы. Кстати говоря, Скилица противоречит сам себе: сначала он пишет лишь о воинах, находившихся в тот момент в столице, а затем сообщает о «немалом конном войске», о двух тагмах (возможно, до тысячи воинов⁵⁵) и этериях (от 500 воинов и выше)⁵⁶, об участии в обороне берегов доместика схол Восток паракимомена Николая⁵⁷ и, видимо, получившего пост великого этериарха Василия Феодорокана. Вполне вероятно, что на-

⁵³ Именно так в новой недавней статье А. Поппэ толкует причастие «въсьдавьшеся» («сусевшись», «потеснившись») летописи (см.: А. В. Поппэ. К чтению одного места в Повести временных лет. ТОДРЛ, XXIV, 1969).

⁵⁴ Трудно все-таки полностью пренебречь отголосками какой-то распри на обратном пути в войске Владимира, сохраненными даже краткой редакцией летописи («и не идяше о ними никтоже отъ дружины княжее. И рече Вышата...» и т. д.). Неполадки в войске, усугубленные сознанием неудачи дальней и трудной экспедиции и драматизмом создавшейся ситуации, вполне вероятны, особенно в войске, состоявшем из представителей двух народностей (варягов и русских), для одной из которых (для варягов) политические цели экспедиции были, вне сомнения, гораздо менее существенны, а надежды на добычу — гораздо более сильным стимулом, побудившим их к участию в столь невыгодно закончившемся предприятии. Все ли чистый вымысел в обширной версии? Мы полагаем все-таки, что при анализе ее отличий от краткой высказанные здесь предположения заслуживают такого же внимания, как и мысль о намеренном искажении хода дела Яном с целью оправдания или даже прославления своего отца Вышаты.

⁵⁵ H. Glykatzis-Ahrweiler. Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IX—XI siècles. BCH, LXXXIV, 1960, p. 4.

⁵⁶ Ibid., p. 27—28.

⁵⁷ Cedr., II, p. 541, 12—13.

ходился здесь со своими силами или их частью и дука (доместик) Запада Константин Кавасила⁵⁸, ибо, согласно известию Атталиата, Мономах успел получить из провинций (разумеется, ближайших) подкрепления не только в морских, но и в сухопутных войсках, что и подтверждается участием в операциях доместика Востока.

Что касается военного византийского флота, то отчасти мы о нем уже сказали. Флот империи в этот период никак, видимо, не мог сравниться с тем, которым она обладала еще четвертью столетия ранее. К тому же столичный военный флот, по словам Скилицы, сгорел во время пожара в бухте Золотого Рога 6 августа 1040 г.⁵⁹ Касаясь русского похода 1043 г., Э. Гликаци-Арвейлер замечает, что своей победой Мономах был обязан главным образом буре и греческому огню, ибо флота империя в сущности не имела. Французская исследовательница пишет о жалких судах императора, которые якобы целиком были уничтожены во втором сражении русскими. По ее мнению, Византия с тех пор практически не имела военного флота ни в столице, ни в провинциях (во всяком случае флот морской фермы Кивирреотов погиб полностью)⁶⁰.

Нам представляются эти выводы преувеличением. Им противоречат уже приведенные выше свидетельства Атталиата и Скилицы. Даже Пселл, говоря об отсутствии флота в столице, замечает, что он был рассеян вдоль побережий страны для их охраны, и действительно: Мономах вызвал с эскадрой триер наварха Константина Каваллурия⁶¹.

Непосредственно перед нашествием русских императорский флот во главе с Константином Хаге, «катархонтом флота»⁶², посланный Мономахом, подавил мятеж жителей Кипра против налогового гнета⁶³. О царском (столичном) флоте (о длинных судах, т. е. триерах), который хотя и переживал упадок, но еще продолжал нести регулярную сторожевую службу в бассейне всего Эгейского моря, спустя почти сорок лет писал Кекавмен⁶⁴.

⁵⁸ Ibid., p. 541, 14. Правда, незадолго перед тем он, видимо, был разгромлен Георгием Маниаком. См. об этом далее, стр. 215.

⁵⁹ *Cedr.*, II, p. 529, 13—15.

⁶⁰ H. Ahrweiler. *Byzance et la Mer*. Paris, 1965, p. 128—129, 134, 411—413.

⁶¹ Этот факт, кстати говоря, является еще одним свидетельством в пользу того, что весть о приближении русских достигла Константинополя ранее их появления на Босфоре: для вызова Каваллурия из его фемы и прибытия его в столицу требовалось не менее двух недель.

⁶² Константин Хаге был предшественником Константина Каваллурия на посту стратига фемы Кивирреотов; в 1035—1036 гг. он успешно громил арабский флот, державший разорять берега империи (см. *Cedr.*, II, p. 514, 12—16). Не был ли Хаге в 1043 г. дукой царского флота?

⁶³ *Cedr.*, II, p. 549, 16—550, 5.

⁶⁴ «Советы и рассказы Кеказмена». Подготовка текста, введение, перевод и комментарии Г. Г. Литаврина. М., 1972, стр. 292, 294.

6. Разумеется, относительно размеров потребованной русскими у византийцев контрибуции можно судить лишь гипотетически. Обе названные в источниках суммы (Пселл: 1000 статиров⁶⁵ «на ладью», Скилица: 216 номисм «на отряд») представляются вполне достоверными, если мы будем придерживаться принятого выше вывода о том, что войско Владимира насчитывало приблизительно 20 тысяч человек. Как упоминалось, А. Поппэ, следуя за Э. Гликаци-Арвейлер⁶⁶, переводит не «на отряд», а «на война» и предлагает еще одну поправку: не «три литры на война», а «литра на трех воинов». Но если учесть, что низшей единицей древнерусского войска был десяток, то никакой необходимости во всех этих поправках нет: цифру 20—25 номисм на война, которую стремится получить А. Поппэ⁶⁷, проще вычислить, ничего не меняя в тексте источника.

В самом деле. Тысяча статиров (номисм): 50 воинов в ладье = 20 номисм на война. 216 номисм (три литры): 10 воинов (отряд) = 21,6 номисмы на война. Подобный подсчет, по нашему мнению, был бы предпочтительней и потому, что в таком случае налицо почти полное совпадение свидетельств обоих авторов. Иначе говоря, если войско русских достигало 20 тысяч, то Владимир требовал у Мономаха примерно 400 тысяч номисм.

Можно согласиться с А. Поппэ, что эта цифра не кажется непомерно огромной и непосильной для казны империи в то время⁶⁸. Известно, что весной 1042 г. у новеллссима Константина после низвержения с престола его племянника Михаила V Калафата было конфисковано из тайника 53 кентинария награбленного из казны золота (более 380 тысяч номисм)⁶⁹, а в феврале — марте 1043 г., т. е. как раз перед нашествием русских, Мономах конфисковал 180 тысяч золотых из имущества умершего патриарха Алексея Студита⁷⁰. Согласно данным завещаний византийских провинциальных магнатов, пользовавшихся благоволением василевса, в конце XI — начале XII в. их личная денежная казна насчитывала 20—30 тысяч номисм⁷¹. И это, видимо, было явлением ординарным.

Предприняв обширный экскурс с целью определения пример-

⁶⁵ Этот архаизм («статир») Пселл употребляет в значении «номисма», как это отметил еще П. В. Безобразов («Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл». М., 1890, стр. 106).

⁶⁶ См. стр. 188 и прим. 25.

⁶⁷ A. Poppe. Państwo..., s. 111.

⁶⁸ Ibid., s. 110—112.

⁶⁹ Cedr., II, p. 541, 6—12.

⁷⁰ Ibid., p. 550, 10—12. Заметим, впрочем, что вопреки мнению А. Поппэ, эти деньги были изъяты не из Студия и не у церкви (A. Poppe. Państwo..., s. 86), а в патриаршем монастыре на Стеносе и из личной казны Алексея Студита (см. Cedr., II, p. 536, 16).

⁷¹ См. об этом: Г. Г. Литаврин. Относительные размеры и состав имущества провинциальной византийской аристократии в XI—XII вв. «Византийские очерки», вып. 2. М., 1971.

ного годового бюджета империй в X—XI вв.⁷², А. Поппэ заключил, что 20—25 номисм на война войска Владимира соответствовали жалованью наемника в Византии, получаемому им в течение года деньгами и натуральным довольствием⁷³. Таким образом, польский историк еще раз хочет подкрепить свою мысль, что поход был предпринят с целью помочь Георгию Маниаку в овладении престолом и контрибуция, затребованная Владимиром, должна была приблизительно равняться той сумме (годовое жалованье для каждого воина), которую Маниак, вступив на престол, мог уплатить русским за содействие.

Мы полагаем, что свидетельство двух авторов-современников⁷⁴ о требовании Владимиром какой-то суммы с греков вряд ли следует ставить под сомнение. Скилица пишет, что Мономах изъявил готовность возместить (ἐξίστασθαι) ущерб, нанесенный русским накануне похода. Правда, василевс считал этот ущерб «некоей малостью», которая не заслуживает того, чтобы ради нее нарушать мир. Русские же, как это следует из хода событий, смотрели на дело иначе. Во всяком случае, каковы бы ни были размеры затребованной русскими суммы, их условия показались Константину IX неприемлемыми, и он решился на вооруженное сопротивление.

7. Большинство исследователей, пытавшихся локализовать основное морское сражение русских с греками, вели речь или о северной части Босфора или даже о входе в Босфор из Черного моря⁷⁵. А. Поппэ колеблется, но готов, кажется, отдать предпочтение южному горлу Босфора⁷⁶. Именно это последнее мнение мы и хотели бы поддержать. Византийские авторы пишут, что русский флот достиг самого Константинополя и Пропонтиды (Мраморного моря). Дальняя стража (стоявшая, видимо, при входе в Босфор из Черного моря) не сумела их задержать. Под «устьем Понта», у которого, согласно Скилицы, произошла битва, логичнее, по нашему мнению, понимать вход в Босфор из

⁷² Ряд интересных наблюдений, сделанных А. Поппэ при этом (см. А. Poppe. Państwo..., 109—111), заслуживает внимания в иной связи.

⁷³ Ibid.

⁷⁴ В. Г. Брюсова обнаружила в одном из рукописных сборников XVIII в. в собрании Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника так называемое житие св. Владимира Ярославича, в котором излагаются весьма любопытные, порой фантастические подробности похода Владимира и на Царьград и на Корсунь (1). Эта же исследовательница показала почти полное совпадение «жития» с текстом соответствующих страниц книги Ф. Эмина, где идет речь о походе 1043 г. (см. Ф. Эмин. Российская история жизни всех древних от самого начала России государей, 1. СПб., 1767, стр. 413—421). Любопытно, что, согласно этому «житию», Владимир взял с греков 80 тыс. гривен. Если гривна равна литре, а соотношение золота и серебра в то время составляло 1 : 10 (см. об этом: «История культуры Древней Руси», 1, стр. 377—380), то 80 тыс. гривен можно приравнять к 576 тыс. номисм.

⁷⁵ См. об этом: G. Vernadsky. Op. cit., p. 57 sq.

⁷⁶ А. Poppe. Państwo..., s. 122, p. 164.

Мраморного моря. Византийцы, как и древние греки, полагали, что Средиземное море «течет» от Гибралтара (Гадир) вплоть до восточной оконечности Черного моря⁷⁷. Гадиры при этом были входом в Средиземное море, Дарданелы — в Мраморное (Пропонтиду), а начало Босфора — в Черное. Босфор представлялся такой же частью Черного моря, как все это море — лишь заливом Средиземного.

Из двух мест на Пропонтиде, носящих название Фарос, точно локализовано лишь одно, находящееся в непосредственной близости к гавани Большого императорского дворца. Этот Фарос, без сомнения, следует исключить в данном случае. Другой Фарос лежал на Босфоре, а также — на Пропонтиде⁷⁸; Скилица добавляет к тому же — в «устье Понта». Иначе говоря, Фарос, одновременно находящийся на Пропонтиде, на Босфоре и в «устье Понта», мог быть, по нашему мнению, расположен лишь при входе в Босфор из Мраморного моря.

Именно здесь, против предместья св. Маманта, где со времен первых договоров Руси с империей русские имели свое местопребывание при посещениях Константинополя, пролив был достаточно широк, чтобы вместить в бухте у европейского берега флот императора, а напротив, у азиатского берега, русскую флотилию из 400 ладей, выстроившихся полумесяцем в один ряд.

Основные же потери, как говорилось, русские понесли в бурю несколько севернее, где западные берега пролива круче и скалистее и где особенно опасны внезапные шквальные ветры с низкого восточного берега.

8. В своей заметке об уточнении даты похода мы писали, что наиболее вероятным днем сражения было одно из трех воскресений июля 1043 г. (10, 17 или 24 июля). А. Поппэ, ориентировавшийся на старую дату похода (июнь), также тем не менее называет в качестве возможного дня сражения одно из воскресений июля, полагая, что до битвы русские простояли близ Константинополя не менее месяца⁷⁹. Основанием для этого предположения была мысль о двукратных переговорах с Владимиром непосредственно около столицы и о каком-то достаточно продолжительном времени, необходимом императору для подготовки к отпору совершенно неожиданно и стремительно появившимся русским.

Но, как уже было сказано выше, вероятнее всего обмен посольствами близ самой столицы был однократным, а на это могло понадобиться всего несколько дней; меры же для обороны

⁷⁷ Спец. об этом: Г. Г. Литаврин. Новые сведения о Северном Причерноморье. «Феодалы-ная Россия во всемирно-историческом процессе». М., 1972, стр. 241 и сл.

⁷⁸ R. Janin. Constantinople Byzantine. Paris, 1950, p. 376—377.

⁷⁹ A. Poppe. Państwo..., s. 121.

Константинополя были в основном осуществлены еще до появления русских в Пропонтиде.

Г. Вернадский относит дату битвы к еще более позднему времени, к сентябрю 1043 г., основываясь на источниках восточного происхождения⁸⁰. Приведем в связи с этим свидетельства этой последней группы источников, говорящих о походе 1043 г.

Ибн ал-Асир (начало XIII в.) сообщает: в сафаре (434—435 г. х.) русские в большом числе явились морем к Константинополю. В необычной манере они обменялись грамотами с царем Константином. Затем случилась битва. Часть русских высадилась на суше. Греки жгли их корабли огнем, и много русских погибло. Высадившиеся на берег приняли бой, но были обращены в бегство. Однако ускользнуть им от рук греков не удалось. Кто отказался от борьбы, был пощажен, а других греки схватили и отрубили им правые руки, а затем привели в Константинополь. Спаслись из русских немногие и в их числе — сын русского князя. С тех пор русские никогда более не смущали греков своими набегами⁸¹.

Абуль Фарадж (Бар Гебрей — XIII в.), следуя, видимо, в своей краткой заметке за Ибн ал-Асиром, добавляет, что русские явились «морем и сушей», что они были «славянами, которых зовут русскими», и что поход их имел место в 1044 г. Этот сирийский автор также пишет о пленении русского сухопутного войска и о том, что пленным были отрублены правые руки⁸².

В поздней персидской компиляции, носящей название «Тарихи-Алфи», события отнесены к 454 г. х. (1062 г.), поход определен как поход «франков — Руси» [несомненно, вместо «варягов (врангов) — Руси»], стремившихся к овладению Константинополем. Враги, рассказывается там, прибыли в окрестности столицы империи, значительная их часть сошла с кораблей и направилась к городу, чтобы взять его. Греки, снарядившись, двинулись сначала против судов русских и бросили на корабли столько огня, что русские не могли потушить его. Так они все погибли, и суда их все сгорели. Тогда греки спокойно принялись за изгнание тех, кто был на суше, и умертвили всех, за исключением немногих, которые тысячью хитростей спаслись вместе с сыном русского властителя⁸³.

Итак, восточные авторы пишут и о морском бое и о сражении на суше, приписывая поражение русских исключительно силе оружия греков (в том числе — прославленному и на Востоке «греческому огню»). Любопытно, что в отличие от византийских

⁸⁰ G. Vernadsky. Op. cit., p. 52.

⁸¹ Цит. по: G. Vernadsky. The Byzantine-Russian War..., p. 51.

⁸² Ibid.

⁸³ В. Дорн. Каспий. О походе древних русских в Табаристан. «Записки имп. АН», т. 26. СПб., 1876, стр. 45.

авторов восточные хронисты знают, что предводитель похода русских был не повелителем Руси, а его сыном, и называют русских славянами. Ибн ал-Асир и компиляция «Тарихи-Алфи» подтверждают сообщение Скилицы, что в походе участвовали варяги, и известия Скилицы и Пселла о переговорах Владимира с Мономахом, предшествовавших открытому столкновению.

После всего сказанного выше можно не задерживаться на этих свидетельствах восточных авторов. Отметим только, что указанные нами уточнения, содержащиеся в их хрониках (Владимир — сын русского повелителя, русские — славяне), вполне оправдывают предположение, что в распоряжении восточных хронистов или одного из них (Ибн ал-Асира?) был какой-то другой, не дошедший до нас источник, может быть, современный событиям.

Вернемся к дате сражения. Г. Вернадский, говоря о сентябре, имеет в виду месяц сафар Ибн ал-Асира, так как в 1043 г. сафар действительно приходился на сентябрь христианского исчисления. Мы полагаем, однако, что польский исследователь М. Саламон^{83а} выдвинул заслуживающую внимания гипотезу в объяснение ошибки Ибн ал-Асира и привел новые интересные соображения в пользу датировки битвы одним из воскресений июля.

Ибн ал-Асир вообще не называет даты похода; рассказ о нем помещен у этого хрониста между датированными событиями 434 г. х. (1042 г.) и 435 г. х. (1043 г.). Согласно предположению М. Саламона, этот арабский автор и компилятор «Тарихи-Алфи» пользовались каким-то общим восточным источником, в котором была ошибка в дате: не 454 г. х., как это стоит в «Тарихи-Алфи», а какой-либо год хиджры, в котором сафар приходился на июль (например, 440—443 гг. х.). Предположение об ошибке в дате у восточных авторов тем более закономерно, что Г. Вернадский, говоря о сентябре, не замечает того противоречия, в которое он попадает и с греческими и с русскими источниками, в которых весь поход отнесен к 6551 г. 11-го индикта. Сентябрь же соответствует не 11-му, а 12-му индикта и не 6551 г., закончившемуся 31 августа, а 6552 г. Нет никаких оснований полагать, что византийские авторы и русские летописи датируют 11-ым индикта лишь начало пребывания русских у Константинополя.

О явной ошибке свидетельствует и «Тарихи-Алфи», где поход помечен 454 г. х., хотя помещен в правильной хронологической последовательности (между 434 и 435 гг. х.).

Упомянутый автор восточного источника Ибн ал-Асира, видимо, списал неверно написанную дату из какой-то греческой хроники, где был правильно назван месяц (июль) и день, но содержалась ошибка в написании индикта или года. Графически, например, легко объяснима ошибка в написании индикта: 1-й

^{83а} Использованная здесь нами статья М. Саламона находится в печати (ВВ, т. XXXIII).

(α'), соответствующий 6556 г. (1048 г.), вместо 11-й (ια'), соответствующий 6551 г. (1043). В 1048 г. сафар как раз приходился на июль (с 16 июля по 13 августа). Исходя из ошибки в индикте на греческом источнике, предшественник Ибн ал-Асира, сделав пересчет на годы хиджры, пометил события, как полагает М. Саламон, 440-м г. х., соответствующим июлю 1-го индикта 6556 г. Осторожный Ибн ал-Асир опустил сомнительную дату (440 г. х.), но сохранил месяц (сафар), не обратив внимания на то, что в хронологической последовательности изложения событий в его хронике (1042—1043 гг. = 434—435 гг. х.) сафар придется не на июль, а на сентябрь⁸⁴.

Эти соображения М. Саламона находятся в полном соответствии с другим его аргументом: начало сильных шквальных ветров с востока (этесий), игравших существенную роль в навигации на Босфоре, совпадало с восходом Сириуса (Пса), приходившимся в 1043 г. как раз на 16—17 июля. Некоторые замечания Пселла к тому же позволяют, по мнению М. Саламона, думать, что император сумел незаметно для русских ночью поставить против них свой флот потому, что ночь была темной, хотя погода была ясной — тучи появились лишь к вечеру следующего дня. Именно 10 июля было новолуние, 17 июля — первая ее четверть, а 24 июля — полнолуние. М. Саламон отдает предпочтение 17 июля, находя этому еще одно подтверждение: Мономах после сражения вернулся в столицу на третий день для занятия «гражданскими делами», т. е. 20 июля (если считать 17 июля днем битвы). В этот же день — 20 июля — был праздник св. Ильи, единственный праздник в июле, когда на торжествах и церемониях, с ним связанных, в соответствии с византийским ритуалом, должен был лично присутствовать император⁸⁵. Все эти соображения в пользу датировки битвы 10-м или (что вероятнее) 17-м июля представляются нам наиболее серьезно обоснованными.

Итак, мы привели все известные на сей день источники, сообщающие о походе 1043 г., и рассмотрели наиболее существенные отличия в их показаниях. Из девяти вопросов, поставленных

⁸⁴ Интересное объяснение дает М. Саламон и происхождению ошибки в дате в «Тарихи-Алфи»: персидские авторы употребляли счисление и лунной и солнечной хиджры. В данном случае компилятор, считая 440 г. х. годом солнечной хиджры, перевел его в лунный год хиджры — и этот пересчет сделан совершенно верно: 440 г. солнечной хиджры = 454 г. лунной хиджры. Компилятор здесь в свою очередь упустил из виду, что таким образом датированный им пассаж его хроники выпадает из хронологической последовательности повествования.

⁸⁵ Конечно, упоминания в летописях о священных покровах и реликвиях, погружая которые в море, греки вызывают бурю, разбивавшую флот врага, стало литературно-легендарным топомосом, но не лишено интереса, что именно в праздник св. Ильи торжественная процессия заканчивалась у моря, близ дворца василевса, где в тот день и вывешивали священные покровы (см. «Constantini Porphyrogeniti de ceremoniis aulae Byzantinae». Bonnae, 1829, p. 114. 3—8).

выше, остался без ответа последний, самый важный — о причинах и целях похода. Но прежде чем переходить к попыткам ответить на этот вопрос, коротко суммируем результаты нашего предшествующего анализа⁸⁶.

Мы считаем объективно вытекающими из источников следующие из названных выше выводов: поход русских против Византии начался не ранее конца мая в результате решения, принятого либо поздней осенью, либо в конце 1042 г. Силы Владимира состояли из его новгородской дружины, киевского войска и союзных (наемных?) варяжских отрядов. Флот русских сделал остановку в устье Дуная. В первый раз послы Константина IX, узнавшего о походе Руси, встретили Владимира еще в значительном отдалении от Босфора. Мономах, надеявшийся на мирное урегулирование конфликта, неожиданно для себя узнал о движении русских к Босфору и принял срочные меры к обороне столицы. Русские прорвались в Мраморное море; но не начали боевых действий, бросив якоря у входа в Босфор с юга, близ азиатского берега. Константин IX уже обладал к этому времени достаточными сухопутными и морскими силами. Император вновь, вторично пытался достигнуть соглашения с русскими. Владимир требовал уплаты значительной суммы денег, которая была сочтена вассилевсом чрезмерной. В происшедшем 10 или 17 июля сражении инициативу проявили греки. Основной урон войско Владимира понесло не в ходе боевых действий, а от внезапной бури. Встреча ушедшего из Босфора флота Владимира с несколькими тысячами потерявших ладьи русских воинов, отступавших по суше, произошла едва через несколько дней в незначительном отдалении от черноморского устья Босфора, у европейского берега. Здесь поблизости произошла и вторая морская битва, в которой победили русские. В происшедшем под Варной сражении стратига фемы Паристрион Катакалона Кекавмена с идущей по суше частью русского войска силы основного войска Владимира, возвращавшегося морем, не участвовали. Неудача похода не ослабила позиций Руси в отношениях с империей. Византия продолжала искать мира с русскими — и через три года он был заключен на почетных условиях для правителя Русского государства.

⁸⁶ Как видно из предшествующего изложения, мы в большинстве случаев относились с доверием к наиболее богатому источнику сведений о походе — к хронике Иоанна Скилицы, дополняя его известия данными других авторов. А. Поппэ, напротив, склонен ставить под сомнение показания этого хрониста на том основании, что он писал о походе «через несколько десятилетий» после него (*A. Poppe. Państwo...*, s. 104). Но польский автор пользовался, собственно, не сочинением Скилицы, а компиляцией Георгия Кедрина, сделанной еще позже. Теперь, однако, установлено, что Кедрин почти буквально списал труд Скилицы. Спрашивается, почему мы должны допускать, что Скилица полагался лишь на свою память, а не списывал кое-что у своих предшественников, писавших по свежим следам событий? Исследователи его хроники приходят как раз к выводу о надежности источников Скилицы (см. *G. Moravcsik. Byzantinoturcica*, II, S. 337).

В качестве гипотетических мы хотели бы отметить следующие из наших заключений: дружина Владимира выступила из Новгорода весной 1043 г. Флот русских отправился из Киева не ранее самого конца мая. Послы Мономаха встретились с Владимиром еще до его остановки в устье Дуная. Предъявив свои требования к Константину IX, Владимир обещал ждать ответа императора на Дунае. Здесь впервые обнаружились противоречия в войске русского князя. Часть русского войска, вероятнее всего — киевляне, была сторонницей по возможности мирного решения конфликта, что, видимо, отвечало желаниям самого Ярослава. Другая часть войска — и прежде всего варяги, преследовавшие главным образом материальные выгоды от своего участия в походе, — полагала, что император будет гораздо уступчивее, когда угроза нависнет непосредственно над Константинополем. Владимир, давно и тесно связанный с варягами, послушался их совета. Катакалон, бдительно следивший за действиями русских, тотчас известил Мономаха о их движении на юг. Флот Владимира преодолел попытки византийцев помешать входу в Босфор и стал на якорь против предместья св. Маманта. Даже после неудачи вторичных переговоров русские не начинали военных действий ни на море, ни на суше. Все поведение Владимира в этот период отмечено нерешительностью и промедлением: он опасался и нарушить указания отца, и заключить мир на недостаточно выгодных условиях. Победа во втором морском сражении произвела серьезное впечатление на константинопольский двор и сыграла роль в заключении мира; на Руси, особенно в Новгороде, эту победу старались представить как главный результат похода.

Переходя к проблеме о причинах и целях военной экспедиции русских против Византии, заранее оговоримся еще раз, что — в силу состояния источников — мы рассматриваем все последующие наши заключения как более или менее вероятную гипотезу.

В статье о причинах похода в изложении Михаила Пселла мы пришли к выводу, что поход был вызван крутым поворотом в политике Византии по отношению к Руси, который проявился (точнее — стал известен в Киеве) в течение первого полугодия царствования Константина IX Мономаха. Эта гипотеза, по мнению А. Поппэ, как упоминалось, не только не подтверждается источниками, но находится с ними в противоречии⁸⁷. Польский историк соглашается с нами лишь в том, что причины конфликта лежали не в церковно-иерархической, а в государственно-политической сфере отношений Древней Руси и Византии.

Обосновываемая А. Поппэ гипотеза является в сущности, как

⁸⁷ Впрочем, А. Поппэ полагает, что главную причину похода мы видим в притеснении обитателей русской колонии в Константинополе (А. *Poppe*, *Państwo...*, s. 73), но мы этого не утверждали, говоря о притеснениях лишь как о следствии общего курса Мономаха по отношению к Руси (см.: Г. Г. *Литаврин*, Пселл..., стр. 84—85).

признается сам автор⁸⁸, развитием мысли Г. Вернадского, усмотревшего связь между походом и мятежом против Мономаха осенью 1042 — весной 1043 г. одного из наиболее талантливых полководцев империи Георгия Маниака⁸⁹.

Трактуя вопрос о причинах и целях похода, А. Поппэ делит соответствующую третью главу своей монографии на семь разделов. В первом из них он доказывает преимущественно ошибочность нашей гипотезы. Пять следующих разделов построены композиционно таким образом, чтобы главный вывод автора (о связи похода с мятежом Маниака) нашел новое подтверждение при рассмотрении самых разных аспектов проблемы. В последнем, седьмом разделе польский историк предпринимает попытку реконструкции мирного договора 1046 г.

Основным доводом против нашей гипотезы А. Поппэ считает то обстоятельство, что мы не располагаем какими-либо сведениями о предпринятых Мономахом после своего воцарения мерах, направленных на ликвидацию влияния при дворе приверженцев предшествующих василевсов — Михаила IV Пафлагонянина и Михаила V Калафата, бывших врагами Мономаха и поддерживавшей его группировки. Новому императору, пишет А. Поппэ, было не до того: полыхала борьба за власть между сторонниками сестер-соперниц: Феодоры, свояченицы Мономаха, и Зои, его жены⁹⁰. Но это утверждение представляется недоразумением: упомянутая борьба между сестрами и их сторонниками имела место не после воцарения Константина IX, а в период между низвержением Михаила V (21 апреля 1042 г.) и коронацией Мономаха (11 июня того же года). После воцарения этого василевса, пишет Пселл, сестры утратили всякое влияние на дела и их соперничество потеряло политическое значение⁹¹.

Ошибочным мы считаем также утверждение А. Поппэ, что Константин IX, получив власть, не произвел никаких заметных перемен в составе служилой гражданской и военной знати. В качестве единственного довода в пользу своего тезиса польский историк указывает на тот факт, что защищавший дворец от восставших против Михаила V в апрельские дни 1042 г. жителей столицы Катакалон Кекавмен не только не подвергся репрессиям Мономаха, но занимал накануне похода русских пост стратига фемы «подунайских городов»⁹². Это верно, но отнюдь не достаточно для каких-либо серьезных выводов. Помимо фактов, уже приводившихся нами⁹³, приведем еще несколько. Прежде всего: наиболее

⁸⁸ А. Poppe. Państwo..., s. 75.

⁸⁹ G. Vernadsky. Op. cit., p. 63.

⁹⁰ А. Poppe. Państwo..., s. 74, 85.

⁹¹ Psellos, I, p. 127. 1—5.

⁹² А. Poppe. Państwo..., s. 74.

⁹³ См.: Г. Г. Литаврин: Пселл..., стр. 78—84.

существенные перемены в составе высшей чиновной и военной знати после свержения Михаила V были осуществлены уже в течение 50-дневного правления сестер. Были сосланы все многочисленные сановные родственники свергнутого императора⁹⁴. Был назначен катепаном Италии Георгий Маниак⁹⁵, вместо снятого с поста епарха столицы Анастасия был избран Камбанарис⁹⁶, новым domestиком Востока стал паракимомен Николай⁹⁷, а domestиком Запада — Константин Кавасила⁹⁸, были смещены в Константинополе все рыночные власти и путем отмены практики продажи должностей закрыт плохо контролировавшийся ранее доступ в служилую среду представителей тесно связанной с кланом Пафлагонцев торгово-ростовщической среды⁹⁹.

Воцарясь, Константин IX продолжал чистку аппарата власти от действительных или мнимых приверженцев Михаила IV и Михаила V. Уже летом 1042 г. он решил сместить Маниака и скоро (не позже начала сентября) отправил на его место некоего внезапно возвышенного василевсом Пардоса¹⁰⁰. Был послан в Италию и, видимо, сделанный великим етериархом Василий Феодорокан¹⁰¹. Немедленно обласкал новый император и родственников своей фаворитки Марии Склирены, в частности—ее брата Романа Склира¹⁰². Вскоре попал в опалу и знатный наемник Гаральд Гардар¹⁰³. Для нас решающее значение имеет оценка первых мероприятий Константина IX в этом отношении наиболее близким к Мономаху писателем—Михаилом Пселлом, данная им в его «Хронографии» почти через четверть столетия спустя после смерти Мономаха и, следовательно, лишенная корыстного расчета. С самого начала, пишет Пселл, Мономах стал нарушать порядок замещения должностей, вводя в синклит и вознося на высокие посты людей недостойных, что и стало впоследствии причиной многих неудач, хотя эти действия нового василевса не сразу были оценены по достоинству¹⁰⁴.

Что же касается Катакалона Кекавмена, то вряд ли он играл какую-либо значительную политическую роль при Пафлагонцах, его участие в обороне дворца Михаила V 19—21 апреля 1042 г. могло быть расценено как простое выполнение воинского долга верности василевсу да и назначение в Паристрион вряд ли мож-

⁹⁴ *Cedr.*, II, p. 540, 18—21, 541, 6—12, 543, 2—5.

⁹⁵ *Ibid.*, II, p. 541, 16—17.

⁹⁶ *Ibid.*, p. 537, 12, 540, 5—6.

⁹⁷ *Ibid.*, 541, 12—13.

⁹⁸ *Ibid.*, p. 541, 14—15.

⁹⁹ *Ibid.*, p. 541, 4—5.

¹⁰⁰ *Ibid.*, p. 548, 9—10.

¹⁰¹ *Ibid.*, p. 553, 15—16.

¹⁰² *Ibid.*, p. 547, 17—22.

¹⁰³ «Советы и рассказы...», стр. 282, 284.

¹⁰⁴ *Psellos*, I, p. 132, 6—21, 133, 1—4.

но рассматривать как значительный успех в служебной карьере этого полководца.

А. Поппэ считает неоправданным предположение, что русские в Константинополе пользовались благоволением и милостями Михаила IV и Михаила V, ибо мы, приводя в обоснование этой мысли одну из цитат, взятую из «Хронографии» Пселла, действительно без достаточных оснований истолковали употребленный там термин «скифы» как равнозначный термину «тавроскифы» (русские)¹⁰⁵. Но сделав это справедливое замечание, польский ученый не остановился, к сожалению, на приведенных нами других показаниях источников.

Пселл говорит, что Михаил V особыми милостями осыпал свою дворцовую гвардию¹⁰⁶, а она, как известно, состояла в это время в значительной мере из варягов и русских. Именно русским и болгарам, как наиболее верной части своей стражи, поручил этот василевс столь деликатное дело, как арест патриарха Алексея Студита¹⁰⁷. При Михаиле IV после нескольких лет пребывания у Ярослава прибыл в империю с полутысячным отрядом для службы и друг русского князя Гардар, остававшийся на этой службе вплоть до начала правления Мономаха¹⁰⁸. Те многочисленные русские купцы, а среди них и какой-то знатный новгородец, близкий к Владимиру, которые находились в Константинополе зимой — весной 1043 г., отправились туда с родины весной предыдущего года, конечно, еще не зная о происшедших в империи в конце апреля событиях (о свержении Михаила V).

Опровержением нашей гипотезы А. Поппэ считает и тот факт, что Мономах не осуществил репрессий против варяго-русского корпуса: часть его участвовала в войне в Италии, а часть, видимо, служила в столице, как и ранее, даже во время мятежа Маниака, мало того — как видно, присутствовала на триумфе по поводу победы над ним¹⁰⁹.

Однако русские в Италию, где они воевали с Маниаком, были посланы еще до свержения Михаила V и возвращать их, едва вступив на престол, Мономаху не было никакого резона в любом случае. Что же касается замечания А. Поппэ, что не были наказаны даже русские, участвовавшие в мятеже Маниака, то мы не можем привести ни одного примера для XI столетия — столетия мятежей против центральной власти, когда репрессии за вольное или невольное участие в бунте своего полководца распространялись бы на сколько-нибудь заметную часть его рядовых воинов. После ареста или гибели узурпатора большинство его воинов по-

¹⁰⁵ См.: А. Poppe. Państwo..., s. 74, n. 19. Ср.: Г. Г. Литаврин. Пселл..., стр. 78. Чаще Пселл под «скифами» имеет в виду болгар и печенегов.

¹⁰⁶ Psellos, I, p. 95.

¹⁰⁷ В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883, стр. 330.

¹⁰⁸ «Советы и рассказы...», стр. 282, 11 и сл.

¹⁰⁹ Psellos, II, p. 4—6; А. Poppe. Państwo..., s. 107, n. 119.

просту возвращались к службе законному императору. Воины мятежника в подобных случаях, по удачному выражению Никиты Хониата, «имели защитой собственное ничтожество»¹¹⁰. Впрочем, на этот раз дело не обошлось совсем без наказания: участники восстания Маниака (видимо, и русские также) были со связанными руками доставлены в столицу и проведены в триумфе, посаженные на ослов лицом к хвосту¹¹¹. Позорящая кара для части русских за поддержку Маниака отнюдь не должна была, по нашему мнению, предполагать непереносимые репрессии против всех них (мы и не пытались утверждать этого в своей статье). Враждебный русскому двору политический курс Константина IX Мономаха вовсе не обязательно сразу же должен был проявиться в репрессиях и открытых гонениях на всех русских в империи вообще. Это был бы слишком примитивный взгляд на дело¹¹².

Более детально и основательно, чем мы это сделали в своей статье, А. Поппэ рассмотрел вопрос о значении употребленных Пселлом в связи с походом 1043 г. терминов *ἡγεμονία τῶν Ῥωμαίων* («игемония ромеев») и *ἐπανστάσις* («восстание»). По мнению польского историка, остается все-таки вполне законным предположение, что Пселл, употребляя первый термин, имел в виду официальную византийскую доктрину, согласно которой, император должен признаваться верховным повелителем всех народов, исповедовавших христианство византийского толка¹¹³. Казалось бы, в таком же духе можно было бы толковать и второй термин, но польский историк считает, что его значение в данном месте более конкретно: термин будто бы содержит намек на то, что византийцы рассматривали поход русских как кампанию, хотя и запоздалую, в поддержку мятежа Маниака¹¹⁴. Подтверждение этой идеи А. Поппэ усматривает в жестокой расправе с пленными русскими — они были наказаны как бунтовщики¹¹⁵.

Но, во-первых, выше сам же наш оппонент подчеркнул, что доподлинные бунтовщики — русские, участвовавшие в мятеже Маниака, не испытали репрессий. Во-вторых, расправа с пленными могла быть попросту местью за избиение русскими экипажа захваченных ими пяти триер. Василий II в борьбе с арабами сжигал в пещерах укрывавшихся там даже мирных жителей¹¹⁶. Он

¹¹⁰ «Nicetae Choniatae historia». Bonnae, 1835, p. 508.

¹¹¹ Psellos, II, p. 7, 11—16.

¹¹² А. Поппэ приписывает нам мысль (А. Poppe. Państwo..., s. 75; ср.: Г. Г. Литаврин. Пселл..., стр. 84), что Гардар бежал из Константинополя, обидевшись на Мономаха за его недоброе отношение к Ярославу. (Заметим в скобках, что сам А. Поппэ полагает, что за враждебный поступок василевса к Гардару на Мономаха мог обидеться Ярослав!) На самом же деле мы писали о том, что к русским и варягам, несшим совместно свою службу в империи, отношение было, видимо, одинаковым, и немилость к русским могла отразиться и на варягах, а частности — на Гардаре.

¹¹³ А. Poppe. Państwo..., s. 76—77.

¹¹⁴ Ibid., s. 81—82.

¹¹⁵ Ibid., s. 82.

¹¹⁶ Cedr., II, 462, 22—24.

ослеплял тысячи пленных болгар-воинов и простых поселян во время войн с Самуилом, хотя они представляли лишь враждебную сторону и не участвовали ни в каком мятеже, имевшем целью свержение законного василевса¹¹⁷. А христианами болгары стали более чем на век ранее русских. Византийцы топили, сажали на кол вдоль побережья захваченных в плен воинов арабского флота — не за измену или мятеж, а за разорение прибрежных фем и для устрашения прочих врагов¹¹⁸.

Выше мы уже говорили, что с перенесением даты похода на месяц позже вопрос о возможности выступления Руси в поддержку бунта Маниака должен быть рассмотрен в новом свете. Само собой разумеется, что в Киеве в октябре — ноябре 1042 г. знали о том, что в сентябре в Италии поднял мятеж Маниак, в составе войск которого находилась и часть русских наемников. А. Поппэ полагает, что весть из Киева о согласии помочь ему и о сборах в поход Владимира достигла берегов Адриатики в январе — феврале¹¹⁹. Конечно, готовясь к походу, русский двор хотел использовать этот бунт как обстоятельство, благоприятствующее достижению целей похода. Но ставил ли Ярослав при этом задачу сменить на византийском престоле василевса? Сам А. Поппэ признает, что все события, излагаемые им в свете его гипотезы, должны рассматриваться под иным углом зрения с того момента, как русским стало известно о гибели поддерживаемого ими претендента на престол (Маниака)¹²⁰.

Попытаемся теперь определить этот момент — время сражения узурпатора под Островом в Македонии с правительственными войсками, во главе которых стоял севастофор Стефан. В своих попытках сделать это А. Поппэ не учитывает два важнейших фактора, облегчающих эту задачу: 1) войска во главе со Стефаном были посланы против Маниака из столицы и успели после гибели Маниака не только вернуться обратно, но и уйти в провинцию, покинув лагерь под Константинополем еще до возникновения русской угрозы. 2) Константин IX, узнав о высадке Маниака, имевшей место в феврале, пытался путем переговоров с ним погасить его гнев и избежать военного столкновения.

Определяя дату битвы под Островом, мы должны, следовательно, учитывать все важнейшие события, происшедшие в империи со времени высадки Маниака до известия о движении к Босфору русского флота.

¹¹⁷ *Cedr.*, II, p. 458, 13—16; 462, 22—24.

¹¹⁸ *Ibid.*, p. 513, 15—20; 514, 12—17.

¹¹⁹ А. *Porpe. Raïstwo...*, s. 98—99. Напротив, не придавая какого бы то ни было значения инциденту на столичном рынке, А. Поппэ в то же время полагает, что в Киеве и Новгороде вплоть до весны 1043 г. не могли знать об этом столкновении, даже если отнести его к осени 1042 г. (*Ibid.*, s. 106).

¹²⁰ *Ibid.*, s. 119—120.

Маниак высадили у Диррахия¹²¹, отстоявшего от Константинополя примерно на 800 км. Каким бы путем вести об этом ни шла в столицу, она не могла ее достигнуть ранее чем через 10 дней. Даже допуская, что послы Мономаха тотчас по прибытии этой вести отправились к Маниаку и следовали с той же скоростью, мы неизбежно должны будем признать, что отрицательный ответ Маниака Константин IX мог получить не ранее середины марта. Мятежник к тому же успел за это время упрочить свои позиции в Далмации, объявив о снижении налогов¹²², и пополнить свои силы представителями местного населения, в частности албанцами¹²³. Мало того, он успел после этого преодолеть 200 км горной дороги от Диррахия до Острова и на этом пути разгромить войска стратига (доместика) Запада¹²⁴.

Март как дату сражения под Островом мы должны исключить в любом случае не только в силу выше сказанного, но и потому, что к такому же выводу приводит нас ретроспективное рассмотрение хода событий с июля по март, если мы возьмем за отправную их точку не Диррахий, а Константинополь.

Стефан севастофор, по согласному свидетельству Атталиата и Скилицы, был арестован и сослан еще до прихода русских¹²⁵, но в июле же, т. е. (как мы теперь имеем право сказать) в самом его начале. Какое-то время, однако, еще до того, как против него было выдвинуто обвинение в заговоре, он в качестве победителя Маниака пользовался милостью василевса, как и его войско, стоявшее в течение нескольких дней после триумфа под стенами столицы¹²⁶. Эти сухопутные силы ко времени возникновения русской угрозы уже были отосланы Мономахом в провинцию, ибо у него не оказалось под рукой крупных сил и он должен был их снова вызывать грамотами.

¹²¹ На карте в книге А. Поппе по недосмотру место высадки Маниака указано у Авлона.
¹²² C. Sathas. Bibliotheca graeca medii aevi, V. Venetia — Paris, 1876, p. 138.

¹²³ Attal., p. 18, 18—19.

¹²⁴ О том, что такая битва имела место и окончилась победой Маниака, свидетельствует речь Пселла к Мономаху, произнесенная, видимо, непосредственно во время триумфа в честь победы над мятежником, о чем говорят лестные эпитеты Пселла в адрес Стефана (Пселл сравнивает его с хитроумным Одисеем), который уже в июле был арестован и сослан как заговорщик. Маниак, пишет Пселл, располагал сильнейшим «из таги и сил ромеев» войском; «он движет против нас и всю Италию, которой был назначен управлять, — так ведь я обозначаю его пост — и стягивает немалую конную и пешую силу древнего Рима, присоединяет к ней сильнейшее восточное войско и отнюдь не меньшую часть русского корпуса» (καὶ τῆς Ῥωμικῆς οὐκ ἐλάχιστον). Оказавшись в пределах Болгарии, «он устраивает снижение налогов, «нападает на стратига Запада, побеждает (συμβάλλει τῷ τοῦ δουλεῶς στρατηγῶ) возгордись в качестве победителя и став надменным от успеха». По смыслу дальнейшего изложения Пселла, лишь затем (τὶ τὰ ἐπὶ τοῦτοις; — «А что затем?») василевс собрал силы «из всякого народа и города», дал их хитроумному Стефану и отправил против Маниака [Psello (Sathas, V), p. 138].

¹²⁵ Cedr., II, p. 550, 18—24; Attal., p. 20, 3—9; Ἀπαλλὰγαις οὖν ὁ βασιλεὺς τῆς τοσαύτης φροντίδος — «Итак, василевс, избавясь от этой заботы», тотчас впал в новую — являлись русские.

¹²⁶ Psello, II, p. 6—7; Attal., p. 19.22—20.3; Cedr., II, p. 549, 11—14.

Следовательно, есть достаточно оснований датировать время вступления в столицу Стефана как победителя мятежника не второй, а первой половиной июня. Но до этого триумфа войско Стефана должно было преодолеть 600 км пути от Острова до Константинополя, ведя к тому же в оковах и узах участников бунта Маниака. Стефан к тому же выступил от Острова не тотчас после сражения (он сразу же отправил лишь вестника, как сообщает Скилица)¹²⁷. Так или иначе, но мы должны согласиться с А. Поппэ, что гибель Маниака следует датировать временем не позже (добавим — и не ранее¹²⁸) конца апреля — начала мая¹²⁹.

Установив эту дату, мы неизбежно должны будем допустить, что к моменту своего отправления в поход либо — в крайнем случае — в самом начале похода русские знали о гибели Маниака^{129а}. Даже относя появление русских у Константинополя к июню (а не к июлю), А. Поппэ замечает, что слух о гибели Маниака должен был тревожить русских еще в пути¹³⁰. Появились же они там лишь в июле, несомненно, уже у Дуная зная об исходе битвы под Островом. Принимая гипотезу А. Поппэ о договоре Яро-слава с Маниаком с целью свержения Константина IX¹³¹, мы не найдем объяснения причин движения русских на Константинополь спустя два месяца после гибели претендента на трон, которого они собирались якобы поддержать.

¹²⁷ *Cedr.*, II, p. 549, 9—10.

¹²⁸ Следует учесть, что собранные в конце марта — начале апреля войска Стефана успели прибыть к Острову и разбить лагерь, на который и обрушился Маниак (*Attal.*, p. 18, 23—19.1).

¹²⁹ Впрочем, А. Поппэ как будто предпочитает начало мая, так как, по его мнению, ослепление 2 мая Иоанна Орфанотрофа, еще недавно бывшего всеильным временщиком — при Михаиле IV и в первые месяцы правления Михаила V, и битва с Маниаком были близки по времени: царь опасался в случае неудачи интриг этого опытного, хотя и опального политика (А. *Porpe. Raǵstwo...*, s. 89). Издатель эпитафии, написанной Христофором Митиленским и посвященной Маниаку («Die Gedichte des Christophoros Mitylénaios, hrsg. v. E. Kurtz». Leipzig, 1909, N 65, S. 39), полагает, ссылаясь на упоминание о воинских доблестях героя эпитафии, что писавший в 40-х годах XI в. поэт имеет в виду Георгия Маниака (Ibid., p. IV). Э. Фольери, не приводя аргументации, отнесла гибель Маниака к октябрю 1043 г., когда, по ее заключению, и была написана эпитафия (E. *Follieri. Le poesie di Cricioforo Mitilenea come fonte storica*. ЗРВИ, 8/2, 1964, p. 136—137). Но если в эпитафии речь идет о Георгии Маниаке (это отнюдь не доказано), то октябрь 1043 г. как дата битвы под Островом совершенно неприемлема.

^{129а} Намереваясь на это и Пселл (см. стр. 185): русские пошли против Мономаха только для того, чтобы их сборы не пропали даром.

¹³⁰ А. *Porpe. Raǵstwo...*, s. 105.

¹³¹ В связи с этим А. Поппэ замечает, что у русских уже был опыт вмешательства в династические смуты при константинопольском дворе, ссылаясь на соглашение Святослава в 968 г. с послом Никифора II Фоки Калокиром и на помощь Владимира Василию II в разгроме Варды Фоки и Варды Склира (А. *Porpe. Raǵstwo...*, s. 99—100). Нам не представляется эта аналогия убедительной. Во-первых, и в первом и во втором случае русские князья были язычниками — империя и ее глава были лишены в их глазах какого бы то ни было ореола святости. Во-вторых, Калокир был сброшен Святославом со счетов, едва князь вступил в Болгарию (источники более не упоминают имени Калокира); Владимир же «вмешался» в дела империи в силу межгосударственного соглашения — и в пользу законного императора против узурпатора, а не наоборот.

Поход после смерти Маниака был не только продолжен — дело дошло до открытого столкновения. Можно ли всерьез думать, что причиной столь ответственной акции была мысль о бесцельно сделанных затратах? Логично ли допускать, что Владимир требовал у Мономаха возмещения расходов на организацию экспедиции, предпринятую с целью свержения самого Мономаха? С небольшими ли основаниями теперь, принимая в виду новую хронологию событий, можно выдвинуть гипотезу о том, что Ярослав хотел поддержать заговор севастофора Стефана в пользу стратига Митилены Льва Ламброса?

Нам кажется, что весьма остроумно и искусно построивший свою аргументацию польский историк, отвергнув в начале своего анализа обстоятельств похода всякую мысль о попытках усматривать причины экспедиции в церковно-иерархическом аспекте отношений Руси и Византии, к концу главы сделал отступление от своей позиции, приписав греческому митрополиту в Киеве Феопемпту значительную роль в решении Ярослава послать войско против нарушившего церковные каноны (третий брак) Константина Мономаха ¹³².

Не убедили нас и соображения А. Поппэ о возможной дружбе между Маниаком и Гардаром как о причине опалы норвежского знатного наемника ¹³³. Этой причиной скорее была дружба Гардара с Ярославом, ибо эта дружба — факт, удостоверенный источниками, а та, о которой пишет польский ученый, — лишь догадка.

В конце концов, даже допуская, что при русском дворе желали видеть на престоле империи другого императора, нужны были веские причины для недовольства Мономахом и еще более веские — для поддержки вооруженной силой узурпатора («турка родом»). Вопрос о подлинных причинах похода не получит ответа и в рамках этой гипотезы.

Нет решительно никаких достаточно явных признаков того, что отношения Руси с империей стали омрачаться в правление Романа III, Михаила IV или Михаила V — все свидетельствует, напротив, об обратном. Впрочем вполне вероятно, что при русском дворе с некоторой тревогой и неудовольствием следили за развитием событий в империи со времени воцарения Михаила IV. Идея наследственности высшей власти пустила на Руси в это время гораздо более глубокие корни, чем в Византии. Последние представительницы Македонской династии, Зоя

¹³² Гипотезы А. Поппэ относительно роли Феопемпта в событиях весьма интересны, беда, однако, в том, что нам вообще ничего неизвестно о митрополите Киева после 1039 г. С таким же правом, с каким польский ученый говорит о возможной близости Феопемпта к врагу Мономаха Орфанотрофу (А. Poppe. Państwo..., s. 103—104), можно допустить, что Феопемпта именно поэтому тогда уже не было в Киеве: он мог быть смещен и в правление Зои и Феодоры, и летом 1042 г. — в правление Мономаха.

¹³³ А. Poppe. Państwo..., s. 97.

и Феодора, были связаны через свою покойную тетку Анну, жену Владимира, узами родства с русским двором. Но Феодора была вообще при Михаиле IV удалена из дворца, а Зою держали там почти как узницу. Еще более тяжелым ее положение стало при Михаиле V, пытавшемся постричь ее в монахини.

Не могло не обеспокоить русский двор и известие о смутах и унижающей скипетр империи неразберихе при дворе на Босфоре в краткое правление сестер, между 21 июня и 11 июля 1042 г. Может быть, не совсем безразличным для Ярослава было и то, что Зоя предпочла Константина Мономаха, тесно связанного со Склирами, против которых некогда помогал войсками Василию II отец Ярослава Владимир.

Однако все это — догадки, неспособные прояснить дело. Остается фактом, что достаточно ясные свидетельства о возникшей натянутости в византийско-русских отношениях восходят именно к началу правления Константина IX Мономаха.

Для наших целей гораздо важнее вернуться к известию Скилицы о русских в Константинополе накануне похода 1043 г. Отношение к ним здесь при Мономахе ухудшилось. Василевс в переговорах с Владимиром Ярославичем признавал какую-то вину перед русскими и предлагал все-таки «хранить» издревле утвержденные договоры между Русью и империей. Мы думаем, что Мономах имел в виду не столько договоры Игоря и Святослава, сколько договор, несомненно, заключенный между Василием II и Владимиром. Намек на это можно усмотреть в том, что Зонара, рассказывая о походе и опираясь преимущественно на Скилицу, пишет в самом начале своего повествования об установленных ранее между обеими странами дружеских отношениях, упоминая при этом только о брачном союзе Владимира и Анны¹³⁴.

Другой намек на договор Василия II и Владимира мы видим в том обстоятельстве, что положение русских к 1042 г. в империи сравнительно с периодом до 989 г. претерпело существенные изменения — и изменения к лучшему. Согласно договору 945 г. (как и по более ранним), русские, прибывавшие в Константинополь, имели право проживать лишь вне стен самого города, в предместье на северном берегу Золотого Рога, и входить в столицу без оружия, группами по 50 человек одновременно, в сопровождении «царевы мужа»¹³⁵. Из рассказа же Скилицы явствует, что русские жили в самой столице, причем в большом числе, как купцы, так и воины (именно поэтому Мономах и опасался заговора «внутри»). По договору 945 г. русские могли оставаться в отведенном им предместье св. Маманта лишь в течение полугода, без права зимовки¹³⁶. Согласно же Скилице, русских

¹³⁴ Зон., III, р. 631, 10—12.

¹³⁵ ПСРЛ, I, вып. I, стб. 48, ср. стб. 31.

¹³⁶ Там же, стб. 48—49.

было много в Константинополе и зимой и весной 1042/1043 гг. Иначе говоря, эти русские провели здесь зиму: подготовка к походу велась если не в ходе зимы, то по крайней мере — с ранней весны, и отправление мирных купеческих караванов с Руси в Византию одновременно со сборами против нее в военную экспедицию представляется несовместимым.

Все это и дает нам право на вывод, что со времени принятия Русью христианства при Владимире в Константинополе существовала и росла значительная русская колония, в которой они и пребывали постоянно¹³⁷. Непрерывное существование в Византии с 988 г., как полагают, шеститысячного варяго-русского корпуса можно объяснить, только допуская, что его состав постоянно пополнялся и через каждые 10—15 лет полностью обновлялся (гибель в многочисленных сражениях, ранения, заболевания, старение, наконец, попросту — желание вернуться на родину: Гардар, например, вернулся после 7—8 лет службы в империи). Следовательно, одних воинов, возвращавшихся домой и прибывавших им на смену, в летние месяцы каждого года в столице империи сосредоточивалось до тысячи человек. Все они должны были иметь здесь хотя бы временное пристанище и кров. К ним нужно добавить также купцов, паломников, гонцов, дипломатических представителей русского двора и Киевской митрополии и т. д.

Принимая во внимание эти новые привилегии русских-христиан, можно предполагать, что льготы коснулись и их юридического статуса в империи и условий их торговли на ее рынках. Во всяком случае, едва ли были ликвидированы те гарантии соблюдения справедливости при возникновении инцидентов между русскими и византийцами (убийство, избиение, воровство и т. п.), которые были представлены даже русскими-язычниками договором 945 г. Убийство, в частности (а Скилица сообщает именно об убийстве «знатного скифа», близкого к Владимиру), каралось ответным убийством на месте или смертной казнью¹³⁸.

За период более чем в полвека, истекший со времени заключения союза 989 г., новые льготные условия, нашедшие юридическое оформление, должны были стать привычными и естествен-

¹³⁷ Делая справедливое замечание, что интенсивность экономических связей Руси с Византией трудно подкрепить находками византийских монет на территории СССР (их не так уж много), и имея при этом в виду выводы В. В. Крпоткина («Клады византийских монет на территории СССР». М., 1962, стр. 15), А. Поппе делает замечание, в котором выражено сомнение в наличии русской колонии в Константинополе в 1042 г.: он пишет, что не случайно ученые столетиями напряженно ищут место пребывания русской дружины в городе (*A. Porre. Państwo...*, s. 108, p. 119). Но ученые тщетно и напряженно ищут и порой не находят следов самих дворцов императоров. Что же касается варяго-русской дружины, то, согласно данным Скилицы, часть ее квартировала непосредственно в одном из отделений дворца, а часть по мере военных нужд перебрасывалась из провинции в провинцию.

¹³⁸ ПСРЛ, I, вып. 1, стб. 52.

ными для русских. Даже такой инцидент, как полное истребление византийцами в 1022—1024 гг. русского отряда из 800 человек во главе с родственником киевского князя Хрисохиром не повлек за собой осложнений в межгосударственных отношениях, ибо Хрисохир не выполнил норм, предусматривавшихся договором: он отказался «опустить оружие» и явиться к императору для переговоров об условиях несения военной службы¹³⁹.

Все это дает основания полагать, что юридические нормы союза 989 г. в целом хорошо и последовательно выполнялись заинтересованными в мире и дружбе сторонами вплоть до июня 1042 г. (воцарение Мономаха).

Именно ради военной службы русских и варяжских воинов, столь хорошо себя зарекомендовавших в многочисленных войнах империи за истекшие 50 лет, Византия и проявляла заинтересованность в дружественных отношениях с Русью. Константин IX — ставленник гражданской чиновной знати — с самого начала своего царствования ступил на путь ослабления военных сил империи, надеясь таким образом подорвать оппозицию провинциальной военной аристократии и уменьшить военные расходы государства. Поэтому в глазах Мономаха договор Византии с русскими, в котором их военная помощь была одним из важнейших пунктов, уже не имел того значения, которое ему придавали его предшественники.

Мы полагаем, что нарушение устоявшихся межгосударственных отношений, гарантированных договорами, подписание которых было результатом почти полуторавековой тяжелой борьбы, ущемляло престиж страны в те времена не менее, чем ныне. Тесные связи с империей, льготные условия для русских в Константинополе возвышали авторитет Руси в отношениях ее с другими странами Европы. Этим, видимо, весьма дорожил Ярослав, ведший широкую игру на международной арене. Угроза этим нормам в отношениях с Византией, исходившая от нового василевса, могла побудить русского князя принять срочные меры.

Нарушение гарантированных договором 989 г. прав русских в империи могло найти самое разное выражение: и невыплата наемникам их ситиресия, о чем сообщает Скилица, рассказывая об обстоятельствах войн Маниака в Италии¹⁴⁰ (а среди его воинов, напомним, были и русские), и пренебрежение торговыми привилегиями русских купцов (ссора на рынке), и немилости к русским монахам и паломникам (монастырю Ксилургу был нанесен даже материальный ущерб), и ущемление интересов русской церкви, и принижение дипломатического статуса русских послов и т. п.

¹³⁹ *Cedr.*, II, р. 478. 20—479, 8. Согласно этому известно, как и свидетельству Кекавмена о 500 воинах Гардара (*Cec.*, р. 97, 8), на военную службу в империю русские и варяги прибывали значительными отрядами, насчитывавшими по несколько сот воинов.

¹⁴⁰ *Cedr.*, II, р. 545, 20—546, 1.

К осени 1042 г., как мы полагаем, обстановка в Константинополе вокруг русских должна была накалиться, особенно после известия об участии русских воинов в мятеже Маниака. Русские, впрочем, и тогда не подверглись прямым репрессиям, о чем свидетельствует пример с Гардаром и его воинами, которые хотя и находились под надзором и были лишены права покинуть столицу, но оставались все-таки на свободе. Свободой пользовались и другие русские воины в столице, а купцы даже продолжали торговать на рынке.

Но официально поддерживаемая и идущая сверху враждебная тенденция постепенно развязывала страсти, прорвавшиеся в побоище на рынке. Этот инцидент был, по нашему мнению, не столько одной из причин назревавшего конфликта, сколько симптомом неблагополучия в некогда мирных и дружественных отношениях. Он окончательно убедил Ярослава в необходимости прибегнуть к силе для восстановления бывшего положения.

Обстановка в империи оправдывала надежды на успех похода: к зиме 1042 г. в Киеве должны были знать и о внутренних смутах в империи, и о ее тяжелом внешнеполитическом положении (о набегах турок на Васпуракан и Иверию¹⁴¹, о мятеже Феофила Эротика на Кипре¹⁴², о разгроме византийских войск зетским жупаном Стефаном Воиславом, об успехах норманнского нашествия в Италии, наконец, — о бунте Маниака).

Поход, видимо, был задуман Ярославом в целях давления на империю — скорее для демонстрации силы, чем для ее использования в военных действиях. Поведение русского войска и на пути к Константинополю, и близ него (о чем мы говорили выше) оправдывает это предположение. Требование контрибуции в таких условиях отнюдь не имело смысла только как законное стремление к возмещению нанесенного русским материального ущерба: ее уплата должна была служить и восстановлению подорванного в империи политикой Мономаха престижа в полной мере осознавшей как раз в этот период свою мощь Руси.

Восстановление мирных отношений было отсрочено еще на три года в результате неудачи, постигшей Владимира^{142а}. Что заставило Мономаха пойти на заключение мира, мы можем

¹⁴¹ А. Поппэ относит начало этих набегов лишь к 1047/1048 г., но они были чувствительны уже с 20-х годов XI в. (см.: С. Г. Агаджанов, К. Н. Юзбашян. К истории тюркских набегов на Армению в XI в. «Палестинский сборник», 13, 1965; ср.: А. Porpe. Państwo..., s. 126—127).

¹⁴² А. Поппэ ошибается, говоря, что Феофил восстал, узнав о мятеже Маниака (А. Porpe. Państwo..., s. 85), он сделал это, узнав о падении Михаила V и о «замешательстве в делах» (Cedg., II, p. 549. 19—20), т. е. скорее всего между концом апреля и началом июня 1042 г.

^{142а} Лишь в данном примечании мы можем откликнуться на только что опубликованную статью В. Г. Брюсовой, посвященную походу 1043 г. (В. Г. Брюсова. Русско-византийские отношения середины XI века. ВИ, 1972, № 3, стр. 51—62). В статье выдвинута интересная гипотеза, согласно которой выгодные для русских условия мирного договора

только гадать. Но можно думать, что опасение перед повторением похода, новые мятежи военной знати и усилившаяся опасность со стороны сельджуков и печенегов сыграли в этом некоторую роль. Константин IX пошел, несомненно, на уступки, о чем свидетельствует второй династический брак между правящими на Руси и в Византии фамилиями: в 1046—1051 гг. дочь Мономаха стала женой Всеволода Ярославича. Уже в 1047 г. пришедшее с Руси союзное войско должно было участвовать в подавлении мятежа Льва Торника¹⁴³. Иначе говоря, восстановленный договор 989 г. или новый договор 1046/1047 г. вступил в это время в силу, и русские, выполняя взятые на себя обязательства, прислали военную помощь Константину IX Мономаху.

Возможно, не во всех аспектах достигнутое при этом соглашение удовлетворяло Ярослава Мудрого, что и могло проявиться в новом осложнении отношений между Русью и Византией, выразившемся в самовластном поставлении русским князем своего митрополита в Киеве в 1051 г. Но еще неизвестно: а было ли это осложнением в отношениях вообще? Хотя мы готовы допустить, что проблема Илариона в какой-то мере и связана с русско-византийской войной 1043 г. и ее последствиями¹⁴⁴, рассмотрение этой темы выходит за рамки данной статьи.

Итак, мы продолжаем настаивать на высказанных нами несколько лет назад выводах о причинах конфликта Руси и Византии в 1042—1043 гг., подвергнув на этот раз рассмотрению уже весь комплекс источников, освещающих это событие. Разумеется, наши выводы — лишь гипотеза, но мы по-прежнему предпочитаем ее, несмотря на остроумную критику А. Поппэ.

Во всяком случае нельзя не высказать удовлетворения тем, что к начатому нами пересмотру устоявшихся воззрений на события 1043 г. обратились еще три исследователя (А. Поппэ, В. Г. Брюсова, М. Саламон). В результате — уже на сей день выяснено немало интересных и важных деталей, относящихся не только к последнему походу Руси на Константинополь, но и к истории русско-византийских отношений в первой половине XI в. вообще. Есть основания надеяться, что при изучении этой темы в ближайшем будущем будут достигнуты новые успехи.

с Византией после неудачного похода 1043 г. станут понятными, если допустить, что полуполюгендарные свидетельства русских и польских источников о походе Владимира Ярославича (предполагается — весной 1044 г.) на Корсунь (Херсон) являются отражением каких-то подлинных событий. Нам не представляется вывод В. Г. Брюсовой доказанным, однако ей вполне удалось, на наш взгляд, поколебать традиционную точку зрения на сказания о так называемых корсунских древностях св. Софии Новгородской: и эти сказания, и особенно приписка на «Псалтири Одалярка» из Реймского храма св. Софии действительно заслуживают самого пристального внимания исследователей.

¹⁴³ А. П. Каждан. Иоанн Мавропод, печенеги и русские... ЗРВИ, 8, 1963, стр. 183—184.

¹⁴⁴ В. Д. Королук. Рец. на кн.: А. Poppe. Państwo..., BBm. XXXI, s. 206. Ср. А. Поппэ. Русско-византийские церковно-политические отношения в середине XI в. «История СССР», 1970, № 3, стр. 103 и сл.

К ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОЙ СОСЛОВНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ СТРАН

Чрезвычайно многообразна и широка историческая картина вековых связей и взаимоотношений Киевской Руси с западными и южными славянами, воссоздаваемая в обширной литературе¹. Однако успешная разработка важных проблем политических и культурных связей Руси с южнославянскими и западнославянскими странами, к сожалению, не сопровождается параллельными и целенаправленными исследованиями в области общеславянской социальной и юридической терминологии, некоторые аспекты которой были уже рассмотрены М. Н. Тихомировым². Между тем вполне понятно все значение разысканий в данной области для действительно полного и точного представления о конкретных формах славянских и заимствованных, неславянских терминов и правовых институтов, а тем самым и культурных связей в самом широком смысле (не только церковной литературы и искусства, но и общественно-политической мысли, сословной идеологии, светского и церковного законодательства).

В этом плане, как нам представляется, весьма полезно обратить внимание на историю термина «боляре» в южнославянских странах XII—XIII вв. Рассмотрение его может помочь не только выявлению специфических черт сербского феодального строя, но и решению вопроса о влиянии на терминологию сербских грамот и житий со стороны уже вполне сложившихся (к моменту образования в XII в. Сербского и Боснийского государств)

¹ См., напр.: М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. «Славянский сборник». М., 1947; М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов. Закон Судный людем краткой редакции. М., 1961; М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов. Закон Судный людем пространной и сводной редакции. М., 1961; В. Д. Корольюк. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964; и др. О культурных связях этой поры см. также: М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960; В. А. Мошин. О периодизации русско-южнославянских литературных связей в X—XV в. «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XIX. М.—Л., 1963.

² М. Н. Тихомиров. Объяснение некоторых понятий русских раннефеодальных памятников терминами на основании славянских источников нерусского происхождения. В кн.: М. Н. Тихомиров. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, стр. 218—225.

русского и болгарского изводов церковнославянского языка, а также переведенных на Руси и в Болгарии и возникших там оригинальных, церковных и юридических сочинений. Изучение этих вопросов, по нашему мнению, представляет тем больший интерес, что, как ни странно, вплоть до настоящего времени территориальные и хронологические рамки, развитие и этимология термина «боляре», равно как и соотношение его с другими сословными терминами, все еще остаются недостаточно исследованными³. Вполне естественно, что закономерным следствием этого является широкое распространение в справочных изданиях неточных представлений, локализирующих термин «боляре» лишь на Руси (иногда с указанием и на Великое Княжество Литовское), в Молдавии и Валахии (в отдельных случаях вместо румынских княжеств фигурирует древняя Болгария), хотя он существовал и в Боснии, Сербии, Зете (в XII—XV вв.), а в народной речи (в Болгарии, в Западной Украине) вплоть до XIX в.⁴

Это, разумеется, заставляет нас с особым вниманием отнестись к тем сербским источникам начала XIII в., которые описывают становление Сербской державы Неманичей (в конце XII—начале XIII в.) и ее сословную систему. Заметим, что в данной связи для нас немаловажны не только упоминания в них термина «боляре», но и конкретное содержание его и соотношение с другими обозначениями феодального класса и отдельных прослоек знати («властели», «войники», «вельможи», «слуги»), которые применяются в этих источниках — как оригинальных, так и переводных (жития Стефана Немани и его сына Саввы, Кормчая св. Саввы⁵, грамоты первых Неманичей и др.).

Вполне естественно, что ввиду недостатка свидетельств, почерпнутых из оригинальных актовых материалов конца XII—начала XIII в., мы должны с особым вниманием отнестись к тем сербским нарративным памятникам, которые описывают ряд

³ Ср., напр.: С. Новаковић. «Баштина» и «бољар» у југословенској терминологији средњег века. «Глас Српске Краљевске Академије» XCII (54), 1913, стр. 248—255; Ю. Трифионов. Към въпроса за старобългарското болярство. «Списание на БАН» (клон историко-филологичен и философско-обществен), кн. XXVI (14), 1923, стр. 1—70; О. Н. Трубачев. Заметки по старославянской этимологии (боляринъ, врачъ). «Этимологические исследования по русскому языку», вып. IV, М., 1963, стр. 160—163; P. Koledarov. Le titulariat des boyards dans la Bulgarie médiévale et se portée dans les autres pays. «Etudes historiques», t. IV, Sofia, 1968, p. 191—212; ср. «Enciklopedija Jugoslaviје», t. I, Zagreb, 1955, s. 680; D. Sp. Radojčić. Boļari.

⁴ См., напр.: БСЭ, изд. 2, т. 6, 1951, стр. 12 (боляре); «Советская историческая энциклопедия», т. 2, 1962 (болярство, бояре); «Краткая българска енциклопедия», т. I, София, 1963, стр. 269; «Wielka encyklopedia powszechna PWN», t. 2, Warszawa, 1963, s. 42; Ръчбънъ slovník naučný, t. I, Praha, 1962, s. 241; «Enciklopedija Leksikografskog zavoda», t. I, Zagreb, 1955, s. 554. Ср. «Ottáv slovník naučný», t. IV, Praha, s. 274—275. (Zygel. Boļar; Rǣ. Boļar); А. Дювернуа. Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати, вып. 1—2. СПб., 1885, стр. 131.

⁵ Ср. в нашей статье «Законник Душана и рецепция византийского права на Балканах» (в сб. «Юго-Восточная Европа в средние века». Кишинёв, в печати).

важных моментов истории Сербского государства в этот переломный период. Речь идет о двух житиях Стефана Немани, написанных его сыновьями — Стефаном Первовенчанным и архиепископом Саввой; эти агиографические источники представляют особую ценность не только потому, что они принадлежат перу современников описываемых событий и очевидцев, нередко даже главных участников, но и ввиду того, что авторы их вовсе не безвестные церковные книжники, далекие от столицы и двора их повелителя, а видные представители сербской династии, имевшие четкие знания и понятия о тогдашней феодальной терминологии и иерархии. Это относится, разумеется, как к Стефану Первовенчанному, преемнику Немани на сербском троне, так и к Савве, бывшему в юности некоторое время удельным правителем Хумского княжества (в начале 90-х годов XII в., до его бегства на Афон — в русский монастырь св. Пантелеймона), позднее выступавшему чаще не в роли скромного монаха, служителя божьего, а скорее в качестве соправителя своего брата, так же погруженного в мирские заботы, окруженного пышной свитой и т. д.⁶

Правда, знакомство с их сочинениями сразу же заставляет сделать вывод, что оба эти автора, при всей их несомненной осведомленности, дают тем не менее неодинаковую картину словесных обозначений и категорий феодального класса Сербии (даже в описании одних и тех же событий, в частности, в рассказе о соборе 1196 г. и отречении Немани)⁷.

Такое различие кажется тем более поразительным, что оба этих жития были созданы примерно в одно и то же время или же, быть может, с промежутком всего в несколько лет. Дело в том, что житие, написанное Саввой (в качестве первой главы Студеницкого типика), возникло, по всей видимости, вскоре после возвращения Саввы в Сербию, т. е. как обычно принимается в литературе, в 1208 или же в начале 1209 г.; встречается, правда, и более широкая датировка — 1207—1215 гг.⁸ В то же время второе житие, где изложение доведено вплоть до событий начала 1216 г., скорее всего создавалось на протяжении «длительного отрезка времени», начиная с момента зарождения его первого замысла, появившегося, вероятно, также сразу же после возвра-

⁶ «Светосавски зборник», кн. 2. Београд, 1939, стр. 99 (в письме охридского архиепископа Димитрия Хоматиана).

⁷ Сводка сведений о составе собора по житиям XIII в. дана в работе: Р. Новаковић. О датуму и разлозима Немањиног силаска о престола. «Зборник радова Византолошког института», т. XI, 1968, стр. 129 (здесь в цитате из жития, написанного Саввой, пропущены важные слова о «болярах» сербских, ср. там же, стр. 130; В. Ђоровић. Списн св. Саве. Београд, 1928, стр. 155).

⁸ См., напр.: П. Поповић. Обзор истории сербской литературы. СПб., 1912, стр. 36; «Српска књижевност у књижевној критици», т. I. Стара књижевност. Београд, 1965, стр. 274—275.

щения Саввы в Сербию с мощами Немани⁹. Иными словами, это второе произведение мы можем отнести приблизительно к периоду 1208—1216 гг. (или же, учитывая новую датировку, предложенную Р. Новаковичем¹⁰, —1206—1216 гг.).

Рассмотрим вначале те сведения о феодальной терминологии Сербии, которые сохранились в житии Немани, написанном Саввой. Здесь, например, агиограф, рассказывая об отречении Немани и передаче им власти сыну Стефану, упоминает о том, что Неманя в связи с этим собрал на экстраординарный собор всего государства «своих благородных сыновей и всех своих избранных *боляр, малых и великих*»¹¹. Однако ниже в изложении торжественной речи Немани на соборе 1196 г. дается несколько иное определение, поскольку он прощается уже с «властелями моими и *болярами*»¹². Точно так же Савва, повествуя далее об отъезде Немани на Афон (1198), говорит снова о его повторном прощании «со всеми сущими властелями и *болярами*»¹³. Наконец, в описании встречи Саввы (с мощами его отца) на сербской границе в феврале 1208 г. (или же, как мы упоминали выше, 1206 или 1207 г.) свита его братьев, правителей Стефана и Вукана, состояла из «святителей (т. е. епископов) и иереев и игуменов со многими чернцами и с *болярами*»¹⁴.

Нам представляется, что эти свидетельства жития, созданного Саввой, заслуживают полного доверия, хотя они, казалось бы, и могут вызвать некоторое недоумение ввиду заметного различия терминологии феодального класса (параллельного употребления терминов «властели» и «боляре») и, кроме того, могут содержать позднейшие наслоения и интерполяции, вызванные заимствованием из других литературных памятников. Между тем, как нам представляется, предположение об интерполяции термина «боляре», как термина «книжного» (по мнению сербского историка С. Новаковича)¹⁵, не представляется нам вполне обоснованным в связи с сопоставлением этого жития с другими сербскими источниками XIII в., которые подробнее будут рассмотрены ниже. С другой стороны, хотелось бы обратить внимание и на одно чрезвычайно важное свидетельство, которое дошло до нас в составе актов южноитальянского города Бари, поддер-

⁹ В. Ђоровић. Житије Симеона Немање од Стевана Првовенчаного. «Светосавски зборник», кн. 2. Београд, 1939, стр. 10—12.

¹⁰ Р. Новаковић. О години преноса Немањиних моштију из Хиландара у Студеницу. «Хиландарски зборник», т. I. Београд, 1966, стр. 113 (стр. 95—96). К сожалению, и после появления данной работы хронология этих событий, равно как и датировка названных памятников, остается все еще довольно шаткой и неясной.

¹¹ В. Ђоровић. Списи..., стр. 155.

¹² Там же, стр. 159.

¹³ Там же, стр. 163.

¹⁴ Там же, стр. 173.

¹⁵ С. Новаковић. «Баштина»..., стр. 251, 252, 255.

живавшего в XI—XIII вв. тесные торговые и церковные связи с городами Сербского приморья (Котором, Баром и др.)¹⁶. Так, например, уже в конце XII и начале XIII в. в актах г. Бари неоднократно встречается женское имя Болярина, несомненно, замешанное от жителей южнодалматинских городов и аналогичное другим женским именам такого же типа (т. е. Регина, Деспина, Царица, Архонтисса и проч.)¹⁷. По нашему мнению, эти ономастические данные служат ярким доказательством не только широкой распространенности имени Болярина, производного от «боляре», «болярин» (в русском языке — «болярыня»), в среде городского населения южной Далмации уже в конце XII в., но и тем самым — привычной употребительности самого слова «боляре» в качестве высшего сословия тех земель.

Однако, как показывает анализ других источников той поры и даже того же типа, этот новый для Сербии термин «боляре», получивший распространение уже не только в книжном, но и в обиходном языке и проникший в ономастику, все же не был единственным обозначением господствовавшей феодальной верхушки сербской державы. Уже С. Новакович отмечал, что Стефан Первовенчаный также употребляет в своем житии Немани этот термин, наряду с которым (и притом очень часто) прибегая к другим обозначениям (вельможа, князь и др.). По мнению Новаковича, «очевидно, что у короля Стефана Первовенчанного слово «боляр» не попадает часто на перо и что он его или избегает, или же ему это слово не нужно»¹⁸.

Такая констатация С. Новаковича между тем нисколько не объясняет причин такого употребления сословных терминов в названном памятнике, поскольку, если следовать его концепции, автор предпочитает книжному слову «боляре» не менее литературное, не просторечное обозначение «вельмужи», «вельможи» и пр. В действительности, как следует из текста жития, созданного Стефаном Первовенчаным, в данном случае следовало бы скорее говорить о разных системах феодальной терминологии, применявшихся двумя этими авторами первых сербских биографий.

В частности, в тот период в официальном лексиконе сербского двора (в противоположность церковному языку) практически почти вовсе не употреблялись (вплоть до 1216 г.) термины «властели» и «боляре», что, конечно, свидетельствует о широком применении прежних феодальных обозначений, нередко идентичных с общеславянскими (князь, воины, слуги), либо описательных, искусственных, созданных при буквальном переводе с греческого («приставники деломь» и т. п.).

¹⁶ «Зборник Константина Иречека», т. II. Београд, 1962, стр. 55.

¹⁷ Там же, стр. 215.

¹⁸ С. Новакович, «Баштина»..., стр. 252.

Весьма ярко это проявилось в разделе жития о конфликте и встрече с Андреем Венгерским, который присылал к Стефану одного за другим «из славных его слуг» с любезными речами и приглашениями. Перечисляя дары и почести, полученные им от короля Андрея, Стефан не упускает случая и заметить, что и приближенные венгерского короля оказывали ему большой почет, что, «*вельможи* его и *боляре сильные*» приносили «дары множайшие» сербскому государю¹⁹. Таким образом, только здесь, *единственный раз*, и притом в обозначении не сербских, а *венгерских* феодалов (что не отметил в своей статье С. Новикович) находим мы в сочинении Стефана Первовенчанного термин «*боляре*», выступающий в этом житии лишь в данном, включенном дополнительно (в 1216 г.)²⁰ разделе. Данный терминологический курьез — венгерские «*боляре*», впрочем, несколько не снижает ценности данных сообщений, поскольку он показывает, что этот термин, проникнув незадолго до этого (т. е. до событий 1216 г.) в лексикон сербского двора и светской знати, к моменту создания жития Стефаном I стал настолько привычным и удобным, что был использован и для рассказа о венгерских феодалах из свиты короля Андрея.

Более того, проведенное сравнение позволяет нам констатировать, что в Сербии в начале XIII в. была весьма заметна терминологическая зыбкость, стертость, иногда и путаница ввиду однозначности официальных обозначений, с одной стороны, и применения разных названий (типа «*вельможи*», «*князья*», «*боляре*») для одних и тех же категорий феодального класса, равно как и наличия собирательных, описательных определений, с другой стороны. Таким образом, сложность и кажущаяся неопределенность создающейся картины разных групп и прослоек сербской феодальной знати, отражая определенные различия и нюансы официальной (придворной), далее — «*книжной*» (литературной), т. е. прежде всего церковной, а также просторечной лексики (примером чего служит сравнение двух житий Немани), в то же время имела своей основой и конкретные различия в положении отдельных категорий феодалов, вероятно, и изменения во всей системе господствующего класса в связи с укреплением мощи «*новой*» знати, связанной с династией Неманичей; в противовес «*старой*» или локальной (вроде хумской, дуклянской) и т. п. Быть может, применение в источниках тех или иных терминов было связано с сознательными намерениями подчеркнуть зависимость, вассальные отношения феодалов и их «*службу*» своему сюзерену-монарху (в этом смысле особенно показательны применявшиеся тогда названия «*слуги*» и «*рабы*», причем последнее, возможно, связано с

¹⁹ В. Ђоровић. Житије Симеона..., стр. 73.

²⁰ Там же, стр. 11—13.

влиянием Византии) либо, напротив, их независимость от центральной власти, их могущество и обширные привилегии.

Все это, разумеется, подчеркивает необходимость особо тщательных и детальных источниковедческих разысканий, учета специфики каждого вида источников и соответствующего памятника в отдельности, как и особенностей лексики, которые могут быть отнесены за счет влияния определенной литературной и юридической традиции. В частности, говоря о двух рассмотренных нами выше первых сербских житиях, следует, по нашему мнению, признать маловероятным внесение в их текст каких-то значительных интерполяций, изменивших существенно картину сословных категорий раннего периода державы Неманичей. Известно, например, что оба жития (как сочинение Саввы, так и сочинение Стефана I) получили чрезвычайно малое распространение в средневековой сербской литературе, а житие, написанное Стефаном I, дошло до нас лишь в единственном списке²¹. В свою очередь появление термина «боляре» в заключительной части жития, созданного Стефаном I, подтверждает правильность соответствующих сословных наименований в сочинении его брата, возникшем вполне самостоятельно и независимо, имеющем к тому же несколько другие цели и задачи.

Как нам представляется, воссоздание сословных делений феодальной Сербии начала XIII в., изучение роли и значения наиболее важных в данном смысле терминов («властели», «боляре»), их соотношения и динамики может быть наилучшим образом проведено, если известные уже нам сведения этих двух нарративных (агиографических) памятников будут сопоставлены с материалом сербских грамот, изданных уже после провозглашения Сербского королевства (1217) и самостоятельной сербской архиепископии (1219).

Обращаясь вначале к источникам 30-х и 40-х годов XIII в., прежде всего к документам государственных канцелярий Сербии, Боснии, Хума и Дубровника, мы сразу же можем отметить как весьма примечательную общую черту феодальной терминологии, господствовавшей тогда на этой территории, распространение и вполне последовательное употребление названия «боляре» (для обозначения феодального класса в целом), которое, однако, уже примерно в 1250—1252 гг. совершенно исчезает из лексикона местных правительств. Возможно, в какой-то мере причиной такого резкого изменения системы социальных обозначений и быстрого заката термина «боляре» в сербской *официальной* (придворной) речи был наступивший на рубеже первой и второй половины XIII в. разрыв Сербии с

²¹ В. Ђоровић. Житије Симеона..., стр. 3; он же. Списи..., стр. XV.

Болгарским царством, оказывавшим до той поры, видимо, немалое влияние на сербский двор (особенно при Иване Асеневе II). Война Сербии с Болгарией в 50-х годах того века и, быть может, опустошительный прорыв болгарского войска и половцев вплоть до бассейна р. Лим, в частности, по всей видимости, сделали в глазах сербского правительства и придворной знати термин «боляр» (как «болгарский» !?) крайне одиозным и неприемлемым. Это, без сомнения, повлекло за собой и исчезновение «боляр» из языка боснийских и дубровницких грамот, хотя данный термин и продолжал позднее (как мы покажем ниже) существовать в неофициальной речи на сербской территории²².

Рассмотрим, например, сохранившиеся в архиве Дубровника грамоты сыновей Стефана Первовенчанного — сербских королей Радослава, свергнутого в начале 1234 г., и Владислава (1234—1243). Так, на торжественном манифесте Радослава, обещавшего дубровчанам всяческие привилегии в случае возвращения его на престол (издан 4 февраля 1234 г.), строго соблюдается наметившееся уже ранее смысловое разграничение терминов «властели» и «боляре». В общей форме Радослав говорит здесь о *«болярах моего королевства»*²³, упоминая в то же время о радушной встрече, оказанной ему в Дубровнике князем (комесом) Петром Болеславином «со всеми властелями (и) общиной городской от мала и до велика»²⁴. Точно так же и брат его, Владислав, подтверждает прежние права и льготы жителей Дубровника и Сплита, адресуясь к их *«городским властям»* — «князю Дубровницкому и всем властям и всей общине городской»²⁵ и соответственно — «властям сплитским, от великих до малых»²⁶.

Напротив, когда речь идет о каких-то мелких феодалах, васалах короля Владислава из пограничной полосы Сербии с Дубровником, Владислав выражает недовольство и возмущение тем, что власти Дубровника «мои села разорили и *боляр* пленили, а других (боляр или людей?—Е. Н.) посекали...»²⁷.

Аналогичные свидетельства мы находим и в боснийских грамотах той поры. Так, например, чрезвычайно примечательна грамота боснийского бана Матвея Нинослава Дубровнику

²² Ср.: С. Новаковић. «Баштина» ..., стр. 252—253 (здесь даны лишь отрывочные примеры без учета хронологии и различий официальной терминологии, литературной — житейной и народной речи).

²³ Л. Стојановић. Старе српске повеље и писма, кн. I. д. I. Београд — Сремски Карловци, 1929, стр. 12.

²⁴ Там же, стр. 11.

²⁵ Там же, стр. 14 (ср. стр. 16 — в грамоте ок. 1240 г.).

²⁶ М. Динић. Три повеље из исписа Ивана Лучића. «Зборник Филозофског факултета», кн. III. Београд, 1955 (грамота от 23.VI 1237 г.).

²⁷ Л. Стојановић. Старе српске повеље..., д. I, стр. 15.

(22 марта 1240 г.). Здесь бан извещает, что он «прибыл сам в Дубровник к старым моим приятелям властелям и общине городской, а прибыл я с моими болярами,— с воеводой Юришем, тепчией Радоной и его братом Симеоном, пехарником (чашиником) Мирохной» и проч.²⁸ В данном случае мы сразу же можем обратить внимание на непоследовательность в применении интересующих нас терминов: Нинослав говорит о «болярах» там, где он мог бы сказать «властели» (в соответствии с их придворными титулами и званиями), и, напротив, ниже, в продолжении грамоты, он именует одного из «властелей» Дубровника — тогдашнего князя (ректора) Николая Тонисто «болярином»²⁹. Такое употребление данных обозначений вновь показывает нам, что термин «боляре» как определение всей господствовавшей феодальной верхушки нередко включал верхнюю прослойку знати — «властелей».

В этом вновь убеждает нас то обстоятельство, что далее в грамоте 1240 г. (как и в другой грамоте от марта 1249 г.) Матвей Нинослав точно так же различаются и отделяются по своему значению «властели» и «боляре», как это делается и в названных выше документах сербских королей Радослава и Владислава. В частности, мы находим в грамоте 1240 г. следующее клятвенное обещание мира и дружбы: «Я Матвей Нинослав по милости божьей великий бан боснийский с моими болярами клянемся тебе, Николаю Тонисту, князю Дубровницкому и всем властелям и всей общине градской...»³⁰.

Вместе с тем приведенные выше сведения из грамот сербских и боснийских правителей, на наш взгляд, позволяют сделать не только вывод о несомненной общности феодальной терминологии той поры. Между прочим, бросается в глаза и тот факт, что феодальная знать этих славянских государств регулярно называется только «болярами», тогда как термин «властели» применяется здесь лишь для правительства Дубровника, его высших властей — князя (комеса), судей и членов Малого совета, которые иногда (в общей сложности) именуются «12 властелей»³¹. Быть может, эту тенденцию можно расценить и как своего рода симптом постепенного вытеснения и замены (в те годы) в лексиконе правительственных канцелярий Сербии, Боснии и Дубровника термина «властели» названием «боляре»

²⁸ Л. Стојановић. Старе српске повеље..., д. 1, стр. 7. Тепчия — один из высших сановников сербского и боснийского двора (К. Јиречек. Историја Срба, т. II. Београд, 1952, стр. 22—23).

²⁹ Л. Стојановић. Старе српске повеље..., д. 1, стр. 8.

³⁰ Там же, стр. 8 (ср.: там же, стр. 9.— в грамоте 1249 г. «мои боляре» и «все властели» Дубровника).

³¹ Там же, стр. 24 («мы, судьи и община дубровницкая: 12 властелей» — в договоре 22 мая 1254 г. с Радославом Хумским).

или же по крайней мере известного ограничения сферы применения термина «властели» лишь внешнеполитической перепиской.

В пользу такого предположения как будто говорит и любопытное новшество названных боснийских грамот. Дело в том, что здесь появляется (как и в грамоте Нинослава, изданной, видимо, в начале 1234 г. или позднее) новый термин «кметы» («*кѣмети*»). Эта терминологическая новинка тем более примечательна, что данное обозначение вообще крайне редко употребляется в сербских и боснийских источниках XIII—XIV вв. и, как известно, к тому же относится к числу многозначных средневековых названий, существовавших в разных славянских странах. Не затрагивая здесь сущность многообразных истолкований термина «кметы» в иные периоды истории, отметим здесь, что в названных грамотах 40-х годов XIII в. боснийский бан обещал жителям Дубровника, что «мои кметы и мои люди и мои владальцы (чиновники, официалы)» будут их охранять от зла, угрожая при этом за нарушение данных обязательств даже самому себе, своим сыновьям и внукам или же «моим кметям»³².

Судя по данному контексту и учитывая вместе с тем отмеченную выше тенденцию замены термина «властели» словом «боляре», мы могли бы, вероятно, высказать предположение, что эти кметы (т. е. рыцари, витязи) обозначают здесь феодальную знать, преимущественно средних и мелких феодалов, однако с подчеркиванием их вассальной зависимости и дружинной верности своему сюзерену. Однако эта попытка введения определенных терминологических новшеств, имевших своей целью подчинение боснийских феодалов власти бана и связанных, возможно, со стремлением несколько ограничить их права на земельные владения, не увенчалась успехом, и позднее могущественная знать Боснии именовалась обычно гордым званием «властелей», забыв вовсе об эфемерных названиях «кметы» и «боляре»³³.

Следует отметить, что в 40-х годах XIII в. в Сербском королевстве термин «боляре» служил общепринятым определением всего феодального класса в немногочисленных документах, не связанных с внешнеполитическими сношениями; однако здесь выступают и «властели» — в роли высшей титулованной знати, верховных управителей и придворных сановников Сербии (в отличие от названного выше употребления — лишь применительно к властям Дубровника). Так, в дарственной грамоте короля Владислава монастырьку Богородицы на р. Бистрице (приток Лима) в Западной Сербии (1234—1243) подтверждаются вла-

³² Там же, стр. 8 (то же на стр. 9—10 — в грамоте 1249 г.), ср. там же, стр. 7 (в грамоте ок. нач. 1234 г.).

³³ Ср.: С. Ћирковић. Историја средњовековне Босанске државе. Београд, 1964, стр. 62; В. Ћоровић. Историја Босне, кн. I. Београд, 1940, стр. 124—125.

дения монастыря на основании свидетельств «всех епископов и игуменов и *старых боляр* и всех калогеров» (т. е. монахов)³⁴. Поскольку речь в данном случае шла о подтверждении прежних земельных пожалований времен Стефан Немани и Стефана Первовенчанного (т. е. конца XII — начала XIII вв.), слова грамоты о «*старых болярах*» данных районов Западной Сербии мы вправе, кажется, истолковать как довод в пользу уже высказанного ранее мнения о существовании такого термина *еще в первый период истории державы Неманичей* и, более того, достоверности аналогичных сведений из жития Немани, созданного его сыном — Саввой.

Впрочем, из текста этого чрезвычайно ценного документа, получившего в историографии известность своим «законом» о крестьянских повинностях, вытекает и другое заключение — о сохранении канцелярией короля Владислава уже охарактеризованной нами системы феодальной сословной терминологии (с дихотомией «властели» и «боляре»). В те же годы, как свидетельствуют другие данные, в Сербии и отчасти в смежных государствах популярность термина «боляре» и его употребительность были столь велики, что это отражалось и в переписке властей г. Дубровника, где письма к сербским государям, естественно, составлялись с учетом официального лексикона правительства Неманичей. Поэтому, например, в посланиях властей Дубровника, как и прежде, в названном уже документе бана Нинослава, иногда проскальзывает тенденция расширительного применения термина «боляре»; так, в письме правителей Рагузы (1243) к новому королю Сербии Урошу они сами именуют себя так: «Жан Михонл, князь дубровницкий, с *болярами* дубровническими» (но не «властелями»!)³⁵.

Однако уже вскоре, несмотря на столь частое и широкое распространение «боляр» (для обозначения не только всей господствовавшей верхушки общества, но и наиболее влиятельных и сановитых ее представителей — «правителей»), уже в самом начале второй половины XIII в. наступает полное исчезновение и вытеснение данного названия («боляре», «боларе») из официальной правительственной терминологии сербского и боснийского государства; это объяснялось, как мы указывали выше, в известной мере внешнеполитическими обстоятельствами, а отчасти, разумеется, соперничеством и наличием иных сословных терминов («властели», «войники» или «воины», «слуги», «кметы», «вельможи»). К сожалению, для этого периода мы уже не располагаем документами, составленными при дворе боснийского бана (на сербском языке), тогда как и дошедшие до нас сербские и хумские грамоты все же слишком немногочисленны.

³⁴ «Споменик Српске краљевске Академије», III, 1890, стр. 6.

³⁵ Л. Стојановић. Старе српске повеље..., д. 1, стр. 16.

Впрочем, даже этот скудный материал актов второй половины XIII в. позволяет, по нашему мнению, произвести определенные сопоставления с уже известными нам сведениями предшествующего периода. В частности, судя по сохранившимся грамотам, можно как будто предполагать, что даже в эпоху наибольшего «расцвета» и расширения термина «боляре» на территории сербских земель этот термин, между прочим, не зафиксирован в источниках столь же удаленного на запад от Сербии (как и Босния) полусамостоятельного Хумского княжества. Нам известно, что здесь и в 1247—1249 гг. продолжает сохраняться прежняя терминология, отразившаяся и в грамоте 1214—1235 гг.: «властелями» Андрей князь Хумский называет и правительство Дубровника, и своих собственных вассалов и подданных («мои властелы») ³⁶. Точно так же избегают термина «боляре» в противоположность предшествующим временам и сербская канцелярия короля Уроша I (1243—1276) и другие соседи Дубровника.

В данной связи, естественно, было бы весьма полезно сравнить рассмотренные нами свидетельства сербских актов 50—60-х годов XIII в. с таким важным нарративным источником, как жития св. Саввы и Симеона (т. е. Стефана Немани), которые были написаны сербским монахом Хиландарского монастыря Доментианом.

Как известно, житие Саввы возникло в 1243 или 1253 г. (датировки главных рукописей неодинаковы), а его житие Немани — в 1264 г. Поскольку Доментиан был одним из современников и учеников Саввы, очевидцем становления и развития сербской феодальной государственности во второй трети XIII в. и, вероятно, происходил из знатной семьи, сведения из его сочинений могут представлять большую ценность для уяснения тогдашней сословной терминологии ³⁷. Заметим, кстати, что в пользу гипотезы о принадлежности Доментиана к сербской знати, по нашему мнению, говорит его особое внимание к различным обозначениям сербских сановников и светских феодалов, которыми перестраивает его сочинения, как, пожалуй, ни одно из других агнографических произведений сербских авторов XIII в.

В то же время, привлекая и оценивая сведения Доментиана, мы должны учитывать и наличие сильного влияния русской (как, видимо, и болгарской) литературы на его язык и стиль, как и прямых заимствований им соответствующих мест из жития Немани, написанного Стефаном Первовенчанным. В историографии уже неоднократно указывалось и на то, что в своем житии св. Симеона (Немани) Доментиан использовал «Слово о законе

³⁶ Там же, стр. 5 (ср. стр. 4).

³⁷ См., напр.: П. Попович. Обзор..., стр. 38—39; «Српска књижевност...», т. I, стр. 319—330; Д. Павловић и Р. Маринковић. Из наше књижевности феудалног доба. Сарајево, 1959, стр. 58.

и благодати» русского митрополита Илариона (середина XI в.) и его восхваления русского «кагана» Владимира Святославича³⁸. Иными словами, мы можем допустить и возможность заметного воздействия на язык произведений Доментиана со стороны русской и болгарской официальной речи, отражавшейся и в литературных памятниках той поры, известных на Афоне.

Весьма показательно в этом отношении употребление Доментианом сословных терминов и названий, которые он дает в двух своих произведениях. Например, повествуя о присылке Неманей Стефану I честного животворящего креста, он повторяет слова Стефана Первовенчанного об этой реликвии (как символе защиты «князьям твоим» и «воинам твоим»);³⁹ в то же время он добавляет «от себя» детали о торжественной встрече святой реликвии самим Стефаном со всем клиром и «с множеством народа *боляр* его»⁴⁰ (вероятно, в рукописи был пропущен союз «и» — т. е. «и боляр»). Стоит особо подчеркнуть, что в сочинениях Доментиана, особенно в последующих разделах, проявляется прочное знакомство с уже, как отмечалось выше, в те годы официально отвергнутым в практике королевского двора термином «*боляре*», хотя иногда и заметно нарочитое исключение его, по всей видимости, под влиянием новых тенденций в правительственной и дипломатической терминологии Сербии XIII в.

Мы, например, можем отметить, что Доментиан, говорящий в весьма общей форме об отказе Немани, принявшего монашество, от «имения и слуг»⁴¹, в то же время в многозначительном (с политической точки зрения) описании отправки Саввой мира (от мощей Немани) Стефану I прибегает к определению «*всем болярам владычества твоего*» (т. е. Стефана I)⁴². Не менее любопытно и сравнение рассказа агнографа об одном и том же событии, а именно встрече мощей Немани на сербской границе (ок. 1206—1208). Если в первом житии Доментиан, следуя в общем житию, написанному Стефаном I, лишь весьма неопределенно упоминает о «всех чадах отечества его»⁴³, то в житии Симеона здесь фигурируют уже и «*благочестивые боляре отечества*» его⁴⁴.

Точно так же преобладание термина «*боляре*» характерно и в последних разделах жития Саввы, где Доментиан (в согласии с тогдашней практикой) повествует о событиях в Сербии после

³⁸ М. Петровский. Иларион, митрополит Киевский и Доментиан, неромонах Хиландарский. ИОРЯС, XIII, 4, 1908, стр. 81—133.

³⁹ Б. Даничић. Живот светого Симеуна и светого Саве, написао Доментијан. Београд, 1865, стр. 66 (в житии Немани).

⁴⁰ Там же, стр. 67.

⁴¹ Там же, стр. 76.

⁴² Там же, стр. 92.

⁴³ Там же, стр. 194 (в житии Саввы — ср. стр. 195).

⁴⁴ Там же, стр. 107.

создания самостоятельной архиепископии. В частности, «все боляре» Сербии упомянуты в связи с приездом Саввы в Сербию (ок. 1220)⁴⁵, а также в рассказе о переносе его мощей из Тырнова в Сербию при короле Владиславе (1237)⁴⁶.

Впрочем, уже вскоре после появления сочинений Доментиана, на рубеже XIII и XIV вв., в языке сербской агиографии становится заметной тенденция к сближению с официальной сословной терминологией, выразившаяся не только в отказе от названия «боляре», но и в старании заменить прежние названия отдельных категорий феодального класса *единым*, притом неизвестным ранее обозначением.

На наш взгляд, нельзя не видеть в этом того влияния, которое оказало на сербскую литературу в тот период ослабление и изменение характера ее связей с Русью, испытавшей всю тяжесть татаро-монгольского нашествия⁴⁷. Ведь, как можно судить на основании сохранившихся памятников, распространение термина «боляре» в Сербии и Боснии XIII в. было связано прежде всего с интенсивным воздействием на формирующуюся и развивающуюся сербскую феодальную терминологию тех источников (церковноправовых, литературных, житийных и др.), которые были переведены и созданы в Болгарии и на Руси. Соответственно с этим, как представляется, происходило с течением времени видоизменение области распространения термина «боляре» в сербских памятниках и сербском языке. Так, вероятно, заимствованное из литературных памятников (церковных книг прежде всего), а отчасти, быть может, из дипломатической переписки (в частности, из русских княжеств через Венгрию)⁴⁸, это слово, по всей видимости, уже к концу XII в. приобретает значение обиходного и даже просторечного, проникая в ономастику; в то же время вплоть до второго десятилетия XIII в. оно почти не встречается в лексиконе сербского двора. Позднее, в третьем десятилетии XIII в. «боляре» становятся излюбленным термином для обозначения феодальной знати в грамотах сербских королей и даже боснийских банов, однако, этот период «апогея» данного термина, как мы видели, оказался весьма недолгим, и затем сфера применения его все более и более сужается, охватывая лишь некоторые церковные источники и памятники, сохраняющие следы народной речи (это, например, в особенности заметно при анализе текстов XIV—XV вв.).

⁴⁵ Там же, стр. 227—228.

⁴⁶ Там же, стр. 343.

⁴⁷ Ср.: В. А. Мошин. О периодизации..., стр. 97.

⁴⁸ Там же, стр. 63, 74.

БЕЛЫЙ КАМЕНЬ БЕЛОКАМЕННЫХ СОБОРОВ

Более восьми веков стоят белокаменные соборы Владимира и Суздаля, Переславля-Залесского и Юрьева-Польского. Не сотни, а тысячи людей ежедневно отправляются в далекие путешествия, чтобы полюбоваться удивительной работой древних зодчих. Не менее совершенны и позднейшие постройки Московского Кремля, Загорска, Звенигорода. Однако нас поражает не только красота их и совершенство пропорций, но и техника строительства. Более того, сам материал построек не случаен: использованы именно самые лучшие сорта вязкого, крепкого и морозоустойчивого белоснежного известняка, которого нет под Владимиром, хотя рядом в заброшенных карьерах есть известняки худшего качества; этого плохого камня в постройках мы не находим.

Где и как добывали строительный камень наши предки? Кажется бы, теперь знать это и не важно и не нужно. Но это совсем не так. Во-первых, это важно для выяснения особенностей культуры прошлого, уровня техники, торговых и культурных связей и т. д. Известный советский историк Н. Н. Воронин в своей двухтомной монографии, где приведена и библиография вопроса (*Воронин, 1962*), уделял большое внимание характеристике камня, его особенностям в разных памятниках. Он определенно указал, что возили белый камень из бассейна Москвы-реки. Об этом же писал Г. К. Каргер.

Во-вторых, именно сейчас, когда повсеместно ведутся реставрационные работы, сопровождающиеся порой значительной перестройкой памятника, совсем небезразличен материал, из которого будут сделаны новые детали постройки. Не говоря об эстетической неуместности инородного по облику камня в памятнике, чрезмерно рыхлый камень в кладке становится центром разрушения памятника, а чрезмерно плотный или, что еще хуже, цементное (а не известковое) скрепление монолитов перекрывает путь флюидам жидкости и воздуха по капиллярам и это часто приводит к ускоренному местному выщелачиванию камня.

Уже давно этим вопросом заинтересовались геологи. Еще в 1950 г. при участии организатора и хранителя Суздальского му-

зея, историка и археолога А. Д. Варганова были обследованы белокаменные постройки Владимиро-Суздальской Руси; тогда же были предложены и пути их сохранения, о чем будет сказано ниже (*Залесский, Степанов, К. П. Флоренский, 1950*).

Исследования показали, что известняки, из которых построены белокаменные соборы, имеют среднекаменноугольный возраст и относятся к мячковскому горизонту, а добывали их на юге нынешней Московской области.

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР БЕЛОКАМЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Прежде чем рассказать о результатах наших исследований, напомним вкратце историю белокаменного строительства в Центральной России. В 1108 г. великий князь Владимир Мономах построил во Владимире церковь Спаса, а в Суздале — церковь Успения Богородицы по образцу церкви Успения в Киево-Печорской лавре. Они были сложены из плоских кирпичей — плинфы — в традиции киевских мастеров. Постройки эти не сохранились.

Начало белокаменному строительству положил наследник Мономаха — князь Юрий Долгорукий. Время его княжения (1132—1157 гг.) отмечено междоусобицами за честь быть киевским князем, но, понимая растущую роль Северо-Восточной Руси, он впервые возвел многие белокаменные соборы Центральной России: в 1152 г. возводится церковь во имя первых русских национальных святых Бориса и Глеба, к которой примыкал дворец князя, построенный из плинфы. Церковь эта поныне стоит под Суздалем, в Кидекше, бывшей когда-то резиденцией князя. Тогда же закончен собор Спаса Преображения в Переславле-Залесском и не сохранившийся до наших дней Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Ко времени Юрия Долгорукова относится и церковь Георгия во Владимире (1152 г., переложена в 1783 г.). Конечно, при столь интенсивном строительстве добыча камня была не случайным, а весьма основательно организованным делом.

В середине XII в. Киев перестал играть главенствующую роль. Это понял, по-видимому, сын Юрия Долгорукого — Андрей Боголюбский, который во время своего княжения (1157—1174 гг.), имея титул великого (князя киевского), повел политику усиления не Киева, а Владимира. Именно во время его княжения белокаменное строительство приобрело особенно широкий размах. Еще при жизни отца в 1156 г. он избрал своей столицей Боголюбово, где в 1158 г. построил собор во имя Рождества Богородицы (от него найдены при раскопках лишь нижние части стен). Во Владимире он построил одноглавый Успенский собор

(1158—1160 гг.), оборонительные сооружения с Золотыми воротами (1164 г.), церковь Спаса (1164 г., сгорела и переложена в 1778 г.), знаменитую церковь Покрова Богородицы на Нерли (1165 г.) и дворцовый ансамбль в Боголюбове (1165 г.). Тогда же построен и не сохранившийся до нашего времени Успенский собор в Ростове (1160 г.). То есть за 9 лет возник целый ряд построек, на многие годы определивших направление архитектуры Древней Руси. Сейчас, плохо представляя характер работы древних камнетесов, трудно предположить, сколько же народу было связано с добычей и перевозкой белого камня. Но несомненно, что очень много. Во вторую половину княжения Андрея Боголюбского ничего значительного построено не было, однако политика усиления Северо-Восточной Руси продолжалась.

Новая волна белокаменного строительства связана с княжением брата Андрея Боголюбского — Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо (1175—1212) и его сыновей. После пожара был достроен (1185—1189) Успенский собор во Владимире: древний одноглавый собор был обстроен со всех сторон: новый пятиглавый собор — один из самых больших на Руси, он соизмерим с более древними храмами Св. Софии в Киеве и Новгороде. Через три года наступила новая волна строительства: во Владимире возведен стоящий поныне Дмитриевский собор (1194—1197 гг.), бывший дворцовой церковью; стены его словно кружевом покрыты высеченными из белого камня бесчисленными барельефами. Построены также собор Рождества богородицы (переложено в 1859—1864 г. и разрушен в 1936 г.) и не сохранившиеся дворец и детинец. Помимо этих белокаменных построек жена Всеволода III княгиня Мария основала Успенский (Княгинин) монастырь с собором (1200—1201 гг., перестроен в XV в.). Он был сложен из плинфы в традиции киевских мастеров.

Сыновья Всеволода строили не только во Владимире, но и в других городах. Старший его сын Константин построил несохранившиеся белокаменные церковь Воздвижения во Владимире (1218 г.) и соборы в Ростове и Ярославле. Второй сын — Георгий — основал в 1221 г. Нижний Новгород, где построил соборы Спаса и Михаила Архангела, соборы в Муроме и Костроме, в Суздале на месте церкви Успения времен Владимира Мономаха он построил белокаменный собор Рождества богородицы (1222—1225). От его построек сохранились лишь нижняя часть собора в Суздале (верхняя часть переложена в 1528 г.). Последняя постройка домонгольской поры связана с третьим сыном Всеволода Большое Гнездо — Святославом: в 1230—1234 гг. на месте старой Георгиевской церкви в Юрьеве-Польском зодчие возвели новую, сверху донизу покрытую резными барельефами. Этот собор завершает архитектуру Владимиро-Суздальской Руси (позднейшие зодчие уже не возвращались к скульптурным украшениям стен). Этот некогда высокий и стройный собор рухнул, и тот,

что стоит сейчас,—приземистый, словно богатырь, построил в 1471 г. из старых камней В. Д. Ермолин. Поэтому многие камни, составлявшие часть композиций, перепутаны, а многие утеряны.

В 1238 г. войска Батия разрушили Владимир и окрестные города. На много лет постройки остались без ремонта, полностью приостановилось строительство и добыча белого камня. Лишь через десятки лет Русь стала оправляться после бедствия. И поэтому первые после перерыва соборы (несохранившиеся) построены были в конце XIII в.: в 1285 г. в Твери, в княжестве, претендовавшем на ведущую роль в Центральной России, и в Москве, где совсем недавно Н. С. Шеляпина нашла под нынешним Успенским собором фундамент храма времен князя Даниила Александровича — современный тверскому собору (Шеляпина, Федоров, 1969). Рост значения Москвы, завоевания и достигнутое ее князьями главенствующее положение сразу отразились в новой волне белокаменного строительства: через девяносто лет, после падения Владимира князь московский Иван Данилович Калита, получивший в 1328 г. ярлык на великое княжение, строит соборы Успенский (1327 г.), Спаса на Бору (1329 г.) и Архангельский (1333 г.). Они не сохранились, но при раскопках находят не только их фрагменты, но и остатки их фундаментов и стен. Позже — особенно после победы Дмитрия Донского в Куликовской битве (1380 г.) белокаменные соборы стали строить в других городах и монастырях — Коломне, Голутвине, Рязани, Звенигороде, Загорске и других.

Эти послемонгольские соборы знаменуют собой новый этап развития строительной культуры и техники. И не удивительно: едва ли до этого времени дожили мастера: надо было многое изобретать и находить заново. Поэтому заново стали искать белый камень, заново учились его добывать и обрабатывать. Поэтому и постройки этого времени строже, проще, пропорции их несколько иные, иной характер украшений, арок и т. д.

Так как основное внимание мы уделили изучению камня домонгольских построек, то на этом мы и закончим краткий экскурс в историю и обратимся к геологии.

МЕТОДИКА ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В Центральной России, как известно, обнажаются породы разного возраста, время образования которых охватывает последние 220 млн. лет: это осадки каменноугольного, пермского, триасового, юрского, мелового и четвертичного периодов. Но известняки есть лишь в каменноугольных и пермских отложениях.

Эти известняки содержат множество мелких (менее 1 мм) остатков одноклеточных организмов — фораминифер, которые

быстро эволюционировали. Однако каждая из них расселялась широко по площади. Поэтому слои известняков можно очень дробно расчленять, прослеживать и сопоставлять, изучая содержащиеся в них фораминиферы. Для определения же нужен маленький камешек — образец, не более спичечного коробка.

Мы тщательно просматривали образцы под биноклем и найденные раковины шлифовывали в строго определенной плоскости (толщина среза раковины, заключенного между стеклами, — около 2 микрон). Эту сложную и тонкую работу делала сотрудница ГИН АН СССР А. Ф. Панфилова. Полученные препараты — шлифы — изучались в микроскоп с увеличением в 10—100 раз. Так были изучены фораминиферы из известняков, которые шли на постройку соборов Владимиро-Суздальской Руси. Эти данные показали, что в основном тогда использовались известняки мячковского и изредка подольского горизонтов среднего карбона, который добывали в бассейне рек Москвы и Оки.

Итак, среднекаменноугольный возраст белого камня из построек не вызывает сомнения. В это время породы отлагались в обширном морском бассейне, который покрывал Русскую равнину. Их нижняя — более древняя часть — называется башкирским ярусом, осадки которого довольно ограничены, а верхняя — наиболее распространенная — московским ярусом. Московский ярус выделил в 1890 г. С. Н. Никитин, а в 1929—1936 гг. А. П. Иванов разделил его на верейский, каширский, подольский и мячковский горизонты, названные так по принятой геологами традиции по тем местам, где они полнее представлены. Поэтому не надо отождествлять мячковский горизонт, развитый очень широко, вплоть до Урала, только с известняками из села Мячкова¹.

Для исследования был собран материал, во-первых, по домонгольским постройкам: во время экскурсий мы вместе со студентами-геологами Московского института нефтехимической и газовой промышленности частично получили от сотрудников музеев, а частично собрали сами кусочки, лежавшие у стен построек и, несомненно, отвалившиеся от них или найденные при раскопках.

¹ Д. М. Раузер-Черноусова, Е. А. Рейтлингер (1954) и И. И. Далматская (1954) детально изучили комплексы среднекаменноугольных фораминифер. Анализируя их видовой состав, можно определить и более дробные границы. Для подольского горизонта наиболее характерны *Fusulinella colaniae* Deprat, *Fusulinella vohzgalensis* Safonova, *Neostaffella ozawai* (Lee et Chen) и фузулины, среди которых преобладают *Fusulina ozawai* Raus, et Bel., *Fusulina kamensis* Saf., *Fusulina elegans* Raus, et Bel. Для мячковского горизонта в целом характерны фораминиферы: *Fusulinella bocki* Moeller, *Fusulinella pseudobocki ovoides* Raus, *F. bocki pauciseptata* Raus, *Fusulinella helenae* Reus, *Fusulinella rara* Shlyk., *Fusulinella kumpani* Putrja, *Fusulina cylindrica* Fischer, *Fusulina cylindrica domodedovi* Raus, *Fusulina mjachkovensis* Raus, *Fusulina quasicylindrica* (Lee), *Fusulina mosquensis* Raus. При этом мячковский горизонт делится на нижнюю зону с *Fusulinella bocki* и верхнюю зону с *Fusulina cylindrica*, — это различие будет очень важно для дальнейших рассуждений.

В результате постепенно, за несколько лет, мы собрали коллекцию образцов от всех сохранившихся и от многих разрушенных и сохранившихся лишь частично или переложенных соборов домонгольской поры — XII—XIII вв. и от очень многих позднейших построек. Образцы от построек и из археологических раскопок Московского Кремля получены от сотрудницы Кремлевского музея Н. С. Шеляпиной. Однако в дальнейшем мы будем за недостатком места упоминать лишь те постройки, из камней которых получены достаточно полные для детальной датировки комплексы фораминифер.

Известняки из всех построек поразительно единообразны. Это чистые, но содержащие доломит разности, смешанного органично-обломочно-хемогенного происхождения, сложенные разнообразными окатанными обломками организмов около 0,5 мм, изредка — до 1—2 мм; они представлены окаменелыми, замещенными кальцитом, частицами иглокожих, двустворок, фораминифер, которые составляют от 45 до 75% породы. Обломки скреплены однородным кальцитом, кристаллики которого 0,01—0,1 мм в поперечнике имеют лапчатые края и плотно срастаются по извилистым швам друг с другом, что делает породу вязкой. Поры составляют 5—15% породы, обычно они неправильной формы, не превышают 0,5 мм; по их краям нередко выделения кристалликов кальцита, иногда поры заполнены кальцитом полностью: благодаря однородности такой известняк более устойчив, мелкозернистая структура и плотное срастание кристаллов по извилистым стилолитовым поверхностям делают его вязким, «гвоздистым» — по народному выражению, так как он может держать вбитый гвоздь: из такого известняка легко вырезать скульптуры и барельефы. Благодаря порам в камне могут циркулировать воздух и растворы и поэтому он может проветриваться, «дышать». Это, с одной стороны, позволяет зданиям быстро обсыхать, но, с другой стороны, по камню стен подсачиваются почвенные воды, которые разрушают камень. В общем, камень всех древних построек очень однообразен. Исключение составляют лишь известковые туфы. Это весьма пористые, а поэтому легкие, хотя и не очень крепкие, породы известны в кладке барабанов куполов Успенского собора во Владимире.

Проведено детальное микропалеонтологическое исследование всех образцов. В примечаниях² мы привели лишь те списки фау-

* Для удобства списки руководящих форм фораминифер, собранных из различных построек, вынесены в примечания (ниже и стр. 11).

Боголюбово под Владимиром. Из обломка стены дворцовой постройки Андрея Боголюбского (1165 г.) выделены *Fusulinella* ex gr. *bocki* Moeller, *Fusulinella pseudobocki* Lee et Chen, *Fusulinella* ex gr. *vozhgalensis* Safon., *Fusulinella rara* Shlyk. В кусках стен древних несохранившихся ныне построек, найденных при раскопках, встречаются *Fusulinella* ex gr. *bocki* Moeller, *Fusulinella rara* Shlyk., *Fusulinella helenae* Raus.

ны, которые дают точную и дробную датировку. В остальных образцах установлены остатки среднекаменноугольных организмов, но точнее определить их возраст не удалось, хотя, конечно, при повторных анализах дополнительных коллекций это реально.

Анализ описанных сообществ фораминифер, включающих руководящие виды *Fusulinella* ex gr. *bocki*, *Fusulinella pseudoboeki*, *Fusulinella gara*, *Fusulinella helenae*, *Fusulinella masquensis*, *Fusulina cylindrica*, *Fusulina cylindrica domodedovi*, указывающие на очевидность принадлежности (что было известно и до нас, как это мы писали выше) пород, содержащих эти комплексы, только к мячковскому горизонту. Но более детальный анализ этих и других списков вскрывает одну очень важную деталь. Все камни соборов XII—XIII вв., построенные до монгольского нашествия,

Fusulinella ex gr. *kumpani* Putrja. Все эти формы встречаются в нижней подзоне мячковского горизонта.

Успенский собор во Владимире, построенный Андреем Боголюбским в 1153—1160 гг. и застроенный Всеволодом II Юрьевичем Большое Гнездо в 1185—1189 гг. Из обломков апсиды и южной стены выделены *Fusulinella bocki* Moeller, *Fusulinella vohzgalensis* Safon., *Fusulinella mosquensis* Raus. et Saf., *Fusulina* ex gr. *elegans* Raus. et Bel., *Fusulina* ex gr. *consobrina* Saf. нижней подзоны мячковского горизонта.

Храм Покрова на Нерли, построенный Андреем Боголюбским в 1165 г. Известняки, из которых он сложен, содержат *Fusulinella* ex gr. *bocki* Moeller, *Fusulinella pseudoboeki* Lee et Chen, *Fusulinella vohzgalensis* Saf., *Fusulinella helenae* Raus нижней подзоны мячковского горизонта.

Архангельский собор в Московском Кремле, построенный в 1509 г. итальянцем Алевизом Новым. В найденных при раскопках фрагментах и фундаменте древнего собора, построенного в 1333 г. Иваном Даниловичем Калитой, содержатся фораминиферы верхней подзоны мячковского горизонта.

Троицкий собор Троице-Сергиевой Лавры в Загорске, построенный в 1422—1423 гг. Никонем Родонезским. В известняках из его апсидной части определены: *Fusulina* ex gr. *cylindrica* Fischer верхней подзоны мячковского горизонта. При постройке закомар при реконструкции в 1968 г. под руководством В. Н. Болдина применен рыхлый желтоватый доломит нижнекаменноугольного возраста.

Церковь во Имя Сошествия Святого Духа Троице-Сергиевской Лавры (в Загорске XV в.), построенная псковскими мастерами. Детритусовые известняки из апсиды содержат: *Tuberitina maljavkini* Mikh., *Tolyrammina agrestis* Reith., *Tolyrammina complicata* Reith., *Ozawainella angulata* Colani.

Успенский собор Московского Кремля. При раскопках найдены под его фундаментом следы древнейшей постройки времен Даниила Александровича (около 1285 г.). Более поздняя постройка Ивана Калиты (1327 г.) была разобрана и собор начали возводить заново Кривцев и Мышкин (1472—1474 гг.), но он рухнул. Современное здание построил в 1475—1479 гг. в основном из кирпича болонец Аристотель Фиораванти. Во фрагментах постройки Кривцова и Мышкина определены нижнемячковские комплексы фораминифер.

Успенский собор Троице-Сергиевой лавры в Загорске (1559—1585). Известняки из закомарной части храма содержат: *Fusulina cylindrica* Fischer, *Fusulina pakhrensis* Raus. верхнемячковской подзоны. Верх храма построен из рыхлого желтого нижнекаменноугольного доломита под руководством В. А. Балдина. Кроме того, в других образцах белого камня памятников из Загорска: Серапионовой палаты (XVI в.) и Трапезной (XVII в.), а также надгробия Петра Кашина (XV г.), архиепископа Сергия (XV в.), князя Холмского (XVI в.), Варатынского (XVI в.), князя Новосельцева (XVII в.), Сакмечева (XVII в.) были выявлены: *Schubertella gracilis znenis* Raus, *Fusulina cylindrica* Fischer, *Fusulina cylindrica domodedovi* Raus, *Fusulina intermedia* Raus et Gryzl., *Fusulinella kumpani* Putrja. Все эти обломки верхнемячковской подзоны.

относятся к нижней зоне мячковского горизонта — зоне *Fusulinella bocki*. В то же время, в известняках из большинства более поздних — XIII—XV вв. — памятников Москвы и Загорска встречены *Fusulina cylindrica* и *Fusulina cylindrica domodedovi*, которые позволяют уверенно отнести их к верхней зоне мячковского горизонта. Таким образом, камень из построек домонгольского времени (XII—XIII в.) отличается от камня более поздних построек (начиная с XIII в.) составом микрофауны, а следовательно, и геологическим возрастом. Посмотрим, как это можно объяснить, анализируя геологическую карту.

ТОПОГРАФИЯ ДОБЫЧИ

На геологической карте, составленной по данным многочисленных исследований, видно, что среднекаменноугольные отложения довольно широкой полосой с запада и юга обрамляют нынешнюю Московскую область. Юго-западнее этой полосы мячковские известняки выклиниваются, а северо-восточнее они перекрыты чехлом более молодых отложений, мощность которых возрастает к северо-востоку. Непосредственно под Владимиром мячковские известняки залегают на глубине 300 м. Ближе всего к Владимиру выходы на поверхность мячковских известняков в двух участках: на западе — по рекам Москве и Пахре и на юге — в районе Касимова на Оке. Более отдаленные выходы — по Оке у Коломны и Серпухова. Мячковские отложения района Касимова сложены плитчатыми глинистыми известняками, содержащими прослой глины и маломощную кораллово-фораминиферовую толщу с однообразным комплексом фораминифер (чаще всего из родов *Schubertella*, *Ozwaimeilla*). Такие известняки недостаточно крепки, не дают больших камней-монолитов и их нет среди построек. В районе ст. Пески низы мячковского горизонта представлены рыхлыми известковистыми песчаниками и известняками и также не годятся для строительных целей. Иное дело мячковские отложения по рекам Москве и особенно Пахре, где сосредоточены важнейшие каменоломни — г. Подольск, г. Домодедово, с. Съаны, Мячково. Их микропетрографическое и микропалеонтологическое описание сделали Д. М. Раузер-Черноусова и Е. А. Рейтлингер (1954) и Е. А. Иванова и И. В. Хворова (1955). Отложения нижней части разреза мячковских отложений известны в разрезе карьера у г. Подольска и восточнее по р. Пахре и представлены обломочными кораллово-фораминиферовыми известняками с массовыми *Fusulinella bocki*, *Fusulinella pseudobocki*, *Fusulinella pseudobocki ovoides*, *Fusulinella rara*. Реже встречаются *Fusulinella vozghalensis kovensis*, *Fusulina* ex gr. *pankouensis*, *Fusulina* ex gr. *masquensis*, *Fusulina* ex gr. *quasicylindrica*. Мощность

отложений около 10-м. Близки по комплексу фораминифер и отложения, вскрытые в пещерных ломках и открытых карьерах Домодедова и у с. Съяны. В карьерах у с. Мячково нижняя часть горизонта обнажается лишь у самого уреза Москвы-реки всего только на 1,5 м и содержит комплекс фораминифер, в котором наряду с *Schubertella* и *Ozawainella* известны лишь три вида фузулинелл (*Fusulinella bocki intermedia*, *Fusulinella helenae*, *Fusulinella mosquensis*). Именно эти — нижнемячковские известняки мы знаем в домонгольских постройках. И действительно здесь — в районе распространения у поверхности нижнемячковских известняков — известны древние каменоломни у Подольска, Домодедова и деревни Съяны. В этих древних пещерных ломках разрабатывали два метровых пласта массивного детритусового известняка. На стенах этих пещер, которые постоянно посещают московские туристы, видны следы кайл древних каменщиков, остались расколовшиеся или недотесанные монолиты, а осенью 1971 г. Л. Ф. Панкратова нашла даже колесо из камня от повозки, на которой вывозили камень: оно высечено из известняка, диаметр его 25 см, толщина 7 см. Колес таких известно в музеях очень мало. В районе Мячково массивных известняков среди нижнемячковских пород нет.

Отложения верхней части мячковского горизонта, содержащие *Fusulinella cylindrica*, *Fusulinella cylindrica domodedovi*, появляются по мере общего погружения пород на северо-восток — в низовьях р. Пахры и по Москва-реке. Наиболее известные карьеры, где их разрабатывают, находятся у с. Мячково — у места впадения р. Пахры в Москву-реку.

Село Мячково названо по имени одного из своих владельцев — Ивана Яковлевича Мячка (*Веселовский*, 1968), жившего на рубеже XIV—XV в., внука ордынского посла Олбуги (Алабуги), крестившегося и перешедшего на службу к князю Дмитрию Ивановичу Донскому. Позже — в 1453 г. — оно впервые упоминается вместе с селом Тяжина Каменная в духовной грамоте великой княгини Софьи, а в 1588 г. говорится о добыче около него белого камня. Однако есть основание думать (вслед за историком Е. И. Забелиным и геологами XIX в. — Эйхвальдом, Фишером, К. Ф. Рулье и другими), что добывали белый камень по р. Пахре много раньше (*Даньшин*, 1947). Об этом говорит и название села Тяжина Каменная. По подсчетам С. П. Варпаховского к 1929 г. в Мячково было выработано 10 млн. м³ известняка с площади 245 га. Эти верхнемячковские известняки встречены и в камне большинства построек XIV и последующих веков: в Московском Кремле, Троице-Сергиевой лавре, на что указывают найденные в них *Fusulina cylindrica* и *Fusulina cylindrica domodedovi*.

Итак, каковы же результаты проделанной работы. Попытаемся снова вспомнить историческую канву и с этой точки зрения пересмотреть полученные геологическими методами факты.

Карбонаты — известняки и доломиты древнерусские строители знали и использовали очень давно, но сначала из них только выжигали известь, которой скрепляли плинфу, известью же, смешанной с камнями, заполняли внутренние части стен. Трудно установить, когда это делалось впервые, однако известно, что в 1018 г. при Владимире Мономахе древнейший из известных — Успенский собор в Суздале строили из кирпича-плинфы, а известь выжигали в глубоких ямах, следы которых нашел А. Д. Варганов.

Первые же свидетельства о строительстве из обтесанных известняков относятся ко времени княжения Юрия Долгорукого, две постройки которого сохранились до наших дней. Об их строителях — местные они или пришлые — ничего неизвестно. Однако позже, о строителях времен Андрея Боголюбского, летописец прямо говорит, что «позвал он зодчих от немцы». Интересно, что при Юрии Долгоруком и при Андрее Боголюбском строили сразу, одновременно много зданий и в нескольких местах, в течение небольшого промежутка времени — с 1152 по 1165 г., — после которого наступил перерыв, хотя Андрей Боголюбский продолжал княжить, а Владимиро-Суздальское княжество не приходило в упадок, а, напротив — богатело и усиливалось. Но вот позже, при Всеволоде и его сыновьях, зодчих уже не приглашали, что также подчеркнуто в летописях, так как сформировалась местная строительная школа.

Из кирпича-плинфы кроме самого древнего первоначально — Успенского собора в Суздале сложили более поздние — Успенский собор Княгинина монастыря во Владимире и дворцовые постройки. Поэтому во Владимирской земле существовали одновременно две разные строительные техники: более древняя, кирпичная, и более поздняя — белокаменная: но из белого камня строили в особенно важных и торжественных случаях.

Теперь мы знаем, что камень построек Владимиро-Суздальской Руси добывали в пещерных каменоломнях Подмосковья. Интересно проследить пути его подвоза с р. Пахры. Конечно, его везли по рекам: один путь — вверх по Москве-реке, далее волоком в Ворю в районе Мытищ и водой по Клязьме — во Владимир. Вниз по Клязьме и вверх по Нерли — в Суздаль и дальше — в Юрьев-Польской и Переяславль-Залесский. Второй путь — вниз по Москве-реке и Оке до Нижнего Новгорода, а во Владимир — вверх по Клязьме.

Таким образом, можно видеть появление новой строительной белокаменной техники помимо пришедшего, вероятно, из

Киева умения строить из плинфы и скреплять ее известкой. В XII в. и ранее — в X—XI вв. в соседних — Киевском и Новгородском княжествах, где нет поблизости белого камня, строили из плинфы и валунов — дикого камня, которые скрепляли известкой; применяли и плоские плиты природного камня, но не строили целиком из монолитов, как во Владимиро-Суздальской Руси. Но тогда где же строили сходные каменные постройки? Может быть, это укажет на место, откуда пришло к нам белокаменное зодчество? Оказывается, далеко на западе — в Галицко-Волынской Руси: там известны белокаменные соборы, сходные с Владимиро-Суздальскими не только по строительной технике, но и по архитектуре. Среди них сохранившаяся церковь Пантелеймона XII в., стоящая в 3 км от Галича, несомненно, свидетельствует об этой близости. На сходство строительных и архитектурных традиций Владимирского и Галицкого княжеств обращали внимание многие историки — Н. П. Кондаков (1889), Д. Н. Бережков (1903), М. К. Каргер (1940), а Н. Н. Воронин (1940, 1962) отметил и при раскопках несохранившихся церквей. Однако если связь и была, то не было прямого заимствования, а скорее развитие традиции: так, например, в Галиче XII в. к каменному собору примыкал деревянный переход из хором, т. е. церковь была как бы «чистой» половиной дворца, а в Боголюбове эта схема развита и из белого камня построили также и дворец. Такая же схема была, возможно, во Владимире и в Суздале, но подобного не было ни в Киеве, ни в Новгороде. Таким образом, владими́ро-суздальское зодчество развивало традиции галицко-волынского, а оно в свою очередь связано с западной замковой романской архитектурой. Впрочем, камень там другого геологического возраста и состава и вот здесь-то идея простого привноса строительной техники во Владимиро-Суздальскую Русь сомнительна: трудно думать, что лучший камень Центральной России был найден и выбран сразу, и отнюдь не рядом от места строительства. Однако все-таки нет следов того, чтобы сначала строили из рыхлых сортов известняка и доломита, которые добывали под Владимиром, чтобы выжигать известь. Может быть белокаменное строительство существовало и раньше — до Юрия Долгорукого? Впрочем, умение найти сразу самый лучший камень древними зодчими тоже не исключено.

После монгольского нашествия, через почти вековой перерыв, возродилось белокаменное зодчество. Но центром его стала Москва, а во Владимире строительство приостановилось. В это же время изменили способ добычи белого камня — его стали ломать в открытых выработках. Изменилось и место добычи: центром стало с. Мячково в устье р. Пахры. Наверное, сохранились старые пути перевозок: по рекам, самое отдаленное место от реки — Троице-Сергиевская лавра — в 15 км от р. Вори.

Постройки XIV в. почти все сложены верхнемячковским камнем: пока камня требовалось не очень много, ограничивались несколькими открытыми карьерами, в первую очередь у с. Мячково, а возможно, и у Звенигорода. Но со второй половины XV в. потребность в строительном камне возросла и ломать его стали и в других местах — например, по р. Пахре (Подольск), по Москве-реке (Тучково, Звенигород), по Оке (Серпухов и Коломна). Если же из старых пещерных ломок камень и продолжали брать, то относительно мало. Исключение составляет Успенский собор Московского Кремля, который пытались строить Кривцев и Мышкин: в его фундаменте лежат нижнемячковские камни. Но ведь этот собор должен был повторять Успенский собор Владимира, и, может быть, даже камень для него брали из древних ломок? Ломки строительного камня не надо путать с теми карьерами, где добывали известняк, из которого выжигали известь: такие карьеры есть под Владимиром, есть они даже в самой Москве, где добывали мергель и известняк из верхнекаменноугольных отложений; такие ломки были, например, около нынешней гостиницы «Украина».

К середине XV в. строительная традиция обогатилась новыми принципами: в Москве в то время строили также псковские мастера и итальянцы — Аристотель Фиораванти и Алевиз Новый. Зодчие стали смелее использовать новые материалы и их сочетания: в Успенском соборе Аристотеля Фиораванти белый камень сочетается с кирпичом (который также делали из глины новых месторождений, замешивали и обжигали по-новому). Размеры и форма монолитов известняка и кирпича делаются разнообразнее. Вот несколько примеров.

Обычно пол соборов выкладывали или известняком или глазированным кирпичом. Но в Благовещенском соборе Московского Кремля (1495 г.), который строили псковичи, пол, как его называют, «яшмовый». В «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин отметил, что камень для него привозили из Ростова-Великого. Пол этот своей красотой поражал не только древних москвичей, но и наших современников: камни его бурые, кремовые и черные с белыми и серыми разводами, концентрическими, как у драгоценного агата, кольцами, волнистыми линиями и т. д. (рис. 1). Но если внимательно посмотреть на этот пол, то в некоторых кусках видны маленькие — 1—5 мм в диаметре — остатки члеников морских лилий — *Crinoidea*, столь характерных для каменноугольных отложений Русской равнины. Микропетрографические исследования осколков пола, представленных сотрудницей кремлевского музея Н. А. Маясовой, показали, что такие же породы, которые правильнее назвать кремнями, есть в каменноугольных отложениях, и не только в мячковских, но и в более молодых и в более древних. Ледник, спустившийся последний раз пятнадцать тысяч лет тому назад на

Рис. 1. Пол Благовещенского собора, сложенный из кремней, находимых в каменноугольных отложениях Подмосковья. Обычно его ошибочно называют яшмовым

Русскую равнину из Скандинавии, разрушал и переотлагал не только граниты и гнейсы Скандинавии, но и каменноугольные породы севера России, и в ледниковых отложениях есть окатанные кремни; есть они и в районе Ростова Великого и Дмитрова.

Позже строительный камень добывали и в других местах, разного геологического возраста и петрографического состава. Примером этому может служить Архангельский собор в Нижегородском Кремле. Он построен в 1631 г. на месте древнего собора 1277 г., сложенного нижемячковскими известняками. Этот новый собор в своих стенах содержит помимо древних переложенных камней монолиты местного известняка, доломиты и даже ангидриты пермского возраста, которые обнажаются в Горьковской области.

Сделанные наблюдения могут быть полезны не только для исторических реконструкций или при датировке фрагментов построек, но они должны быть учтены при реставрации памятников. Дело в том, что довольно часто теперь наряду с ремонтом и консервацией построек реконструируют их детали и порой возводят новоделы «под старину». Так, при реставрации памятников Троице-Сергиевой лавры в 1945—1950 гг. архитектор И. В. Трофимов (Трофимов, 1970) использовал заготовленный им еще в 1940 г. крымский известняк Бьюк-Янкойского месторождения (верхнеюрского возраста), который, хотя и немного более белесый, чем мячковский, но близок к нему по техническим свойствам. На валунно-известковых фундаментах И. В. Трофи-

мов построил из этого камня цокольные части и покрытия стен; камень этот успешно стоит и поныне. Иное дело — реконструкции соборов, которые начаты после 1965 г. под руководством В. А. Балдина, заключающиеся в основном в перестройке их внешнего облика: перекрытия закомар, постройка деталей и т. д. (рис. 2). В этих работах использован рыхлый рыжеватый доломит и доломитизированный известняк нижнекаменноугольного возраста (окский надгоризонт). Будучи несколько иным по цвету, он резко отличается от мячковского известняка низкими техническими качествами. Микроскопически доломит сложен ограненными кристалликами, поэтому он более рыхлый, легче истирается, крошится и выветривается, чем известняк, в котором зерна кальцита сцеплены по извилистым линиям.

Кроме того, по проекту В. А. Балдина, Лавра замощена плитами такого же рыхлого доломита; легко истираясь, они дали едкую карбонатную крошку и пыль, которые разносятся ногами по всей Лавре и разрушают не только полы музеев, но и предметы музейной экспозиции. Но дело еще серьезнее. Раньше Лавра была вымощена булыжником и грунтовые воды могли и легко проникать в почву и легко испаряться из нее. Теперь же — благодаря плитам, плотным чехлом покрывшим поверхность — влага почти не имеет доступа к поверхности, кроме одного — влага «подсасывается» по капиллярам в стенах соборов. Эта почвенная влага растворяет в себе различные почвенные соли, которые остаются на поверхности стен, разрушая, отслаивая фрески и камень. Такие высолы видны и на фресках северной стороны Троицкого собора в виде белых разводов, видны и в других местах. Заметнее всего высолы в окруженных плитами Троицком и Духовском соборах, но их нет в Успенском: вокруг него не только участок газона, но стоят несколько больших лип, которые, словно насосы, откачивают и испаряют грунтовые воды. Правда, в прошлом году две липы погибли. Недавно замостили землю и вокруг Рождественского собора в Суздале. Несомненно, что необходимо срочно размостить поверхность вблизи соборов и желательно посадить деревья, которые «откачали» бы часть грунтовых вод, понижая их уровень до основания фундаментов соборов.

Однако чрезмерное понижение уровня грунтовых вод тоже губительно сказывается на состоянии памятников: многие древние постройки стоят на дубовых сваях, которые под уровнем грунтовых вод изолированы от кислорода воздуха и почти не гниют (так сохранились новгородские грамоты на бересте). Но достаточно грунтовым водам понизиться, как сваи гнивают, лишая постройку поддержки; это случается со старыми зданиями, например, вблизи больших новостроек. В результате приходится вести дорогостоящие работы и подводить фундамент под осевшие постройки.

Рис. 2. Вид на Троице-Сергиеву лавру в Загорске. Постройки ее возведены в основном из верхнемячковских известняков (при реставрации применяется рыхлый доломит)

Из сказанного видно, в каком сложном соотношении со средой находятся древние постройки и к каким неожиданным последствиям приводят всякие изменения этого динамического равновесия.

Итак, благодаря проделанному геолого-палеонтологическому исследованию белого камня из построек Древней Руси удалось выделить два периода и соответственно два района его добычи: разделяются не до- и послемонгольские постройки, что, конечно, сделано и без этого историко-археологическими методами,

а слагающие их монолиты, даже если они переложены в новых постройках: нижнемячковские известняки, характерные для добычи домонгольской поры, установлены, например, в стенах церкви Св. Георгия во Владимире, переложенной в XVII в. из церкви времен Андрея Боголюбского. До 1238 г. камень добывали в закрытых ломках по р. Пахре, где разрабатывали известняки нижнемячковского подгоризонта. Начиная с XIV в., когда роль Москвы резко возросла, возродилось и белокаменное строительство. Но камень стали добывать в новых местах — в основном в устье р. Пахры у с. Мячково, где обнажается верхнемячковский подгоризонт. Прделанная работа — пример применения обычных геологических методов для решения отдельных археологических задач.

ЛИТЕРАТУРА

- Веселовский С. Б. Род Мячков. Сб. «Исследования по истории класса служилых землевладельцев». М., 1968, стр. 412—418.
- Воронин Н. Н. Галицко-волинская и владими́ро-суздальская архитектура XII—XIII вв. Сб. «Короткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», вып. 3. М., 1940, стр. 22—27.
- Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, т. I, 1961, т. II, 1962. М.
- Даньшин Б. М. Геологическое строение и полезные ископаемые Москвы и ее окрестностей. М., 1947.
- Залесский Б. В., Степанов В. Я., Флоренский К. П. Опыт изучения физико-химических свойств известняков мячковского горизонта (Мячковская группа месторождений). Тр. ИГН АН СССР, вып. 121, петрогр. серия (№ 36). М., 1950.
- Залесский Б. В., Степанов В. Я., Флоренский К. П. Опыт изучения физико-химических свойств известняков мячковского горизонта (Песковская группа месторождений). Тр. ИГН АН СССР, вып. 122, петрогр. серия (№ 37). М., 1950.
- Иванова Е. А., Хворова И. В. Стратиграфия среднего и верхнего карбона западной части Московской синеклизы. М., 1955.
- Мкртчян К. А., Трифонов В. Г., Флоренский П. В. «Картинная галерея» каменного века. «Природа», 1969, № 3, стр. 78—79.
- Раузер-Черноусова Д. М., Рейтлингер Е. А. Биостратиграфическое распределение фораминифер в среднекаменноугольных отложениях южного крыла Подмосковной котловины. Региональная стратиграфия, т. 2, М., 1954.
- Рейтлингер Е. А. Белый камень построек Древней Руси. «Природа», 1964, № 4.
- Степанов В. Я., Флоренский К. П., Рудько М. В. Опыт борьбы с разрушением камня в памятниках архитектуры XII—XIII веков. Сб. «Памятники культуры». Исследования и реставрация, вып. 2. Научно-метод. совет по охране памятников культуры. М.—Л., 1960, стр. 203—230.
- Трофимов И. В. О принципах реставрации памятников Троице-Сергиевской лавры. СА, 1970, № 4, стр. 74—82.
- Хворова И. В. Атлас карбонатных пород среднего и верхнего карбона Русской платформы. М.—Л., 1958.
- Шеляпина Н. С. и Федоров В. И. Археологические наблюдения в Успенском соборе Московского Кремля. Сб. «Археологические открытия 1968 г.» М., 1969, стр. 81—83.

Л. С. Кишкин

МАРИЯ ВСЕВОЛОЖАЯ — ЯСЫНЯ ИЛИ ЧЕХИНЯ?

Среди фактов, говорящих о связях между Россией и Чехией в средние века, немалый интерес представляют смешанные русско-чешские княжеские браки. Из летописей известно, что две жены киевского князя Владимира были чешками¹, что их сыновья правили в Новгороде, Тмутаракани и Чернигове. Дочь Владимира Предслава была выдана замуж за чешского князя Болеслава III. В 1132 г. на русской княжне, которая «красотою затмевала самую греческую королеву Елену», женился брненский князь из рода Пшемисловичей Вратислав. Новгородский князь Святополк Мстиславич (брат киевского Изяслава) в 1143 г. «приведе себе жену из Моравы», как полагают это была дочь оломоуцкого князя Ото II—Евфимия, сестра Ото III². Второй женой Пшемисла Отокара II, матерью чешского короля Вацлава II (XIII в.) была Кунгута, дочь галицкого князя Ростислава Михайловича из рода черниговских Ольговичей.

Разноречивые сведения содержатся в летописях и исторической литературе о происхождении княгини Марии, жены владимирского князя Всеволода (Дмитрия). Одни называют ее ясыней, другие—дочерью чешского князя. Попыткой прояснить этот вопрос и является настоящее сообщение. Специально, насколько нам известно, им никто не занимался, а между тем он не безынтересен, особенно для изучающих историю русско-чешских отношений. С краткими замечаниями о Марии Всеволожей мы встречаемся лишь у А. В. Флоровского (1935), который был склонен считать ее ясыней³. Нам кажется заслуживающей внимания и другая версия.

Первое летописное упоминание о Марии Всеволожей — жене сына Юрия Долгорукого и внука Владимира Мономаха, великого князя Всеволода Большое Гнездо (1154—1212), при котором Владимир стал центром политической и культурной жизни всей Севе-

¹ ПСРЛ, т. I, 1962, стб. 80; т. 2, 1908, стб. 67.

² См. об этом в кн.: В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, стр. 183—184.

³ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне. Прага, 1935, стр. 89.

ро-Восточной Руси, относится к 1175 г. В этом году черниговский князь Святослав послал в Суздальскую область жен Михаила Юрьевича и Всеволода Юрьевича, братьев Андрея Боголюбского, которые после его смерти отправились туда на княжение (Михаил был зван на престол великого князя во Владимире, а Всеволоду был отдан Переяславль-Залесский). Вот как говорится об этом в Ипатьевской летописи: «В лето 6684 (1175) ... Михалко и Всеволод поехалта в Володимир... и потом посла Святослав жены их Михалкову и Всеволожую, приставя к ним сына своего Олега проводить е до Москве»⁴. Из этого сообщения следует, что Мария вышла замуж за Всеволода Юрьевича до 1175 г., т. е. еще в период его пребывания в Южной Руси. Всеволоду в ту пору был 21 год. Жена почти наверное была моложе его. Судя по тому, что в 70-е годы у нее уже были дети, можно полагать, что скорее всего она родилась в конце 50-х—начале 60-х годов, но никак не позже. Последнее возможно лишь в том случае, если она была выдана замуж в детском возрасте, такие ранние замужества в те времена бывали.

После смерти брата Михаила (1176) Всеволод переходит во Владимир и становится великим князем, а жена его Мария — великой княгиней, имя которой в последующие годы в разной связи часто упоминается в летописях. О происхождении Марии в них говорится несколько раз.

Ипатьевская летопись (наиболее ранний список относится к концу XIV — началу XV в.): «В лето 6690 (1182) князь Киевский Святослав Всеволодич ожени 2 сына, за Глеба поя Рюриковну, а за Мьстислава ясыню из Володимеря Соуждальского, Всеволожую свесть (свояченицу. — Л. К.)...»⁵ Здесь свояченица Всеволода, сестра его жены, названа ясыней, из чего может быть сделано предположение, что и сама княгиня происходила из кочевого южного племени ясов (асов) или аланов, как в древности называли осетин.

В статьях, предшествующих одному из списков Новгородской первой летописи (младшего извода), на листах бумаги с водяными знаками, относимыми к 1441 г., полууставом середины XV в. записано следующее: «И потом Всеволод постави монастырь Рожество святяя Богородиця... А княгини его Мариа Всеволожа Шварновна, дщи князя чешского постави церковь успение святяя Богородиця, новии монастырь великим княгиням»⁶.

Приведенный текст почти дословно повторяется в Летописи Авраамки, относящейся к концу XV столетия⁷.

⁴ ПСРЛ, т. 2, 1843, стр. 118.

⁵ ПСРЛ, т. 2, 1843, стр. 125.

⁶ «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М. — Л., 1950, приложение второе, стр. 468.

⁷ См. ПСРЛ, т. 16, 1889, стр. 311.

А вот что сказано в Летописном сборнике, именуемом Тверской летописью (составлен в 1534 г.): «В лето 6713 (1205)... марта 2 дня на память святаго священномученика Феодота, пострижеса великаа княгини Всеволожа Мариа, дщи Шварлова чesкаго, в черницы и в скиму, в Володимери в монастыри святых Богородица, иже бе сама сздаала, и нарекоша имя ей Мариа, в то же бе имя и крещена в Володимери, а приведена ис Чех не крещена»⁸.

Наконец, в Степенной книге (середина XVI в.) после описания событий, связанных с княжением Всеволода, происходивших в 6705 (1197) г., читаем: «Прежде сего за мало время боголюбивая великая княгини Мариа, иже бысть благодородная супружница сего хранимаго самодержьца Всеволода Дмитрия Юрьевича, Щварнова дщи князя чешьскаго, памяти дело достойно сотвори... купи ценою часть земли на строение церкви...»⁹ В том же памятнике великая княгиня еще раз называется «Щваровой»¹⁰.

Есть и еще одно летописное подтверждение чешского происхождения Марии Всеволожей. Оно содержится в неопубликованных статьях, приложенных к Псковской летописи (запись конца XV — начала XVI в.), рукопись которой хранится в Московском Историческом музее¹¹. Эта запись очень близка той, что содержится в одном из списков, предшествующих Новгородской летописи, а также тексту из Летописи Авраамки.

Впоследствии одни историки называли княгиню Марию ясыней (например, Карамзин, Погодин, Флоровский), другие (Дмитриевский, Флоринский) — дочерью чешского князя. Теперь, вероятно, уже никто не сможет с полной очевидностью доказать ни того, ни другого. Можно только с помощью летописных сведений и вытекающих из них косвенных доводов догадываться и предполагать, высказывать более или менее правдоподобные гипотезы.

Полагать, что Мария была ясыней историкам позволяло то, что в XII в. русские действительно сталкивались с ясами, нередко полонили их и могли жениться на полонянках. Из Лаврентьевской летописи известно, что сын Владимира Мономаха — Ярополк в 1116 г. ходил на половцев, взял в плен много ясов «и жену полони себе ясыню»¹². Но это вместе с замечанием в Ипатьевской летописи о свояченице Всеволода, пожалуй, и все, что говорит в

⁸ ПСРЛ, т. 15, 1863, стр. 301.

⁹ ПСРЛ, т. 21, 1908, стр. 226—227.

¹⁰ Там же, стр. 229.

¹¹ Отдел рукописей Государственного Исторического музея. Синод, собр. № 154, л. 225 (оборот), у Н. М. Карамзина, впервые обратившего внимание на это сообщение, она обозначена № 349. См.: «История государства Российского», 1842, кн. I, т. III, примечание 62.

¹² ПСРЛ, т. I, 1846, стр. 128.

пользу предположения о яском происхождении Марии Всеволожей¹³.

Что же дает основание думать о чешском происхождении Марии Всеволожей? Прежде всего приведенные выше летописные сведения, причем не косвенные, а прямые. Правда, эти сведения более позднего времени (мы имеем в виду датировку летописных списков, а не их источников), хотя наиболее ранние из них (статьи, предшествующие Новгородской первой летописи) и отделяют от наиболее раннего известного списка Ипатьевской летописи 50—60 лет¹⁴. Все сведения о чешском происхождении Марии, как это обычно было и с другими летописными известиями, почерпнуты из более древних источников, которые до нас не дошли. Об этом говорит различная текстуальная «привязанность» этих сведений¹⁵, а также и различие в самом летописном материале. Так, например, только в одной Тверской летописи говорится о том, что Мария была «приведена ис Чех некрещена», что при похоронах тело ее было положено «в гробь камень». Другая деталь из той же летописи, а именно то, что после пострижения она повторно получила имя — Мария, совпадает лишь с тем, что сказано об этом в одной из самых старших летописей (Лаврентьевской), относящейся к XIV в. Это тоже подтверждает, что автор Тверской летописи обращался к более древним источникам. В отличие от Лаврентьевской и Тверской летописей в других памятниках, в частности в Степенной книге, сказано, что в монастыре Мария стала называться Марфой. В этом нет ничего удивительного — и первое и второе может соответствовать действительности. Ведь в той же Тверской летописи сказано, что княгиня Мария постриглась в «черницы и в скиму», т. е. прошла две степени монашества, каждая из которых была сопряжена с наречением имени. По-видимому, став черницей и получив свое же имя — Мария, перед смертью княгиня приняла схиму и стала именоваться Марфой. В этом случае все становится понятным.

В Тверской летописи воспроизведены слова, имеющиеся в Лаврентьевской, а также Троицкой летописи (XV в.), о том, что

¹³ Надо заметить, что помню приведенных упоминаний, если не считать Елены яски, вдовы Ярополка (1145 г.), и Анбала ясна, ключника Андрея Боголюбского (1174), других сведений о ясах в летописях в XII в. нет (см. указатель к первым томам ПСРЛ, отд. второй, 1907). Соприкосновения с ними, как видно, были не так уж интенсивны в то время.

¹⁴ Нами приведены не все летописные известия о происхождении Марии Всеволожей. Источниковедческий анализ довольно многочисленных упоминаний о ней в поздних летописях в настоящее время затруднителен. Существенно, однако, что яская версия ни одним из них не подтверждается. О чешском же происхождении Всеволожей, о том, что отцом ее был Шварн, в ряде случаев сказано. Такого рода сведения содержатся, например, во Владимирском (конец XVI в.) и Мазуринском (конец XVII в.) летописцах (см.: ПСРЛ, т. 30, 1965, стр. 83, т. 31, 1968, стр. 67).

¹⁵ В одних случаях о чешском происхождении Марии сказано в связи с сообщением о постройке ею монастырской церкви, в других — там, где говорится о ее смерти.

княгиня Мария «бе бо издетства в страхе божии живяще, любящи правду»¹⁶. Это еще одно подтверждение того, что авторы поздних летописей опирались на своих предшественников. Кстати, это место Тверской летописи также может показаться противоречащим имеющимся там же сведениям о том, что княгиня Всеволожая «была крещена во Владимире», получив при этом все то же имя Мария, что была она «приведена ис Чех некрещена». Но и это скорей всего лишь кажущееся противоречие. Очевидно, здесь речь идет о том обряде, которым в XII—XIII вв. сопровождался переход от западного исповедания христианства к восточному. Если допустить, что это было так, то все станет на свои места: княгиня Всеволожая могла быть Марией до прибытия во Владимир, получив, таким образом, это имя трижды (при рождении, при переходе к восточному вероисповеданию и в монастыре).

Еще одним, вероятно самым веским, доказательством того, что сведения Тверской летописи о Марии Всеволожей восходят к более древним северо-восточным источникам, является их очевидное сходство с тем, что сообщается о ней в Летописце Переяславля Суздальского, обнаруженном в сборнике XV в., но составленном в начале XIII в. Разница состоит лишь в том, что в Тверской летописи более подробно описано пострижение княгини и сказано о ее происхождении. Описания смерти и погребения Марии в Тверской летописи и Летописце совпадают почти дословно¹⁷.

Помимо приведенных доказательств, подтверждающих существование не дошедших до нас древних источников, содержащих сведения о Марии Всеволожей, о том же свидетельствует также и то, что один из первых русских историков В. Н. Татищев, как показывает его книга «История российской...» (1774), еще в сравнительно недавнее время располагал такого рода летописными материалами, которые, к сожалению, не сохранились¹⁸. Так, например, только у него говорится о том, что, кроме упоминаемых в летописях трех дочерей (Всеславы, родившейся в 1170-х годах, Верхуславы, при крещении Анастасии, родившейся около 1181 г.,

¹⁶ ПСРЛ, т. 15, 1863, стр. 302.

¹⁷ Ср. Тверскую летопись (ПСРЛ, т. 15, стр. 302) и Летописец Переяславля Суздальского («Временник Московского общества истории и древностей российских», 1851, кн. 9, стр. 107).

¹⁸ Как известно, к «Истории» Татищева относятся по-разному. Академик М. Н. Тихомиров считал, что Татищев располагал «недоступными для нас списками летописей» (см. статью «Труды В. Н. Татищева по истории России» в кн.: В. Н. Татищев. История российская, т. I, М.—Л., 1962, стр. 47). Того же мнения придерживается и А. П. Монгайт (см. кн. «Рязанская земля», М., 1961, стр. 327). Но есть и такие историки, которые отрицают возможность использования татищевского труда как источника. К их числу принадлежит С. Л. Пештич, но и он, подвергая сомнению предположение о не дошедших до нас источниках, которыми располагал Татищев, все же вынужден оговориться, что «в общем виде возможности такого допущения абстрактно отрицать, конечно, нельзя» (см. кн.: «Русская историография XVIII века», часть II, Л., 1965, стр. 163).

и Елены, по-видимому, родившейся в 1190-е годы), была еще четвертая дочь Собислава (при крещении Пелагея), которая, как сообщает Татищев, родилась в 1179 г. Ее восприемницей была тетка княгиня Ольга Георгиевна (Юрьевна), гостившая тогда во Владимире. Лишь у одного Татищева приведена дата рождения одного из сыновей Марии — Глеба¹⁹. В его книге в описании проводов Марии в монастырь, основанный ею самой, где она и умерла 19.3.1205 г., встречаются такие детали, которых больше нет нигде, в частности упоминается о том, что больную княгиню везли на санях.

Кроме летописей, сведения о чешском происхождении княгини Марии содержатся и в ряде списков «Жития великого князя Георгия», сына Марии, причисленного церковью к лику святых²⁰. И хотя наиболее древние из списков этого жития возникли в XVII в., многочисленные источники, по которым оно составлялось, относятся к значительно более раннему периоду²¹.

Таким образом, можно полагать, что сведения о чешском происхождении княгини Марии впервые появились не в XV—XVI вв., к которым относятся существующие списки летописей, а значительно раньше, в том числе и в таких памятниках, которые не младше, а старше Ипатьевской летописи или по крайней мере относятся к тому же времени. В связи с этим вопрос о предпочтении сведениям Ипатьевской летописи как более древним и потому более достоверным, если не совсем, то в значительной мере отпадает.

Существенно отметить, что Лаврентьевская летопись и близкая ей Троицкая, не говоря уже о Летописце Переяславля Суздальского, с которым, как мы видели, в разной степени совпадают известия Тверской летописи, в интересующей нас части восходят к владимиро-суздальской летописной традиции. Из этого следует, что первичные сведения о Марии Всеволожей, отраженные в них, а также и в других северорусских летописях, возникли

¹⁹ Помимо Глеба у княгини Марии было еще семь сыновей: Константин (1186—1219), княжил в Новгороде и Ростове, был великим князем владимирским; Борис (родился одновременно с Глебом в 1187 г. и, так же как и он, умер во младенчестве); Георгий, он же Юрий (1189—1238), после смерти брата княжил во Владимире, погиб в битве против татар на р. Сити; Ярослав, в крещении Федор (1191—1246), в крещении Дмитрий (1194—1224), в честь рождения которого по приказанию Всеволода во Владимире был воздвигнут знаменитый Дмитровский собор, был князем в Переяславле, Москве и Стародубе на Клязьме; Святослав, в крещении Гавриил (1196—1252), княжил в Юрьеве-Польском, Переяславле и Суздале; Иоанн (1198 — позже 1246), княжил в Стародубе.

²⁰ Такие сведения имеются, в частности, в рукописи «Житие и служба великому князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому» (XVIII в.), хранящейся в Отделе рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина (Ф. 310. V.1143, л. 1, 1 об.). В ней сказано, что Георгий родился от матери «княгини Марии Шварновны, дщи князя чешьского».

²¹ См. об этом работу Н. Серебрянского «Древнерусские княжеские жития» («Чтения Общества истории и древностей российских». 1915, книга третья, стр. 149).

на территории, где сохранялась память о ней. Как нам кажется, нет повода не доверять этим сведениям и безоговорочно верить в какой-то мере случайному, единичному сообщению Ипатьевской летописи, которая хотя и содержит известия, идущие от владимирских сводов, правда, более поздних, чем те, которые отражены в Лаврентьевской летописи или Летописце Переяславля Суздальского, однако в основном представляет южнорусское летописание²². Если же непосредственно обратиться к значащемуся под 6690 г. известию Ипатьевской летописи, позволяющему думать о яском происхождении Марии Всеволожей, то его не без основания связывают с черниговским летописанием²³.

История возникновения и состав летописных текстов, в которых говорится о том, что Всеволожая была дочерью чешского князя Шварна, к сожалению, изучены еще недостаточно. И это не позволяет дать аналитическую характеристику приведенным выше записям. Однако отдельные наблюдения все же возможны. Помимо того, что все известия о чешском происхождении княгини восходят к северо-восточным источникам, как нам думается, можно утверждать, что таких самостоятельных известий было несколько, по крайней мере два: одно — собственно летописное, другое, как это, очевидно, было связано с какими-то монастырскими записями, скорее всего сделанными в самом Княгинином монастыре.

Сравнение известия о смерти Марии в Тверской летописи с аналогичными известиями в Лаврентьевской летописи и Летописце Переяславля Суздальского, а также в Московском летописном своде конца XV в. показывает, что все они в этой части текста восходят к какому-то общему протографу. Существенно, что наиболее полный и исправный текст, как нам кажется, оказался зафиксированным именно в Тверской летописи. Все четыре сравниваемые известия отличаются друг от друга редакционно, по наличию или отсутствию тех или иных деталей, а также по языку.

Не исключено, что были и другие, в какой-то мере самостоятельные летописные известия о Марии Всеволожей, о чем позволяют думать сведения о ней, содержащиеся в статьях, предшествующих Новгородской летописи, в летописи Авраамки и приложениях к Псковской летописи. Но это требует тщательного изучения и проверки.

Пример использования монастырских записей, а возможно, и устных преданий мы встречаем в Степенной книге, где в связи с рассказом о том, как супруга Всеволода «Щварнова, дщи

²² Подробнее о составе и происхождении Ипатьевской летописи смотри в кн.: М. Н. Тихомиров, *Источниковедение истории СССР*. М., 1962, стр. 36, 50—51; А. А. Шахматов, *Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.* М.,—Л., 1938, стр. 69—79.

²³ См.: А. Н. Насонов, *История русского летописания*. М., 1969, стр. 146, 148.

князя чешского» купила землю для строения церкви, подробно говорится о расположении погребений в монастырской церкви «Успения пречистой Богородицы», в том числе и самой Марии (Марфы). Эти данные могли содержаться лишь в монастырских записях. Помимо Степенной книги известие о захоронениях в церкви Княгинина монастыря содержится еще в Мазуринском летописце, в состав которого вошло много сведений не только исторических, но и церковно-исторических (из Четьи-Миней, Прологов и других подобных источников). Материал, почерпнутый из монастырских записей, отличается не только содержанием, но и стиливым своеобразием, церковной лексикой.

Как видим, попытка хотя бы в самой общей форме взглянуть на известия о чешском происхождении Марии с источниковедческой точки зрения также не дает поводов для сомнения в их достоверности.

Допустить, что авторы списка Новгородской летописи, Тверской летописи и других летописей по ошибке или умышленно приводили не соответствующие действительности сведения о чешском происхождении Марии Всеволожей, трудно. На этом вопросе мы еще остановимся. Сейчас же обратим внимание лишь на то, что для летописцев и тех, кто читал их летописи, не было ничего странного и удивительного в женитьбе русского князя на чешской княжне, это событие не вызывало у них сомнений и по их представлению было возможным и естественным. А если это так, почему же следует обязательно предполагать обратное?²⁴

Не естественнее ли считать недоразумением и ошибкой приведенное выше единственное упоминание о яском происхождении сестры Марии, содержащееся в Ипатьевской летописи²⁵.

²⁴ В этой связи заметим, что версия о яском (осетинском) происхождении Марии, очевидно, по традиции разделяется некоторыми учеными и в наше время, о чем свидетельствуют, например, «Очерки истории СССР. Период феодализма XI—XV вв.», I. М., 1953 (см. стр. 574 и 666). Осетинской княжной именуется Мария, хотя и с (?), в кн. В. Т. Пашуто «Внешняя политика Древней Руси». М., 1962 (см. генеалогическую табл. 8 на стр. 427).

²⁵ Такие ошибки и описки в летописях встречаются нередко. М. Н. Тихомиров в своей книге «Источниковедение истории СССР» приводит примеры, как в Вологодско-Пермской летописи (XVI в.) вместо названия местности в Эстонии — «Раковор» появилось слово «Краков», а вместо слова «товары» (обоз) — «татары» (стр. 13). Переписчики Прологов «св. Вячеслава, князя чешского» называли «шешским», «вешевским», «черниговским» и даже «русским» (см. кн.: А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне. Прага, 1935, стр. 139). Возможно, нечто подобное произошло при написании Ипатьевской летописи и в нашем случае. Представить превращение «чехини» в «ясыню» возможно тем более, что интересующая нас часть Ипатьевской летописи, где говорится о святиице Всеволода, как уже отмечалось, восходит не к северо-восточному, а к черниговскому источнику, в котором, как полагает профессор В. В. Мавродин, уже могла быть допущена неточность, поскольку речь шла не о местных событиях. Отсутствие других сведений о происхождении Марии Всеволожей в Ипатьевской летописи может быть объяснено тем, что в ней использовались разные редакции Владимирской летописи, в том числе и сокращенные. Возможно и еще одно, правда, пожалуй, более предпола-

Кстати, автор этой летописи, как и авторы некоторых других, по-видимому, не располагал бесспорными, на наш взгляд, сведениями, о том, что отцом Марии был Шварн²⁶. А последнее также скорее говорит в пользу чешского происхождения великой княгини, нежели яского, едва ли не исключая последнее.

В русских летописях в XII в. и в начале XIII в. упоминаются имена нескольких Шварнов. Один из них — Скимонт, князь литовский (сын Мингайла), другой — сын князя галицкого Даниила Романовича, князь холмский и литовский (впервые упоминается в 6721, т. е. 1213 г.), вряд ли они имели какое-либо отношение к жене Всеволода III, хотя бы уже потому, что не были ни ясами, ни чехами.

Довольно часто в летописях упоминается еще один Шварн, киевский воевода, приближенный князя Изяслава Давидовича, тестя Глеба Юрьевича, старшего брата Всеволода Юрьевича, при котором последний жил в юношеские годы, находясь в Южной Руси. Имя киевского воеводы Шварна упоминается впервые в 1146 г., а последний раз в 1166 г. Так, в Воскресенской летописи мы читаем: «В лето 6674 ... Того же лета яща половци Шварна за Переяславлем, а дружину его истребиша и много на нем окупа взяша»²⁷. То же событие в Никоновской летописи освещено так: «В лето 6674... Того же лета половци воеваша Русь и убиша дву богатырей Андреа Жирославича и брата его Шварня, за Переяславлем, сестрича (племянника, сына сестры.—Л. К.) же их, также Шварня нарицаемого, плениша и многое множество христиан пленише отведоша во своа»²⁸. Родственницей этих Шварнов и дочерью одного из них и могла быть Мария, если, разумеется, не было еще какого-либо Шварна, имя которого вне связи с Марией Всеволожей в летописях не отражено, чего совсем исключить нельзя.

Нигде в летописях нет ни прямых, ни косвенных указаний на то, что киевский воевода Шварн или его родственники были ясами. Да такую возможность и трудно допустить. По мнению

жизненное объяснение появления в Ипатьевской летописи известия о «ясыне из Владимира, свести (свояченице) Всеволода». Дело в том, что в летописях и родословцах упоминаются три жены Всеволода: первая — Анна, вторая — Мария, третья — Любовь, дочь князя Витебского. Если предположить, что Анна действительно существовала и что она, а не Мария была ясыней, то все также может разъясниться.

²⁶ Помимо летописей подтверждение этому есть и у Н. М. Карамзина, который сообщает, что в алтаре и надгробной надписи «сия княгиня именована Марфою Шварвною» («История государства Российского...», кн. 1. СПб., 1842. Примечания к тому III, стр. 27; прим. 62). В Синодике княгинина Успенского монастыря (1720), хранящегося в фондах Владимирского музея (Инв. № 289), на стр. 3 есть запись о поминовении «царицы и великия княгини Марии, в монахинях Марфы». Она не противоречит содержанию эпитафии, которую, как можно думать, Карамзин видел сам. К сожалению, надгробная плита Всеволожей впоследствии оказалась замурованной и это не позволяет датировать ее.

²⁷ ПСРЛ, т. 7, 1856, стр. 79.

²⁸ ПСРЛ, т. 9, 1862, стр. 233.

составителя осетинского словаря В. И. Абаева, само наличие такого имени у яса очень маловероятно, даже имея в виду какую-то его переогласовку в русском языковом обиходе. В то же время летописное известие о том, что брата одного из Шварнов звали Андрей Жирославич, явно указывает на его славянскую принадлежность.

Трудно объяснить и другое, как могло случиться, что все три дочери какого-то неизвестного яса оказались женами видных русских князей (об одной сестре княгини Марии уже говорилось выше, другая ее сестра Елена была женой князя Ярослава Владимировича, несколько раз княжившего в Новгороде). Летописи на это ответа не дают, хотя такого рода событие, если бы оно имело место, и должно было бы найти в них какое-то отражение.

Гораздо правдоподобнее, на наш взгляд, полагать, что отец Марии, будь то киевский воевода Шварн, или кто-либо другой, был оказавшимся в России чехом. Помимо летописей об этом в какой-то мере, возможно, говорит и само его имя. В чешском языке и теперь имеется слово *švarný* (красивый, изящный, стройный, молодцеватый). Впервые как прилагательное оно встречается в Кралицкой библии (1579—1593)²⁹, из чего следует, что в разговорной чешской речи оно существовало значительно ранее. Правда, как свидетельствует А. В. Флоровский, в чешской историографии имя Шварна не встречается³⁰, но ведь не все имена привлекали к себе внимание хронистов. Во всяком случае, отсутствие имени Шварна в чешских хрониках не может быть подтверждением яского происхождения Марии Всеволожей. В то же время его присутствие в русских летописях не противоречит предположению о чешском происхождении княгини. Весьма существенно, что слова с подобным корнем существуют не только в чешском, но и в других славянских языках (например, в польском, украинском, сербо-лужицком).

Один из путей, который мог привести Всеволода к браку на дочери чеха Шварна, мы уже приводили. Это — его пребывание у Глеба Юрьевича, тестю которого служил упомянутый воевода Шварн. Не менее существенно в этом отношении и еще одно обстоятельство, о котором узнаем из Никоновской летописи. Среди князей, которых Андрей Боголюбский послал в 6678 (1170) г. против киевского князя Мстислава Изяславовича, в ней упомянуты братья Андрея — Глеб Юрьевич и Всеволод «... и иных множество князей... и угры, и чяхи, и ляхи, и литва и многое множество воинства совокупився»³¹. И здесь среди

²⁹ См.: *Josef Jungmann. Slovník česko-německy*. Praha, 1834—1839.

³⁰ См. кн.: А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. I. Прага, 1935, стр. 89.

³¹ ПСРЛ, т. 9, 1862, стр. 237. Заметим, что чехи в отличие от ясов в XII в. летописцами упоминаются неоднократно.

чешской части рати мог находиться отец Марии, тесть Всеволода Юрьевича³².

Косвенными подтверждениями чешского происхождения княгини Марии могут рассматриваться и имена трех ее дочерей (Всеславы, Верхуславы и Собиславы), в русских летописях почти не встречающиеся³³. Как мы уже видели, крестные имена дочерей были иными (Анастасия, Пелагея). Таким образом, чисто славянские имена были даны им по родительской воле. Желание матери при этом, поскольку речь идет о дочерях, скорее всего было решающим. Показательно, что из восьми сыновей имена с компонентом «слав» имеют только два. Не исключено, что тут решающим было слово отца. А теперь поставим перед собой такой вопрос: какая из двух женщин, ясыня или чехиня, с большей степенью вероятности могла назвать своих дочерей так, как их назвала Всеволожая? Ответ может быть только один — вторая. Как полагает известный чешский лингвист Ян Свобода, специально занимавшийся старочешскими личными именами, славянские имена дочерей Марии Всеволожей более характерны для западных славян, чем для восточных. Такой точки зрения, исходя из сравнительно малой распространенности этих имен в России, придерживаются также и советские ученые-слависты С. Б. Бернштейн и Н. И. Толстой.

В пользу чешской версии происхождения Марии Всеволожей, как нам кажется, говорят и некоторые сведения ее биографии, если, конечно, считать их в какой-то мере достоверными. В Тверской летописи говорится, что имя Марии княгиня Всеволожая впервые получила при рождении. Этому известию нет причин не доверять, так как выдумывать его смысла не было. А между тем в древней Чехии имя Мария было достаточно распространенным: Мария абатисса святоирская (X в.), Мария Сербская, жена зноемского князя Кунрата II (XII в.), Мария, дочь оломоуцкого князя Ота III (XII в.), Мария, дочь Собеслава III (XII в.). Как видно, такое имя у чешки было вполне возможным.

В ряде летописей, в том числе в Тверской, как уже отмечалось, сказано, что княгиня Мария «бе бо издетства в страсе

³² Никоновская летопись появилась в XVI в. в результате компилятивной переработки множества более древних летописных текстов, значительная часть которых не сохранилась. Поэтому известия этой летописи требуют осторожного к себе отношения. Но это не означает, что все содержащиеся в ней фактические сообщения, отсутствующие в других источниках, всегда обязательно сомнительны и не должны приниматься во внимание.

³³ У Н. М. Тупикова в «Словаре древнерусских личных имен» (СПб., 1903) имя Всеславы зарегистрировано два раза (одна из носивших его — дочь Марии), а Верхуславы — один раз (дочь Марии). Имени Собиславы в словаре нет, поскольку его нет и в летописях. Оно встречается лишь у Татищева. Интересно заметить, что чешский мужской вариант этого имени был широко распространен в XII в. (например, Собеслав I, Собеслав II и ряд других).

божии живяще...» Это замечание, если учесть, что вопрос о христианстве аланов-ясов в XII в. в какой-то мере проблематичен³⁴, также скорее не согласуется, нежели согласуется с версией о яском происхождении Марии.

Есть основания думать, что для своего времени Мария Всеволожая была весьма образованной женщиной. Татищев, располагавший, как уже говорилось, неизвестными летописными материалами, замечает, что княгиня читала много книг³⁵. Добрая и заботливая мать, она передавала свои знания детям, «в получении книжном их возрасти»³⁶, часто собирая к себе и давая советы, как жить «в мире и любви», и «людей право судить»³⁷. В 1205 г. незадолго до смерти (19 марта), перед отходом в монастырь состоялась последняя беседа Марии с детьми, содержание которой записано в летописях. Хотя оно и выдержано в традиционных литературных формах, однако небезынтересно для нас. Приводим отрывок из обращения княгини к детям по тексту Степенной книги: «Возлюбленная моя чада! Се яко видите мя вельми болезнующа, по мале же и отиду света сего маловременаго к отцем своим. И вы убо, дондеже пребудете в суетнем сем житии, первые же имейте веру и любовь к богу... Имейте же тихость и кротость и смиренномудрие, и любовь и милость. Алчныя насыщайте, жадныя напойте, нагия одевайте, больныя посещайте, и себе в чистоте соблюдайте... Сами же межю собою имейте нелицемерную любовь, и бог мира и любви будет в вас и сохранит вас от всякого зла и покорит враги ваша под нозе ваши. Аще ли же в ненависти и в расприх и в которых будете межю собою, то сами погибнете и благословенное наследие державу отчества нашего изгубите юже проатцы Выши и отец Ваш и протчее сродство ваше многим трудом и потом приобретоша. Темже пребывайте мирно и любовно межю собою, брат брата своего послующе»³⁸.

Предостережения матери не уберегли сыновей от междоусобиц, однако они со всей очевидностью убеждают в том, что Мария действительно была не только образованной, но весьма умной, незаурядной для своего времени женщиной, которой бы-

³⁴ Так, например, о язычестве ясов во времена Марии пишут Порфирий (см. статью «Великая княгиня Мария, основоположница Успенского женского монастыря во Владимире». «Владимирские епархиальные ведомости», 1891, № 16), автор «Исторического описания первоклассного княгинина Успенского монастыря в губ. гор. Владимире» (М., 1900) и др. В упомянутых выше «Очерках истории СССР» читаем: «Христианство принималось преимущественно аланской знатью и то крайне поверхностно, языческие представления преобладали в народе» (стр. 666). Если иметь в виду источники, то более или менее определенно о христианстве аланов, именуемых ас, говорит путешественник Вильгельм Рубрук, но его сведения относятся к 1253 г.

³⁵ В. Н. Татищев. История российская... М., 1774, книга третья, стр. 346.

³⁶ Никоновская летопись. ПСРЛ, т. 10, 1885, стр. 50.

³⁷ В. Н. Татищев. История российская... М., 1774, книга третья, стр. 346.

³⁸ ПСРЛ, т. 21, 1908, стр. 227—228.

ла дорога русская земля, ее благополучие и независимость. Карамзин связывает обращенную к детям речь Марии с поучениями Ярослава Мудрого.

К сожалению, мы лишены возможности более подробно остановиться здесь на характеристике нравственного облика Марии и некоторых других моментах ее биографии. Но и из того, что сказано, как нам кажется, скорее вырисовывается образ славянской женщины, нежели ясыни.

Стремясь ответить на интересующий нас вопрос, следует учитывать и весь исторический контекст русско-чешских отношений в XII в. Выше уже говорилось о службе чешских ратников в дружинах русских князей, подчиненных Андрею Боголюбскому.

К этому можно добавить и другие факты непосредственных контактов чехов с русскими, зафиксированные в чешских хрониках. Возвращаясь из крестового похода в Малую Азию, чешский князь Владислав II посетил Русь, встретился в Киеве с князем Изяславом Мстиславичем, откуда вернулся в Чехию через Польшу. Есть известия, что у Владислава в услужении находился какой-то русский князь. В 1159 г. чешский князь оказал Изяславу военную помощь. Сын оломоуцкого князя Ота II Черного или Отика (был убит в 1126) — Ота III или Детлиб (1122—1160) после смерти отца «сохранил жизнь бегством на Русь». Было Детлибу, когда он покинул Чехию, 4 года, из чего следует, что его кто-то еще сопровождал. Покинуть Русь Детлиб смог лишь после 1140 г., когда умер Собеслав II, в сражении с которым погиб Ота II. Таким образом, на Руси чешский князь Ота III провел не менее 15 лет³⁹. Тесные связи с Чехией поддерживали в XII в. волынские князья. В 1176 г. наряду с венграми и поляками русские поддерживали короля Собеслава II и князя Конрада Зноемского в войне против австрийского герцога Язомиргота⁴⁰. Достойны внимания и русско-чешские торговые связи. Уже в X столетии в Праге торговали русские купцы. В дальнейшем взаимный торговый обмен вплоть до татарского нашествия развивался. Как свидетельствуют археологические находки, довольно интенсивными были торговые связи Руси с Чехией и в XII в.⁴¹. Наличие двух кладов чешских монет недалеко от Суздаля⁴², если и не является бесспорным доказательством его прямых торговых связей с Чехией, то все же позволяет думать о них.

³⁹ Подробнее об этом см. в кн.: V. Novotný. České dějiny. Díl I, část II, V Praze, 1913, s. 596—597, 761. Между прочим, как сказано в книге Новотного, у Ота III было несколько дочерей, в том числе Мария, сведения о которой очень скупы. Любопытно, что они были почерпнуты из монастырских записей, которые позволили чешскому историку полагать, что она пережила своего отца (см. указ. соч., стр. 918—919).

⁴⁰ См. кн.: В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, стр. 185.

⁴¹ См. кн.: Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 475—478.

⁴² См. кн.: А. V. Florouškil. Česko-ruské obchodní styky v minulosti. Pr., 1954, s. 26.

Показателем восходящих к XII в. чешско-суздальских связей в области церковно-славянской письменности могут быть ростово-суздальские по своему происхождению Прологи, содержащие чтения о св. Людмиле (16 сент.) и св. Вячеславе (28 сент.). Одним из древнейших памятников такого рода, содержащих чтения о чешских святых, является Пролог ростовской редакции XIII—XIV вв.⁴³ Подобные чтения встречаются и во многих позднейших Прологах, возникших на территории Северо-Восточной Руси в XVI—XVII вв. Целый ряд таких Прологов хранится в рукописном отделе Библиотеки им. В. И. Ленина⁴⁴. Издавна были известны в Северо-Восточной Руси и другие памятники, связанные с вацлавской традицией. Более поздними (XVII в.) отзвуками поклонения чешским святым явились настенные изображения Людмилы в Крестовоздвиженском соборе города Романова-Борисоглебска (Татуева), Вацлава в Успенском соборе Троице-Сергиевой лавры в Загорске и в Софийском соборе в Вологде⁴⁵.

Таковы некоторые данные о чешско-русских отношениях в XII в. Они никак не противоречат предположению о чешском происхождении жены Всеволода Большое Гнездо.

Как видим, довольно много говорит в пользу того, что Мария Всеволожая была действительно чешкой по происхождению. Это и прямые упоминания летописей и разного рода косвенные данные.

Возможные сторонники ясской версии, имея в виду формально более поздние известия о чешском происхождении Всеволожей (датировку летописных списков), могут сказать, что сведения о чешском происхождении ее не что иное, как поздняя генеалогическая легенда, преследующая цель возвысить родословную русских князей и царей, ведь возводится же генеалогическое древо Ивана Грозного в Степенной книге к родству с римским императором Августом. Этот аргумент заслуживает внимания. Действительно такого рода «усовершенствования» родословных в истории позднего русского летописания бывали. Однако к случаю с Марией Всеволожей они вряд ли могут быть отнесены. И вот по каким соображениям. Во-первых, улучшение генеалогии вначале, как правило, шло по мужской линии, здесь же речь идет о женской. Во-вторых, какой смысл связывать происхождение Марии Всеволожей с именем какого-то «вымышленного»

⁴³ ЦГАДА. Типогр. библ. № 153.

⁴⁴ Отдел рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина. Волог. собр.— 21, Костр.— 13, Собр. отд. рукоп.— 1012 и др.

⁴⁵ Подробнее об этом и русских житиях Людмилы и Вацлава см. ст. А. И. Рогова «Жизнеописание первых чешских князей в древнерусской письменности и культуре». В кн. «Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности». М., 1970, стр. 5—33.

безвестного чешского князя⁴⁶, например, в Степенной книге, и там же ничего не писать о жене сына Всеволожей — Ярослава, тоже прямого прародителя московских царей. Никакой логики и смысла в этом, на наш взгляд, нет. Правящая в России династия от этого лучше не становилась. Очевидно, если иметь в виду именно Марию Всеволожью, то тут дело не в искусственном улучшении генеалогии, а гораздо проще — в тех материалах, которыми располагал составитель того или иного летописного источника, в данном случае Степенной книги. И третье, последнее, что не согласуется с мыслью о генеалогической легенде. Отец Марии имеет имя аналогичное тем, которые зафиксированы летописями в XII в. Использовать имя реально существовавших людей в целях фальсификации да еще связать его с определенной национальной принадлежностью, не означало ли это уже сразу породить сомнение в правдивости такого рода известия?

Допуская возможность создания ложных генеалогических легенд в прошлом, мы порой не замечаем, как они создаются в наши дни. На одной из них, поскольку она связана с темой нашего сообщения, следует остановиться. В книге В. Т. Пашуто «Внешняя политика Древней Руси» в параграфе «Русь и государства Кавказа» (его автор А. П. Новосельцев) можно прочесть о том, что на судьбу сына Андрея Боголюбского — Георгия, когда он стал мужем дочери грузинского царя — Тамар, «возможно, влиял с севера и Всеволод Юрьевич, женатый на Марии, асской княжне, родственнице князя Сослани (Давида), будущего (второго. — Л. К.) мужа Тамар»⁴⁷. Не станем останавливаться на правомерности предположения о какой-то причастности Всеволода к изгнанию его племянника Георгия из Грузии, попробуем установить, на основании чего утверждается родство Марии с асом Сослани. В работе С. Т. Еремына «Юрий Боголюбский по армянским и грузинским источникам»⁴⁸, на которую ссылается А. П. Новосельцев, читаем, что Всеволод был женат на «ясыне» Марии, дочери осетинского царя, но утверждается это не по данным армянских или грузинских источников, как это можно было ожидать, а со ссылкой на русского историка XIX в. С. А. Белокурова. Что же касается родства Марии Всеволожей, то об этом С. Т. Еремын говорит, ни на кого не ссылаясь, и лишь предположительно: «царевич Давид Сослан должен был приходиться родственником «ясыни» Марии». На странице 322 книги С. А. Белокурова «Сношения России с Кавказом» (1889), к ко-

⁴⁶ Кстати, отец Марин не всегда именуется князем; в Тверской летописи титула нет, а лишь слова «дщи Шварлова чешаго».

⁴⁷ В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, стр. 217.

⁴⁸ В кн.: «Научные труды Ереванского государственного университета», т. XIII, 1946, стр. 389—421.

торой отсылает читателя С. Т. Еремян, вообще ничего не сказано ни о Марии Всеволожей, ни о ее яском происхождении. Правда, во введении к книге говорится, что сын Владимира Мономаха Ярополк «жену полони себе ясыню», «дочь яского или Степского князя Сварна» и что «Всеволод Георгиевич брат Боголюбского имел жену ясыню Марию» (стр. V). Об «осетинском царе», упоминаемом С. Т. Еремян, у Белокурова ничего не сказано. Очередная ссылка приводит нас к статье П. Буткова «О браках князей русских с грузинками и ясынями в XII веке» («Северный архив», 1825, № 4), где содержатся приводимые Белокуровым сведения. Из примечания следует, что П. Бутков почерпнул их из V тома «Записок касательно российской истории» Екатерины II (1787—1794), т. е. из «Родословника князей великих и удельных рода Рюрика». В последнем же сказано, что не жена Ярополка — Елена, а вторая жена Всеволода княгиня Мария была дочерью князя Сварно Яского, которого именуют и Степским князем (стр. 161, 168, 169). Источник этих сведений не назван. Цепочка неточных и ошибочных фактов, особенно в начале сносок, привела в тупик. Сколь ненадежны и неточны в ряде случаев исторические сочинения Екатерины II, предназначавшиеся в качестве учебного пособия для ее внуков Александра и Константина⁴⁹. Н. М. Карамзин, который, безусловно, знал екатерининский родословник, не счел возможным опереться на него в своей работе. И хотя у него, как и в «Родословнике», Мария названа «княжной яской», однако ничем не подтвержденные, по всей вероятности, возникшие в результате небрежной переписки⁵⁰, явно сомнительные сведения об имени отца княгини и его яской принадлежности в «Истории государства российского...» не приводятся. Более того, как уже отмечалось, Карамзин счел

⁴⁹ Подготовку материалов для исторических сочинений Екатерины II осуществляла группа профессоров Московского университета. Сама она лишь отбирала материал, распределяла его и составляла некоторые предварительные черновые тексты. Все последующее делалось другими. Необходимой научной точности при такой организации дела могло и не быть. Показательна уже одна из ранних печатных характеристик «Записок касательно российской истории», содержащаяся в «Словаре русских светских писателей» (1845), где сказано: «Если бы в них указан был источник, из которых почерпались выписки сии, то бы книга сия была совершеннейшею в своем роде...» В современных историографических работах исторические сочинения Екатерины II не рассматриваются.

⁵⁰ Легко, например, представить, как слова «чешского князя» (статьи Новгородской летописи) могли превратиться в слова «Степского князя», а — «Шварлова чешского» (Тверская летопись) в «Сварно яского». В. С. Иконников в статье «Екатерина II как историк» замечает: «Переписка текста и отработка стиля, как и в других произведениях Екатерины II, лежали на ее сотрудниках...» (Русский архив, 1911, № 7). Ошибки при таком методе работы были весьма вероятны. Но возможно, конечно, что тут имело место и сознательное «уточнение» летописных известий субъективного характера, обусловленное несложным рассуждением: «если Мария — ясыня, то, значит, и отец ее был ясом». Так или иначе сведения екатерининского родословника ничем не подтверждаются, и это главное, почему они не вызывают доверия. Летописные записи могут уточняться или толковаться лишь с помощью летописных же данных.

необходимым привести в ней также и существующие в летописях противоположные известия о чешском происхождении Всеволожей. Итак, современная легенда о родстве Марии Всеволожей и Давида Сослана при проверке разрушилась, а яское происхождение Марии, да еще княжеское (об этом в летописях и косвенно не говорится), оказалось ничем иным, кроме все той же Ипатьевской летописи, не подтвержденным. А. П. Новосельцев и сам, по-видимому, испытывал сомнения. В том же параграфе «Русь и государства Кавказа», говоря о замужестве «ясыни из Владимира», он замечает, что эта аска «была свояченицей, т. е. сестрой жены, Всеволода Юрьевича, стало быть тоже женатого на аске, вероятно княжне Марии»⁵¹. Это «вероятно», относящееся и к «княжне» и к «Марии», никак не согласуется с последующим безоговорочным утверждением родства Марии Всеволожей с асом Сосланом, которое предполагает, что и она была «ясыней». Для такого утверждения нужна была не только одна лишь ссылка, но и собственная аргументация.

Все сказанное приводит к заключению, что разноречивые летописные известия о Всеволожей, в частности о ее чешской принадлежности, обходились вниманием исследователей незаслуженно. Мы попытались рассмотреть их. Если согласиться с версией о чешском происхождении великой княгини Марии, для чего как нам кажется, есть веские основания, то история пополнится еще одним интересным фактом, свидетельствующим о добрых взаимоотношениях русского и чешского народов, о существовавшей между ними дружеской близости, истоки которой уходят в седую древность.

⁵¹ В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М., стр. 216.

Н. М. Пашаева

СВЯЗИ КИЕВСКОЙ РУСИ
СО СЛАВЯНСКИМИ НАРОДАМИ
В РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(Библиография)

Русская историография Киевской Руси насчитывает уже не менее трехсот лет. Взаимоотношения Руси с западными и южными славянами в той или иной степени освещались в ней в виде упоминаний в трудах общего характера (работы М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина, позднее С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и др.). Однако упоминания эти, как правило, не были ни многочисленными, ни подробными, ни всеобъемлющими по теме. Внимание историков привлекали главным образом балканские походы Святослава и политические взаимоотношения Польши и Киевской Руси. Разумеется, русская историография не могла также пренебречь таким событием, как крещение Руси, но при этом преувеличивался вклад Византии. Начало развития русского славяноведения на первых порах тоже не вызвало к жизни специальных работ по этой проблеме — интересы русских славистов второй половины XIX — начала XX в. в основном сосредоточивались вокруг славяно-германских отношений западных славян и славяно-турецких — славян южных.

Первый специальный труд по интересующей нас проблематике — это появившаяся в качестве единичного явления монография К. Калайдовича об Иоанне экзархе болгарском, вышедшая в великолепном издании Селивановского в 1824 г. (№ 48). Особняком стоит и работа А. Д. Черткова, появившаяся в 1843 г. в двух изданиях (№ 123). Она посвящена уже упоминавшейся нами теме и содержит описание войн Святослава против болгар и греков в 967—971 гг.

Такой же эпизодический характер носит серия студенческих работ по истории русско-славянских отношений, появившихся в эпоху резкого обострения интереса к этим отношениям в связи с войной 1877—1878 гг. Они были выпущены в Киевском университете в 1878 г., тогда же помещены в «Киевских университетских известиях», а в 1880 г. переизданы в сборнике сочинений студентов университета св. Владимира. Вероятно, они были выполнены под руководством профессора Киевского университета Владимира Бонифатиевича Антоновича (1834—1908), во всяком случае им они были представлены в сборник, а самый сборник

вышел в первый год пребывания Антоновича на посту декана историко-филологического факультета. Интересно отметить, что ни П. Голубовский, писавший о хронике Дитмара как об источнике для русской истории (№ 130), ни Я. Я. Ярмохович, разбиравший с этой же точки зрения хронику Кадлубека, (№ 151), ни другие участники этого издания (А. Врублевский, № 129, Д. Багалей, № 94), занимавшиеся славяно-русско-византийскими отношениями, не сделали эту проблему ведущей в своих научных трудах. В 1884 г. в Киевском же университете защитил свою магистерскую диссертацию по истории польско-русских отношений этого периода И. А. Линниченко (№ 141—142), но и его большая работа, опубликованная сначала на страницах «Университетских известий», а затем отдельной книгой, была в его научной биографии лишь единичным эпизодом.

Нельзя сказать, чтобы в России не были известны источники по русско-славянским отношениям того периода. Особенно много было переведено и издано византийских источников («История» Льва Диакона была выпущена еще в 1820 г., в 1858 г. вышел перевод Никифора Вриенния, в 1860 г. издана «История» Никиты Хониата и т. д.). На страницах «Чтений Общества истории и древностей российских» и отдельным изданием появился труд О. М. Бодянского — собрание памятников, говорящих о деятельности Кирилла и Мефодия. Некоторые заметки по истории русско-славянских отношений промелькнули на страницах Чтений Киевского исторического общества Нестора-летописца (Ф. Я. Фортинского, № 150, А. Д. Воронова, № 39 и др.). Но разработка проблемы в целом остается в основном в руках историков Киевской Руси, не придающих ей самостоятельного значения.

Буквально новую эру в разработке проблемы культурных связей и взаимоотношений Киевской Руси и славянства открыли русские филологи В. М. Истрин, А. А. Шахматов, М. Н. Сперанский. По сути дела, вся их научная деятельность проходила под знаком этой большой темы¹. Однако и здесь осью ее разработки был анализ древнерусских памятников. Именно их издание, анализ, сверка сохранившихся списков, сопоставление с другими источниками были постоянной темой этих замечательных филологов, внесших огромный вклад в разработку историко-культурных аспектов проблемы. Под знаком работ этих ученых проходили и 20—30-е годы нашего столетия. Расцвет советского славяноведения в последнее тридцатилетие сразу повернул

¹ В библиографии мы учитываем лишь некоторые важнейшие работы этих ученых. Полный перечень трудов В. М. Истрина см.: В. В. Данилов. Хронологический список трудов академика Василия Михайловича Истрина. ТОДРЛ, XII. М.—Л., 1956, стр. 586—593; М. Н. Сперанского см.: В. Д. Кузьмина. Хронологический список трудов академика Мн-ханла Несторовича Сперанского. ТОДРЛ, XII. М.—Л., 1956, стр. 594—612.

исследование темы на иной путь. Отныне тема эта стала предметом пристального изучения историков-славистов. В то же время историки Древней Руси включились широким планом в разработку славяно-русских исторических проблем. В разработке темы участвуют Б. Д. Греков, В. И. Пичета, В. В. Мавродин, С. А. Никитин, М. Н. Тихомиров и др. Специально вопросу посвящает целую серию своих статей и монографию В. Д. Королюк, большое место уделено теме внешней политики Киевской Руси в монографии В. Т. Пашуто (№ 26), специально этой теме посвящены работы И. М. Шекеры (№ 27—28). В разработке темы в настоящее время принимают участие как историки-слависты, так и специалисты по истории СССР [из последних работ упомянем статьи А. И. Рогова (№ 147), В. А. Кучкина (№ 139) и др.]. В общих трудах по истории СССР и истории славян связи Киевской Руси со славянскими странами, как правило, в большей или меньшей мере находят свое отражение². Параллельно в трудах Отдела древнерусской литературы и отчасти других изданиях с 30-х годов вплоть до настоящего времени появляются статьи по историко-литературным и историко-культурным проблемам славяно-русских князей IX—XII вв. (работы Н. К. Никольского, № 63, Н. К. Гудзия, № 41, и др.). На страницах трудов нашли свое место и работы зарубежных авторов — А. В. Флоровского по истории чешско-русских отношений (№ 163), В. Мошина о югославяно-русских литературных связях (№ 167) и др.³

Исследование историографии вопроса — специальная тема большой работы; в приведенном выше кратком перечне мы поставили своей задачей лишь показать, что ни в дореволюционных, ни в советских работах проблема русско-славянских отношений в качестве многоплановой специальной темы даже не ставилась. Исследования В. Д. Королюка, частично В. Т. Пашуто, И. М. Шекеры и др. — важная, но только одна часть большой работы, которую необходимо еще проделать. Быть может, это будет коллективный труд, быть может, собрание отдельных статей, но советский историк-специалист и просто заинтересованный читатель вправе рассчитывать на труд, в котором на основе новейших историко-археологических данных будут прослежены и политические, и экономические, и культурно-исторические аспекты темы, проблемы взаимовлияния культур и как неотъемлемая часть проблема культурного наследия эпохи и его влияния на дальнейшее культурное развитие всего славянства.

² К сожалению, до сих пор на страницах некоторых трудов тема эта отражена все же весьма недостаточно. Примером может служить большая монография И. У. Будовница «Общественно-политическая мысль Древней Руси XI—XIV вв.» М., 1969.

³ В зарубежной литературе тема эта также вызывает живой интерес. На страницах болгарской, чешской, польской периодики и отдельными монографиями появляются серьезные работы по теме, однако синтетического труда до сих пор не выпущено нигде.

Настоящая библиография ставит своей целью помочь историку-исследователю выявить дореволюционные и советские работы по истории взаимоотношений Киевской Руси и славян, опубликованные отдельными изданиями и на страницах журналов. В библиографию вошли работы русские и украинские с начала изучения этих проблем в русской историографии, т. е. практически с середины XIX в. вплоть до 1971 г. Библиография составлена по принципам, ставшим уже традиционными⁴, — в ней учитываются лишь работы, изданные в России и в Советском Союзе на русском и украинском языках. Украинские работы, вышедшие в Западной Украине в период пребывания ее в составе Австрии и Польши, не учитывались. Не учитывались также работы на русском языке, вышедшие за рубежом⁵. Мы сознательно отказались от отдельного, традиционного для каждой библиографии раздела источников, поскольку источников специально по данной проблеме почти нет и историку приходится собирать их по крупице, причем работа эта в основном уже проделана и раздел источников имеется в каждой серьезной монографии. Включены лишь отдельные компактные издания, чаще всего снабженные предисловием-исследованием.

Не попали в библиографию и общие труды по истории Руси или западных и южных славян, где русско-славянским связям уделяется какой-то небольшой параграф. Основной задачей составителя было выяснить и учесть специальные исторические книги и статьи по теме. Однако библиография была бы не полна, если бы в нее не были включены работы по истории древнерусской и древнеславянской литературы и культуры⁶. Тема литературных связей Киевской Руси и славян слишком, однако, обширна, и в этом разделе мы приводим литературу лишь выборочно. Например, мы опускаем всю полемику, развернувшуюся начиная с середины прошлого столетия вокруг «Слова о законе и благодати и истине» митрополита Илариона, отсылая читателей к статье М. П. Петровского (№ 65), очень ограниченно приводим материалы о Кирилле и Мефодии, поскольку влияние славянских первоучителей на русскую культуру шло в основном через литературные произведения их учеников и последователей. Весьма ограниченно лишь в связи с историческими вопросами включались и искусствоведческие работы.

⁴ По этим же принципам нами были составлены библиографии по истории Австрии и австро-славянских отношений. В кн.: «Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография». М., 1966 и др.

⁵ Примером подобных работ, не учтенных в библиографии, может служить фундаментальный труд Флоровского «Чехи и восточные славяне (Очерки по истории чешско-русских отношений X—XVIII вв.)», т. 1—2. Прага, 1947.

⁶ Хорошая библиография литературоведческих советских трудов содержится в докладе Н. К. Гудзия на IV Международном съезде славистов (№ 41).

Библиография составлена в основном по фондам Государственной публичной исторической библиотеки; были привлечены также другие библиотеки Москвы, в первую очередь Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина.

В библиографии приводится наряду с годом и местом издания также издательство, типографии не указываются.

Библиография подобрана по тематическим разделам, внутри раздела материал расставлен по алфавиту, рецензии приводятся после книги. Как правило, если книга выдержала несколько изданий, приводится последнее.

Авторефераты включены в библиографию с возможной полнотой. Нужно помнить, что под таким же заглавием в Библиотеке имени В. И. Ленина в Москве хранятся диссертации, представляющие большой интерес для специалиста.

ОБЩИЕ РАБОТЫ

1. Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи. Изд. 2. Варшава, 1885, 371 с.
2. Брайчевский М. Ю. Стан и завдання вивчення культури древніх слов'ян. УІЖ, 1958, № 6, с. 78—93. Археологические данные.
3. Греков Б. Д. Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1945, 78 с. (Научно-популярная серия). Показано историческое становление Киевского государства и положение его в Европе.
4. Греков Б. Д. Древнейшие судьбы славянства в прикарпатских областях.— В кн.: Б. Д. Греков. Избранные труды, т. 2. М., 1959, с. 489—500. То же: ВАН СССР, 1940, № 11-12, с. 27—37.
5. Греков Б. Д. История древних славян и Руси в работах акад. В. Г. Васильевского.— ВДИ, 1939, № 1, с. 338—351.
6. Греков Б. Д. Киевская Русь. М., Госполитиздат, 1953, 558 с. (Есть др. изд.). Много места уделено проблемам политических и культурных связей Киевской Руси со славянами.
7. Греков Б. Д. «Русская правда» и ее славянское окружение.— В кн.: Б. Д. Греков. Избранные труды, т. 2. М., 1959, с. 576—585. То же: ИАН СССР, 1952, т. IX, № 2, с. 105—114. То же: ВАН СССР, 1952, № 2, с. 41—50.
8. Греков Б. Д. «Русская правда» и ее славянское окружение «Славяне», 1952, № 4, с. 27—33. Сокращенная редакция предыдущей статьи.
9. Грекул Ф. Карпато-Дунайские земли в составе Киевского государства и Галицко-Волынского княжества.— «Октябрь», Кишинёв, 1953, № 6, с. 60—64.
10. Королюк В. Д. Некоторые общие закономерности раннефеодальной истории восточных и западных славян.— В кн.: «Исторические связи славянских народов». КСИС 1963, № 39, с. 4—20.
11. Куник А. А., Розен В. Р. Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. I (Разыскания А. Куника и В. Розена).— «Записки АН», т. 32. СПб., 1878, прилож. № 2, VI, 191 с.; ч. 2 (разыскания А. Куника). СПб., 1903, XII, 207 с.
12. Линниченко И. Современное состояние вопроса об обстоятельствах крещения Руси.— «Труды Киевской духовной академии», 1886, № 12, с. 587—606.
13. Мавродин В. В. Советская историография Древнерусского государства.— ВИ, 1967, № 12, с. 53—72.

14. Тихомиров М. Н. Исторические связи южных и восточных славян в древнейшее время. — ИЖ, 1941, № 10-11, с. 62—70.
15. Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., «Наука», 1969, 374 с. с портр. Из содержания: Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в., с. 94—166 (статья напечатана также в кн. «Славянский сборник». М., 1947, с. 125—201); Начало славянской письменности в свете новейших открытий, с. 167—179; Историческое значение «кирилловского алфавита», с. 180—193; Начало славянской письменности и Древняя Русь, с. 184—195.
16. Федоров Г. Б. Славяне Поднестровья. — В кн. «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953, с. 121—154.
17. Фортинский Ф. Я. Крещение князя Владимира и Руси по западным известиям. — ЧОНЛ, 1888, кн. 2, отд. 2, с. 93—128.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

18. Греков Б. Д. Большая семья и вервь Русской правды и Полицкого статута. — «Избранные труды» т. 2. М., Изд-во АН СССР, 1959, с. 564—575. То же: ВИ, 1951, № 8 с. 27—37.
19. Козловский И. П. Внешние сношения Древней Руси. — «Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии». Ростов-на-Дону, 1929, кн. 1, т. 3, вып. 1, с. 3—11; вып. 5—6, Ростов-на-Дону, 1929—1930, с. 55—70.
20. Козловский И. П. Сношения Древней Руси. Варшава, 1911, 23 с. То же: — «Варшавские университетские известия», 1911, № 5, с. 1—23.
21. Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., «Наука», 1964, 383 с.
Рец.: Черниловский З. М. — СС, 1965, № 5, с. 73—75; Шевченко Ф. П. — УИЖ, 1966, № 4, с. 150—152.
22. Лонгинов А. В. Червенские города. Исторический очерк в связи с этнографией и топографией Червонной Руси. Варшава, 1885, 368 с. Приложение к Холмско-Варшавскому епархиальному вестнику.
23. Мавродин В. В. Древняя Русь (Происхождение русского народа и образование Киевского государства). М., Госполитиздат, 1946, 311 с. В книге дается много материала о военных и культурных контактах со славянскими народами.
24. Малышевский И. И. О брачных союзах древнерусских княжеских фамилий с иностранными владетельными домами в Киевский период нашей истории (с X до половины XIII в.). — ЧОНЛ, 1888, кн. 2, отд. 1, с. 142.
25. Павлов А. С. Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках юго-славянского и русского церковного права. «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения». М., 1891, ноябрь—декабрь, с. 693—741, 1892, январь, с. 191—249, февраль, с. 425—437, март, с. 527—567.
26. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М. «Наука», 1968, 472 с. с илл., 1 л. карт.
Рец.: Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Фроянов И. Я. — ВИ, 1969, № 12, с. 157—159.
Троицкий С. На заре отечественной дипломатии. — «Новый мир», 1969, № 11, с. 267—269.
27. Шекера І. М. Київська Русь XI ст. у міжнародних відносинах. Київ, «Наукова думка», 1967, 200 с.
28. Шекера І. М. Міжнародні зв'язки Київської Русі. З історії політики Русі в період утворення і зміцнення Древньоруської держави в VII—X ст. Київ, від. АН УРСР, 1963, 200 с. с илл.
Рец.: Кулаковський В. М., Фененко М. В. — УИЖ, 1964, № 3, с. 138—139.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

29. *Бруцкус Ю. Д.* Перші звістки про євреїв у Польщі та на Русі. — «Науковий збірник за рік 1927 історична секція АН УРСР», т. 26. Київ, 1927, с. 3—11.
30. *Мавродин В. В., Мавродина Р. М., Фроянов И. Я.* Некоторые вопросы внешней политики и торговли Древней Руси в новейшей советской исторической литературе (1960—1969 гг.). — ИСССР, 1970, № 6, с. 116—128.
31. «Нариси» стародавні історії Української РСР». Київ, вид. АН УРСР, 1957. О внешней торговле и связях Киевской Руси со славянами, с. 440—443 и др.
32. *Новосельцев А. П. и Пашуто В. Т.* Внешняя торговля Древней Руси. — ИСССР, № 3, с. 81—108.
33. *Потин В. М.* Детянский клад денариев середины XI в. — «Труды Гос. Эрмитажа», т. IV. Л., 1961, с. 23—29. Находки клада говорят о торговле Древней Руси с Чехией и Польшей.

КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

34. *Арциховский А. В.* Культурное единство славян в средние века. — СЭ, 1946, № 1, с. 84—90. На археологических данных.
35. *Бестужев-Рюмин К.* О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868, 378 с. Из четвертого выпуска «Летописи занятий Археографической комиссии».
36. *Бодянский О.* Кирилл и Мефодий. Собрание памятников, до деятельности святых первоучителей и просветителей славянских племен относящихся. Пространные или Паннонские жития.
I. Житие Константина философа. — ЧОИДР, 1863, кн. 2, отд. 3, с. I—IV, 1—224; 1864, кн. 2 отд. 3, с. 225—398; 1873, кн. 1, отд. 3, с. 399—534.
II. Житие архиепископа Мефодия. — ЧОИДР, 1865, кн. 1, отд. 3, с. 1—98.
III. Похвальные слова. — ЧОИДР, 1865, кн. 2, отд. 3, с. 1—64; 1866, кн. 2, отд. 3, с. 65—152.
37. *Буслаев Ф. И.* Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. — В кн.: *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки по русскому орнаменту в рукописях. Пг., 1917, с. 75—143.
Исследование является расширенной рецензией на альбом В. Стасова того же названия (см. N 81).
38. *Витте Е. де. Св.* первоучители славянские — Кирилл и Мефодий и культурная роль их в славянстве и России. СПб. Общество ревнителей русского исторического просвещения, 1908, VIII, 97 с.
39. *Воронов А. Д.* О латинских проповедниках на Руси Киевской в X и XI веках. — ЧОНЛ, 1873—1877, кн. 1. Киев, 1879, с. 1—21.
40. *Голубинский Е.* История русской церкви, т. 1; первая половина тома, изд. 2. М., 1901, XXIV, 968 с.; то же: ЧОИДР, 1901, кн. 3, XXIV, 968 с.
41. *Гудзий Н. К.* Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы. М., Изд-во АН СССР, 1958, 66 с. (Доклады на IV Международном съезде славистов).
42. *Иконников В. С.* Опыт русской историографии, т. 2, кн. 1. Киев, 1908, с. 71—114. Есть материалы о месте русских летописей среди славянских источников.
43. *Истрин В. А.* 1100 лет славянской азбуки. М., Изд-во АН СССР, 1963, 180 с. с илл.
Рец.: *Фигуровский И. А.* — НДВШ, филол. науки, 1964, № 2, с. 207—208; *Чудаков А.* Одиннадцать веков славянской азбуки. — «Вопросы литературы», 1964, № 1, с. 196—198.
44. *Истрин В. М.* Замечания о начале русского летописания. — ИОРЯС, 1921, т. 26. Пг., 1923, с. 45—102.

45. *Истрин В. М.* Замечания о начале русского летописания. — ИОРЯС, 1924, т. 27, с. 45—251.
46. *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнейшем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь, т. 1—3. Пг.—Л., 1920—1930, т. 1. Текст. Пг., 1920, XVIII, 612 с., III; т. 2. а) Греческий текст «Продолжения Амартола». б) Исследование. Пг., 1922, XXXI, 454 с.; т. 3. Греческо-славянский и славяно-греческий словари. Л., 1930, 348 с.
47. *Истрин В. М.* Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода. Пг., 1922, X, 248 с.
48. *Калайдович К.* Иоанн ексарх болгарский. Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий. М., 1824, 218 с., 16 илл.
49. *Кацнельсон Р. А.* К вопросу о взаимоотношениях архитектуры восточных и южных славян и Византии. — ВВ, 1957, т. 12, с. 242—262.
50. *Келтуяла В.* Введение в историю русской литературы. — «Русская тропа», 1905, № 10—11, с. 221—250; № 12, с. 188—229.
51. *Копыленко М. М.* Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Хроники» Георгия Амартола. — ВВ, 1957, т. 12, с. 232—241.
52. *Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. — «Труды Славянской комиссии АН СССР», т. I. Л., 1930, 200 с. Паннонские легенды по русским спискам.
53. *Ламанский В. И.* Непорешенный вопрос. Статья I об историческом образовании древнего славянского и русского языка. — ЖМНП, 1869, июнь, с. 122—163. Вопрос о древнеславянском языке, его связи с русским и их отношение к другим славянским языкам.
54. *Ламанский В. И.* Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Критические заметки. Пг., 1915, II, 262 с. Извлечение из ЖМНП за 1903 г.; то же: ЖМНП, ч. 346, 1903, апр., отд. 2, с. 345—385; ч. 347, 1903, май, с. 136—161; июнь, с. 350—388; ч. 350, 1903 дек., с. 370—405; ч. 351, 1904, янв., с. 137—173; ч. 352, 1904, апр., отд. 2, с. 215—239; ч. 353, 1904, май, отд. 2, с. 131—168.
55. *Леонид архим.* Библиографические разыскания в области древнейшего периода славянской письменности IX—X вв.: памятники сих веков по сохранившимся спискам XI—XVII вв. — ЧОИДР, 1890, кн. 3, отд. III, с. 1—28.
56. *Леонид архимандрит.* О славянских переводах церковного богослужебного устава. — ЧОИДР, 1867, кн. 2, отд. I, с. 1—10.
57. *Леонид архимандрит.* Сведения о славянских и русских переводах Патериков различных наименований и обзор редакций оных. — ЧОИДР, 1890, кн. 4, отд. 3, с. 1—3.
58. *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, 500 с.
59. *Мещерский Н. А.* Два неизданных отрывка древнеславянского перевода «хроники» Иоанна Малалы. — ВВ, 1956, т. 11, с. 278—284.
60. *Мещерский Н. А.* Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв. — ТОДРЛ, 20. М.—Л., 1964, с. 180—231.
61. *Никитин С. А.* Происхождение славянской письменности. — В кн. «Исторические связи славянских народов». КСИС, 39. М., 1963, с. 21—26.
62. *Никольский Н. К.* К вопросу о западном влиянии на древнерусское церковное право. — «Библиографическая летопись», 3, 1917, с. 110—124.
63. *Никольский Н. К.* Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании, вып. 1. Л., Изд-во АН СССР, 1930, 108 с. (Сборник по русскому языку и словесности, т. 2, вып. 1).
64. *Пархоменко В. А.* Начало христианства Руси. Очерк из истории Руси IX—X вв. Полтава, 1913, VII, 191 с. Первоначально работа выходила от-

- дельными статьями на страницах журнала «Вера и разум». Харьков, за 1912—1913 гг.
 Ред.: Приселков М. Д.—ИОРЯС, 1914, т. XIX, кн 1, с. 358—369.
65. Петровский М. П. Иларион, митрополит Киевский, и Доментиан, иеромонах Хильандарский (Библиографическая заметка).—ИОРЯС, т. XIII, 1908, кн. 4, с. 81—133.
 66. Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875, IX, 417 с.
 67. Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, 188 с.
 68. Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, XV, 414 с. («Записки историко-филологического факультета Санктпетербургского университета», ч. 116).
 69. Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV веках. М.—Л., 1959, 284с.
 70. «Сборник ответов на вопросы по литературоведению» (АН СССР, Советский комитет славистов, IV Международный съезд славистов). М., 1958, с. 7—10. Даются ответы на вопросы: 1) Какое значение имели старославянские переводы с греческого в формировании древнеславянских литератур? 2) Каковы были связи древней русской литературы с литературами западных славян? и др.
 71. Синайский А. Отношение древнерусской церкви и общества к латинскому западу. СПб., 1899, II, 162 с.
 72. Смирнов И. Н. Прошлое и будущее духовной взаимности славян. Речь. Казань, 1885, 32 с. Отт. из газеты «Волжский вестник», 1888, № 82, 83. О Кирилле и Мефодии.
 73. Соболевский А. И. Древняя церковнославянская литература и ее значение. Харьков, 1908, 22 с.
 74. Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, IV, 286 с. с илл. (Сборник ОРЯС, т. 88, № 3).
 75. Сперанский М. Н. История древней русской литературы. Пособие к лекциям в университете, ч. 1. Введение. Киевский период. Изд. 3. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1920, X, 382 с.
 76. Сперанский М. Н. Начало письменности и письменной литературы. — К кн. «История русской литературы до XIX века», т. I. М., изд. т-ва «Мир», 1916, с. 64—86.
 77. Сперанский М. Н. Памятники древнехристианской легенды в нашей словесности.— «Погин», II. Сборник Общества любителей российской словесности на 1896 год. М., 1896, с. 230—241.
 78. Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. Исследование и тексты. М., 1904, VI, 578 с. (исследование), 245с. (тексты). То же: ЧОИДР, 1901, кн. 4. Исследование, с. VI, 1—154, тексты, с. 1—48; 1905, кн. 1: исследование, с. 155—450; кн. 2: исследование, с. 451—577, тексты, с. 49—245.
 79. Срезневский И. И. Славянские древности. Программа и конспект. Б. м. Б. г., 96 с. Литографированное издание.
 80. Стасов В. В. Миниатюры некоторых рукописей византийских, болгарских, джагатайских и персидских, 1902, 115 с. с илл. VII табл.
 81. Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1887, 78 с., 156 табл. Труд позволяет проследить связь орнаментального искусства Руси и восточных и отчасти западных славян.
 Ред.: Ягич И. В. — «Вестник изящных искусств», 1888, вып. 2, с. 146—185; см. также № 37.
 82. Сухомлинов М. И. Исследование по древней русской литературе. СПб., 1908, 687 с. (СОРЯС, т. 85).
 83. Тихомиров М. Н. Закон судный людем краткой редакции в русских рукописях.— В кн. «Закон судный людем краткой редакции». М., Изд-во АН СССР, 1961, с. 7—26.

84. Толстой Н. И. Роль Кирилло-Мефодиевской традиции в истории восточно- и южнославянской письменности. — В кн. «Исторические связи славянских народов». КСИС, 39, 1963, с. 27—38.
85. «Успенский сборник XII—XIII вв.» Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон под редакцией С. И. Коткова. М., «Наука», 1971, 753 с., 16 л. с илл.
86. Шахматов А. А. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни. — «Научный исторический журнал», 1914, № 4, с. 30—61.
87. Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники. — ТОДРЛ, т. IV. М.—Л., 1940, с. 9—150. Есть материал о западнославянских источниках русских летописей.
88. Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, XX, 686 с.
89. Шахматов А. Толковая Палей и Русская летопись. — В кн. «Статьи по славяноведению», вып. 1. Под ред. В. И. Ламанского. СПб., 1904, с. 199—272.
90. Щепкин В. Н. Конспект курса славяно-русской палеографии. М., —1914, 51 с. Автор показывает палеографическое единство древнерусских и древнеславянских рукописей.
91. Щепкин В. Н. Рассуждение о языке Саввиной книги. СПб., 1901, XXV, 341, 9 с. с табл. — СОРЯС, т. 67, № 9.
92. Ягич И. В. Вопрос о Кирилле и Мефодии в славянской филологии. Речь. СПб., 1885, 60 с.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ И СВЯЗИ С БОЛГАРИЕЙ

93. Ангелов Б. С. (Болгария). К вопросу о начале русско-болгарских литературных связей. — ТОДРЛ, т. XIV, 1958, с. 132—138.
94. Багалей Д. И. История Льва Диякона, как источник для русской истории. Киев, 1878, 26 с. Оттиск их киевских «Университетских известий», 1878, № 5, прибавление 1, с. 1—26: То же: «Сборник сочинений студентов университета св. Владимира», 1880, кн. 1, вып. 1, с. 1—26. Походы Святослава в Болгарию.
95. Белов Е. Борьба великого князя киевского Святослава Игоревича с императором Иоанном Цимисхием. — ЖМНП, 1873, ч. 170, дек., отд. 2, с. 168—192. Война против болгар. Автор дает развернутую критику — дополнение к Черткову (№ 123).
96. Васильевский В. Заметка к статье Н. П. Ламбина о годе смерти Святослава — «Записки Имп. академии наук», т. 28, кн. 2. СПб., 1876, с. 164—182. То же: В. Г. Васильевский. Труды, т. 4. Л., изд-во АН СССР, 1930, с. 1—17.
97. Вишнякова А. Ф. (О книге) Николаев В. Славяноболгарский фактор в христианизация на Киевска Русия. София, 1949. — ВВ, 1952, т. 5, с. 276—279.
98. Готье Ю. В. Русские на Балканском полуострове в XI—XIV веках. — В кн. «УЗ МГПИ им. К. Либкнехта», 1939. Серия ист. вып. 2, IV, с. 3—9.
99. Державин Н. С. Племенные и культурные связи болгарского и русского народов. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1944, 88 с.
100. Еремич И. П. О византийском влиянии в болгарской и древнерусской литературе IX—XII вв. — В кн.: «Славянские литературы» (V международный съезд славистов). М., 1963, с. 5—17.
101. Завитневич В. Великий князь киевский Святослав Игоревич и историческое значение его богатырских подвигов. — «Труды Киевской духовной академии», 1888, № 3, с. 369—391.
102. Знойко Н. О посольстве Калокира в Киев. — ЖМНП, 1907, ч. VIII (Нов. серия), апр., отд. 2, с. 229—272.
Калокир — посол византийского императора Никифора к Святославу.

103. *Зыков Э. Г.* Известия о Болгарии в Повести временных лет. — ТОДРЛ, т. 24. М.—Л., 1969, с. 48—53.
104. *Иловайский Д. И.* Святослав и Цимисхий. — «Древняя и новая Россия», 1876, т. I, № 1, с. 12—18 с илл. Отрывок из т. I его «Истории России». Конец X в. Русско-греческая война из-за Болгарского княжества.
105. *Истрин В. М.* К изданию так называемого болгарского перевода хроники Георгия Амартола. СПб., 1910, 19 с. То же: ИОРЯС, XV, кн. 2, 1910, с. 222—240.
106. *Карышковский П. О.* Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе. — ВВ, т. 6, 1953, с. 36—71.
107. *Карышковский П. И.* Балканські походи Русі при Святославі у пізньому руському та слов'янському літописанні. — В кн. «Труды Одесского университета», 1962, т. 152, год 98. Серия ист. наук, вып. 9, с. 105—112.
108. *Карышковский П. О.* К вопросу о первоисточниках по истории походов Святослава. — КСИС вып. 9, 1952 с. 53—61.
109. *Карышковский П. О.* К истории балканских войн Святослава. — ВВ, 1953, т. 7, с. 224—243.
110. *Карышковский П. О.* К истории балканских походов Руси при Святославе. — КСИС, 1954, вып. 14, с. 26—30.
111. *Карышковский П. О.* О хронологии русско-византийской войны при Святославе. — ВВ, 1952, т. 5, с. 127—138.
112. *Карышковский П. О.* Политические взаимоотношения Византии, Болгарии и Руси в 967—971 гг. Автореферат канд. дисс. М., Институт истории АН СССР, 1951, 17 с.
113. *Карышковский П.* Русско-болгарские отношения во время балканских войн Святослава. — ВИ, 1951, № 8, с. 101—105, 968—971 гг.
114. *Куник А.* Заметка о годах смерти великих князей Святослава Игоревича и Ярослава Владимировича. — Записки Имп. академии наук, т. 28, кн. 2. СПб., 1876, с. 156—164.
115. *Ламбин Н.* О годе смерти Святослава Игоревича, великого князя Киевского. Заметка хронологическая к «Каспию». — Записки Имп. академии наук, т. 28, кн. 2. СПб., 1876, с. 119—156.
116. *Ламбин Н., Куник А., Васильевский В.* О годе смерти Святослава Игоревича великого князя Киевского. Хронологические разыскания. СПб., 1876, с. 119—182. Отд. оттиск, состоит из трех помещенных вместе статей из: «Записки Имп. академии наук», т. 28, кн. 2, СПб., 1876, с. 119—182. См. также № 96, 114, 115.
117. *Лебедев И.* Войны Святослава I. — ИЖ, 1938, № 5, с. 47—61 с илл. и схемой.
118. *Левченко М. В.* Произведения Константина Багрянородного как источник по истории Руси в первой половине X в. — ВВ, 1953, т. 6, с. 11—35.
119. *Левченко М. В.* Ценный источник по вопросу русско-византийских отношений в X веке. («Записка греческого топарха»). — ВВ, 1951, т. 4, с. 42—72.
120. *Петухов Е. В.* Болгарские литературные деятели древнейшей эпохи на русской почве (Историко-библиографические очерки). — ЖМНП, 1893, ч. 286, апр., отд. 2, с. 298—322.
121. *Попруженко М. Г.* Козма Пресвитер. — «Известия русского археологического института в Константинополе», т. XV, София, 1911, с. 124—205, Автор показывает, что труд Козмы Пресвитера — крупного церковного болгарского писателя X—XI вв. — был использован в тексте славяно-русского пролога.
122. *Успенский Ф. И.* Значение походов Святослава в Болгарию. — ВДИ, 1939, № 4, с. 91—96. Глава из неопубликованной второй части II тома «Византийской истории».
123. *Чертков А. Д.* Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967—971 годах. — В кн.: «Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских»,

- т. 6, кн. 3—4. М., 1843, с. 185—470, 3 табл. То же отд. изд.: М., 1843, 284 с. с илл., карт.
 Рец.: Ф. М. ЖМНП, 1844, ч. 41, февр., отд. 6, с. 57—72.
124. *Шангин М.* «Записка греческого топарха» как источник о войне русских на Балканах 970 года и зимой 971 года. — ИЖ, 1941, № 9, с. 121—123. О войне с болгарам и греками.
125. *Шахматов А. А.* Древнеболгарская энциклопедия X века. — ВВ, 1900, т. VII, вып. 1, с. 1—35.
 Polemica по статье: *Истрин В. М.* Один только перевод Псевдокаллисте-на, а древнеболгарская энциклопедия X в. — мнимая. — ВВ, X. СПб., 1903, с. 1—30.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ И СВЯЗИ С ПОЛЬШЕЙ

126. *Айналов Д. В.* К истории древнерусской литературы, I. Эпизод из сношений Киева с Западной Европой. — ТОДРЛ, 1936, т. 3, с. 5—12. О связях с Польшей. Бегство Изяслава в Польшу в 1073 г.
127. *Бабляк М. М.* Економічні і культурно-релігійні зв'язки Русі і Польщі в X—XII ст. ст. — В кн.: НЗ Вінницького ПІ 1948, вып. 1, с. 3—35.
128. *Влодарский Б.* Ятвяжская проблема в польско-русских связях X—XIII вв. — МС, с. 116—130.
129. *Врублевский А.* Сведения о Руси, встречающиеся в хронике польского летописца Мартина Галла. — «Сборник сочинений студентов университета св. Владимира», 1880, кн. 1, вып. 1, с. 41—58. То же: «Университетские известия». Киев, 1878, № 9, прибавл. I, с. 41—58. О походе Болеслава I на Русь в 1018 г.
130. *Голубовский П.* Хроника Дитмара, как источник для русской истории. Киев, 1878, 14 с. (Отд. оттиск из «Университетских известий» за 1878 г.). То же: «Университетские известия». Киев, 1878, № 9, прибавление I, с. 27—40. То же: «Сборник сочинений студентов университета св. Владимира», 1880, кн. 1, вып. 1, с. 27—40. О борьбе Болеслава Храброго и Святополка с Ярославом I.
131. *Греков Б. Д.* Древнейшие судьбы Западной Украины. — «Избранные труды», т. 2. М., Изд-во АН СССР, 1959, с. 480—488. То же: «Новый мир», 1939, № 10—11, с. 248—256.
132. *Добрянский А.* О западных границах подкарпатской Руси со времен св. Владимира. — ЖМНП, 1880, март, с. 134—159. Подпись: А. И. Д.
133. *Королюк В. Д.* Древнепольское государство. М., Изд-во АН СССР, 1957, 216 с.
134. *Королюк В. Д.* К вопросу об отношениях Руси и Польши в X веке. — КСИС, 1952, вып. 9, с. 43—50.
135. *Королюк В. Д.* Летописное известие о крестьянском восстании в Польше в 1037—1038 гг. — Сборник «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952, с. 69—75.
136. *Королюк В. Д.* Летописные статьи о русско-польском союзе 40-х годов XI в. — В кн.: «Славянский архив». М., 1958, с. 5—18.
137. *Королюк В. Д.* Русь и Польша в первые 15 лет XI века. — УЗИС, 1963, т. 26, с. 24—36.
138. *Королюк В. Д.* Тысячелетие польского государства. — ВИ, 1959, № 7, с. 102—115. Об историографии русско-польских отношений, с. 110.
139. *Кучкин В. А.* «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-немецкие отношения 60—70-х годов XI века. — СС, 1971, № 2, с. 20—34. Автор дает новую датировку упоминаемого Мономахом похода: сентябрь 1075 — февраль 1076.
140. *Лимонов Ю. А.* Русские источники Яна Длугоша по истории Киевской Руси. — В кн. «Проблемы истории феодальной России». — Сборник статей

к 60-летию проф. В. В. Мавродина. Л., ЛГУ, 1971, с. 76—81. Использование Длугошем русских летописных источников, влияние киевской культуры на славянские страны.

141. *Линниченко И. А.* Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия, ч. 1. Русь и Польша до конца XII века. Киев, в универс. типографии, 1881. 216, 24, VIII с. Оттиск из «Университетских известий». То же: УИК, 1882, № 2, ч. II, отд. 1, с. 31—50; № 3, с. 51—61; № 9, с. 210—234; № 10, с. 250—265; № 11, с. 267—295; 1883; № 4, с. 185—204; № 5, с. 297—308; № 6, с. 340—355; № 12, с. 629—698.
142. *Линниченко И. А.* Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст.—РС, 1884, июль, 215—222. Материалы о защите диссертации.
143. *Ловмянский Г.* (Польша). Взаимные отношения Польши и Руси в средние века.—СС, 1967, № 3, с. 22—32.
144. *Пашуто В. Т.* Русско-польские взаимоотношения (с середины XI в. до монгольского нашествия) в связи с политикой Германской империи.—В кн. «Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения». М., 1968, с. 15—27.
145. *Пичета В. И.* Образование Польского государства.—В кн. «Славянский сборник». М., 1947, с. 45—73.
146. *Рогов А.* Защита диссертации (докторской) В. Д. Королюком на тему «Западные славяне и Киевская Русь в X—XI веках». СС, 1965, № 4, с. 130—131.
147. *Рогов А. И.* Известия по истории Киевской Руси в хронике Мацея Стрыйковского.—КСИС, 42, 1964, с. 52—64. Обратное влияние древнерусских памятников на культуру южных и западных славян.
148. *Савелов Л. М.* Родство потомков Владимира св. с домом Пястов.—«Сборник в честь графини П. С. Уваровой». М., 1916, с. 249—260.
149. *Савич А. А.* Борьба русского народа с польскими захватчиками в XI веке.—В кн.: УЗ Моск. гор. ПИ, 1941, т. 2, кафедра истории СССР, вып. 1, с. 97—108.
150. *Фортинский Ф. Я.* О походах Болеслава Польского на Киев по хронике Титмара.—ЧОНЛ, 1879, кн. 1, с. 270.
151. *Ярмохович Я. Я.* *Magistri Vincentii (Cadlubkonis) Chronica Polonorum* как источник для русской истории. Киев, 1878, 18 с. Оттиск из «Университетских известий», 1878, № 12, приб. 1, с. 59—76. То же: «Сборник сочинений студентов университета св. Владимира», кн. I, вып. 1, 1880, с. 59—76.

СВЯЗИ С ЧЕХИЕЙ И МОРАВИЕЙ

152. *Воронов А. Д.* Замечания о славянских житиях св. Людмилы и св. Вячеслава.—ЧОНЛ, кн. 2. Киев, 1888, с. 24—26.
153. *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник (Опыт анализа). М., Изд-во АН СССР, 1957, 209 с. Влияние чешских легенд о Людмиле и Вячеславе на составителя «Сказания об убиении Бориса и Глеба» (сост. около 1072).
154. *Кралик О.* (Чехословакия). Повесть временных лет и легенда Кристиана о святых Вячеславе и Людмиле.—ТОДРЛ, т. XIX, 1963, с. 177—207.
155. *Никольский Н. К.* К вопросу о следах мораво-чешского влияния на литературных памятниках домонгольской эпохи.—ВАН СССР, 1933, № 8-9, с. 6—18.
156. *Никольский Н. К.* Легенда мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе чешском в славяно-русском переложении. СПб., 1909, LI, 99 с. (памятники древней письменности и искусства, 174).
157. *Розов Н. Н.* Из истории русско-чешских литературных связей древнейшего периода (о предполагаемых западнославянских источниках сочинений Илариона).—ТОДРЛ, т. 23. М.—Л., 1968, с. 71—85.

158. Рузанов А. М. Русско-чешские связи в период X—XII вв. Автореферат канд. дисс. Ростов-на-Дону, 1949, 20 с.
159. «Сказания о начале чешского государства в древнерусской письменности». Предисловие и комментарии А. И. Рогова. М., «Наука», 1970, 127 с.
160. Соболевский А. И. Церковнославянские тексты моравского происхождения. Варшава, 1900.—Оттиск из РФВ, 1900, № 1-2, с. 150—179.
161. Сперанский М. Н. Заветы двенадцати патриархов в старинной чешской письменности. СПб., 1905, 22 с.—Отдельный оттиск из «Сборника статей, посвященных В. И. Лиманскому». СПб., 1907, ч. I, с. 19—40.
162. Флоровский А. В. (Чехословакия). Чешские струи в истории русского литературного развития.—В кн. «Славянская филология». Сборник статей (IV Международный съезд славистов), вып. 3. М., 1958, с. 211—251.
163. Флоровский А. В. (Чехословакия). Чешско-русские торговые отношения X—XII вв.—МС, с. 64—83.
164. Францев В. А. Апология св. Вячеслава.—ИОРЯС, 1902, т. VII, кн. 2, с. 383—401. Рецензия на книгу J. Kalousek. Obrana knížete Václava Svatého proti smyšlenkam a křivým usudkům jeho povaze. Praha, 1901. Приводятся материалы древнерусского жития св. Вацлава.

ЮГОСЛАВЯНСКО-РУССКИЕ СВЯЗИ

165. Адрианова-Перетц В. П. Древнерусские литературные памятники в югославянской письменности.—ТОДРЛ, 1963, т. 19, с. 5—27. Автор приводит данные о влиянии русских памятников на южнославянские литературы, начиная с XI в. Это добавление к аналогичной статье Сперанского (№ 169).
166. Голышенко В. С. К вопросу об изображении князя в Чудовской рукописи XII—XIII вв.—В кн. «Проблемы источниковедения», VII. М., 1959, с. 391—415. Чудовская рукопись — русский список, сохранивший архаические черты, присущие древним памятникам южнославянской письменности.
167. Мошин В. (Югославия). О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв.—ТОДРЛ, 1963, т. 19, с. 28—106.
168. Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. Сборник статей. М., Гос. Уч. пед. изд-во, 1960. Из содержания: К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур, с. 7—54. Югославянские тексты «Исторической Палеи» и русские ее тексты, с. 104—147.
169. Сперанский М. Н. К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур (русские памятники письменности на юге славянства).—ИОРЯС, 1921, т. 26. Пг., 1923, с. 143—206. Об обратном влиянии русских памятников на славянские.
170. Сперанский М. Н. Сербское житие Феодосия Печерского (к тексту).—ЧОИДР, 1913, кн. 1, с. 55—71. О влиянии труда Нестора-летописца на памятники болгарской письменности XII в. и затем сербской XIV в.
171. Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке.—В кн. «Исследования по русскому языку», т. I. Изд. ОРЯС АН. СПб., 1885—1895, с. 289—1023.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

Адрианова-Перетц В. П. 165.
 Айналов Д. В. 126.
 Аль-Бекри 11.
 Ангелов Б. С. 93.
 Арциховский А. В. 34.

Бабляк М. М. 127.
 Багалей Д. И. 94.
 Барсов Н. П. 1.
 Белов Е. 95.
 Бестужев-Рюмин К. 35.

* Приводятся номера библиографии.

- Бодянский О. 36.
 Болеслав Храбрый 129, 130, 150.
 Борис, князь 153.
 Брайчевский М. Ю. 2.
 Бруцкус Ю. Д. 29.
 Буслаев Ф. И. 37.
 Васильевский В. 5, 96, 116.
 Вацлав, Вячеслав, чешский князь 152, 153, 154, 156, 164.
 Витте Е. де 38.
 Вишнякова А. Ф. 97.
 Владимир Мономах 139.
 Владимир Святославич 17, 132, 148.
 Влодарский Б. 128.
 Воронов А. Д. 39, 152.
 Врублевский А. 129.
 Георгий Амартол 46, 51, 105.
 Георгий Мних 46.
 Глеб, князь 153.
 Голубинский Е. 40.
 Голубовский П. 130.
 Голышенко В. С. 166.
 Готье Ю. В. 98.
 Греков Б. Д. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 18, 131, 135.
 Грекул Ф. 9.
 Гудзий Н. К. 41.
 Гумпольт, епископ Мантуанский 156.
 Демьянов В. Г. 85.
 Державин Н. С. 99.
 Длугош Ян. 140.
 Добрянский А. 132.
 Доментян, иеромонах хиландарский 65.
 Еремин И. П. 100.
 Завитневич В. 101.
 Знойко Н. 102.
 Зыков Э. Г. 103.
 Изяслав, князь 126.
 Иконников В. С. 42.
 Иларион митрополит киевский 65, 157.
 Иловайский Д. И. 104.
 Ильин Н. Н. 153.
 Иоанн Малала 59.
 Иоанн Цимисхий 95, 104.
 Иоанн экзарх Болгарский 48.
 Истрин В. А. 43.
 Истрин В. М. 44, 45, 46, 47, 105, 125.
 Кадлубек 151.
 Калайдович К. 48.
 Калокир 102.
 Карышковский П. О. (Каришковсь-
 кий П. И.) 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113.
 Кацнельсон Р. А. 49.
 Келтуяла В. 50.
 Кирилл (Константин) философ 36, 38, 54, 84, 92.
 Князевская О. А. 85.
 Козловский И. П. 19, 20.
 Козма Пресвитер 121.
 Константин Багрянородный 118.
 Копыленко М. М. 51.
 Королук В. Д. 10, 21, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 146.
 Котко С. И. 85.
 Кралик О. 154.
 Кулаковский В. М. 28.
 Куник А. А. 11, 114, 116.
 Кучкин В. А. 139.
 Лавров П. А. 52.
 Ламанский В. И. 53, 54, 89, 161.
 Ламбин Н. 96, 115, 116.
 Лебедев И. 117.
 Лев Диакон 94.
 Левченко М. В. 118, 119.
 Леонид архимандрит 55, 56, 57.
 Лимонов Ю. А. 26, 140.
 Линниченко И. А. 12, 141, 142.
 Лихачев Д. С. 58.
 Ловмянский Г. 143.
 Лонгинов А. В. 22.
 Людмила, княгиня чешская 152, 153, 154.
 Япон М. В. 85.
 Мавродин В. В. 13, 23, 26, 30, 140.
 Малышевский И. И. 24.
 Мартин Галл 129.
 Мацей Стрыйковский 147.
 Мефодий 36, 38, 84, 92.
 Мещерский Н. А. 59, 60.
 Мошин В. 167.
 Нестор-летописец 170.
 Никитин С. А. 61.
 Никифор, византийский император 102.
 Николаев В. 97.
 Никольский Н. К. 62, 63, 155, 156.
 Новосельцев А. П. 32.
 Павлов А. С. 25.
 Пархоменко В. А. 64.
 Пашуто В. Т. 26, 32, 144.
 Петровский М. П. 65.
 Петухов Е. В. 120.
 Пичета В. И. 145.
 Попов А. 66.
 Попруженко М. Г. 121.

Потин В. М. 33.
Приселков М. Д. 64, 67, 68.

Рамм Б. Я. 69.
Рогов А. И. 146, 147, 159.
Розен В. Р. 11.
Розов Н. Н. 157.
Рузанов А. М. 158.

Савелов Л. М. 148.
Савич А. А. 149.
Святополк 130.
Святослав Игоревич 94, 95, 96, 101,
102, 104, 106, 107, 108, 109, 110, 111,
112, 113, 114, 115, 116, 117, 122, 123.
Синайский А. 71.
Смирнов И. Н. 72.
Соболевский А. И. 73, 74, 160.
Сперанский М. Н. 75, 76, 77, 78, 161,
165, 168, 169, 170.
Срезневский И. И. 79.
Стасов В. В. 37, 80, 81.
Сухомлинов М. И. 82.

Титмар (Дитмар) 130, 150.
Тихомиров М. Н. 14, 15, 83.

Толстой Н. И. 84.
Троицкий С. 26.

Успенский Ф. И. 122.

Федоров Г. Б. 16.
Фененко М. В. 28.
Феодосий Печерский 170.
Фигуровский И. А. 43.
Флоровский А. В. 162, 163.
Фортинский Ф. Я. 17, 150.
Францев В. А. 164.
Фроянов И. Я. 26, 30.

Черниловский З. М. 21.
Чертков А. Д. 95, 123.
Чудаков А. 43.

Шангин М. 124.
Шахматов А. А. 86, 87, 88, 89, 125.
Шекера I. М. 27, 28.

Щепкин В. Н. 90, 91.

Ягич И. В. 81, 92, 171.
Ярмохович Я. Я. 151.
Ярослав Владимирович 114, 130.

В СЕКТОРЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ И СРЕДНИХ ВЕКОВ
ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

В сентябре 1970 г. в связи с реорганизацией Института славяноведения АН СССР в Институт славяноведения и балканистики АН СССР в его составе был создан сектор древней истории и средних веков, руководителем которого стал доктор исторических наук В. Д. Королюк. В состав сектора вошли часть сотрудников бывшего сектора славяно-германских отношений и сектора истории феодализма и капитализма и сотрудники из вновь пришедших в институт отделов Института истории. В секторе сейчас насчитывается 14 сотрудников.

Сектор предполагает разрабатывать следующую проблематику. Происхождение славян с особым упором на вопросы происхождения славянских народностей в связи с изучением процесса славянских переселений. Для разработки проблемы славянского этногенеза создана специальная межсекторская группа, в которую вошли сотрудники сектора древней истории, а также других секторов института. Руководить работой группы будет В. Д. Королюк. Группа предполагает разрабатывать вопросы методологии и методики славянских этногенетических исследований с целью выяснения характера исторического механизма образования нового этноса на основе смешения ранних этносов, заниматься организацией источниковедческих исследований, связанных с процессом славянского этногенеза, изучать передвижения славян на Балканы и Дунайскую котловину и образование там народностей, древнейшие племенные связи между западными и восточными славянами и образование славянских народностей в Центральной и Восточной Европе и другими проблемами, связанными с разработкой вопросов славянского этногенеза. По этой проблематике на одном из заседаний сектора В. В. Ивановым был сделан доклад «Язык как средство этногенетических исследований».

Вторым большим направлением в работе сектора будет изучение происхождения славянских и балканских раннефеодальных государств в связи с изучением топологии генезиса феодализма в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, славяно-византийские исследования. Сектор занимается также

изучением сравнительно исторических особенностей развитого феодализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, проблемы межнациональных и международных отношений, особенно славяно-византийских, в этом районе. Большое внимание сектор уделяет в своей работе изучению международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе в XVI—первой половине XVIII в. с особым вниманием к отношениям России и Германии со странами этого региона. Одной из основных проблем в работе сектора остается разработка общественно-политических и культурных связей Центральной и Юго-Восточной Европы.

В своей работе сектор тесно координирует свою деятельность не только с другими секторами института, но также и с различными научными учреждениями Москвы и других городов: Институтом этнографии АН СССР, Институтом археологии АН УССР, Институтами истории БССР и Молдавской ССР, Институтом всеобщей истории, Ленинградским отделением института истории АН СССР, Институтом общественных наук (г. Львов), Институтом истории искусств, Третьяковской галереей, Рублевским музеем и др. За год своего существования сектором было проведено около 50 научных заседаний, на которых обсуждались доклады и сообщения по всем перечисленным выше направлениям работы сектора. Обсуждались главы по «Истории Румынии», т. I, главы коллективного труда «Славяно-германские отношения в средние века», подготавливаемого сектором, монография Г. Э. Санчука «Видукинд Корвейский», а также группа вопросов, связанных с историческим развитием Молдавии и Валахии. В частности, были заслушаны и обсуждены доклады О. С. Поповой «Древнерусская живопись XIV в. и палеологовское искусство», Н. К. Голейзовского «Из истории межславянских связей в развитии изобразительного искусства», А. И. Рогова «Из истории культурных связей Галиции с балканскими странами», привлечшие внимание широкой исторической общественности, и другие доклады и сообщения. На своих заседаниях сектор заслушал и обсудил сообщение о подготовке «Атласа всемирной истории», диссертацию А. С. Мыльниковой «Возникновение национально-просветительной идеологии в Чешских землях», коллективный труд историков ГДР по истории сербов-лужичан, учебник по истории южных и западных славян, подготовленный МГУ. Сотрудники сектора принимали участие и выступали с докладами на различных научных конференциях и симпозиумах, в том числе научного совета по комплексному изучению проблемы славяно-волошских связей, комиссии историков ПНР—СССР и советско-венгерской исторической комиссии. Сотрудники сектора предполагают принять участие в предстоящем съезде славистов и готовят к нему доклады.

Н. С. Захарьина

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВАН СССР	— Вестник Академии наук СССР
ВВ	— Византийский временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ВМГУ	— Вестник МГУ
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЖМЮ	— Журнал Министерства юстиции
ЗРВИ	— Сборник радова Византолошког института
ИАН	— Известия АН СССР
ИЖ	— Исторический журнал
ИЗ	— Исторические записки
Изв. ГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИМ	— Историк-марксист
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности
ИСССР	— История СССР
КС	— Киевская старина
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИС	— Краткие сообщения Института славяноведения
Летописи	— Летописи Историко-филологического общества при Новороссийском университете
МГПИ	— Московский городской педагогический институт
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МС	— (сб.) Международные связи России до XVII в. М., 1961
НДВШ	— Научные доклады высшей школы
НЗ	— Наукови записки
ОРЯС	— Отделение русского языка и словесности
ПВЛ	— Повесть временных лет
ПИ	— Педагогический институт
Проблемы	— Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РА	— Русский архив
РС	— Русская старина
РФВ	— Русский филологический вестник
СА	— Советская археология
СВ	— Средние века
СОРЯС	— Сборник Отделения русского языка и словесности
ССл.	— Советское славяноведение
СЭ	— Советская этнография
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом)

УЗ	— Ученые записки
УЗИС	— Ученые записки Института славяноведения
УІЖ	— Український історичний журнал
УИК	— Киевские университетские известия
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
ЧОНЛ	— Чтения Исторического общества Нестора-летописца (Киев)
МСА	— Materiale și cercetari archeologice
MGHSS	— Monumenta Germaniae Historica (Scriptores)
MPH	— Monumenta Poloniae Historica
SA	— Slavia Antiqua
SCIV	— Studii și cercetari de istorie veche
SO	— Slavia Occidentalis
WA	— Wiadomosci archeologiczne
ZOW	— Z otchłani wieków

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>В. Д. Корольюк.</i> Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы	7
<i>Э. А. Рикман.</i> Некоторые традиции черняховской культуры в памятниках VI—X вв. в низовьях Днестра и Дуная	29
<i>В. В. Аулих.</i> Зимновское городище и его место среди раннеславянских археологических памятников	46
<i>С. И. Пеняк.</i> К вопросу о времени заселения славянами Карпатского бассейна	68
<i>М. М. Кучинко.</i> Материальная культура населения междуречья Западного Буга и Вепра в IX—XIII вв.	78
<i>В. И. Довженюк.</i> О некоторых особенностях феодализма в Киевской Руси	92
<i>Я. Д. Исаевич.</i> «Грады Червенские» и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами (конец IX—начало XI в.)	107
<i>П. П. Толочко.</i> Вече и народные движения в Киеве	125
<i>М. Б. Свердлов.</i> Известия немецких источников о русско-польских отношениях конца X—начала XII в.	144
<i>А. И. Рогов.</i> Культурные связи восточных и западных славян в раннефеодальный период (задачи предстоящих исследований)	165
<i>Г. Г. Литаврин.</i> Война Руси против Византии в 1043 г.	178
<i>Е. П. Наумов.</i> К истории феодальной сословной терминологии Древней Руси и южнославянских стран	223
<i>И. В. Флоренский, М. Н. Соловьева.</i> Белый камень белокаменных соборов	237
<i>Л. С. Кишкин.</i> Мария Всеволожая — ясыня или чехиня?	253
<i>Н. М. Пашаева.</i> Связи Киевской Руси со славянскими народами в русской и советской исторической литературе	270
В секторе древней истории и средних веков Института славяноведения и балканистики АН СССР	286
Список сокращений	288

**Исследования по истории
славянских и балканских народов.**

Эпоха средневековья

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
Академии наук СССР*

Редактор А. Е. Сидоренко
Художественный редактор В. Н. Тикунов
Художник И. Е. Сайко
Технический редактор Т. И. Анурова

Сдано в набор 11/VIII 1972 г. Подписано к печати 25/XI 1972 г.

Бумага № 2. Формат 60×90^{1/16}.

Усл. печ. л. 18,25. Уч.-изд. л. 23,6. Тираж 1750 экз.

Тип. зак. 1564. Т-16963.

Цена 1 р. 63 к.

Издательство «Наука»

103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
9	6 сн.	а земли	а также земли
85—86		(табл. I—III)	таблицы не помещены
122	24 св.	оттолкнуть эти грады	удержать эти грады
124	4 сн.	русинам	русским
158	25 сн.	между чешским князем	между ним и чешским князем
171	22 св.	может быть	не может быть
174	16 св.	европейскую	еврейскую
175	5 св.	среди строительства	среди строителей
191	5 сн.	морской фермы	морской фемы
201	19 св.	морской фермы	морской фемы
219	19 сн.	язычниками	язычникам
242	12 св.	но содержащие	не содержащие
251	2 сн.	разделяются не	разделяются
272	20 св.	русских князей	русских связей

Исследования по истории славянских и балканских народов

